

Ж.Т. Тощенко

Общество
ТРАВМЫ:

**между эволюцией
и революцией**

(опыт
теоретического
и эмпирического
анализа)

Издательство «Весь Мир»

Общество
ТРАВМЫ:
между эволюцией
и революцией

Институт социологии
Федерального научно-исследовательского центра РАН
Российский государственный гуманитарный
университет

Ж.Т. Тощенко

Общество
ТРАВМЫ:
между эволюцией
и революцией

(опыт теоретического
и эмпирического анализа)

Москва
Издательство «Весь Мир»

УДК 316
ББК 60.5(2Рос)
О 28

Книга издана при финансовом содействии
некоммерческой организации
«Национальный фонд развития банковской системы»

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0801-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	
Теоретические основания исследования общества травмы	15
Глава 1. Общества травмы как третья модальность развития	15
Эволюция идей: от представлений о прогрессе к обществу травмы	15
Превращение травмы в социальное понятие	24
Глава 2. Страны нестабильного развития и их характеристика	30
Опыт классификации обществ травмы	30
Социально-экономические причины возникновения общества травмы	39
Внутри- и внешнеполитические факторы образования общества травмы	44
Глава 3. Родовые черты общества травмы	50
Характеристика основных черт и признаков общества травмы	50
Механизм функционирования общества травмы	56
Глава 4. Специфические черты общества травмы	64
Особенности черт нестабильных обществ	64
Роль либеральной политики в создании общества травмы в России	71
Попытки корреляции либеральной политики	76

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Основные проявления травмы в российском обществе	85
Глава 5. Вклад либеральной экономики в создание общества травмы в России	85
От кризиса экономики к стагнации и рецессии	85
Оценка состояния ведущих отраслей производства	91
Опыт сравнения с показателями развития других стран	99
Зигзаги экономической политики и их роль в создании общества травмы	104
Глава 6. Трансформация форм отчуждения как характеристика деформации социальной жизни	115
Отчуждение между социальными слоями, общностями, группами	116
Феномен среднего класса – насколько он оправдал себя?	120
Прекариат	122
Меж- и внутрипрофессиональное отчуждение	126
Новые лики отчуждения города и деревни (сельской территории)	129
Отчуждение в жизни регионов, между Югом и Севером	134
Межэтническое отчуждение	139
Социальные страхи как показатель деформированности общественного сознания и поведения	142
Глава 7. Переформатизация политического пространства как признак общества травмы	147
Народ как субъект исторического процесса (Кухарка может управлять государством или кухарку можно научить управлять государством?)	147
Принадлежит ли власть народу?	151
Общественные организации как школа приобретения навыков управления	153
Участие в политической жизни как проявление активной гражданской позиции	155

	К вопросу о доверии	160
	Российский чиновник – судья, защитник или господин?	163
	Как преодолеть политическую аномию	173
Глава 8.	Идеологическое безвременье как характеристика общества травмы	182
	Идеология – неперенный атрибут развития общества	182
	К истории формирования мировоззренческих идей в России	185
	Современные российские идеологии	193
	Основные деформации духовно-нравственной жизни российского общества	200
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ		
	Социальный и человеческий капитал в обществе травмы	207
Глава 9.	Общество не может быть более развитым, чем его образование	207
	О месте и роли образования в современном мире	207
	Какова же цель образования?	211
	Кто главный субъект в образовательном процессе?	213
	Может ли оптимизация быть политикой?	217
	Являются ли компетенции новым словом в модернизации образования?	220
	Фокусы с ЕГЭ, в том числе статистические	222
	Пребендиализм как организационная форма квазирыночных трудовых отношений	224
	Забыли о воспитании?	228
Глава 10.	Наука: основа созидательных сил общества или неопределенность участия в решении стратегических проблем	233
	Краткий очерк о роли науки в жизни современного общества	233
	Эволюция науки в советском и российском обществе	236
	Станет ли университет базой и основой развития науки?	240

Что стоит на пути превращения науки в производительную силу?	242
Глава 11. Здравоохранение: оптимизация или деформация	253
Как изменилась инфраструктура здравоохранения	253
Кадры медицины, что происходит с ними?	261
Население и здравоохранение: практики взаимодействия	266
РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ	
Возможно ли будущее у нестабильных стран?	274
Глава 12. Социальные последствия в травмированном обществе	274
Неопределенность как характеристика развития общества травмы	275
Угроза длительной деформации социально- экономических отношений	279
Новое качество социального неравенства	280
Рост конфликтогенности	285
Потеря управляемости	286
Отстраненность народа	288
Глава 13. Общество травмы вечно?	293
Опыт анализа политических действий в условиях нестабильного развития	293
Научные и экспертные идеи о преодолении стагнации и рецессии	299
Где же выход?	302
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	
Круглый стол Научного совета Отделения общественных наук РАН «Общество травмы: между эволюцией и революцией»	314
БИБЛИОГРАФИЯ	333
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	339
ABSTRACT	346

ВВЕДЕНИЕ

Обычно при анализе состояния и тенденций развития мира/государства/общества оперируют двумя основными модальностями — эволюцией и революцией. Однако в современном мире развитие цивилизации столкнулось с феноменом, еще слабо изученным и мало известным, который мы называем «общество травмы». Дело в том, что в мире происходят значимые и знаковые события, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях *эволюции и революции*, описывающих и отражающих происходящие изменения. В мире существуют много стран, которые характеризуются нестабильностью развития. Особенно наглядно это проявилось в событиях в конце XX — начале XXI в. в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, Тунисе, Египте, в которых они выпадают из общепринятой и ранее понятной логики общественного развития. Не менее впечатляющи и события, происшедшие после распада Советского Союза во многих бывших союзных республиках Союза, ныне независимых государствах. Особенно это касается процессов, происходящих в Грузии, Молдове, Киргизии, а ныне — на Украине. Не избежала такой участи и Россия. Известна и официальная оценка происшедшего события — по признанию президента страны В. Путина, произошла «крупнейшая геополитическая катастрофа века».

Вместе с тем необходимо признать, что, несмотря на существенные различия, все эти страны объединяет одно — кардинальные политические потрясения, стагнация и/или упадок экономики — рецессия, стратегическая неопределенность развития, что никак не коррелирует с представлениями об эволюционном или революционном развитии государства и общества.

Но как охарактеризовать эти социально-экономические, социально-политические и социально-культурные изменения, которые сродни катастрофам? Есть ли у них нечто общее при всем разно-

образии происходящих в этих странах процессов? На наш взгляд, для их анализа недостаточно использовать выработанные и устоявшиеся понятия, при помощи которых описывались и интерпретировались случившиеся негативные процессы в этих странах в ранее используемых понятиях *эволюции и революции*, поскольку в этом случае *невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных, но своеобразных процессов и событий*. Представляется, что эффективно было бы использование понятия «травма» для характеристики специфической модальности — промежуточного варианта между названными путями развития. Ведь нередко в этих странах складывалась ситуация, когда изменения происходят, но отнести их к революционным преобразованиям затруднительно. Но и считать их эволюционными тоже было бы весьма спорным, ибо они не отражают те объективные требования, которые характеризуют последовательные, постепенные, поступательные преобразования при решении кардинальных запросов общества.

В отношении России до сих пор идет спор — что же в ней происходит? Что случилось с ней в начале 1990-х гг.? По какому пути она развивается за последние более чем четверть века и как правильно было бы назвать происходящее?

Многие политики, ученые, журналисты, используя некую совокупность данных, настаивают, что произошел слом социалистического строя и начался процесс возвращения к испытанному и проверенному опытом человечества либеральному (капиталистическому) устройству общества (П. Авен, А. Кох), но ориентиры которого искажаются нынешним политическим руководством России (В.Л. Иноземцев). Своеобразное объяснение дается через термин, предложенный Й. Шумпетером, — «созидательное разрушение». Представители других мировоззренческих позиций, опираясь на опыт анализа процессов функционирования новой России, не менее убедительно доказывают, что происходит пусть сложный и трудный, с огромными издержками, но эволюционный путь развития страны (Р.С. Гринберг). Еще одна группа представлена неомарксистскими и социалистически ориентированными взглядами о происшедшем в стране как о насильственном перевороте, отказе от ориентации на интересы народа. Признавая просчеты и ошибки советского руководства, особенно горбачевской перестройки и последовавших после нее рыночных реформ, представители этой группы настаивают на необходимости проведения политики по продвижению проверенных жизнью позитивных подходов, накопленных как в опыте СССР, так и в ныне суще-

ствующих странах социалистической ориентации – Китая, Вьетнама (С.Д. Бодрунов, А.В. Бузгалин, Г.А. Зюганов, А.И. Колганов, А.В. Кива). На наш взгляд, России присуще нечто совсем иное, не соответствующее ни одному из предложенных объяснений. Россия олицетворяет собой травмированное общество, которому присущи взаимоисключающие ориентации и установки. В развитии этого общества противоречиво сочетаются попытки половинчатой и непоследовательной реставрации некоторых социалистических традиций и норм жизни со стремлением следовать принципам рыночного фундаментализма и либерализма и в русле «европейской цивилизации», но модифицируя их на особый лад, с учетом специфической евразийской ориентации. Эту ярко выраженную модель развития современной России образно «можно представить в виде велосипеда, в котором руль – социалистический, а педали – капиталистические» (В.Н. Лившиц).

Иными словами, путь, по которому продвигается современная Россия, следует назвать путем, обусловленным социальной травмой в ее развитии.

В попытке ответить на поставленный историческими реалиями вопрос в монографии в первом ее разделе дается характеристика понятия «прогресс», эволюция идей о его трактовке и понимании в зависимости от исторических особенностей развития мира. Осуществляется осмысление превращения такого специфического феномена, как травмы, долгое время бывшей предметом анализа медицинских и психологических наук, в социальное явление, черты которого становятся характерными для ряда стран. Именно анализ реальных общественных деформаций позволил автору назвать общество травмы еще одной модальностью развития наряду с эволюцией и революцией. На основе анализа травмирующих социально-экономическое и социально-политическое развитие факторов дается классификация стран, длительное время стагнирующих и/или деградирующих в своем развитии. Вместе с тем, оценивая многообразие условий и факторов, присущих стагнирующим странам, раскрываются как родовые, так и специфические черты обществ травмы. Среди них: отсутствие *четкой и ясной стратегии развития*; *экономическая деградация*; отсутствие созидательных общественных сил; взаимные переходы властных ресурсов в капитал и, наоборот, капитала во властные ресурсы; отстранение, как добровольное, так и насильственное, большинства населения от (со)участия в политической жизни; отсутствие государственной идеологии и/или национальной идеи; игнорирование

национальных интересов или же, напротив, чрезмерная их абсолютизация; резкое увеличение социального неравенства; социальные деформации и утрата стремления к национальному суверенитету; негативное (нередко вынужденное) отношение к традициям и прошлому опыту страны или, наоборот, архаизация ранее существовавших, ушедших в Лету (историю) этноконфессиональных установок и патриархальных ориентаций.

Во втором разделе дается подробный анализ травмирующих условий и факторов в основных сферах жизни общества — экономической, политической, социальной и духовно-культурной. В каждой из этих сфер приводится характеристика травм, присущих именно этим сферам, дается описание основных показателей нестабильности, рассматриваются различные трактовки степени влияния официальной политики на решение актуальных проблем, волнующих людей на современном этапе развития России.

В третьем разделе характеризуется состояние и тенденции формирования социального и человеческого капитала в тех областях общественной и повседневной жизни людей, которые самым непосредственным образом влияют на его развитие. По мнению автора, к ним в первую очередь надо отнести процессы, происходящие в сфере образования, науки и здравоохранения. Именно они создают условия, которые непосредственно воздействуют на творческий потенциал народа и на его реальное участие в преобразовании общества во всех его проявлениях.

При анализе травмирующих процессов особое внимание уделяется России, которую, по мнению автора, можно отнести к обществам травмы, так как в своем развитии, отринув социалистическое прошлое и провозгласив новые ориентиры, нередко некритически копируя чужой опыт, она находится в состоянии неопределенности своего будущего, несмотря на широковетельные официальные утверждения.

В четвертом разделе дается обобщенный анализ социальных последствий тех препятствий, которые не преодолены и тормозят развитие России, а также мер, которые осуществляются, но не могут быть в полной мере отнесены ни к эволюционному, ни к революционному пути развития. В соответствии с этим критически рассматриваются официальные политические и экономические меры по преодолению стагнации и рецессии в стране, дается характеристика научных и экспертных идей по преодолению травмирующих условий и факторов. Так как автор исходит из того, что общество травмы не может существовать вечно и что обязательно

придет время, когда Россия выйдет из травмирующего состояния, в монографии высказываются предложения и предположения по выходу общества из состояния травмированности, неопределенности, турбулентности.

В заключение автор счел целесообразным дать краткий текст обсуждения данной проблемы на круглом столе, состоявшегося в феврале 2019 г., на котором высказывались, дополнялись и/или критически осмысливались идеи автора об обществе травмы.

Автор особо благодарен коллективам Института социологии ФНИСЦ РАН и социологического факультета РГГУ, на Ученых советах которых обсуждался доклад, посвященный данной проблеме.

Научно-вспомогательную работу осуществил Ю.Ж. Тощенко.

Раздел первый

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ТРАВМЫ

Глава 1. Общества травмы как третья модальность развития

*Эволюция идей:
от представлений о прогрессе к обществу травмы*

В научных исследованиях Нового времени, посвященных осмыслению общественных процессов, преобладал один тип анализа развития (реального или желательного) существующего мира — в категории «прогресс». Не вдаваясь в подробное рассмотрение существующих точек зрения по этой проблеме (для этого существует обширная литература), обратим внимание на то, что идеи прогресса были заложены в эпоху Просвещения, когда впервые были сформулированы представления о неуклонном и последовательном развитии человечества. Основным стремлением мыслителей этого периода было найти путем анализа деятельности человеческого разума естественные принципы человеческой жизни (экономическая, социальная, политическая и духовная жизнь). С точки зрения таких сконструированных и, по их мнению, разумных и естественных, сначала подвергались критике все исторически сложившиеся и фактически существовавшие общественные отношения, формы их реализации и средства по их совершенствованию. Особенно ярко эти идеи нашли отражение в трудах французских просветителей. Но прогресс и пути его реализации трактовались по-разному. Во взглядах одной группы мыслителей этой эпохи преобладали идеи постепенного изменения существующих политических режимов путем реформирования (Ньютон, Локк, а затем с определенными критическими суждениями Вольтер, Гольбах, Юм). Другая группа, ассоциируемая во Франции с именем Руссо, а в Америке — Джефферсоном, придержива-

лась радикальных, революционных мер по реализации требований прогресса. Идеи и принципы Просвещения были положены в основу американской Декларации независимости и французской Декларации прав человека и гражданина [подробнее см.: История философии: Запад—Россия—Восток, 2000].

В дальнейшем, почти вся научная литература, а также практически все ее представители вплоть до начала XX в. оперировали идеями прогресса. Несмотря на различие в трактовках, их сближала глубокая убежденность в непрерывности постоянно обогащающегося и усложняющегося исторического процесса, как всего человечества, так и каждого народа, всех государств и обществ. При самых различных интерпретациях этого феномена можно сказать, что они имели общие черты: прогресс трактовался как движение общества в направлении большей целостности и сложности, гармоничности и структурной упорядоченности, к более совершенному социально-экономическому, социально-политическому и социально-культурному устройству, основанному на преодолении отчуждения человека и полной реализации его творческого потенциала.

Постепенно представления о прогрессе по мере его осмысления были дифференцированы: он трактовался как социальный (процесс приближения общества к свободе, равенству и справедливости); как экономический (процесс развития производства и соответствующих экономических отношений, влияющих на удовлетворение материальных и духовных потребностей); как духовно-нравственный (полнота раскрытия человеческого потенциала, процесс личностного роста), а также как технико-технологический (изменение средств производства и их совершенствование). По мнению Мишеля Фуко, прогресс имеет и личностное измерение, представляет собой процесс саморазвития личности и заключается в переоткрытии на личном уровне высших ценностей и возможность выхода в своем понимании мира за пределы господствующих о нем представлений [Фуко, 2011].

В XX в. особое место занимала трактовка научного прогресса как процесса непрерывного, расширяющегося и углубляющегося познания окружающего мира, его освоение, освобождение форм и методов познания от рамок экономической целесообразности и, как следствие, совершенствование норм и оценок научной деятельности [Кун, 2003].

При всей привлекательности такой постановки вопроса достаточно быстро выяснилось, что данное представление о прогрессе

в основном было построено на анализе путей развития европейских стран, и в большинстве случаев игнорировало имеющиеся отклонения от реального воплощения представлений о нем даже в странах Юго-Восточной Европы, находившихся в XIX в. под Османской империей. Под это определение прогресса не в полной мере или совсем не попадали и страны Востока, в которых налицо существовали реальные проявления долговременной консервации экономических и социальных отношений.

Поэтому вполне естественно научная мысль стала искать новые объяснения исторического процесса. Одной из таких убедительных трактовок стала формационная теория К. Маркса. Углубление представлений о прогрессе, о многообразии его проявлений привело К. Маркса к попытке придать этому понятию иную качественную определенность. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [Маркс, Энгельс. Т. 13: 7]. Такой подход позволил увидеть не только историческую последовательность в развитии всего человечества, но и определить современное состояние каждого из существующих государств. Согласно современной точке зрения *общественно-экономическая формация* — это стадия общественной эволюции, характеризующаяся определенной степенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических отношений, которые зависят от нее и определяются ею (подробнее см.: [Илюшечкин, 1996; Семенов, 1998]). Но и эта теория также носила европоцентристский характер, что впоследствии признал и сам Маркс, когда стал осмысливать такой феномен, как азиатский способ производства.

XIX в. породил еще ряд попыток трактовки истории человечества, выявления закономерностей развития, последовательного изменения существующего порядка вещей (теории циклического развития, утопического социализма и др.). Вместе с тем в научном познании стали обращать внимание не только на то, ЧТО происходит, но и на то, КАК происходят изменения.

Отметим, что все вышеназванные теории и осмысливаемая ими практика прогресса в большинстве случаев оперировали явно или латентно таким понятием, как «эволюция». Можно даже утверждать, что все научные исследования, все попытки описать процесс развития человечества в этот период времени пронизывала глубокая убежденность в последовательном, непрерывном процессе постепенного накопления эволюционных способов развития.

Если обобщить имеющиеся точки зрения, то *эволюцию можно определить как форму развития общества, сущностью которой является количественное накопление прогрессивных изменений, подготавливающих качественные преобразования.*

Однако с выходом на общественную арену идей социализма возможность прихода нового общественного строя все больше стала ассоциироваться с идеями *революции*, а не эволюции. Шаг за шагом завоевывала права позиция о возможности кардинального качественного скачка в развитии, который не может быть достигнут путем реформирования общества — требуется другой способ решения назревших общественных проблем — революция. Этот перерыв постепенности, резко изменяющий сущностные, базовые основы общества и, прежде всего, его социально-экономические и политические отношения, реально проявил себя в английской (XVII в.), французской (XVIII в.) и русских революциях (XX в.). Позднее эти кардинальные преобразования сути и смены оснований развития проявились в серии национально-освободительных революций в Африке и Азии, а также в социалистических революциях в Китае, на Кубе, во Вьетнаме.

Однако новые концепции общественного развития, регулярно появляющиеся в течение XX в., так или иначе, с различной степенью убедительности продолжали в той или иной мере опираться на идеи эволюции. Не останавливаясь подробно на анализе каждой из этих концепций (о каждой из них имеется соответствующая литература), можно сказать, что поиски ответа на происходящие кардинальные изменения продолжались. Особое звучание получила теория экономического развития Й. Шумпетера, который впервые ввел в политическую экономию такие термины, как «инвестиции» и «нововведения, показав их решающую роль и ее значение для осуществления успешной предпринимательской деятельности [Шумпетер, 2007].

В середине XX в. умами многих исследователей и практиков овладела теория Дж. Кейнса. Он сформулировал принципиально новые фундаментальные положения, отвергающие основы классической экономической теории XIX в. Он осуществил принципиально новый анализ макроэкономических взаимосвязей, на основе которого он доказал необходимость активного вмешательства государства в макроэкономическое функционирование рыночного хозяйства [Кейнс, 2002].

Во второй половине XX в. были осуществлены и другие попытки определить ход развития человечества через понятия *информа-*

ционного, постиндустриального общества, общества (пост)модерна. Активно разрабатывались концепции общества благоденствия, социального государства. Появились теории, обосновывающие средства и методы решения экономических и социальных проблем — монетаризм, экономика предложения, теории рациональных ожиданий. Появились и своеобразные концепции вроде «хорошего общества», которые больше связаны с ожиданиями и мечтами (или с оправданием существующего опыта), чем с существующими практиками (подробнее см. [Федотова, 2005]).

Но стоит в то же время сказать, что и слово революция не исчезло ни из научного, ни политического лексикона, хотя это в большинстве случаев связывалось со стратегическими целями достижения желаемого и требуемого результата. В этой связи оперировали такими понятиями, как научно-техническая революция, четвертая промышленная революция, шестой технологический уклад и другие концепции (например, цифровое общество), которые описывали иные черты и признаки существующей реальности. В них первостепенное значение приобретали оценки социально-экономической реальности, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп [Кравченко, 2014: 3–10].

На наш взгляд, не давали должного ответа на происходящие общественные изменения и такие концепции, как глобализация, модернизация, так как они фиксировали некоторые общие тенденции, в то же время игнорируя значительное число особенностей национального, регионального и культурного развития многих стран. В результате перед ними выдвигались ложные цели, имеющие облик правдоподобия, без учета особенных факторов, имеющих принципиальное значение для их развития. Тем более что, по мнению ряда исследователей, под этими процессами нередко скрывалась американизация или вестернизация большинства процессов, происходящих в странах, имеющих принципиально иную цивилизационную основу [Покровский, 2000].

Что касается идей либерализма, то, как показал ход исторического развития, они тоже не оправдали себя. Более того, они дискредитировали себя, породив многие идеолого-политические обманки в виде толерантности, мультикультурализма, длительное время навязываемые как странам Западной Европы, так и странам с иным направлением развития. Особенно ущербными по своим экономическим, социальным и духовно-культурным последствиям они оказались для государств, находящихся в нестабильном

состоянии. В России либералы изощрялись в поисках совмещения западно-европейских концепций развития с реальной практикой, отвергающей эти рекомендации. В результате российскому обществу регулярно предлагались такие «творческие» изыски сторонников либерализма, как концепции догоняющего развития, либеральной империи, консервативной модернизации и тому подобное словотворчество, которое обычно вскоре благополучно почивало из-за своего примитивного смысла. Более того, либералы не намерены складывать оружие. Для этого в своей аргументации они используют различные способы доказательства верности своих идей – от попыток убедить, что все просчеты и провалы российской экономики случились из-за непоследовательной реализации их идей до того, что нужно для уточнения применить новую теорию – *концепцию неолиберализма* (курсив мой. – Ж.Т.) (цит. по: [Матвеев, 2015]).

К сожалению, некоторые исследователи сосредоточились не на анализе реальной жизни, а на абстрактных логических конструкциях, что выразилось в поиске новых умозрительных концепций. Так, после увядания теорий постмодерна не было придумано ничего свежего как соорудить еще одну концепцию – постпостмодерн.

Можно также констатировать, что в мышлении представителей социально-гуманитарных наук до сих пор присутствуют, а иногда даже доминируют – формально-прагматические представления, уходящие корнями в эпоху Просвещения, о том, что характер общественного благополучия определяется уровнем материально-технической базы общества, потреблением благ. Ныне – это одна из новейших новаций – изменяется лишь форма: акцент делается на степени цифровизации социума, экономики, образования, культуры в целом, положительный эффект чего неправомерно абсолютизируется.

Особо отметим, что в XX в. ряд исследователей стали на путь полного отрицания идей прогресса. Так, Жан Бодрийяр выразил апокалиптическую точку зрения, видя в развитии современного общества только регресс и отрыв от реальности [Бодрийяр, 2011]. Получили известное распространение идеи антисайнтизма, заключающиеся в критическом отношении к науке и ее возможностям познания и использования во благо человечества (подробнее см.: [Швырев, 2009]).

В этом калейдоскопе концепций, на наш взгляд, особое место занимают теории конвергенции, нацеленные на осмысление прогресса в связи с анализом и сопоставлением состояния и тен-

денций развития капитализма и социализма, их сравнением и попытками выявления как преимуществ, так и издержек каждого из них, а также с анализом социалистических идей и практики их осуществления в России и других странах. Интересно отметить (это признается многими исследователями), что капиталистические страны под влиянием социалистических идей, воплощаемых в Советском Союзе, реализовали в своем развитии многие предложения по решению существующих социальных проблем, которые предлагались теоретиками и практиками социалистического пути. Поэтому не удивительно, что со временем возникли (появились) теории конвергенции. Такой термин как «конвергенция» обозначал сближение двух конкурирующих систем – западной (капиталистической) и советской (социалистической). Ярчайшими сторонниками и ее разработчиками были русско-американский социолог П.А. Сорокин, голландский эконометрик Я. Тинберген, американский экономист-институционалист Дж. Гэлбрейт, французский исследователь Ф. Перру и др. Часто забывают американского экономиста У. Ростоу, который в конце 1940-х гг. один из первых пытался обосновать эту идею.

По мнению этих и других мыслителей, сегодня не применимы ранее используемые понятия – капиталистическое и социалистическое общество. Так, Гэлбрейт обратил внимание на схожие черты в плановой и рыночной экономиках, что побудило его выдвинуть гипотезу о конвергенции социализма и капитализма. В работе «Американский капитализм», а затем в «Новое индустриальное общество» им изложена концепция «противодействующих (уравновешивающих) сил» – бизнеса, рабочего движения и государства, которые противостоят друг другу и тем самым ограничивают и смягчают негативные проявления монополистического капитализма. Гэлбрейт, по сути, говорил о неизбежности такого изменения, которое должно привести к «новому социализму» [Гэлбрейт, 2004]. Но и эта концепция в основном полагалась на представление об эволюционном пути развития, доказывая, что взаимное усвоение позитивных достижений и избавление от отрицательных черт капитализма и социализма позволят создать гармоничное общество [Сокольников, 2013].

Этот краткий исторический экскурс позволяет сделать вывод, что развитие человечества так или иначе рассматривалось только в двух модальностях – эволюция и/или революция. Однако реальный ход истории показал, что такое представление о прогрессе очень обще, однозначно и не всегда соответствует реальности.

«Представлять себе всемирную историю, идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, не диалектично, ненаучно, теоретически неверно» [Ленин, Т. 30: 77].

Однако эти две модальности в развитии — эволюция и революция — до сих пор определяют логику многочисленных концепций и в определенной степени логику политических решений во многих странах мира. Но исчерпывают ли они многообразие, усложнение нынешних существующих обществ? Анализ состояния и тенденций развития современного мира выявил тот факт, что достаточно значительное количество стран — более 50 — не могут быть описаны в ранее используемых понятиях эволюции и революции — они характеризуются такими признаками, как постоянные экономические и политические кризисы, длительная рецессия и стагнация в развитии. Если эволюция и революция означают поступательное и прогрессирующее наращивание и использование потенциальных возможностей для более высокого уровня развития, то чем определяются те общества, которые олицетворяют упадок, торможение и не способность их преодолеть?

Такая постановка вопроса требует *разработки новых понятий*, адекватных нынешним рефлексиям современного общества, подверженного перманентным изменениям, нередко кардинальным, которые характерны не только для всего общества, но и его основным сферам, процессам и явлениям. В последнее время стало распространенным и даже модным оперировать и даже успешно применять в политической жизни понятиями *демократического и авторитарного пути развития*. Они стали критерием оценки прогресса или регресса в развитии этих стран: первые преподносились как образец совершенства, как показатель успеха и благополучного будущего, вторые — как пример отсталости, ограниченности, бесперспективности. Однако попытки оперировать понятиями демократического и авторитарного пути развития не оправдывают себя и не могут свидетельствовать в пользу эволюционного или революционных методов решения общественных проблем. По данным Всемирного банка, практически нет различий между так называемыми демократическими и авторитарными режимами при сравнении эффективности их развития. Так, эффективное развитие экономики оказалось присуще 52% странам, относимых к демократическому политическому устройству, и практически столько же — 48% к странам с авторитарным режимом. Данная реальность позволяет поставить под сомнение абсолютное, непререкаемое и декларируемое преимущество так называемого демократического

(а каковы его критерии?) устройства и такую же неоспоримую ограниченность и убогость авторитаризма. Именно это сопоставление и сравнение показывает, что *существуют другие показатели*, характеризующие успешность в поступательном и непрерывном развитии [Бартнев, 2017].

Не спасает и упование на рынок, рыночные отношения как на критерий прогресса и успешного развития. По подсчетам того же Всемирного банка, 48% стран, их использующими, обладают не- или малоэффективной экономикой, ущербными социальными отношениями, проблемным политическим устройством. Значит, для ряда стран критерием их жизнеспособности не является ни характеристика политического режима (демократический или авторитарный), ни использование рыночных отношений. Таким образом, в этой группе стран есть другие не менее веские, а может быть и более значительные и решающие критерии (характеристики, черты), которые на деле определяют лицо стран, характеризующихся нестабильным развитием.

А так как этих стран, которые не могут описываться в показателях успешности развития и находящихся длительное время в нестабильном, неустойчивом положении, насчитывается более полусотни, то именно поэтому возникла и научная и практическая необходимость оперировать таким понятием, как *«общество травмы»*, чтобы выявить и объяснить принципиально иные характеристики и черты обществ, находящихся в длительном деформированном состоянии.

Если обобщить научное осмысление и практическую интерпретацию неоднозначных и противоречивых, деформированных процессов в странах нестабильного развития, то нужно сделать важное теоретико-методологическое утверждение, что эти страны олицетворяют новую социальную модальность наряду с такими модальностями, как эволюция и революция, что позволяет оперировать понятием *«общество травмы»* [Тощенко, 2017: 70–84].

Особо отметим, что при трактовке происходящих процессов с позиций двух основных характеристик направлений развития — *«революция»* и *«эволюция»* — все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных, но своеобразных процессов и событий. Поэтому, на наш взгляд, нужно использовать понятие *«травма»*, как специфический, промежуточный вариант между названными путями развития.

Превращение травмы в социальное понятие

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». В современной медицинской и психиатрической литературе этот термин понимается не только как физическая рана на теле, но и как рана сознания, в результате эмоционального шока, который нарушает «осознание времени, себя и мира» [Caruth, 1996: 6]. Постепенно при изучении травмы стали обращать внимание на ее социальное содержание, как это сделал Ю. Хабермас, когда связал ее с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе [Habermas, 2001].

Современные ревизии классического естественно-научного определения травмы привели к попыткам рассмотреть новую ее трактовку как особое состояние общественных процессов, которые представляют собой неопределенность, деформированность, разноплановость их развития. П. Штомпка употребил это понятие при анализе проблем социально-культурного развития («социальная и культурная травма»). Характеризуя совокупность изменений, происходящих в мире и в большинстве стран, он рассматривает травмы как «социальные трансформации», в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, проводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [Штомпка, 2001: 6–7]. Он подчеркивал, что при анализе травмы надо уделять особое внимание «коллективному агентству – активной, движущей силой социального изменения, присущей человеческим коллективам», а также «признанию структурного и культурного давления агенства, имеющему доступ к ограниченному фонду структурных и культурных ресурсов» [Штомпка, 2001: 7]. Проблеме культурной травмы уделил значительное внимание Н. Смелсер, который при изучении происходящих в западных обществах потрясений определял культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом» [Smelser, 2004: 38].

Известный американский социолог Джеффри Александер утверждает, что некоторые события в современном мире сами по себе травматичны, т.е. являются непосредственными причинами деформирующего эффекта [Alexander, 1990]. Подчеркнем, понятие «травма» относилось к социальным явлениям, имеющим

пространственно-временные границы, что представлялось следующим образом (приведем лишь два характерных определения): состояние, переживаемое социальной группой или обществом в результате разрушительных событий [Штомпка, 2001]; процесс, определяющий болезненный ущерб коллективности, устанавливающий жертву, возлагающий ответственность, а также несущий идеальные и материальные последствия [Alexander, 2012].

Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бауман [Bauman, 1989]. Р. Айерман считает, что некоторые события, как, например, политические убийства, могут создавать условия для появления социальной травмы [Eyerman, 2008]. Социальная трактовка травм постепенно начала использоваться и при анализе других процессов, например, при исследовании проблем коллективной идентичности, включая религиозную и этническую [Narrating trauma, 2011].

Что касается отечественных исследователей, то, не употребляя данный термин, о травмирующих аспектах писали: в экономике: А.В. Бузгалин и А.И. Колганов [2015], М.Ф. Делягин [2014], Р.С. Гринберг [2009]; в политике: Ю.А. Красин [2003], В.К. Левашов [2015], В.В. Пастухов [2018], В.В. Федоров [2010]; в социальной сфере М.К. Горшков [2016], Ю.А. Левада [2006]; в сфере культуры и образования А.С. Запесоцкий [2014], О.Н. Смолин [2015].

На наш взгляд, трактовки происходящих изменений, данных названными авторами, можно расширить до понятия «общество травмы», если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности происходящих преобразований (катастроф). Соглашаясь с основными объяснениями этого понятия П. Штомпкой, уточним его применение, предложим иное его объяснение или, вернее, предложим иной подход.

Чтобы ответить на этот чрезвычайно важный вопрос, попытаемся дать характеристику ситуации, сложившейся в XX в. Дело в том, что до этого периода всеобщих процессов деформации ранее сложившегося развития не наблюдалось или они были крайне редки. Однако потрясения, вызванные Первой, а затем Второй мировыми войнами, рост классовых конфликтов, постоянно увеличивающееся сопротивление колониальных стран навязываемому им западноевропейскому стандарту жизни, растущее число общественных катаклизмов, в том числе и различного рода вари-

антов масштабных конфликтных ситуаций, иногда перерастающих в революции, поставили под сомнение, как непрерывность позитивных изменений в жизни человечества, так и полноту существующих концепций и теорий, объясняющих противоречивое многообразие экономической и социальной жизни. Реальный ход исторического процесса показал, что нет линейности в его развитии: современный мир стал свидетелем и регресса, и архаизации, и турбулентности [Кравченко, 2010].

Попытки объяснения этих «зигзагов» и «отступлений» в отдельных государствах и обществах обычно сводились к выявлению объективных условий и субъективных факторов, которые давали возможность судить о причинах, приведших к деформациям, к кризисам. Но они не отвечали на кардинальный вопрос — как все же описать эти феномены не просто нестабильного развития, а длительные процессы многообразных проявлений стагнации и рецессии, происходившие в этих странах. Подчеркнем, речь идет о понятии, интерпретирующем процессы, травмирующие все общество в режиме «вневременного времени» [Alexander, 2004].

Попытки описать эти новые явления посредством понятия «кризис» не давали должного ответа на происходящие во многих странах процессы. Возникающие регулярно в капиталистическом мире кризисы имели достаточно отчетливые причины возникновения, были ограничены во времени и подвергались воздействию, приводившему к их преодолению. Но наряду с ними возникали и/или продолжали находиться в стадии рецессии и стагнации ряд стран, которые не смогли преодолеть причины такого специфического явления как отсутствие или крайне медленный рост экономики, политическую неустойчивость и, как правило, увеличение социального неравенства. Причем число таких стран росло. Стремление объяснить их существование в большинстве случаев ограничивалось анализом специфических особенностей, которые сложились потому, что, мол, эти страны не могли вписаться в новые тенденции технологического и информационного развития. В реальности эти страны предпринимали меры, чтобы выйти из этого состояния и некоторым из них это удавалось.

Но отличительная особенность травмированного общества от общества, находящегося в состоянии кризиса, заключалось в том, что это состояние нестабильности сохранялось *длительное время*, нередко затягивалось на десятилетия. Применение апробированных антикризисных мер, приносивших желаемые результаты в других странах, не всегда оказывались действенными. Тем более,

что понятия кризиса, стагнации и рецессии следует различать. «В отличие от кризиса, который несет в себе заряд послекризисного развития, стагнация не имеет внутренних пружин для будущего экономического роста» [Аганбегян, 2019].

Все это позволяет говорить, что и в научном плане и в политической лексике появилось принципиально новое понятие — *общество травмы, трактуемое как третья модальность наряду с эволюцией и революцией*. А это значит, что при этом надо применить новые методы анализа, прибегнуть к использованию иного понятийного аппарата и попытаться найти обобщающие и особенные характеристики этих обществ. Для этого осуществим анализ стран, которые относятся к обществам травмы, а затем поиск сначала родовых (т.е. присущих всем без исключения) черт, которые, несмотря на различие, при всем их разнообразии, имеют все эти общества. Важным в этом анализе будет рассмотрение специфических черт, которые характерны только отдельным обществам травмы.

Литература

- Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3—15.
- Бартенев В.И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 2. С. 26—41.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М., 2011.
- Бузгалин А.В., Колганов А.Н. Глобальный капитал: в 2 т. М.: URSS, 2015, Т. 1.
- Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2016.
- Гринберг Р.С. Великая трансформация: невыученные уроки. М., 2009.
- Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.
- Делягин М. В жерновах глобальной депрессии // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 5—18.
- Запесоцкий А.С. Культура: взгляд из России. СПб.: СПбГУП, 2014.
- Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Восточная литература, 1996.
- История философии: Запад—Россия—Восток (книга четвертая. Философия XX в.). 2-е изд. / ред. Н.В. Мотрошилова и А.М. Руткевич. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2000.
- Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. проф. Н.Н. Любимова; под ред. д-ра экон. наук, проф. Л.П. Куракова. М.: Гелиос АРВ, 2002.

- Кравченко С.А.* Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 14–25.
- Кравченко С.А.* «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8.
- Красин Ю.А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора // ПОЛИС. Политические исследования. 2003. № 4. С. 114–124.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Левада Ю.А.* Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.
- Левашов В.К.* Реформы и кризисы: тридцать лет спустя // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 31–38.
- Ленин В.И.* О брошюре Юниуса // ПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1981. Т. 30. С. 1–16.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13.
- Матвеев И.А.* Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России // Полития. 2015. № 4 (79). С. 25–44.
- Петухов В.В.* Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.
- Покровский Н.Е.* Россия в контексте глобализации // Социологические исследования. 2000. № 5.
- Семенов Ю.И.* Марксова теория общественно-экономических формаций и современность. М., 1998.
- Смолин О.Н.* Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 91–101.
- Сокольников Я.* О гипотезе конвергенции социализма и капитализма // Россия навсегда // Народные ведомости. 2013. 13 февр.
- Тощенко Ж.Т.* Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тощенко Ж.Т.* Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // ПОЛИС (Политические исследования). 2017. № 1. С. 70–84.
- Федоров В.В.* Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М.: Праксис, 2010. 384 с.
- Федотова В. Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1982/1983 уч. году / пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб., 2011.
- Швырев В.С.* Сциентизм и антисциентизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.
- Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007.
- Alexander J.C.* Trauma. A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012.

- Alexander J.C. and Sztompka P. (eds.). Rethinking Progress: Movements, Forces and Ideas of the End of the 20th Century. London. Routledge. 1990. 284 p.*
- Bauman Z. Modernity and the Holocaust. 1989. Ithaca: Cornell University Press. 254 p.*
- Caruth C. Trauma. Explorations in Memory. Baltimore. 1995. John Hopkins University Press. 288 p.*
- Eyerman R. 2013. Social theory and trauma // Acta sociologica. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 121–138.*
- Habermas J. The Post-National Constellation and the Future Democracy / Habermas J. The Post-National Constellation: Political Essays. Ed. M.Pensky. Cambridge MA: MIT Press. 2001. P. 58–112.*
- Narrating trauma: on the impact of collective suffering. Boulder: Paradigm Publisher, 2011.
- Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma. — Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2004. P. 31–59. (304 p.)*

Глава 2. Страны нестабильного развития и их характеристика

Опыт классификации обществ травмы

При анализе состояния более чем 200 существующих в мире государств очевидно, что они находятся на разных уровнях развития. При их характеристике наиболее часто употребляются такие определения, как «развитые», «развивающиеся», «догоняющие», «отстающие». Такой подход – осознанно или латентно – признает, что он строится на понятии прогресса, т.е. той идеи, которой руководствуются большинство исследователей Нового времени. Но реальная история человечества показала, что они развиваются не только линейно. В них постоянно проявляются различного рода отклонения, деформации и даже откат к ранее пройденным этапам. В этой связи хотелось обратить внимание на тот факт, что из логики поступательного и сбалансированного развития, не совпадающей ни с эволюционной, ни революционной модальностью, выпадает значительное количество стран, которые относятся к «нестабильным государствам», в которых проживает практически треть населения земного шара. По подсчетам Всемирного банка, для 53 государств мира характерна стагнация или рецессия экономики, неустойчивость государственных институтов, непрерывное возникновение и/или продолжение вооруженных конфликтов, акты этноконфессионального насилия и, как результат, крайняя бедность и вопиющее социальное неравенство*. По про-

* Данный перечень имеет условный характер, так как он создан на основе изучения динамики изменения объемов и структуры распределения потоков помощи «нестабильным государствам» со стороны Всемирного банка. В него не попали государства, по тем или иным причинам не включенные в данный список, так как находятся вне опеки/помощи этого банка, но тем не менее характеризующиеся неустойчивостью и нестабильностью развития, как это, на наш взгляд, присуще бывшим советским прибалтийским республикам. Все это позволяет сделать вывод, что число нестабильных государств больше, чем в указанном списке.

гнозам экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), даже к 2030 г. более 60% бедных людей планеты будут проживать именно в этих проблемных странах [Соломатин, 2018: 114–115, 127–128]. Значит, для этих стран мира уготован путь длительного турбулентного, неустойчивого, нестабильного развития, что позволяет утверждать, что именно такая форма существования и функционирования многих государств и обществ заслуживает того, чтобы их отнести к третьей модальности – травматическому развитию, к обществам травмы.

Нужно отметить, что в ситуацию травмы попадают и страны, которые в целом характеризуются успешным развитием. Так, США более чем десятилетие с конца 1960-х – до начала 1980-х гг. находились на стагнации и рецессии вместе с тяжелым процессом стагфляции. Эти негативные тренды не смогли преодолеть президенты Генри Форд и Джимми Картер, которые не были из-за этого переизбраны на второй срок, что нечасто наблюдалось в США. Из этого затянувшегося состояния ее вывела новая экономическая политика США – «рейганомика». Были значительно снижены налоги и увеличены стимулы инвестирования в экономику, вдвое снижены нормы амортизации и дана возможность ускоренного износа фондов, что привело к массовому технологическому обновлению народного хозяйства и развитию высокотехнологичных и инновационных отраслей. Это дало импульс мощному 25-летнему социально-экономическому развитию США вплоть до кризиса 2008–2009 гг., преодолев наметившееся инновационное отставание от Японии и серьезно укрепив статус ведущей державы мира с самым высоким уровнем экономического и социального развития [Аганбегян, 2016: 5–14].

Этим примером я хочу сказать, что в ситуацию нестабильного развития могут попадать все без исключения страны, в том числе и те, у которых имеются мощная экономика, высокоразвитая промышленность, успешно функционирующее сельское хозяйство и другие отрасли национальной экономики.

Однако в дальнейшем мы проанализируем только те страны, которые в настоящее время находятся в нестабильном состоянии, характеризуются долговременной стагнацией и рецессией.

Если осуществить попытку классификации этих государств и обществ, то можно выделить, на наш взгляд, следующие виды.

Во-первых, ряд обществ травмы возник как следствие нарушения логики объективного и последовательного развития в результате бездарного управления страной, не решившего объективные

потребности общества и приведшего к внутренним катаклизмам (Центрально-Африканская Республика, Чад, Зимбабве, Украина, Грузия, Молдова). Механизмами реализации этого пути в большинстве случаев стали потрясения, осуществлявшиеся под лозунгами неотложности кардинальных изменений, при декларировании необходимости содержательных сдвигов в экономике и социальной сфере, при обещании добиться достойной жизни людей и их благополучия. Эти лозунги сдобривались посулами поднять на более высокий уровень соблюдение прав и свобод человека. Однако после прихода к власти возникло и постоянно усиливалось огромное несоответствие между официально провозглашенными целями и практикой их осуществления.

В результате росло число конфликтных зон, катастрофических явлений и событий в этих странах. Это случилось потому, что к власти пришли силы (или как их стало модно называть — регуляторы), не имеющие ни ясной стратегической цели, ни четкой программы действий, кроме намерения непременно сломать все (подчеркиваю, все, без исключения), что было до них, и построить что-то такое, которого никто не знал ранее или в крайнем случае повторить то, что положительно зарекомендовало себя в других, эффективно развивающихся странах. Но в этих странах не оказалось руководителей планетарного мышления и масштаба, способных согласовать общемировые тенденции и национальные интересы и особенности, обеспечить сочетание научных и практически целесообразных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных преобразований по реализации требований научно-технического и социального прогресса. Иначе говоря, в этих странах не решилась кардинальная задача — продвинуть государство и общество на более достойные рубежи, достичь позиций, диктуемых современной информационной эпохой, представить населению уровень благосостояния как в высокоразвитых державах, по сравнению с тем, что имели люди до трансформационных событий в своей стране. Это отсутствие политики стратегического развития тем более очевидно, если сравнить с тем, что подобную задачу решали — и успешно и, главное, в течение сравнительно короткого времени — как капиталистические (Сингапур, Малайзия, Республика Корея), так и социалистические страны (Китай, Вьетнам).

Во-вторых, общества травмы создавались посредством насильственного, в том числе и военного, давления со стороны внешних сил, которые осуществляли или пытались осуществить непосред-

ственное силовое изменение существующего политического режима и соответствующих институтов управления, что наглядно продемонстрировали события в Афганистане, Ираке, Ливии, Йемене, а в настоящее время в Сирии. Известны и прецеденты вмешательства Франции в государственную жизнь своих бывших колоний, как правило, находящихся в травмированном состоянии. Создание обществ травмы в этих странах происходило при непосредственном вмешательстве внешних сил, которые открыто навязывали свои установки о путях не столько развития, сколько существования, механически перенося собственные представления о государственном устройстве без учета исторических и культурных особенностей других государств и образующих их народов. Именно органически несвязанное с потребностями общества навязанное насилие, как правило, приводило к дезорганизации государственной и общественной жизни этих стран [подробнее см.: *Брутенц*, 2015].

Особенно наглядно это проявилось в процессе вторжения вооруженных сил США и их союзников по НАТО в Ирак, Ливию, Афганистан, и косвенно в Йемен, что на длительное время травмировало, дезорганизовало развитие этих стран, ввергло в хаотичное состояние их национальное хозяйство, породило радикальные силы, дестабилизировало их социальную и культурную жизнь. Вмешательство внешних сил привело к тому, что эти страны не вышли из кровопролитных междоусобиц, не говоря о том, что в экономическом развитии, в социальной обеспеченности, защищенности и гарантированности жизни людей они не только не добились успехов — а наоборот, произошла деградация всех без исключения сфер общества. Например, в Ливии в 2010 г., последнем пред свержением М. Каддафи, ВВП на душу населения, по оценке Всемирного банка, составлял 12 120 долл. на душу населения, то в 2018 г. он сократился почти вдвое — до 7235 долл. [*Алексеев*, 2019, № 32; см. также: *Егоршин*, 2013; *Труевцев, Булаев*, 2016]. И что очень важно, это вмешательство не только расколело эти общества по многим основаниям, но и привело к власти агентов, которые без помощи от поставивших их сил не могут осуществлять даже элементарную управленческую деятельность.

Но и внутри этой группы стран причины длительной их нестабильности достаточно различны. Так, по мнению К.Б. Харпвикена и Ш. Таджбаха, специалистов по Ближнему и Среднему Востоку, «Афганистан помимо своей воли стал местом конфликтов и соперничества, корни которых находятся в других регионах». В современных условиях, на практике, как региональные, так и претен-

дующие на влияние страны, как США, Китай, Пакистан, Индия ведут несколько параллельных «опосредованных войн» на афганской территории, что, конечно, тормозит все попытки афганских властей дать стране импульс социально-экономического развития (цит. по [Сафранчук, 2017. 4: 226–231]). Наряду со сложностью преодоления геополитических интересов крупнейших держав мира, приведших к социально-экономическому отставанию Афганистана, огромную роль играют внутренние противоречия, возникшие в результате постоянного столкновения целей различных этнических, конфессиональных и региональных групп, что не позволяет элементарному налаживанию жизни населения этой страны (подробнее см.: [Конаровский, 2017. 3: 242–253]).

Что касается Сирии, то начало ее нестабильности и разрушительного пути положило начавшееся в 2011 г. восстание против режима Башара Асада, вскоре переросшего в гражданскую войну и со временем превратившееся в многостороннее, многоуровневое противоборство. Общество травмы в этой стране создавалось не только политическими амбициями противостоящих сторон, нередко прикрывающимися различными этническими и конфессиональными интересами, но мощным вмешательством внешних как мировых, так и региональных игроков – США, Европейского союза, Турции, Ирана, стран арабского Востока [Тренин, 2017. 3: 234–237]. Отдельно можно сказать о вмешательстве внешних сил, и прежде всего США и НАТО, в жизнь Югославии, что привело к превращению ее из процветающего и сравнительно успешного государства в территорию длительной гражданской войны (подробнее см.: [Адамишин, 2017: 186–201]).

В-третьих, путь к возникновению обществ травмы проложили цветные революции, которые назывались по-разному – арабская весна, оранжевая революция, революция роз, тюльпанов и т.п. По своей сути события на(в) Украине, Грузии, частично Киргизии означали(ют) кардинальные качественные изменения, смену господствующего строя методами мобилизации «групп давления», осуществляющих агрессивные действия посредством «мягкой силы», не исключая применения открытых форм насилия (подробнее см.: [Кара-Мурза, 2005; Къеза, 2016; Подберезкин, Чирков, Чистяков, 2019; Пономарева, 2012]). В большинстве случаев эти «революции» не столько открывали (предлагали) новый путь развития, сколько порождали эффект травмы, так как действовали силы, ориентированные на слом предшествующего режима, но без внятной, обоснованной и четко ориентированной программы

действий при полном игнорировании объективных закономерностей общественного развития, без учета специфики страны. Они были ориентированы на достижение политических целей, олицетворяющих интересы претендующих на гегемонию держав и устремления коллаборационистских сил. Причем ведущую роль в этом процессе занимают геополитические приоритеты ведущих государств мира и, прежде всего, США и идущего в фарватере его политики Европейского союза.

В-четвертых, для ряда обществ травмы (Босния и Герцеговина, Косово, Судан, Сомали, Эфиопия, Мьянма) длительно действующим травмирующим фактором стали *этнические и конфессиональные противоречия*, которые послужили базой для разрушительного воздействия на экономические и социальные отношения. Их инициаторами, создателями и пользователями стали *экстремистские религиозные и националистические силы*, которые под флагом защиты и использования этнических и религиозных ценностей навязывали их другим народам и другим конфессиям, не без поддержки извне, не считаясь с интересами и устремлениями иных, не менее значимых, но менее активных общественных групп, слоев, классов.

В 1990-е гг. это продемонстрировали кровопролитные по сути и форме религиозные войны на территории бывшей Югославии, ввергшие на длительное время в состояние хаоса вновь образованные на ее территории государства, сформировавшиеся в основном по конфессиональному признаку.

Но особенно ярко процесс возникновения общества травмы проявился в странах исламского мира, когда на смену достаточно умеренным авторитарным режимам к власти пришли силы, которые «привели к возрождению всего наиболее мрачного и бесчеловечного из того, что считалось делами давно минувших дней» [Мирский, 2017: 107]. Этому во многом способствовала деструктивная деятельность радикального религиозного воинствующего так называемого Исламского государства (ИГИЛ), которое по всем параметрам выпадает из логики естественного развития и функционирования любого цивилизованного общества, пытаясь возродить средневековые нормы организации общественной и государственной жизни.

Следует особо отметить, что об опасности ксенофобии в ее этническом и конфессиональном обличье говорил Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Антониу Гутерриш: «Настоятельно необходимо усилить борьбу с антисемитизмом, с ненавистью к мусульманам, преследованиями христиан и все-

ми другими формами расизма, ксенофобии и связанной с ними нетерпимостью». Правда, он с грустью отмечал, что эти формы ненависти становятся повседневностью не только в странах с авторитарным режимом, но и в либеральных демократиях, омрачая существование всего человечества и тех народов, которые живут в этих странах [Гутерриш, 2019].

В-пятых, общества травмы возникают в том случае, если экономическое, социальное и, конечно, политическое *развитие страны пустить на самотек*, не осуществляя мер по постоянному согласованию различных социальных интересов, а тем более не заботясь о будущем страны, как это произошло на Мадагаскаре, в Мали, на Филиппинах. Напомним, что в начале 1960-х гг. Филиппины считались примером для стран Юго-Восточной Азии по достижению впечатляющих результатов в развитии экономики и благосостоянию населения. Эти успехи были вскоре утрачены в результате военного переворота, который привел к стихийному развитию страны. Именно эти события стали началом длительного ее пребывания в состоянии деградации основных отраслей экономики, следствием чего стало стремительное снижение жизненного уровня, резкое обострение классовых противостояний, рост межэтнических и межрелигиозных столкновений, активизация радикальных сил.

В-шестых, это страны (Россия и ряд стран Восточной Европы) в результате ошибочного курса по изменению общественного строя уже более чем четверти века находятся в ситуации стагнации или рецессии, замерли или отступили от ранее достигнутых рубежей. При этом, даже если происходят в них изменения и преобразования в некоторых отраслях национального хозяйства, это можно квалифицировать, по меткому выражению Й. Шумпетера, «ростом без развития» [Шумпетер, 2007: 21]. Длительное пребывание в турбулентном состоянии современной России в 1990–2000-е годы привело к тому, что она тоже может быть отнесена к обществу травмы, так как уже в течение почти 30 лет не достигла многих рубежей, которые имела советская Россия в конце 1980-х гг. Все происшедшие в ней потрясения проходили под лозунгом неотложности кардинальных изменений, при декларировании необходимости серьезных сдвигов/преобразований в экономике и социальной сфере, при обещании добиться достойной жизни людей и их благополучия. Был безоговорочно отвергнут и опыт предшествующего развития страны в рамках реализации социалистических идей в Советском Союзе. Эти декларируемые намерения сдвигались

посулами поднять на более высокий уровень соблюдение прав и свобод человека. Не менее «впечатляющи» «достижения» Грузии, Украины, Молдовы: эти страны далеки не только от уровня средне-развитых стран, но и от того, что они имели до распада СССР, до времени провозглашения своей независимости.

Особый феномен обществ травмы, на наш взгляд, представляют прибалтийские государства Эстония, Литва и Латвия. В советское время, будучи лидерами в экономическом и социальном плане среди других республик, они в новых социально-экономических условиях превратились в арьергард среди стран Западной Европы, что проявилось не только в ликвидации многих производств, в постоянной деформации своей социальной структуры за счет огромных масштабов миграции молодежи, но и создании беспрецедентной политики по отношению к русскоязычному населению, превратив его в граждан второго сорта (подробнее см.: [Поляков, 2015; Симонян, 2017]).

На возникновение обществ травмы, особенно на Ближнем Востоке, значительное влияние оказало появление на международной арене террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ) под лозунгом «построения всемирного халифата». Акты насилия, бандитизма, вооруженных провокаций, осуществленных на территории многих государств, перешли из ряда дискуссионных противоречий в разряд угроз, имеющих уже не только транснациональный, а по существу глобальный характер (подробнее см.: [ИГИЛ..., 2017; Гладченко, 2018]).

Все эти страны олицетворяют собой еще одну особенность — на их территории осуществляются различные формы международного насилия, гибридные войны, прокси-войны, предпосылки возникновения новой холодной войны, попытки «приватизации» политической жизни негосударственными акторами международных организаций. И особенно характерны для них стали различного вида и калибра турбулентности, в том числе открытые и информационные войны (подробнее см.: [Гибридикация..., 2017]).

По мнению А.М. Васильева, в этих странах в силу противоречивости развития протестный потенциал стали использовать не те, кто боролся за демократические перемены, против коррупции, а более организованные и способные апеллировать к не всегда определенным ориентирам, часто замешанным на религиозных противоречиях (в Сирии, Египте, Ираке, Афганистане, Йемене). Это сочеталось с вмешательством внешних сил, которые заранее готовили различные сценарии реализации своих интересов, что

нередко приобретало решающее значение. Конечно, пропорции взаимодействия внутренних и внешних причин были различны. Так, в Египте и Тунисе преобладали внутренние пружины созревания экономических потрясений и социального недовольства (подробнее см.: [Васильев, 2018]).

Особый феномен травмы представляет собой проблема Курдистана – разделенного народа, живущего на территории Турции (около 15 млн), Ирака (5 млн) и Ирана (более 5 млн) и Сирии (более 2 млн), а также в других регионах (Южный Кавказ). Между курдами и народами-соседями сложились непростые отношения, даже в условиях широкой автономии, которую они получили в Ираке. Разобщенность характерна не только для отношений курдов с внешними акторами, но и для них самих. В результате в этих анклавах нет нормальной экономической жизни, велика степень социального неравенства, нет согласованности и единства в этноконфессиональных отношениях, в культуре, языках, обрядах и обычаях. Но несомненно одно – курдский народ живет в неопределенном неустойчивом, нестабильном состоянии, оставаясь одним из конфликтогенных факторов всего региона и для государств, в которых они проживают на достаточно примитивном жизненном уровне (подробнее см.: [Наумкин, 2019]).

Наряду с названными странами можно сказать, что и так называемые развитые страны не избавлены от травмирующих их процессов, будь то желание выйти из-под влияния Европейского союза (брексит Великобритании), попытки раскола на основе некоторых этнонациональных факторов (в Испании, Бельгии, Румынии) или конфессиональных (Северная Македония). На наш взгляд, травматические явления происходят и в США, где правящие группы стимулируют действия деструктивных сил, что выразилось во вспышках реанимации прежних межрасовых и межнациональных конфликтов, в особенности по отношению к народам Латинской Америки и главным образом к Мексике. И в этой связи можно также сказать о травмированном западном обществе из-за действий террористических сил и крупнейших масштабов миграции из стран Ближнего Востока и Африки.

Обобщая сказанное выше, можно сказать, что в отличие от стран, где происходили ярко выраженные эволюционные и/или революционные изменения и которые были нацелены на реализацию объективных тенденций развития, хотя и разными методами, *то общества травмы – это результат длительной неопределенной, турбулентной трансформации, характеризующейся деформаци-*

ей экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношений. Результатом этих потрясений становятся непредвиденные экономические, политические и социальные последствия. Обществам травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные творческие силы для реализации программы позитивных преобразований и по преодолению деструктивных изменений.

В этой ситуации особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов (правящего класса, «элиты»), ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы.

Социально-экономические причины возникновения общества травмы

Возникновение общества травмы происходит в результате *стихийного, неуправляемого процесса развития*, что является следствием отсутствия научно обоснованной модели национального хозяйства. Травмированные общества также образовывались и формировались в результате отказа учитывать новые вызовы и требования, постоянно возникающие в процессе объективного изменения и, соответственно, преобразования существующих общественных отношений. Такое состояние во многом объясняется тем, что у *обществ травмы отсутствуют четкая и ясная стратегия и понимание перспектив экономического развития*. Намечаемые и реализуемые меры, предпринимаемые в этих обществах, обычно нацелены на решение текущих, насущных и неотложных проблем, а не на длительную перспективу. У части стран, которые сразу или постепенно превратились в аутсайдеры экономического развития, постоянно менялись ориентиры развития – от социалистических до капиталистических, от плановой до свободной экономики, от участия в мировом разделении труда до замкнутого развития. Такое состояние – отсутствие четкой программы развития или шарахание от одних методов решения проблем к другим – привело к потере стабильности, устойчивости не только экономики, но и всех без исключения сфер общественной жизни.

Стихийное и/или неупорядоченное развитие обществ травмы напрямую связано с деятельностью акторов, т.е. организаций и лиц, ответственных за состояние государственного управления

и методов, применяемых для решения стратегических проблем экономического и социального характера. Однако анализ так называемой экономической элиты и ее деятельности показывает, что на первом месте у нее стоят клановые, кастовые интересы. Если сравнить заявления нынешних хозяев жизни в России и реальное их поведение, возникает вопрос, который прозвучал в статье академика А.Г. Аганбегяна: Чем объяснить тот факт, что эти хозяева жизни, в данном случае банкиры, имеют колоссальные сбережения, из которых только 1% вкладывается в национальную экономику, а вместе с олигархами хранят в зарубежных банках такое количество средств, которые многократно превышают бюджет страны [Аганбегян, 2019].

Такое поведение сильных мира сего позволяет утверждать, что в национальной экономике обществ травмы *нет активных, движущих, творческих созидательных сил, олицетворяемых «коллективным агентством»* [П. Штомпка, 2001: 8], которые осуществляли бы руководство желаемыми преобразованиями посредством четкой, продуманной программы действий, опирающейся на объективные законы развития.

В обществах травмы происходит потеря и даже откат от тех рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития. Более того, можно говорить о деградации, которая отбросила эти страны от достигнутого уровня. Это касается всех стран Ближнего и Среднего Востока, подвергшихся внешнему вмешательству в их внутренние дела, в результате чего у них ныне существующая экономика представляет разваленные отрасли национального хозяйства.

Характерен опыт травматического развития Зимбабве. В этой стране воцарялись стагнационные процессы, когда под давлением и влиянием политических причин полностью отвергались прошлые достижения в экономике. В результате отказа от накопленного опыта из процветающего государства, находящегося длительное время под управлением белого меньшинства, страна превратилась в одно из беднейших государств мира после прихода к власти представителей коренных племен. Именно пришедшие к власти лидеры под флагом строительства национального государства разрушили сложившуюся ранее структуру экономики, вынудили квалифицированные кадры покинуть страну, в результате чего многие отрасли производства перестали существовать. Как следствие этих изменений, страна стала олицетворять пример безответственного решения принципиальных вопросов развития, когда под флагом

национальной независимости были утрачены результаты функционирования промышленности и сельского хозяйства, которые достигались в течение длительного времени, в результате долгих лет отлаживания хозяйственного механизма.

К этим странам можно отнести и Россию, которая под флагом либеральных реформ полностью отказалась от использования опыта функционирования социалистической экономики. Это игнорирование знаний и результатов деятельности предшествующих поколений, отказ от учета многовековых традиций дорого обошелся и обходится сегодняшней России. Речь идет не только о потере темпов экономического развития, а потере ранее достигнутого и до сих пор не восстановленного. Имеется сравнение, что за период гайдаровских реформ в 1990-е гг. народное хозяйство страны потеряло больше, чем за годы Великой Отечественной войны. Мало что исправили и 2000-е гг. Как отметил бывший экс-министр экономики и финансов Польши Гж. Колодко, именно отсутствие грамотной экономической стратегии в России привело к тому, что, если 25 лет назад ВВП России втрое превышал ВВП Китая, то на данном этапе Китай превосходит РФ по этому показателю в шесть раз (цит. по: [Московский экономический форум, 2016: 13]).

Создание общества травмы и невозможность выйти из этого состояния во многом обусловлены *огромной зависимостью от процессов развития в мировой экономике и одностороннего развития только отдельных отраслей национального хозяйства*. В этой связи можно напомнить следующее. Так, упование на огромные природные богатства в основном в виде нефти (Ирак, Ливия, Сирия, Йемен) позволяло надеяться на наличие, как в текущий период, так и на будущее, огромной стабилизационной финансовой подушки, обеспечивающей устойчивость экономического рынка. Эти богатства недр позволяли правящей верхушке снисходительно реагировать на любые изменения в мировом хозяйстве с большой уверенностью в устойчивости своей экономики. Эта модель не учитывала возможность вмешательства других государств, которые в той или иной мере претендовали на участие или хотя бы частичный контроль за распределением этого пирога доходов.

Кроме того, нестабильность стран возникала и в результате большой зависимости от экономики других государств, когда разрыв или ослабление этих связей становились спусковым крючком для перехода страны в кризисное состояние и/или переход в стагнацию и даже рецессию.

Общества травмы нередко складываются потому, что их *правлящие круги зачастую не учитывают (игнорируют) или абсолютизируют (гипертрофируют) национальную специфику*, то, что было накоплено странами в их историческом развитии. При таком подходе экономика страны приобретает черты ограниченности и ущербности, отсутствие возможности использовать чужой передовой опыт. Так, замкнутость в рамках национального хозяйства привела Корейскую Народно-Демократическую Республику к длительному ее отставанию и консервации признаков осажденной крепости.

Что касается гипертрофикации национальных особенностей, то этот путь наиболее наглядно демонстрирует национально-государственное строительство на Украине. «Стимулирование этнополитической конфликтности и продвижение идеологии и системы ценностей, разделяющих этносы и нации по их отношению к свободе, демократии и процветанию, оказывается одной из ключевых составляющих» в «общей стратегии хаотизации социального субстрата неконсолидированных режимов» [Лапкин, 2016: 61].

В деформации нестабильных государств огромную роль играет воплощение научно обоснованной экономической политики и ее принципов в процессе строительства и функционирования реально существующей национальной экономики. Но в этих обществах и государствах эта политика строится не на необходимости объективных научно-технологических, информационных и технических преобразований, а на необоснованном личностном или групповом понимании путей развития экономики или на некритическом, а иногда слепом подражании опыта успешных стран. При этом практически всегда игнорируется тот факт, что опыт развития каждой страны уникален и неповторим и поэтому его механическое перенесение на другой организм никогда не приводило к положительным результатам.

Не менее значимой причиной является социальная составляющая, во многом способствующая созданию общества травмы. Как правило, социальная сфера в обществе травмы занимает второстепенную, а нередко и третьестепенную по значимости нишу в государственной политике. Ее финансирование осуществляется по остаточному принципу или по мере обострения проблем, которые нужно «закрыть» во избежание возникновения социально-экономических и социально-политических конфликтов. Эта ситуация осложняется также тем, что острота социальных проблем является актуальной практически для всех стран. «Люди по всему миру злы и разочарованы, — утверждает исполнительный директор фонда

Oxfam International Винни Бьянима. — Теперь правительства должны добиться реальных изменений, обеспечив, чтобы корпорации и богатые люди платили свою справедливую долю налогов и инвестировали эти деньги в бесплатное здравоохранение, образование, которое удовлетворяет потребности всех, включая женщин, чьи потребности так часто игнорируются. Правительства могут построить светлое будущее для всех, а не только для немногих привилегированных» [Винни Бьянима, 2018. № 1: 19–36].

Но особенно острая ситуация сложилась в обществах *травмы*, в которых произошел ничем неоправданный и необъяснимый с точки зрения не только теории, но и здравого смысла рост социального неравенства. Такое состояние характерно для части стран Африки и Латинской Америки. Что касается России, то по данным *Global Wealth Report*, в таких крупных странах, как Индия и Индонезия 1% богатых людей владеют соответственно 49 и 46% национальных богатств. В США он равен 37%, в Китае — 32%, в Японии — 17%. Во всем мире этот показатель равен 46%, в Европе — 32%. В России — 71%. Кроме того, Россия лидирует в мире и по доле самых состоятельных 5% населения, которым принадлежит 82,5% всего богатства страны и по доле 10% самых состоятельных граждан, владеющих 87,6% такого же богатства (http://www.Vedomosti.ru/opinion/articles/2012/11/06/pervaya_sredi_neravnyh). А если взять такой показатель как богатства миллиардеров, то российские миллиардеры владеют 30% всех личных активов российских граждан. В среднем во всем мире миллиардеры владеют лишь 2% всех личных активов. В Китае им принадлежит только 1–2%, в США, где имеется 400 миллиардеров, их доля составляет лишь 7% от суммарного богатства всех американцев. К этому можно добавить и следующую информацию: в условиях падения реальных доходов россиян в 2015 г. доходы 10 самых богатых семей по сравнению с предыдущим годом выросли на 40% — с 18 до 25 млрд долл. [Полит.ру. 2016. 24 августа].

В заключение следует сказать, что в возникновении общества травмы наряду с социально-экономическими и политическими значимы современные *технологические и информационные факторы*. Принципиальная новизна становящихся сложных реалий состоит в том, что не только люди выступают как акторы, но и созданные им *актанты* (компьютерные сети, цифровые технологии, механизмы с искусственным интеллектом, равно как окультуренная ими природа) начинают проявлять как бы «собственную волю», т.е. рефлексивность. А причастность обществ травмы к решению этих

проблем затруднена в силу отсутствия технологических и информационных возможностей [Кравченко, Перова, 2017: 449–459].

Внутри- и внешнеполитические факторы образования общества травмы

Говоря о внутриполитических факторах, которые приводят к возникновению общества травмы, нужно, *во-первых*, отметить неясность и неопределенность стратегической цели — *какое общество строится в стране*. Этому не знают не только народные массы, но часто и те политические силы, которые находятся во власти. Если проанализировать деятельность правящих органов в каждой из этих стран, то можно обнаружить, что в них обычно обсуждалось немало «рецептов» по выходу из кризисного состояния, стагнации и рецессии, но они сводились в основном к тому, чтобы отказаться от прошлого пути развития, воспользоваться рекомендациями, основанными на опыте других стран или просто некими умозрительными конструкциями, вроде концепции монетаризма, на выводы которого уповали российские либералы. Немало было доморощенных предложений, которые идут скорее от фантазий, чем от научнообоснованных программ развития. Что касается России, до сих пор вопрос стратегической цели остается невыясненным и неопределенным (см., например: [Богомолов, 2008]).

Во-вторых, политическая власть в этих странах неустойчива, часто представляя собой интересы отдельных политических группировок, которые ставят перед собой основную желанную для них цель — сохранение своей власти любой ценой. В этой ситуации нередко прибегают к насилию, в том числе и военному, подавлению тех, кто стоит на пути сохранения власти. Для части этих стран характерен приход к власти военных хунт, которые превращают управление страной в подобие руководства воинскими подразделениями.

В-третьих, как правило, в этих странах народ не участвует не только в определении судеб своей страны, но и даже лишен возможности с уверенностью устраивать свою личную жизнь. Для характеристики этого фактора возможно использование *уровня доверия политической власти*, который все больше и больше рассматривается как наиболее надежный индикатор устойчивости и благополучия в обществе и показатель реальных взаимоотношений людей и политических органов власти. Если это положение

применить к России, то очевидна травмированность политического пространства. Об этом свидетельствуют и говорят данные опроса исследовательской компании *Edelman*, охватившего 33 тыс. человек в 28 странах. Согласно этим данным, власти доверяют только 34%, причем за последний год это доверие снизилось на 10%. Россияне оказались на последнем месте по уровню доверия к общественным организациям: им в стране доверяют лишь 23% по сравнению с 74% в Китае, 59% – в Канаде и 47% – в Великобритании. То же касается и бизнеса: предпринимателям в России верят лишь 34%. Последнее место занимает Россия и по доверию к СМИ (Полит. ру. 2019. 22 января).

В-четвертых, в обществах травмы нет четких мировоззренческих идей, которые бы нашли воплощение в государственной идеологии. Ее отсутствие приводит к сумятице в общественном сознании, к потере четких жизненных ориентиров и воздействию случайных и стихийных центров влияния. На этот процесс значительное воздействие оказывает демагогия вокруг слов «демократия», «свобода», «права человека», которые, по словам Г.Д. Лассуэлла, играют роль «сверкающей неопределенности» [*Лассуэлл, Рогоу А.А.*, 2005]. Как правило, эти слова никак не коррелируют с реальной действительностью и насущными устремлениями (желаниями) людей. До сих пор актуальны слова П.А. Сорокина: «Государства и страны останутся столь же эгоистичными хищническими, как и раньше – уверовавшие, что распространение демократических форм правления изменит это, забывают, что так называемые демократии прошлого и настоящего столь же империалистичны, как и автократии» [*Сорокин*, 1999: 9]. Нужно отметить, что демагогия и имитация играют значительную роль в дезориентации значительных слоев народа, до тех пор, пока многие из них не начинают понимать, что эти добропорядочные слова никак не гарантируют реальное независимое и обеспеченное настоящее и будущее. Так, на Украине не удалось сформировать национальную идею – попытка за нее выдать оголтелый и человеконенавистнический галицийский национализм не состоялась. Об этом говорят и результаты парламентских выборов в июле 2019 г., когда ни одна из правых националистических партий не прошла после их пятилетнего шаша на политическом и экономическом попреще.

В-пятых, в обществах травмы отсутствует оппозиция или она выполняет декоративную роль. Отсутствие возможности реализовать и другие политические установки приводит политические отношения к консервации, к закреплению власти за одной

из группировок, без легального права эволюционно осуществить свои цели. Это приводит к тому, что при консервации положения правящей партии оппозиция вынуждена прибегать к несанкционированным формам протеста, а в ряде случаев (Сирия, Йемен, Судан) — к вооруженной борьбе.

Что касается *внешнеполитических факторов*, то они обычно связаны с прямым вмешательством в экономику государства посредством навязывания правил и возможностей взаимодействия с экономикой других стран. Как правило, экономика обществ травмы не или слабо развита и поэтому легко подвергается деформации или стагнации в результате действий Всемирного банка, который контролируется США и через который диктуются правила игры. Этот диктат всегда агрессивен, безапелляционен и направлен не на оказание действительной помощи, а на создание постоянной зависимости и без того сильных экономик мира, которые в настоящее время ассоциируются в первую очередь с США и Европейским союзом.

Это состояние осложняется тем, что попытки отстоять свою самостоятельность самым откровенным образом прерываются под угрозой экономических санкций, торговых войн, практик запрета, создания дискриминационных финансовых сделок. Причем нередко для этого используются международные организации, в которых преобладает право США, или путем навязывания бизнесу этих стран управленческого или консультационного персонала.

Наряду с экономическими санкциями широко используются методы прямого насилия, когда при помощи вооруженных сил навязываются стране правила организации политической и экономической жизни. Вмешательство внешних сил в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии привело к тому, что эти страны не вышли из полосы кровопролитных междоусобиц, не говоря о том, что в экономическом развитии, в социальной обеспеченности, защищенности и гарантированности жизни людей они не только не добились успехов — а наоборот, произошла деградация всех без исключения сфер общества.

Не менее популярен и такой прием, когда вопреки неуголному режиму создаются конфронтрующие силы, нацеленные на навязывание силой своего видения, как это случилось с Сирией и как это происходит в настоящее время с Венесуэлой.

Вариантом проникновения и слома неугольного режима в обществах травмы становится возбуждение недовольства значительных групп населения, не удовлетворенных происходящи-

ми в стране процессами, что потом становится базой проведения цветных революций. В этой связи особо надо отметить методы мягкой силы, когда осуществляется длительное по времени воздействие на сознание населения и особенно молодежи соответствующей пропагандой. Причем не брезгают использовать и ситуацию «малых дел» — недовольство экологией, положением с жилищно-коммунальными услугами, просчетами при решении проблем благоустройства и т.д. Мировоззренческую обработку дополняют различные гранты, организация семинаров «по развитию демократии» и школ «самостоятельности» и даже создание отрядов боевиков под видом спортивных обществ, как это особенно наглядно проявилось на Украине, в Грузии и отчасти в России и Киргизии.

Таким образом, обобщая сказанное выше, страны, находящиеся в состоянии травмы, пребывают в состоянии длительной неопределенности его развития, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные общественные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные творческие силы для реализации программы действий и преодолению деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы.

Литература

- Аганбегян А.Г.* Как преодолеть стагнацию и восстановить экономическое развитие // ЭКО. 2016. Т. 46 № 2. С. 5—14.
- Аганбегян А.Г.* О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3—15.
- Адамишин А.Л.* Югославская прелюдия // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 186—201.
- Алексеев А.* Деньги Каддафи. Кому достались миллиарды диктатора // Коммерсантъ Деньги. 2019. № 32. 28 августа.
- Богомолов О.Т.* (рук. проекта и ред.). Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М.: Центр экономических стратегий, 2008.
- Брутенц К.* Обреченная политика // *Международная жизнь*. 2015. Март.

- Бьянина Винни.* Большая стратегия для Цифрового века. Как преуспеть в мире, связанном сетями // *Россия в глобальной политике.* 2018. № 1. С. 19–36.
- Васильев А.М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018.
- Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Горячая линия-Телеком, 2017.
- Гладченко Л.В.* «Черный интернационал» ИГИЛ: грядущий распад или перегруппировка сил? // *Международная политика.* 2018. № 2 (47). С. 155–171.
- Гутерриш А.* Как потушить пожар ненависти // *Независимая газета.* 2019. 28 июня.
- Егоршин А.З.* Каддафи. Хроника убийства. М.: Алгоритм, 2013.
- ИГИЛ: формула современного террора / под ред. канд. филол. наук А.В. Глазовой. М.: РИСИ, 2017.
- Кара-Мурза С.Г.* Экспорт революции. Ющенко. Саакашвили. М.: Алгоритм, 2005.
- Конаровский М.А.* Афганистан после 2014 года // *Вестник международных отношений.* 2017. Т. 12. № 3. С. 242–253.
- Кравченко С.А., Перова А.Е.* «Новый катастрофизм» и будущее: востребованность нелинейного знания // *Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия «Социология».* 2017. Т. 17. № 4.
- Къеза Д.* О «цветных революциях» // *Свободная мысль.* 2016. № 4. С. 15–18.
- Латкин В.В.* Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // *ПОЛИС. Политические исследования.* 2016. № 4. С. 54–64.
- Лассуэлл Г.Д., Рогоу А.А.* Власть, коррупция и честность. М., 2005.
- Мирский Г.И.* Возврат в Средневековье // *Россия в глобальной политике.* 2017. № 6. С. 102–113.
- Московский экономический форум – 2016: 25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дольше? // *Предпринимательство.* 2016. № 2. С. 6–23
- Наумкин В.В.* Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака) // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 5. С. 76–87.
- Подберезкин А.И., Чирков М.А., Чистяков М.С.* Технологии «цветных революций» // *Свободная мысль.* 2019. № 3. С. 177–184.
- Поляков В.* Спекуляция на оккупации // *Литературная газета.* 2015. № 13. 1–7 апреля.

- Пономарева Е.Г.* Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. № 1/2, 3/4.
- Сафранчук И.А.* Рецензия на книгу К.Б. Харпвикена и Ш. Таджбахша «Меж огней. Афганистан – арена региональной нестабильности» // Вестник международных отношений. 2017. Т. 12. № 4. С. 226–231.
- Симомян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М., 2003.
- Соломатин А.И.* Всемирный банк и «нестабильные государства»: динамика взаимодействия и структура помощи // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 114–132.
- Сорокин П.А.* Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3–12.
- Тренин Д.* Портрет сирийской войны // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 234–237.
- Труевцев К., Булаев О.* Ливия: распавшееся государство и очаг региональной напряженности // Оценки и идеи. Институт востоковедения. 2016. Май. Т. 1. № 9. С. 1–12.
- Штопка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007.

Глава 3. Родовые черты общества травмы

Характеристика основных черт и признаков общества травмы

Общество травмы характеризуется комплексом черт, которые кардинальным и принципиальным образом отличаются от состояния обществ, развивающихся и функционирующих как в эволюционном, так и революционном обличье.

Прежде всего отметим, что в этих странах травма порождена такой родовой чертой, как *отсутствие четкой и ясной стратегии и понимания перспектив развития. Ни в одной из них не была сформулирована программа действий по научно, технологически и информационно обоснованному преобразованию страны.* Декларируемая политика в основном сводилась к тому, чтобы ориентироваться на решение отдельных проблем, иногда с попытками учета опыта в других странах (как это было в России), или на выполнение навязанных извне рецептов без учета национальной специфики (Афганистан, Ирак, Ливия). Причем эта политика нередко осуществлялась в рамках внешнего экономического и военного давления. В этом проявилась и проявляется неспособность этих стран вписаться не только в существующие масштабные процессы, происходящие в мире, но и в назревающие грядущие изменения. При этом не соблюдается логика предвидения и прогнозирования, следования их требованиям и соответствующего их учета в стратегии развития своей страны. Наиболее повторяющийся сценарий — политика сводится в основном к тому, чтобы отказаться от прошлого, предшествующего пути развития, воспользоваться рекомендациями, основанными на опыте других стран или просто некими умозрительными конструкциями, вроде положений чикагской школы, на выводы которой уповали российские либералы и которые упорно пытаются навязать стране представители гайдаровского Института переходной экономики совместно с РАНХ и ГС при Президен-

те РФ. Немало было доморощенных предложений, которые идут скорее от фантазий, чем от элементарно обоснованных программ развития. Это в значительной степени касается России, в которой до сих пор остается невыясненным и неопределенным вопрос — какое же общество в ней строится (подробнее см.: [Бодрунов, 2016; Бузгалин, Колганов, 2014]).

К родовым чертам *обществ травмы* следует отнести дезорганизацию экономической жизни, стагнацию и рецессию, которые означают неспособность добиться позитивных изменений в развитии экономики, консервацию устаревших методов управления производством, потерю и откат от тех экономических и социальных рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития. Более того, можно говорить о деградации, которая отбросила эти страны от ранее достигнутого уровня. Это касается не только Ирака, Ливии, Афганистана и Сирии, у которых ныне существующая экономика представляет разваленные и раздавленные отрасли национального хозяйства, но и Украины, Молдавии, Грузии и других постсоветских стран. Разрыв единого хозяйственного организма Советского Союза привел эти республики к потере многих преимуществ, которыми они обладали.

Такая ситуация присуща и современной России. Речь идет не только о потере темпов экономического развития, а об утрате ранее достигнутого и до сих пор не восстановленного уровня основных макроэкономических показателей. Итоги реформ в России оказались «драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, и больших, и малых, как европейских, так и азиатских» [Богомолов, 2001:9]. В значительной мере это объясняется обстоятельствами политического характера — приходом к власти Б. Ельцина, его амбициями и предпочтениями в выборе команды реформаторов, политико-идеологическими ориентациями, методами их внедрения в жизнь при полном игнорировании мнений и стремлений народа.

Мало что исправили и 2000-е гг. В эти годы безапелляционно, без всяких оглядок на интересы населения реализовывались принципы либеральной политики, основой которой был лозунг — обеспечить «созидательное разрушение», которое в свое время сформулировал Шумпетер и которое так понравилось главе правительства Д.А. Медведеву (цит. по [Делягин, 2013: 15]). Стоит только отметить, что вторая часть этого сочетания двух слов удалась на славу и была прекрасно реализована в реальной практике. Что же касается первой части этого словосочетания, то созидания никак

не получалось уже в течение более чем четверти века, если не считать отдельных эпизодов. И главной причиной этого стало то, что «все, что не обещало немедленного обогащения, оказалось закрыто или заброшено» [Гринберг, 2013].

Обычно, когда говорят о потерях России, их связывают с кризисами 1990-х и 2000-х гг. Называются разные причины, но официально не признается тот фат, что сложилась неэффективная экономическая модель. Так, после некоторого подъема в начале 2000-х гг. кризис в экономике наметился задолго до 2014 г., когда произошло снижение мировых цен на энергоносители и США и их союзниками были введены экономические санкции. Напомним, с 2010 г., после прекращения предыдущего кризиса в 2008–2009 гг., ВВП постоянно сокращался. Если в 2010 г. его рост составил 4,5%, то 2011 г. — 4,5%, в 2012 г. — 3,4%, в 2013 г. — 1,3%, 2014 г. — 0,6%, в 2015 г. — минус 3,5% [ВВП России по годам: 1990–2015]. Заслуживают внимания и такие данные по ВВП. Так, в 1990 г. по объему ВВП Россия находилась на пятом месте в мире, а величина ВВП на душу населения составляла 28% от аналогичного показателя США. Сейчас Россия имеет те же 28%, но при этом по доле ВВП на душу населения оказалась на 80 месте в мире, а по темпам роста — почти на 100-м месте [Глазьев, 2013: 6; Сенчагов, 2013: 12].

Деформированные процессы, отражающие травму общества, а не революционный и не эволюционный путь развития, происходят и в политической сфере. Можно сказать, что в так называемых странах нестабильного развития постоянно происходит переформатизация политического пространства, что проявляется в демонстративном игнорировании роли государства в организации общественной жизни. В этой связи хотелось бы напомнить слова Нобелевского лауреата, нашего соотечественника В. Леонтьева, который сравнил экономику с яхтой, в которой ветер — это заинтересованность, а руль — это государство [Леонтьев, 1990: 5]. Усиливается этот отрицательный эффект тем, что постоянно осуществляется замена одних групп управления страной другими, не более компетентными, не имевшими никакого (или минимальный) опыт руководства экономическими подразделениями. Не способствуют стабилизации и постоянные политические конфликты, постоянные попытки вмешательства экстремистских сил в решение гражданских проблем. В ряде государств политическая нестабильность является и причиной и следствием гибридных войн и их производных — прокси-войн, олицетворяющих конфликты, в которых косвенно участвует третья сторона в собственных интересах,

и обеспечивающая одного из акторов военной, организационной, ресурсной и политической поддержкой. Новинкой на этом поле противостояния становятся начинающие разворачиваться кибервойны (подробнее см.: [Корчмарек, 2019; Цыганков, 2015; Панарин, 2018; Шукшин, Суворов, 2017].

Не избежала этих политических турбулентностей и Россия, где официальная государственная жизнь слабо или никак не коррелирует с реальной действительностью, с насущными устремлениями (желаниями) людей. «Двадцать пять лет реформ прошли в череде социально-экономических и политических кризисов, каждый из которых является результатом не только конъюнктуры, но и системных просчетов и неадекватной государственной политики» [Левашов, 2016: 45].

Положение обществ травмы осложняется тем, что они в той или иной мере поражены острыми *этническими и религиозными конфликтами, территориальными претензиями, межклановыми (межэлитными) схватками*. «На первые позиции повестки дня вышли вопросы, связанные с давними ссорами национального и религиозного свойства» [Мирский, 2017: 103]. Это стало особенно характерным для обществ травмы на Ближнем Востоке. «В Сирии это обострение отношений между суннитами и алавитами – ветвью шиизма. В Египте активнейшую роль сыграли “Братья-мусульмане”, они же наряду с прочими исламистами действовали в Ливии и Тунисе. Триумфом исламизма стало возникновение в 2013 г. “Исламского государства”, многие группировки которого действуют и по сей день» [Малашенко, 2019]. Националистические и конфессиональные настроения значительно увеличили свое воздействие и в странах Латинской Америки, Африки.

Эти конфликты поразили и ряд постсоветских стран. Так, превращению Грузии в общество травмы способствовали этнонациональный эгоизм, а затем вооруженные конфликты, переросшие в открытую войну с Абхазией и Южной Осетией после того, как центральная власть страны, начиная от первого президента Грузии Гамсахурдиа, отказали в автономном устройстве населению этих республик.

Что касается Молдовы, то открытое вооруженное противостояние было порождено ярко выраженной попыткой «румынизации» всей страны и попыткой подавления прав русских, украинцев, гагаузов. Именно этот этнонациональный фактор привел к возникновению Приднестровской Республики, которая уже более четверти века является продуктом, порожден-

ным националистической позицией правящих сил Республики Молдова.

Губительный характер этноконфессиональных амбиций демонстрирует и сегодняшняя Украина. Помимо политики насильственной украинизации многочисленных слоев и представителей других наций, и прежде всего русских, на Украине разгорелся и грандиозный конфессиональный конфликт, и что является особенно поразительно – в рамках господствующего православного вероисповедания. В результате усилий радикальных националистических сил до сих пор неизвестно, сколько же существуют православных объединений различного толка. Но главная беда, что они не сосуществуют (чего можно было бы в крайнем случае ожидать), а воюют друг с другом, отбирают (захватывают) приходы, ищут различные пути для уязвления мнимого противника, чем ставят большинство мирян в амбивалентное состояние [подробнее см.: *Брутер*, 2014].

Деформированное состояние экономики и политики дополняется такой общей чертой, характерной для всех без исключения обществ травмы: *низкое качество деятельности тех, кто осуществляет руководство экономической и политической жизнью*. В подавляющем большинстве они не могут осуществлять желаемые преобразования из-за отсутствия четкой, продуманной программы действий, опирающейся на объективные законы развития и исходя из национальных интересов своей страны. Имея доступ к экономическим, социальным и культурным ресурсам, официальные структуры, при отсутствии стратегии развития, действуют импульсивно, а нередко и имитируют деятельность, часто меняют приоритеты и ориентиры, что лишь увеличивает возможность негативных социальных последствий. В этих странах нет и подобия таких личностей, как Дэн Сяопин (Китай), Ли Куан Ю (Сингапур), Махатхир Мохамад (Малайзия), программы и политический курс которых вывели эти страны на впечатляющие достижения в экономике и социальной жизни миллионов людей.

В обществах травмы нет устойчивых и влиятельных общественных сил, которые, как правило, олицетворяют политические партии. Но они часто представляют собой искусственно сконструированные бутафорские организации, которые не учитывают или абсолютизируют традиции, национальную специфику, то, что было накоплено странами в их историческом развитии. Неучет, копирование уже имеющихся образцов характерен для многих стран континентальной Африки и части государств Латинской Америки, которые нередко меняют свои стратегические цели, исходя из политико-

идеологических ориентаций пришедшей к власти группы, а не из потребностей объектного развития, учета тенденций научно-технологического и информационного развития.

Что касается гипертрофикации своих особых национальных особенностей, то этот путь наиболее наглядно демонстрирует государственное строительство Корейской Народно-Демократической Республики.

Показателен в этом отношении вклад (нео)либеральных организаций в создании общества травмы в России. Долгое время они ратовали за деиндустриализацию страны, за развитие сферы услуг, за максимальное расширение прав работодателя в его взаимоотношениях с работником. И вот в 2017 г. Центр стратегических разработок (руководитель А. Кудрин) признал, что «деиндустриализация» экономики завершена и что по «развитости сервисного сектора РФ уже не является типичной экономикой переходного периода» [Кудрин, 2017]. То есть признано, что тот путь, по которому вели Россию неолибералы, оказался неэффективным, затратным, принесшим огромные издержки не только самому государству, но и большинству живущих в нем людям. Но что касается рынка труда, то их предложения носят, на наш взгляд, характер, закладывающий основы для экономической, а затем и политической раздробленности России — децентрализовать регулирование рынка труда, перестать бороться с его теневизацией (иначе, мол, будет расти безработица). Кроме того, они объявляют, что причины сохранения социального неравенства *неизвестны* (курсив мой. — Ж.Т.), потому что *мало исследованы* (курсив мой. — Ж.Т.). И настаивают на своей монетаристской установке — снятие или уменьшение жесткости регулирования рынка труда, поддержка гибкости занятости (цит. по: [Бутрин, 2017]). Это ли не еще одна рекомендация для сохранения в России общества травмы?

В обществах травмы велико влияние эгоистических личных и групповых целей и интересов. К либеральным властителям всех травмированных обществ в полной мере применимы такие слова: «Они любили свободу, но больше всего любили власть и деньги». Показательно в этом отношении поведение и истинные намерения Б. Ельцина. «Помню, — вспоминает он, — как мы с Львом Сухановым (помощник Ельцина. — Ж.Т.) впервые вошли в кабинет Воротникова, бывшего до меня Председателем Верховного Совета РСФСР. Кабинет настолько огромный, что Лев Евгеньевич изумленно сказал: “Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!” Я в своей жизни успел повидать много кабинетов.

И все-таки этот мягкий, современный лоск и комфорт как-то приятно кольнули. Ну и что? — подумал я. Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили!» [Ельцин, 1994: 33].

А вот пример Украины. Как пишет журналист В. Сухомлинов, «смыслы в политике уходят на второй план, на первый в стычках с конкурентами выдвигается узнаваемость. Эмоциональное приятие массаами, лозунги из интернета... с известной программой отрыва Украины от России, раздробления православия, создания на территории хаоса и противостояния» [Сухомлинов, 2019].

Но особое значение приобретает тот факт, что *в обществах травмы поражены такой общей для них чертой как бедность*. Анализ состояния бедности в мире показывает, что практически все общества травмы несут на себе печать бедности. Согласно данным мировой статистики, приблизительно 1,75 млрд человек живут в абсолютной бедности, имея недоступность в образовании, охране здоровья и низкий уровень жизни; 1,44 млрд человек из 6,9 млрд живут на 1,25 долл. в день, 2,6 млрд — меньше чем на 2 долл. в день. Отметим особо, что на страны Европы и Средней Азии приходится только 3%. (*Human Development Reports*, informatsiya.ru/mirovayaa...). Одновременно растет полярность в распределении национального богатства. В 2017 г. число долларовых миллионеров во всем мире выросло на 7,5% (в России — на 19,7%) [Ежегодный доклад *World Wealth Report* компании *Capgemini* // Коммерсантъ-observer. 28.09.2017].

Масштабы бедности породили и стимулировали деформацию социально-классовой структуры, в результате чего появилось принципиально новое классовое образование, новый социальный класс — прекариат (*лат.* — *precarious* — нестабильный, неустойчивый). Этот новый класс, включающий в себя многочисленные социальные слои, характеризуется неустойчивым и негарантированным социальным положением. И хотя эти группы присущи каждой существующей сейчас стране, но в обществах травмы он занимает все возрастающие масштабы, превращаясь, по мнению английского социолога Г. Стэндинга, в «опасный класс» (подробнее см.: [Стэндинг, 2014; Тощенко, 2018]).

Механизм функционирования общества травмы

Для большинства обществ травмы среди средств реализации государственной политики преобладают либеральные установки и рекомендации, часто механически переносимые с чужого опыта.

А так как нет научно обоснованной стратегии, в качестве средств решения поставленных задач преследуются цели, в большинстве случаев носящие хаотичный, случайный характер, в лучшем случае решающие частные задачи. Для таких стран, на территории которых идет война (Сирия, Ирак, Афганистан, Ливия, Судан, Сомали, Эфиопия), стоит задача решения только текущих проблем, стремление сохранить имеющееся или хотя бы частично оживить утерянное для возобновления подобия нормальной жизни. Отсутствие перспективной цели, продуманной программы действий было заменено двумя основными постулатами как способом решения всех возникающих проблем: «рынок решит все» и государство должно выполнять роль «ночного сторожа».

Что касается России, то отказ от требований направляющей и регулирующей роли государства привел к тому, что все было пущено на так называемую самоорганизацию, когда стихийное привело к возрождению в России архаичную экономику дикого капитализма. Интересные соображения на этот счет высказал экономист И. Лавровский. Анализируя и сопоставляя развитие различных стран в XX в., он пришел к выводу, что несмотря на существенные мировоззренческие позиции, и в капиталистических (особенно после политики Нового курса Ф. Рузвельта) и в социалистических странах решающую роль играло государство. Оно задавало тон, оно определяло направления развития, оно было основным и производителем и покупателем. И когда влияние государства ослабевало, то появлялись кризисные тенденции, которые могли преодолеваться только опять же с помощью измененной государственной политики. Если же организационно и финансово эти нити рушились, страна оказывалась в нестабильном, неустойчивом состоянии независимо от ее политического устройства [Лавровский, 2015].

Что касается «руки рынка», то, вопреки обещаниям, она не только не решила перспективных, но и текущих задач, а ориентация на саморегулирующее развитие оказалась ошибочной, порочной, что привело к краху всю национальную экономику.

Среди средств, которые стремятся навязать либералы, особая роль отводится институту частной собственности, значение которой абсолютизируется. Для них она – священная корова. И для ее беспрекословного торжества они избрали такой инструмент как приватизация. Но в условиях России *феномен специфической приватизации*, под лозунгом которой осуществлялся беспредел, выразился в разгроме государственной и кооперативной собственно-

сти, в расхищении национальных богатств группой, стоящей или приближенной к власти, в присвоении права бесконтрольного получения личной прибыли. Даже по признанию инициаторов реформ «по моему глубокому убеждению, денежная фаза приватизации в значительной степени провалилась» [Ясин, 2010: 4]. И иначе быть не могло: с 1992 по 1996 г. доход государства от приватизации составил всего 1,3% в бюджете России. Даже Е. Гайдар признавал, что проведенная приватизация была несправедливой, пытаясь в то же время доказать, что ее пересматривать не нужно. «Не вываливать же в общую кучу то, что успели распахать по карманам» [Гайдар, 1994: 193].

Нужно сказать, что общественная оценка приватизации была резко негативной. «Такой быстрой приватизации нигде в мире больше не было. С огромной скоростью раздали за бесценок наши благословенные недра: нефть, цветные металлы, алмазы, уголь, производство. Ограбили до нитки Россию. Чубайс выдвинул лозунг обвальности приватизации, то есть почти мгновенности ее, врасплох» [Солженицын, 2009: 22].

Либералы в России, убедившись, что предложенная ими политика не принесла результатов, прибегли к использованию другого варианта. Имея в своем распоряжении огромные финансовые ресурсы, владея официальными структурами, но не обладая стратегией развития, в то же время осуществляют действия, которые нередко похожи на имитацию деятельности. Были провозглашены сначала четыре, потом пять национальных проектов. Потом была попытка осуществить программу инноваций, инвестиций, модернизации и т.п. Затем на повестку дня было выдвинуто паллиативное решение вопроса — национальные проекты сначала 2012 г., а затем 2018 г. Сразу же отметим, что эта «новинка» как национальные проекты, провозглашенные в 2012 г., не достигла желаемой цели, потому что при их помощи пытались решить важные, но отдельные проблемы и задачи. Они не образовали системного качественного комплексного подхода к решению всех без исключения проблем, в структуре которых эти проекты выглядели бы более органичными и естественными. Эта ошибка повторяется и с новыми проектами, объявленными в мае 2018 г. Не прошло и года после их начала осуществления, как один из постоянных инициаторов и авторов рецептов либеральной направленности А. Кудрин объявил, что слабый экономический рост в России препятствует реализации нацпроектов. «Если сам темп роста экономики будет низким, — заявил он, — то действительно, нацпроекты

сильно пострадают». И при этом уточнил, что «исполнение нац-проектов не приведет к заметному повышению темпов экономического роста» (цит. по: [Сергеев, 2019]). В этом заключении поражает одно — что все же первично — что же главное? Всеобъемлющий экономический рост или нацпроекты? Именно отвлечение от общих проблем развития на отдельные вопросы никогда не приводило и не приведет к заметному сдвигу в решении кардинальных проблем общественного развития. Общеизвестно высказывание Ленина — кто не решит общих проблем, решение частных никогда не приведет к успеху.

В результате модель развития современной России можно представить в виде хаотичного набора самых различных инструментов, в которых представлены самые разные способы решения проблем, взятые из приглянувшихся концепций.

Для обществ травмы характерно исключение народа из процесса управления страной, производственными организациями, всем тем, что окружает людей в их повседневной жизни. Практически, несмотря на провозглашенную многопартийность, которая подавлялась как средство демократизации, существующие партии скорее изображают оппозицию, чем силу, оппонирующую и противостоящую правящему классу. Бутафорскую роль выполняют и профсоюзы. Ушли в прошлое (т.е. перестали существовать) многие общественные организации по месту деятельности людей. В результате формируется аномичное поведение по отношению к официальной политике. Самоустранение становится характерным для значительного числа населения. Это проявляется во все более увеличивающемся числе избирателей, которые под разными предложениями отказываются идти голосовать как на президентских, так и на федеральных, региональных и местных выборах. Ущербная по представлениям населения ситуация в экономическом развитии, порожденная в России бесплодным и разрушающим воздействием либеральной политики, привела к устранению большинства россиян от участия в работе государственных и общественных организаций: 80,3% не состоят ни в одной общественной организации, 93,7% считают, что они никак не влияют на принятие государственных решений [Жизненный мир, 2016: 356–357].

Именно в этом контексте возникает *вопрос о государственной идеологии*, которая бы, наряду с другими существующими в обществе мировоззренческими установками, формулировала бы перспективы развития с учетом глубинных интересов населения. А пока преобладают, с одной стороны, утверждения, что не может

быть государственной идеологии, со ссылкой на Конституцию РФ; с другой стороны, постоянное повторение общих деклараций о необходимости демократического общества, абсолютно лишенных конкретики и понятных большинству людей. В результате в России сложился политический режим, который ряд авторов определяют как неидеологический [Гаман-Голутвина, 2006; Лукин, Лукин, 2015].

Однако большинство исследователей считают, что государственная идеология — это официальный ориентир и в известной мере цель, которую намерен реализовать правящий режим. В этой связи справедливо замечание, что в *стране вместо формирования национально-государственной идентичности существует стихийный поиск путей трансформации этнического, регионального и локального самосознания*, который при всей их важности не может заменить идеологические ориентиры, идею о сплочении народа [Евгеньева, Селезнева, 2016: 35]. Отрицателями роли идеологии полностью игнорируется тот факт, что ни одно из существовавших и существующих государств не обходится без официальной идеологии при признании возможности одновременного существования других мировоззренческих ориентаций. Попытки сформулировать национальную идею в России закончились ничем, так как они отражали гипотетические представления отдельных представителей правящих слоев России и предложения некоторых научных работников, а не чаяния и устремления народа (подробнее см.: Глава 8. Идеологическое безвременье общества травмы).

Травму российскому обществу нанесли те группы, которые по недоразумению называют элитой и которые страдают патологическим неприятием и даже ненавистью ко всему советскому. В России, на Украине, в Прибалтийских республиках они требовали и до сих пор требуют политики де-советизации, «декоммунизации», что постепенно перерастает в «дерусификацию». По их мнению, ничего светлого, приемлемого, достойного в период существования Советского Союза не было. Поэтому долой все — и Госплан (при том, что плановые органы существуют во многих странах Западной Европы), и государственную собственность, и существовавшие молодежные и юношеские организации. Все, что отдает хотя бы каким-то напоминанием о социализме, о советском времени, устраняется, ликвидируется и даже преследуется.

В России это отрицание приобрело гротескные формы. Будучи неспособными добиться реальных сдвигов в экономике, в решении социальных проблем, правящая группа либерального тол-

ка занялась тем, что ей оказалось под силу, сосредоточившись, к примеру, на таких «подвигах», как переименование центральных улиц Москвы – Пушкинскую – в Большую Дмитровку, ул. Чехова – в Малую Дмитровку (как будто великие русские писатели не заслужили такого признания). Но для либеральных радикалов важно было то, что когда-то эту улицу заложил боярин Димитрий. Кроме того, суть этого «принципиального» поступка состояла в том, что эти улицы так назвали при советской власти – поэтому такое решение непременно надо стереть. Эта позорная мелочность проявлялась буквально во всем – и в переименовании органов политической власти, в подражании Западу (введение должности «мэр», а почему не городской голова, староста?), в переходе в образовании на так называемую болонскую систему и т.д. и т.п.

Именно общество травмы в России породило тот феномен, который с полным основанием можно назвать фантомными ликами, руководствующимися в своих действиях только такими ориентациями – иметь капитал, быть при власти и быть в центре общественного внимания (подробнее см.: [Деягин, 2016; Тощенко, 2015]).

О том, что экономическая политика России, продолжавшаяся четверть века, рухнула, признали творцы либеральных реформ. «Прежние модели экономики, основанные на экспорте сырья и стимулировании потребления ... исчерпаны, – признала председатель Центробанка Э. Набиуллина. – Поэтому экономика начинает (??– Ж.Т.) нащупывать (?) новую (!) модель развития» [Набиуллина, 2016]. Оценивая ситуацию, которая сложилась в России после 25 лет рыночных реформ, один из инициаторов и последовательный сторонник неолиберальной политики А. Кудрин заявил о наличии для России риска потерять статус технологической державы, признав, что только отказ от сырьевой направленности экономики, за которую ратовали неолибералы, может способствовать тому, что останется ли страна технологической державой в рамках четвертой промышленной революции [Кудрин..., 2017].

Таким образом, родовые, т.е. основополагающие, черты общества травмы затрагивают кардинальные сущностные основы развития подобных обществ, охватывая практически все сферы государственной и общественной жизни.

Литература

- Богомолов О.Т.* (рук. проекта и ред.). Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М.: Центр экономических стратегий, 2008.
- Бодрунов С.Д.* Реиндустриализация: социально-экономические параметры и реинтеграция производства, науки и образования // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 20–28.
- Брутер В.И.* Украина и политика абсурда // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 1.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120–130.
- Бутрин Д.* По месту жительства и зарплата. ЦСР рекомендует децентрализацию регулирования трудового рынка // Коммерсантъ. 2017. 22 марта. ВВП России по годам: 1990–2015 // <http://сусуron.livejournal.com/5359772.html> (дата обращения: 05.04.2017).
- Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М.: Альпина, 1994.
- Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.
- Глазев С.* Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики // Российский экономический журнал. 2013. № 3.
- Гринберг Р.С.* Третья улыбка фортуны // Ведомости. 2013. 7 сентября.
- Деягин М.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчака и Навального. М., 2016.
- Деягин М.* В жерновах глобальной депрессии // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 5–18.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
- Ельцин Б.* Записки президента. М.: Изд. дом «Огонек», 1994.
- Жизненный мир россиянина: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- Корчмарек Т.В.* Прокси- и гибридные войны: соотношение понятий // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 120–122.
- Кудрин заявил о риске потери Россией статуса технологической державы // Interfax.ru. 2017. 23 ноября.
- Лавровский И.* Революция сверху. Как можно вытащить экономику РФ из кризиса // Литературная газета. 2015. № 13. 1–7 апреля.
- Левашов В.К.* Российское общество: 25 лет нелиберальных реформ // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 45–54.
- Леонтьев В.В.* Экономическое эссе: Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

- Лившиц В.Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М.: USSR: Ленард, 2013.
- Лукин А.В., Лукин П.В.* Умом Россию понимать. М.: Изд-во «Весь Мир», 2015.
- Малашенко А.В.* Измеренный век авторитаризма // Независимая газета. 2019. 6 июня.
- Мирский Г.И.* Возврат в Средневековье // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 102–113.
- Набиуллина Э.* Речь на форуме «Россия зовет» // Полит.ру. 2016. 14 ноября.
- Панарин И.Ю.* Гибридная война и нефтяная юаневая биржа в Шанхае // Деловой мир. 2018.
- Сенчагов В.* Новые угрозы экономической безопасности и защита национальных интересов России // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 10.
- Сергеев М.* Начинается подготовка к пересмотру национальных проектов // Независимая газета. 2019. 17 июня.
- Солженицын А.И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 2009.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Сухомлинов В.* Они не клоуны и не певцы // Литературная газета. 2019. № 24. 19–25 июня.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2019.
- Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
- Цыганков П.А.* «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник МГУ. Серия 18 «Социология и политология». 2015. № 4.
- Шушкин В.С., Суворов В.П.* Войны нового поколения: гибридная война – миф или реальность? М., 2017.
- Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. М.: Экспо, 2007.
- Ясин Е.* Интервью // Московский комсомолец. 2010. 25 января. С. 3–4.

Глава 4. Специфические черты общества травмы

Особенности черт нестабильных обществ

Так как в каждом обществе травмы имеются свои особенности, то целесообразно рассмотреть их специфику в каждой или в отдельной группе стран нестабильного развития.

Прежде всего обратим внимание на то, что эти страны потеряли свою самостоятельность в решении основных направлений развития. Они олицетворяют различные формы зависимости от состояния мировой экономики, от тех стран, которые являются их постоянными или вынужденными партнерами, от способности их правящих сил найти пути рационального управления возникшими и возникающими проблемами.

Если детализировать это положение, то можно прийти к следующим выводам.

Прежде всего, это низкое качество национальной экономики, что проявляется, в свою очередь, в нескольких вариантах. Это разрушенное состояние основных отраслей производства, спровоцированное военными действиями на территории страны, как это случилось в Сирии, Ливии, Ираке, Йемене. В этих странах практически все крупные предприятия перестали существовать, были закрыты или разрушены, за исключением небольшого числа производств, которые в этих странах связаны с основным источником их доходов — нефтью. Не менее плачевно состояние экономики в странах, раздираемых межплеменными (этническими) и конфессиональными конфликтами (Сомали, Судан, Конго и др.)

Показательно и состояние экономики в тех странах, которые живут на различного рода подачек (займы). Интересны в этом отношении выводы Ф.Э. Шереги. По его мнению, «и в Венгрии, и в Чехии, и в других странах бывшего европейского социалистического лагеря тоже ничего не получилось. Они не смогли восстановить даже тот уровень капиталистических отношений, имею

в виду интенсивность и качество труда, конкурентоспособность производства, какое у них было до Второй мировой войны. Эти государства сегодня находятся в таком же положении сателлита, как и в период их социалистической бытности, когда за счет предоставляемых им СССР по бросовым ценам или “в дар” энергоносителей, огромной экономии по причине ненадобности расходов для поддержания своей обороны — эти расходы в рамках Варшавского договора брал на себя СССР — они играли роль “витрины западного благополучия” для наивного советского человека, что-то наподобие фигуры Паниковского в произведении Ильфа и Петрова “Золотой теленок”: сверкающие белизной манжеты, белый воротничок с черной бабочкой, и пиджак на голое тело. Сейчас это “тело” от наготы вуалируется кредитами из экономически развитых стран Евросоюза — ничего своего, одни долги, и живут они не богаче россиян» (<http://socioprognos.ru>).

Еще одна форма экономической зависимости обществ травмы — это перевод экономики страны под внешнее управление, когда все основные государственной важности акты принимаются под прямым управлением или с участием иностранных советников, которые в данном случае представляют не какие-нибудь государства, а те, которые диктуют правила игры на международной арене. Практически во всех восточно-европейских странах все основные структуры управления возглавлялись или курировались в основном американскими советниками, которые и принимали важнейшие решения по всему спектру экономических проблем. Так, на Украине при каждом из ее президентов тон в функционировании экономики задавали иностранные советники, а при президенте Порошенко шла и прямая передача важных государственных (министерских) постов в руки специалистов из-за рубежа, в том числе и США. Такой метод управления продемонстрировало и руководство России в 1990-е гг., пригласив тысячи «экспертов» перестраивать и освобождать от проклятого советского наследия национальную экономику.

Достаточно действенным инструментом оказались экономические санкции или угроза их применения, что заставляло страны идти на уступки, которые ущемляли национальные интересы этих стран. Причем эти санкции постепенно становились все более изощренными, ибо они стали касаться и собственников определенных производств, а также владельцев банков, заподозренных в их нарушении. Эта изощренность продолжала совершенствоваться — под ограничения стали попадать (или им стали угрожать) и

иностранные производства и банки, заподозренные в сотрудничестве с теми хозяйственными и финансовыми единицами, к которым ранее были применены те или иные санкции.

Инструментом лишения полной или частичной самостоятельности часто выступают Всемирный банк и Международный валютный фонд, в которых основную и господствующую роль выполняют представители США, навязывая решения, отражающие интересы американского финансового капитала.

Не малую роль в этих ограничениях экономической самостоятельности играет и Всемирная торговая организация, действия которой направлены на обеспечение интересов господствующих экономических сил и на де-факто игнорирование целей и забот малых государств. Этому же способствуют различного рода квоты на товары, которые практикуют даже такие объединения, как Европейский союз.

К специфическим чертам ряда обществ травмы можно и нужно отнести полную или частичную утрату политической самостоятельности. Это достигалось различными способами. Одним из них было применение методов «мягкой силы», которые связаны с выдвиганием и/или даже с прямым назначением на государственные посты деятелей, угодных мировому капиталу и в основном в лице США. В ряде стран Прибалтики президентами, не говоря о должностях нижестоящей иерархии — премьер-министров и просто министров, становились представители зарубежной диаспоры и/или специалисты других экономик, как это было на Украине, в Грузии и в странах Ближнего Востока.

Были и косвенные методы воздействия через включение этих стран в различного рода блоки, объединения, союзы, когда под флагом коллективного и «согласованного» решения» обязывали эти страны включаться в выполнение навязанных обязательств как, например, в выполнении агрессии против Югославии и последующих ее бомбардировках, которые, по словам демократа и либерала президента Чехии В. Гавела (вот ирония истории!), назвали «гуманитарными». Причем эти объединения и союзы или прямо олицетворяли интересы США и ее союзников, или были косвенно направлены против ее геополитических оппонентов — России и Китая.

Именно политическими причинами можно объяснить возникновение таких квази-государств как Косово, созданное вопреки всем международным нормам и даже элементарным правилам соблудности подобия законного решения. В этой ситуации сопротивление США и ее союзников превращению Абхазии и Южной Осетии

тии в самостоятельные государства, а также воссоединению Крыма с Россией можно объяснить применением двойных стандартов при решении назревших проблем.

Ряд таких стран, как Ирак, Афганистан, Ливия и Сирия, оказались в травмированном состоянии *в результате прямой военной агрессии со стороны США и ее союзников*. Для этого были использованы различные методы дезинформации, вроде разработки Ираком бактериологического оружия, хотя истинной целью было стремление взять под свой контроль нефтяное богатство страны, чему в той или иной мере противился президент Саддам Хусейн. В отношении президента Ливии М. Каддафи было выдвинуто обвинение в попрании демократии в стране, восстанавливать и устанавливать которую решили посредством бомбардировок и последующей физической расправой, как это ранее случилось с С. Хусейном. В случае военного вмешательства в дела Югославии это было объяснено необходимостью «принуждения к миру». Что касается Афганистана, то было использовано много предлогов для силового вмешательства, причем под прикрытием поддержки со стороны не менее ретивых защитников демократии в лице НАТО и некоторых жаждущих одобрения своей политики стран Балтии, Украины и Грузии.

Особенностью ряда обществ травмы стало *огромное влияние клерикализма в конфессиональном и/или этническом исполнении*. Так, движущей силой в конфликте в Афганистане стали, с одной стороны, противостояние между различными национально-племенными группами — туркменами, таджиками, пуштунами, дарийцами; с другой стороны, между представителями умеренного (светского) и ортодоксального ислама (талибами), что привело в длительной вооруженной борьбе между ними. Именно непримиримые этноконфессиональные различия способствовали противостоянию суннитов и шиитов в Ираке, в Сирии, частично в Йемене. Среди причин, приведших к распаду Югославии, стали не столько национальные, сколько конфессиональные конфликты между Хорватией (католики), Сербией (православные) и Боснией и Герцеговиной (мусульмане). Карикатурой, но довольно опасной стал невразумительный раскол православия на Украине. Можно также упомянуть и кровавые распри на этнонациональной почве в ряде стран Африки — Судане, Эфиопии, Танзании, Камеруне.

Особое значение в жизни стран Ближнего и Среднего Востока играют хорошо организованные экстремистские организации как Исламское государство (ИГИЛ), Талибан, совершаю-

щие многочисленные разбойные нападения, похищения людей, грабежи и насильственные поборы. По мнению зав. Центром научно-аналитической информации Института востоковедения РАН Н. Плотникова, жители этих стран скептически оценивают эффективность мер по обеспечению безопасности, предпринимаемых официальными властями. Анализ событий, предпринятых ими, выявил непрерывный поток различных актов бандитизма, террористических нападений, убийств и внезапных обстрелов. Все эти акты насилия в самых различных вариантах только на примере Ирака имеют тенденцию к росту. Но главное, что государственная власть в этих странах не в силах с ними справиться. При этом напряженную ситуацию провоцирует и решение США о сокращении своего представительства в регионе, полностью игнорируя тот факт, что истоки такого положения заложили сами американцы, вмешавшись в жизнь этих государств [Плотников, 2019].

На наш взгляд, нужно сказать *о специфической роли так называемой элиты в обществах травмы*. Не только руководители и координаторы экономической, но и политической жизни этих стран ориентируются в большинстве случаев на политику тех стран, которые диктуют им правила и нормы поведения, не забывая о росте своих доходов, желательно во все возрастающих размерах. Характерно, что они стремятся — и небезуспешно — оседлать политическую власть, быть представленными в ней, что, как на Украине, порождает невероятную смесь демагогии, мародерства, политических амбиций и бескомпромиссного сведения счетов (см., например: [Горевой, 2019]). Символично, что практически все основные деятели политической и экономической сцены после завершения дел в своей стране обычно отбывают на дальнейшее жительство под сень государственной защиты тех, кому они служили в период своего нахождения у власти.

Хотелось бы отметить и такой аспект в деятельности этой «элиты» — это *массовое применение непотизма* — формирование властных структур из родственников, «своих людей», что также выражается в кумовстве, в служебном покровительстве при решении любых вопросов, особенно если они касаются проблем финансового характера.

И наконец, хотелось бы особо отметить *применение политико-идеологических уловок* в этих странах вроде толерантности, политкорректности и мультикультурализма. Эти ценности, получившие известное распространение в западных странах, в обществах травмы или отвергаются или принимают карикатурные формы (подробнее см.: например: [Донцов, Зеленев, Прохода, 2019; Ровинская, 2019]).

Отвержение этих принципов более характерно для стран исламского мира, которые считают эти рекомендуемые правила жизни противоречащими ценностям восточной цивилизации. Попытки же их внедрения в этих странах встречают достаточно жесткое сопротивление, что потом в известной мере питает религиозный и этнический национализм и ведет к вооруженной борьбе. А как иначе реагировать на такую удивительную, но оправдываемую некими научными соображениями практику, как *позитивная дискриминация*, когда, например, во Франции при приеме на работу предпочитают цветного — белому, женщину — мужчине и т.п. А в декабре 2018 г. британская *The Telegraph* сообщила, что в университетах страны обсуждают введение специальной квоты на новое (!) меньшинство — белых мужчин (?!), для того, чтобы уравнять их количество числу обучающихся белых и цветных женщин (цит. по: [Воеводина, 2019]).

В заключение остановимся на таком специфическом явлении, как ситуация травмированности бывших республик Советского Союза, ныне независимых государств. Ряд новых стран, особенно стран Балтии, усиленно эксплуатируют тему «оккупации», в результате которой они понесли огромные убытки. Но как это обстоит на самом деле? За 45 лет советской «оккупации» объем выпуска продукции в Эстонии вырос в 55 раз. В Литве производство электроэнергии по сравнению с 1940 г. выросло в 258 раз. В Латвии в 1940 г. на 10 тыс. населения приходился 51 студент, в Советской Латвии в 1980-х гг. — 180, опередив такие страны, как Япония, Великобритания, ФРГ [Поляков, 2015].

Но наиболее наглядно эту ситуацию характеризуют данные о производстве и потреблении на душу населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Производство и потребление на душу населения по союзным республикам в 1985–1990 гг.

РЕСПУБЛИКА	1985	1987	1989	1990
РСФСР	14,8	15,8	17,5	17,5
	12,5	13,3	12,8	11,8
БЕЛОРУССИЯ	15,1	16,1	16,9	15,6
	10,4	10,5	12	12
УКРАИНА	12,1	12,7	13,1	12,4
	13,3	13,2	14,7	13,3
КАЗАХСТАН	10,2	10,9	10,8	10,1
	8,9	10,4	14,8	17,7

Таблица 1 (окончание)

Республика	1985	1987	1989	1990
УЗБЕКИСТАН	7,5	7,2	6,7	6,6
	12,0	12,9	18,0	17,4
ЛИТВА	13	14,6	15,6	13
	23,9	22,2	26,1	23,3
АЗЕРБАЙДЖАН	11	10,8	9,9	8,3
	7,4	12,7	14	16,7
ГРУЗИЯ	12,8	12,8	11,9	10,6
	31,5	30,3	35,5	41,9
ТУРКМЕНИЯ	8,6	8,8	9,2	8,6
	13,7	18,8	20,0	16,2
ЛАТВИЯ	17	17,3	17,7	16,5
	22,6	19	21,7	26,9
ЭСТОНИЯ	15,4	17,6	16,9	15,8
	26	27,8	28,2	35,8
КИРГИЗИЯ	8,3	7,8	8	7,2
	8,8	10,2	10,1	11,4
МОЛДАВИЯ	10,5	11,2	11,6	10
	12,8	13,5	15,8	13,4
АРМЕНИЯ	12,7	12,4	10,9	9,5
	32,1	30,1	30	29,5
ТАДЖИКИСТАН	6,5	6,2	6,3	5,5
	10,7	9,5	13,7	15,6

Примечание: верхняя цифра – производство на душу населения, тыс. долл. в год;
нижняя цифра – потребление на душу населения, тыс. долл. в год.

Источник: <http://zen.yandex.ru> ; <https://atualno.com/url>

Эти данные позволяют, с одной стороны, устранить миф о том, что республики давали в союзный бюджет больше, чем потребляли. С другой – оказываются правы те исследователи, которые говорят об обратном – Россия кормила все республики и в значительной мере прибалтийские. Но подтасовка данных и нежелание рассматривать реальность служат части радикалов-экстремистов в этих государствах для оправдания, почему они носят черты общества травмы.

Роль либеральной политики в создании общества травмы в России

Идеи либерализма во второй половине XX в. получили значительное распространение и в известной степени стали показателем позитивных экономических преобразований в ряде развитых стран. Символом и примером этих успехов стала экономическая политика, осуществленная Р. Рейганом в США и М. Тэтчер в Великобритании. Именно в годы их правления получила апробацию и подтвердила эффективность программа действий, нацеленных на коренное изменение налоговой политики, на поддержку частной собственности, на стимулирование конкуренции и в то же время на ограничение возможных претензий со стороны рядовых работников. Эти изменения в политике развитых стран характеризовали завершение теории, политики и практики социального государства и наступления эры монетаризма.

Эти новые идеи усиленно пропагандировались, распространялись, провозглашались как единственно верные, не подлежащие никакой критике и ни какому сомнению. Причем не обращалось внимание или просто игнорировался опыт решения экономических проблем в странах Востока (Япония, Республика Корея, Сингапур, Малайзия), которые в это же время демонстрировали не менее впечатляющие результаты.

Важной составляющей этой политики стал гимн безграничному индивидуализму, формированию самодостаточности и независимости человека от официальных структур и прежде всего от государства.

Эти идеи либерализма были подхвачены в России и странах бывшего социалистического содружества, которые, отвергнув принципы, правила и нормы социалистического хозяйствования, стали внедрять привлечшие их внимание зарубежные рецепты и рекомендации, начиная от опыта США, Великобритании, Германии и завершая опытом Аргентины, на использовании которого особенно настаивал Б. Федоров, министр финансов в конце 1990-х гг. Реализация этих идей в постсоциалистических странах и проявленная при этом инициатива по их внедрению нашли отражение в такой стратегии, как шоковая терапия. И хотя она внедрялась различными способами в странах Восточной Европы и в России, но оказалось, что шоковая терапия по-разному проявила себя. Если в Польше, например, в рамках политики приватизации были проданы частному сектору все неблагополучные и неэффективные предприятия с целью выявить творчество частных собственников, то в России

поступили прямо противоположным образом — в частные руки были переданы или проданы за символические суммы в основном рентабельные и высокоэффективные производства, а все остальное оставили государству.

К чему привела эта политика?

Влияние и реализация этой политики привела к утрате Россией технической и технологической самостоятельности и соответственно независимости, длительный ошибочный курс на деиндустриализацию страны. В результате хаотичных рыночных реформ была потеряна основная часть высокотехнологичных производств — в космической индустрии, в авиационной промышленности, в автостроении, в ряде других отраслей производства. Сложная ситуация сложилась в базовых отраслях российской экономики — машиностроении, станкостроении, в производстве энергетического оборудования и промышленного транспорта. Следствие этого стало то, что Россия постепенно погружалась в хроническое отставание: если даже в 2000 г. закупались машины, транспортные средства и оборудование на 10 млрд долл., то в 2013 г. — на 150 млрд долл., т.е. в 15 раз больше [Бодрунов, 2016]. По данным Ю. Лужкова, из 123 млн га пашни 80 млн у нас не используются, зарастают кустарником и/или сорной травой [Лужков, 2016]. Неменьшие потери понесла и легкая промышленность. По данным С. Лескова, в настоящее время отечественная легкая промышленность выпускает в год 1 пару брюк на 25 мужчин и 1 юбку на 27 женщин.

Реализация такой политики в России привела к резкому сокращению ВВП в результате распродажи и закрытия огромного количества производств, к резкому упадку выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукции, появлению массовой безработицы, к дезорганизации не только экономической, но и социальной сферы.

На поддержание нестабильного экономического состояния России нацелены такие геополитические факторы, как «политика ненасильственной дестабилизации», которую формулирует мозговой центр руководства США — корпорация RAND. В ее рекомендациях прямо формулируется, какие меры с наименьшими издержками для США помогут «измотать Россию и вывести ее из равновесия». Согласно этой концепции, к России применяются или нужно применять следующие меры. Во-первых, экономические, связанные с производством энергии, что позволит «ограничить российские доходы» и создание препятствий для России по

экспорту газа. Во-вторых, «введение более серьезных торговых и финансовых санкций, что может привести к упадку российской экономики, особенно если такие санкции будут всеобъемлющими и многосторонними». В-третьих, меры геополитического и военного порядка, предусматривающие поставку летального вооружения Украине, поддержка сирийских повстанцев, создание экономической конкуренции на Южном Кавказе, ослабление российского влияния в Центральной Азии. В-четвертых, и это важно, — «поощрение эмиграции квалифицированной рабочей силы и хорошо образованной молодежи». В-пятых, предлагаются (и осуществляются) идеологические и информационные меры по подрыву доверия к российской избирательной системе, «создание представления о том, что режим не преследует общественные интересы», поощрение протестного движения внутри страны и других мер ненасильственного сопротивления, подрыва имиджа России за рубежом». Помимо этих мер, предусматривается навязывание затрат в сфере космоса и авиации, развертывание дополнительного тактического ядерного оружия в регионах Европы и Азии, подталкивание России к стратегической конкуренции и гонке вооружений (подробнее см.: [Башкатова, 2019]). И нужно с уверенностью сказать, что эта концепция достаточно успешно выполняется, несмотря на многие усилия по противостоянию этой навязываемой политической и экономической агрессии.

Что касается других важнейших внутренних факторов приобретения Россией черт общества травмы, то к ним следует отнести *конвертацию ресурсов власти в капитал и капитала во власть*, так как политическая власть рассматривается либералами как источник доходов, оправдания и прикрытия сомнительных акций на экономическом и финансовом рынке, а владение капиталом — как гарантия вмешательства в программы политического развития страны [Линецкий, 2016: 157]. И результаты такого «взаимопроникновения» более чем наглядны: российские миллиардеры владеют 30% всех личных активов российских граждан, в то время как во всем мире миллиардеры владеют лишь 2% всех личных активов. По мнению бывшего вице-премьера и министра финансов А. Лившица, к середине 2000-х гг. «рынок Гайдара и приватизация Чубайса никакого производительного капитализма не создали, а породили экономическую модель типа Филиппин времен Маркоса или Индонезии времен Сукарно. Фактически Ельцин раздал государственную собственность ближайшему окружению в личное пользование» [Лившиц, 2007: 3].

Созданное либералами общество травмы в России породило тот феномен, которые с полным основанием можно назвать фантомными ликами, руководствовавшихся в своих действиях только такими ориентирами — иметь капитал, быть при власти и быть в центре общественного внимания (подробнее см.: [Десягин, 2016; Тощенко, 2015]). Будучи неспособными решать стратегические задачи общественного развития, они прибегают к различного рода утверждениям, вроде, апеллируя к авторитету Шумпетера, утверждая, что Россия, как и весь мир, «переживает очередной этап созидательного (!?) разрушения» (цит. по: [Десягин, 2014: 22]).

В этих противоречивых условиях резко увеличили свой вес и свое воздействие на общество амбициозные и реваншистские силы, рвущиеся к власти, для которых два основных ориентира — рынок и демократия — являются лишь прикрытием для достижения эгоистических групповых целей.

Российское общество травмы поражено *гигантским объемом и ростом коррупции*, которая пронизывает не только экономические и финансовые отношения, но и государственное управление, а также повседневную жизнь людей, что проявляется в деформации услуг здравоохранения, быта, торговли и других ее сфер. Недаром, когда говорят о коррупции в той или той стране, ее сравнивают с состоянием дел в бывших колониальных странах Азии и Африки.

Следует отметить, что после провозглашенных реформ россияне долгие годы жили надеждой на то, что *коррупционные* и другие негативные процессы будут обузданы, что новые перемены обязательно сделают жизнь лучше. Но вопреки ожиданиям позитивных сдвигов, на которые так надеялись люди после их провозглашения ельцинско-гайдаровской командой, происходили нежелательные, неприемлемые негативные изменения — расхищение национального богатства и сосредоточение его в руках сравнительно небольшой группы лиц, рост коррупции, безработица, раскол общества на бедных и богатых, приоритет наживы, потеря возможности социальной защиты, несоблюдение принципов справедливости [Симомян, 2016].

К сожалению, происходящие процессы либерализации экономики породили огромные, поражающие воображение масштабы грабежа национального богатства, вывода огромных финансовых средств за рубеж, которыми полны сообщения всех средств массовой информации и особенно тех, которые отслеживают эти криминальные процессы — «Ведомости», «Коммерсантъ», «Российская газета» и др. Эта *коррозия властных структур* затронула

и высшие эшелоны власти: министров (Улюкаев), губернаторов (Хорошавин, Белых, Гайзер В.М. и др.), не говоря о втором эшелоне государственных чиновников, масштабы экономико-финансовых преступлений которых не поддаются никакому элементарному представлению о порядочности, честности, ответственности (подробнее см., например: [Делягин, 2016]). При такой политике, по словам Паркина, «важным вопросом является не производство прибавочного продукта, а предоставление государством ограниченному кругу избранных права на перекрытие доступа оставшейся части общества к “средствам, необходимым для жизни и труда”» (цит. по: [Ильин, 2000: 236]).

Из травмирующих составляющих общественного сознания следует отметить еще и тот факт, что продуктом систематического обмана, резко изменившихся условий жизни стали такие черты общественного сознания и социальных практик, которые невозможно игнорировать при оценке их состояния и тенденций — *увеличение влияния изоляционизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости.*

Но возможно *одной из важнейших характеристик российско-го общества травмы* является потеря большинством населения стабильности личной и общественной жизни, их неустойчивое социально-экономическое положение, неуверенность в гарантиях будущего, что нашло отражение *в быстром увеличении социальных слоев (общностей), называемых прекариатом* (подробнее см.: [Тощенко, 2018]). По данным РГГУ, в 2018 г. свое материальное положение как плохое или очень плохое оценивали 24,4% населения. А на незащищенность своих прав указали по таким показателям как не гарантированность оплаты больничных листов в целом по экономике 22,8% работникам (среди строителей, работников сферы услуг и транспорта — 52,8%), не оплату отпуска (соответственно 23 и 53%), по уходу за ребенком (соответственно 34,3 и 67,7%); не оплату во время остановки производства (соответственно 50,3 и 75%).

Очень важной специфической особенностью российского общества травмы стала потеря людьми жизненной перспективы, неуверенность в будущем. Так по данным всероссийского опроса, проведенного социологами РГГУ, в 2018 г., 35% испытывают чувство несправедливости, 24,9% — беспомощность, невозможность повлиять на происходящее, 21,1% — страх перед будущим. Эти экзистенциальные чувства играют огромную роль в жизни людей, в их ощущении себя как самостоятельной социаль-

ной силы, в стремлении проявить свои творческие потенции, но в настоящее время они сдерживаются значительными институциональными ограничениями.

Таким образом, из этой информации, из приведенных данных понятно, в чьих интересах, для чьей выгоды совершен государственный переворот (а не революция), который не только изменил общественно-политический уклад страны, но и разрушил саму страну, и не только ее экономику, но и тот уровень социального равенства, при котором жило население страны, называемой Советским Союзом.

Попытки корреляции либеральной политики

Уже к концу 1990-х гг. стало очевидно, что либерализм терпит крах. И первым наглядным показателем этого стал дефолт и последующий кризис в 1998 г. Для наиболее продвинутых клевретов либерализма стало ясно, что его идеи надо спасать, что «книжно понимаемая ими рыночная среда» никакого отношения к реальным потребностям России не имеет [Житнов, 2018: 15].

Для этого был осуществлен ряд действий. Во-первых, в 2000-е гг. *либералами было объявлено, что осуществлению реформ мешает государство*, которое не хочет играть роль «ночного сторожа» и начало перетягивать одеяло экономики на себя. А это, мол, ограничивает частную инициативу, ведет к затуханию конкуренции, ослабляет рыночный механизм. В результате была предпринята масштабная идеологическая обработка общественного мнения с целью дискредитации государства. Эта атака не ограничилась устными и письменными заявлениями. Были осуществлены многочисленные попытки принять законы и подзаконные акты, которые бы ограничивали роль государства и не мешали бизнесу, особенно крупному. Ради этого в период кризисов 2008 и 2014 гг. финансовая поддержка оказывалась олигархам и крупным собственникам, а не населению, как это делалось в Китае и даже США.

Во-вторых, *либералами стал усиленно распространяться миф, что их идеи искажаются, не так понимаются, не так трактуются и не так выполняются*, в результате чего, мол, Россия никак не может выйти на передовые рубежи информационного общества. Будучи, например, зачинщиками и инициаторами пенсионной реформы, после ее объявления и начала массовых протестов они объявили, что, мол, государство не так, как они предлагали,

осуществляет политику по пенсионной реформе. При этом игнорируется и/или умалчивается тот факт, что произошел фактический грабёж миллионов людей, заработавших свою пенсию.

Причем либералы во всех своих делах отрицали принцип обратной связи с народом. По их расчетам, люди должны беспрекословно внимать либеральным рецептам, безоговорочно принимать идеи, идущие «сверху». Не этим ли продиктовано то, что официальные либеральные идеи не только отрицают практику подготовки и проведения референдумов, но даже практику обсуждения готовящихся проектов, как об упомянутой пенсионной реформе, не говоря о реформе МВД, оптимизации образования и здравоохранения и др. законодательные акты, на обсуждение которых отводилось мизерное время, для показухи. Примечательно замечание одного из аналитиков внутривластной жизни. В период предвыборных кампаний либералами озвучивались лозунги о необходимости спасти народ, освободить его от оков бюрократии и обещать ему достойную жизнь. После выборов наступала другая пора — народ рассматривался как быдло, не понимающее и не оценивающее значение даваемых им обещаний.

В-третьих, происходит *имитация деятельности*. Вместо принятия кардинальных решающих проблем развития экономики, финансов, социального обеспечения и т.п. в период президентства Медведева были осуществлены такие действия, как смена часовых поясов, ликвидация многолетнего правила существования зимнего и летнего времени (чего придерживается большинство стран мира), введение нулевого промилле для шоферов и т.д. и т.п. Переименование милиции в полицию дало только один эффект: на переоформление бумаг, переделку надписей и подписей было затрачено более чем полмиллиарда рублей. То есть вместо подготовки и принятия стратегических решений внимание часто сосредотачивалось на малозначимых и весьма спорных и далеко неочевидных проблемах.

В-четвертых, *не менее модным стало утверждение, что народ не дорос до понимания ценностей либерализма*, никак не хочет расстаться с патернализмом вопреки их прославлению индивидуализма, не желает понять и принять предоставляемую ему свободу. Для обвинения народа стало пропагандироваться пренебрежительное и уничижительное слово «совок», который де ни на что не способен, олицетворяет самые низменные человеческие потребности, не понимает, какие блага ему несет либерализм. Это абсолютное непонимание и пренебрежение очень ярко выражено в восклицании

цании Ю. Карякина, известного в начале 1990-х гг. либерального деятеля, когда он узнал об итогах выборов в первую Государственную Думу. Услышав, что вопреки всем прогнозам и ожиданиям либералов, их партия «Демократический выбор России» оглушительно проиграла, он вместо того, чтобы разобраться, почему люди не поддержали правые идеи, воскликнул: «Россия, ты одурела!» Именно этим отрывом от забот и тревог людей и жизнью в другом параллельном мире и можно объяснить то, что либеральные идеи никак не коррелируют с истинными желаниями, намерениями и интересами народа.

Поражение идей и практики либерализма стало очевидным и для высших эшелонов власти. В июне 2019 г. в интервью газете *Financial Times* президент России тоже признал ущербность либеральной идеи, хотя эта критика была озвучена своеобразно, как навязывание западной толерантностью права и свободы гомосексуализма, геев, транссексуалов и других групп, исповедующих неприемлемые правила и нормы поведения. А почему ничего не сказано о губительности либерализма в экономической и социальной сферах?

Ограниченность российских либералов проявилась в том, что они не заметили (или не хотят замечать), что лелеемые ими идеи монетаризма, осуществленная *шоковая терапия в виде приватизации в мировой науке и практике отвергнута и ее место заняла концепция всеобъемлющего развития* (comprehensive development framework). Ведь в реальности происходит пересмотр вашингтонского консенсуса: жесткое противопоставление государства и рынка замещается требованиями «хорошего управления» и «реформами второго поколения», нацеленными на конструктивную роль государства в создании адекватной рынку институциональной среды. Особо следует заметить, что в этом новом подходе государственные структуры рассматриваются не как внешние по отношению к рынку, а как эндогенные переменные, которые определяют сущность и содержание экономических и социальных отношений [Данилова, 2018; Мюллер, Пикель, 2002].

Однако российские либералы продолжают пытаться спасти свои идеи и дела. Ситуация общественного недоверия и даже отвержения либеральных идей подвигли их творцов на частичный пересмотр прежних установок и прежде всего по отношению к государству. Ими все больше и больше (формально?) признается, что без государства им не обойтись. Но это осуществляется ими своеобразно — теперь либеральные идеи подаются под флагом

официальной государственной политики. Такие идеи, как снижение кредитной ставки, повышение оплаты труда, вливание бюджетных денег в развитие экономики отождествляются ими с созданием и стимулированием инфляции. Но в настоящее время эти умозаключения подаются как официальная позиция, против которой на уровне обыденного сознания трудно возразить.

Стоит особо отметить, что либерализм мощно вмешивается в оценку деятельности всех без исключения организаций и учреждений. Вместо совершенствования их содержательной деятельности внедряются различного рода рейтинги — формальные показатели. Характерно, что при оценке эффективности вузов Минобрнауки и Рособрнадзор применяют большинство показателей, которые говорят об условиях, а не о содержательной стороне их деятельности.

Почему идеи либерализма оказались губительными?

Во-первых, *навязанная экономическая и социальная политика не отвечает логике объективных потребностей общественного развития*. Не обоснованные самодельные и произвольные конструкции даже с опорой на некоторые западные теории (например, монетаризм) отражают устремления амбициозных деятелей, дорвавшихся до власти, удовлетворить личную или групповую заинтересованность в получении максимально возможных преференций.

Но ведь об эффективности этой политики следует судить не по словам, а по делам, по результатам. Уничтожение промышленности привело к тому, что, несмотря на импортозамещающие меры, продолжается увеличение закупок за рубежом оборудования и других результатов технологических и технических инноваций [Бодрунов, 2016].

Эти результаты видны и по другим отраслям экономики. Располагая богатым природным потенциалом, Россия оказалась не в состоянии прокормить население страны. За годы либеральных преобразований провал в производстве продовольственной, прежде всего животноводческой продукции, приходилось восполнять огромным импортом (27 млрд долл. в 2007 г., 36 млрд долл. в 2010 г. и 40, 5 млрд долл. в 2012 г.) [Осейчук, 2014:29].

Результатом этой политики стало не создание среднего класса, о котором любят говорить политики и окол властные специалисты, а концентрация богатства в очень небольшой группе населения. По расчетам экспертов Внешэкономбанка, социальное неравенство не только не ослабевает, но и усиливается. В настоящее время 3% самого обеспеченного населения владеют 89% финансо-

вых активов, 92% срочных вкладов и 89% наличных сбережений [Коммерсантъ. 2019. 19 июля].

Во-вторых, *эта политика не понятна народу, потому что все «правильные» идеи сформулированы «наверху»* без всяких попыток посоветоваться с людьми (или осуществить в той или иной мере эти попытки). Более того, не советуются даже с экспертами. В настоящее время обсуждается проект нового закона о науке. Поразительно, что Российская академия наук не была привлечена к подготовке этого проекта. А кто же тогда готовил этот проект? И может ли он готовиться без участия организации, которая олицетворяет эту науку? Или, как и ранее, это готовится любимыми учреждениями либералов – Институтом Гайдара, Высшей школой экономики и РАНХ и ГС? А почему не опубликовать хотя бы основной состав той группы, которая готовила этот проект (это, кстати, касается и других подготавливаемых проектов) (подробнее см.: [Ваганов, 2019]).

В результате смысл действий и принимаемые властью акты не понятны народу или идут вразрез их интересам только по самой простой причине: а) мнение народа ей неинтересно; б) они заранее ошибочны; в) народ не компетентен; г) «наше» понимание априори правильное.

В-третьих, *культивируется раздвоение сознания*, что происходит в том случае, если реальный смысл проводимых мер по форме может быть и приемлем, а по сути он ошибочен. В результате получается то, о чем говорил Ю.А. Левада, – лукавство. Для многих бизнесменов существует негласное правило – «они (власть. – Ж.Т.) делают вид, что создают условия для конкуренции, а мы делаем вид, что конкурируем» Эта идиома хорошо иллюстрирует и другие практики, прежде всего в отношениях сторон – административных и гражданских, когда каждая сторона остается при своем понимании смыслов «игры». Предприниматели по-всякому понимают конкуренцию, так как общепринято утверждение, что конкуренция это благо. Более того, бытует идеальная формула: «Любая здоровая конкуренция позволит отбирать лучших». Но на практике значение конкуренции трактуется по-разному. Из интервью с предпринимателями понятно, что они не хотят конкуренции, хотя публично высказываются за то, что она должна быть. И поэтому все их действия направлены на избежание конкуренции (Данилова, 2018). В результате формируются квазирыночные отношения. А это приводит к тому, что: а) складываются межкартельные сговоры, которые нацелены на удержание высоких цен за

услуги или производимую работу, как это проявилось в фармацевтической промышленности; б) в процессе тендеров ориентация идет на формальное требование – уменьшение затрат, что часто приводит к не выполнению намеченных целей, а экономии в оплате труда и снижению качества услуг; в) чтобы не соблюдать стандарты, обязательные при оказании дорогостоящих высокопрофессиональных услуг, предприниматели сознательно регистрируют дом престарелых как гостиницу, а детский сад как досуговый клуб [Климова, 2017].

В-четвертых, *либерализм во властных структурах жестко противостоит всем попыткам поставить под сомнение их идеи и рекомендуемую им практику*. Все, что хотя бы частично напоминает им влияние социалистической мысли, ограничивается и/или уничтожается. Так, они категорически выступают против образования народных предприятий, которые находятся в коллективном владении своих работников. Собственность при этом не разделяется на доли или пай, а полностью принадлежит всему коллективу. Неприемлема им такая терминология, как «передовики производства», «доски почета», рабочие собрания и т.п. «отрывки социалистического наследия». Не поэтому ли, что все главные СМИ полны рассказами о жизненном успехе всякого рода бизнесменов, особо значимых и влиятельных, о менеджерах, брокерах и других специалистах рыночной стихии. И практически нет никакой привлекательной и поучительной информации об учителях, рабочих заводов, крестьянине. Зато много информации об удачах певцов и спортсменов, что позволило видеть некоторый иронический смысл в анекдоте: «слушая рассказы о красивой жизни наших спортсменов и деятелей эстрады, я пришел к выводу, что главные уроки в школе – это уроки пения и физкультуры».

И наконец, стоит сказать о *целях российских либералов*: а) любой ценой остаться у власти и/или при власти, что позволит им сохранить и даже приумножить свой уровень благосостояния; б) их идеи не имеют равных – все остальные заранее обречены на отвержение, критику, неприятие; в) спасение в случае кризисов не народа, а акул бизнеса, выделяя им многомиллиардные кредиты во имя спасения их банков и их дел, что особенно наглядно проявилось в период кризиса, как 2008-го, так и 2014 г. Во чтобы ни стало сберечь, сохранить свои «нажитые нелегким трудом» капиталы в основном за границей, превратившихся как Абрамович и другие олигархи в самых богатых людей Великобритании (а почему не России?). И в таком случае можно ли с ними говорить о патриотизме?

Литература

- Башкатова А.* США обнародовали настоящий «план Даллеса» // Независимая газета. 2019. 3 июня.
- Бодрунов С.* Грядущее новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016.
- Ваганов А.* Миннауки задало ученым внеклассное чтение на лето // Независимая газета. 2019. 2 июля.
- Воеводина Т.* Берегите мужчин-2! // Литературная газета. 2019. № 10.
- Горевой Р.* Смешная была страна // Версия. 2019. № 19. 27 мая – 2 июля.
- Данилова Е.Н.* Трансформация социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 36–61.
- Деягин М.Г.* Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления // Российский экономический журнал. 2014. № 1. С. 19–23.
- Деягин М.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчака и Навального. М., 2016.
- Донцов А.И., Зеленев И.А., Прохода А.И.* Макросоциальная динамика и этническая толерантность в современных Европе и России // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 75–80.
- Житнов В.* Методологические и институциональные контуры системы государственного планирования // Экономист. 2018. № 1. С. 15–25.
- Ильин В.И.* Социальное неравенство. М.: Ин-т социологии РАН, 2000.
- Климова С.Г.* Смыслы и практики разгосударствления социальных услуг // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 48–56.
- Лившиц А.* Интервью // Московский комсомолец. 2007. 8 июня. С. 2–3.
- Линецкий А.И.* Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 2. С. 152–170.
- Лужков Ю.М.* Россия на перепутье. Дэн Сяопин и старые девы «монетаризма». М.: Вече, 2016.
- Мюллер К., Пикель А.* Смена парадигм посткоммунистической трансформации // Социологические исследования. 2002. № 9.
- Осейчук В.И.* О банкротстве либеральной модели государства и стратегии строительства нового государства // Государство и право. 2014. № 11. С. 27–34.
- Плотников Н.* Джихадисты вновь громко заявили о себе в Ираке // Независимая газета. 2019. 30 мая.
- Поляков В.* Спекуляция на «оккупации» // Литературная газета. 2015. № 13. 1–7 апреля.
- Ровинская Т.Л.* Кризис поликорректности в западном медиапространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 7. С. 102–110.

- Симонян Р.Х.* Без гнева и пристрастия: экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2016.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

Раздел второй

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРАВМЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Глава 5. Вклад либеральной экономики в создание общества травмы в России

От кризиса экономики к стагнации и рецессии

Деформация экономического развития присуща всем обществам травмы, реализуясь в таких явлениях, как кризис, стагнация и рецессия. Эти явления проявляют себя время от времени в процессе функционирования практически каждого государства. Но если причины и соответственно пути преодоления кризиса всегда достаточно ясны и определены, то стагнация и рецессия всегда таят огромное количество неопределенностей.

Деформация экономического развития в реформируемой российской экономике начала проявляться сначала как кризис, который постепенно перерос в стагнацию и рецессию, которые за годы существования реформируемой России приобрели черты постоянно присутствующего феномена. Напомним, что по данным Института экономического анализа, первая рецессия 1989–1996 гг. принесла снижение среднегодовых темпов роста объемов производства в размере 7,4%, рецессия 1997–1998 гг. – 9,8%, 2008–2009 гг. – 13,8%, 2014–2015 гг. – 6,8%, а пятая рецессия – 2018–2019 гг. обернулась 7,4% – падением производства [Россия на пороге..., 2019]. Поэтому мы вправе сделать вывод, что если стагнация и рецессия занимают продолжительное время, то мы вправе применять другое понятие – травма.

Этот длительный период характеризуется отсутствием устойчивого и последовательного экономического развития, несмотря на возможные оживление и рост отдельных отраслей и производств, что позволяет утверждать экспертам самых разных социальных позиций практически одно и то же – в России так и не реализова-

ны цели, которые были провозглашены в начале рыночных реформ. В настоящее время большинство аналитиков, независимо от мировоззренческих ориентаций, согласны с тем, что Россия не достигла того, что было в Советской России. Особенно катастрофическими стали 1990-е гг. Некоторое оживление, которое произошло в начале 2000-х гг., сменилось длительной стагнацией, которая началась еще до введения санкций в 2014 г. в связи с присоединением Крыма. Ведь нельзя, как подчеркивает академик Р. Нигматуллин, считать ростом увеличение ВВП на 1–1,5% в год – это состояние экономической стагнации (цит. по: [Камраков, 2019]). Практически об этом же говорит и зам. председателя Торгово-промышленной палаты РФ К. Бабкин: «Мы достаточно сильно отстали от других стран. Больше четверти века мы находимся в серьезном кризисе. И на фоне того, как некоторые страны утроили объемы производства, наше государство до сих пор стабильно не вышло на тот уровень, который был в 1991 г. Это касается и сельского хозяйства, и станкостроения, и в машиностроении до сих пор не преодолели негативные эффекты» [Бабкин, 2019]. Не менее решителен в своих суждениях С. Бодрунов: «Проблематика экономического роста и социально-экономического развития для современной России стоит необычайно остро. Мы конструируем “околонулевой” рост и отсутствие динамики в уровне жизни» [Бодрунов, 2018]

Еще более определенно говорит академик А. Аганбегян: «За 25 лет отечественная экономика не только не выросла за счет собственных источников, но на 20–30% сократилась, что явилось следствием отсутствия в стране механизма социально-экономического роста, присущего развитой экономике» [Аганбегян, 2019. 1: 8].

Провалы признают и официальные лица. На ПМЭФ в 2019 г. уже в первый день заседания министр Минэкономразвития М. Орешкин признал, что Россия стоит на пороге рецессии, что в ближайшие годы Россию ожидает наибольший риск иметь непредвиденный вариант стагнации [Независимая газета, 2019].

Но и в этой ситуации либералы не намерены складывать оружие. В настоящее время в своей аргументации они прибегают к использованию различных способов доказательства верности своих идей – от попыток убедить, что все просчеты и провалы российской экономики случились из-за непоследовательной реализации их идей до того, что нужно для уточнения применить новую теорию – *концепцию неолиберализма* (курсив мой. – Ж.Т.), подробнее см.: [Матвеев, 2015].

Все это позволяет прийти к выводу, что *отсутствие четкой и ясной стратегии и понимания перспектив социально-экономического развития привело к такому состоянию страны, что можно объяснить только с позиций такой концепции как общество травмы, характеризующейся многолетней стагнацией и даже рецессией*. Нужно признать, что, даже признав крах своих попыток реформировать экономику России, инициаторы рыночных реформ пытаются остаться верными идеям монетаризма, далеко отстоящим как от концепций научно обоснованного преобразования государства и общества, так и от апробированной практики решения общественных проблем, проведенных в других, даже постсоциалистических странах.

О том, что Россия все эти годы находилась в рецессии и стагнации, убедительно говорят данные табл. 2.

Даже беглый анализ этих данных показывает, что как валовой внутренний продукт, так и две ведущие отрасли экономики — промышленность и сельское хозяйство — в 1990-е гг. рухнули практически вдвое. Затем в первое десятилетие (до кризиса 2008 г.) произошло некоторое оживление экономики, и страна

Таблица 2

Динамика основных экономических и социальных показателей России

ПОКАЗАТЕЛИ	1-й период (1991–1998 гг.)	2-й период (1999–2008 гг.)	3-й период (2009–2017 гг.)
	Изменения по периодам в % к началному году периода, принятому за 100%		
Валовой внутренний продукт	56	190	105
Промышленность	48	180	104
Сельское хозяйство	54	150	125
Инвестиции в основной капитал	21	280	103
Реальные доходы	54	230	103
Процент безработных (в конце периода)	13	5	5
Депопуляция населения (в конце периода), тыс. человек	950	380	100
	Изменения в % к началному году		
Валовой внутренний продукт	58	106	111
Промышленность	48	86	90
Сельское хозяйство	54	82	101
Инвестиции в основной капитал	21	48	49
Реальные доходы	54	124	128

Примечание. По данным А.Г. Аганбегяна.

приблизилась (но не достигла) показателей 1990 г. Последующее десятилетие – до 2018 г. экономика находилась в состоянии стагнации (в 2014–2015 гг. в состоянии рецессии).

Что касается состояния экономики России в годы после указов президента России в 2012 г., то о нем говорят цифры, приведенные в табл. 3.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в Российской Федерации с 2012 по 2018 г. ежегодно прирост ВВП составлял 0,5% (в мире – 2%), т.е. экономика выросла всего 3%. И чтобы догнать страны ОЭСР, Россия должна увеличить этот показатель в среднем на 10% ежегодно [Независимая газета. 2019. 5 февраля].

Еще более пессимистически звучат слова бизнес-омбудсмена Б. Титова, что, даже если применить новую методику расчета производительности труда, то «производительность труда в России претерпела обвальное падение. В 2017 г. выработка добавленной стоимости на одно рабочее место снизилась на 41% по сравнению с 2014 г. А всего за время продолжающейся стагнации российская

Таблица 3

**Социально-экономические показатели развития России
в период стагнации и рецессии
(2013–2017 гг., в % к предыдущему году)**

ПОКАЗАТЕЛИ	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Всего за 2013–2017 гг.
Валовой внутренний продукт	1,3	0,6	-2,8	-0,2	1,5	0,3
Промышленность	0,4	1,7	-3,4	1,1	1,0	0,7
Строительство	0,1	-2,3	-4,8	-4,3	-1,4	-11,9
Транспорт (грузооборот)	0,6	-0,1	0,3	1,8	5,4	8,1
Сельское хозяйство	5,8	3,5	2,6	4,8	2,4	20,5
Инвестиции	0,8	-1,5	-10,1	-0,9	4,4	-7,6
Экспорт	-2,1	-4,8	-31,3	-17,5	24,8	-34,1
Импорт	1,6	-9,8	-37,3	-0,8	25,3	-28,7
Розничный товароборот	3,9	2,7	-10,0	-4,6	1,2	-7,3
Платные услуги	2,0	1,0	-1,1	-0,3	0,2	1,5
Ввод жилья	7,2	18,2	1,4	-6,0	-2,1	24,3

Источник: Данные Росстата.

экономика потеряла 43 трлн руб. добавленной стоимости в текущих ценах» (цит. по: [Независимая газета. 2019. 15 февраля]).

Что касается социальных аспектов экономического развития, то они отражают не только стагнацию, но и потерю ранее достигнутых показателей (см. табл. 4).

Такое развитие можно рассматривать как приговор российским реформам, которые инициировали либералы, пришедшие к власти в 1991 г. Очевидно, что их политика потерпела сокрушительный крах, но тем не менее ее сторонники продолжают с прежним упорством настаивать на продолжении реформ именно по их лекалам.

При отсутствии должного социально-экономического роста на первый план в реальности выходит явная, но скрытая политика поддержки только крупного бизнеса. Это касается не только обрабатывающей и добывающей промышленности, но даже сельского хозяйства. Но если в промышленности давно завоевали свои позиции крупные собственники, то этот процесс стал распространяться и на другие отрасли национального хозяйства. Особенно это

Таблица 4

Социальные характеристики развития России в 2013–2017 гг.
(в % к предыдущему году)

ПОКАЗАТЕЛИ	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Всего за 2013–2017 гг.
Конечное потребление домашних хозяйств	5,2	2,0	-9,4	-2,8	3,4	-2,3
Реальные доходы	4,0	-0,7	-3,2	-5,9	-1,7	-6,7
Реальная зарплата	4,8	1,2	-0,9	0,7	3,4	0,6
Сальдированный финансовый результат	-17,3	-31,8	73,6	37,9	-6,8	25,8
Число бедных	0,6	3,9	21,1	0,5	0,0	27,1
Потребительские цены (инфляция) декабрь к декабрю	6,5	11,4	12,9	5,4	3,7	46,3
Производственные промышленные цены	3,7	5,9	10,7	7,4	7,6	40,4
Валовое накопление основного капитала	1,3	-1,8	-11,2	0,8	4,3	-7,3

Источник: Данные Росстата.

проявилось в деятельности бывшего министра сельского хозяйства А. Ткачева, который постоянно говорил и, соответственно, действовал, что двигателем развития сельского хозяйства являются крупные товарные хозяйства.

В результате в России как во всех нестабильных государствах (в отличие от развитых стран) в угнетенном состоянии находится средний и особенно малый бизнес. По данным аудиторско-консалтинговой сети *FinExpertiza*, главными причинами невыживания этих юридических лиц являются проблемы ведения бизнеса: неурегулированность законодательства, большое налоговое бремя, бюрократические нагрузки, монополизация рынка, коррупция, недобросовестная конкуренция. Правда, имеется и такая практика, когда закрывается открытое дело не потому, что оно убыточно, а потому, чтобы скрыть нажитые доходы и после закрытия образовать новое юридическое лицо [Башкатова, 2019]. Иначе говоря, малый и средний бизнес лишен того влияния и тех возможностей, которые он имеет в развитых странах (так, в Японии на их долю приходится около 70% всей производимой продукции, в Великобритании — 51%, в Германии — 53%, в Швеции — 58%, в то время как в России только 21%). Стоит обратить внимание и на такой факт: в малом бизнесе, по расчетам Б. Титова, создается в 16 раз больше патентов в расчете на 1 работника, чем в крупном бизнесе (данные Института экономики роста им. П.А. Столыпина).

Мешает развитию бизнеса и мелочная регламентация. Сейчас в стране существует более 9 тыс. нормативных требований, предъявляемых к бизнесу. Например, соблюдение технологии изготовления омлета, включая высоту смеси яиц. Это говорит о том, правительство утратило контроль над ведомствами, издающими свои акты по регулированию бизнеса [Независимая газета. 2019. № 6].

В этой связи интересно сравнить Программу действий, разработанную в 2010–2011 гг. под руководством Я. Кузьминова и В. Мау для «Стратегии–2020» и программу 2019 г., предлагаемую их же командой при участии Института Гайдара по подготовке стратегии развития России до 2025 г. И здесь мы видим повтор одних и тех же рекомендаций: построение «инновационной экономики», снижение инфляции, приватизация и сокращение госрегулирования экономики, развитие конкуренции, улучшение делового климата, борьба с коррупцией, балансировка доходов и расходов, построение независимой судебной системы и пр. (цит. по: [Вардуть, 2001: 28–29]). Возникает вопрос — если десять лет назад эти пред-

лагаемые меры не дали ожидаемого эффекта, то почему их надо повторять, заранее зная (или сознательно игнорируя) имеющуюся реальную практику? И вполне можно согласиться с автором этой статьи – глобальный «мозговой штурм» этих команд «превратился в фарс», ибо идеологическая основа его прежняя – монетаризм. Даже по форме эти меры напоминали – и в том и другом случае – одноименные сценарии: «инерционные», «оптимальные» и «сценарии жесткой реформы».

Оценка состояния ведущих отраслей производства

Чтобы нагляднее представить, куда завели реформы, рассмотрим эту ситуацию на примере выпуска станков с ЧПУ. Так, если в 1990 г. в стране было выпущено их 24 тыс. (в этот год Япония выпустила таких станков 26 тыс. штук), то в 2015 г. Россия выпустила 2900 таких станков. Показательно, что в 1980-е гг. эти станки экспортировались в Канаду, США, Италию, Швейцарию, Финляндию. Только на заводах ФРГ (без ГДР) работало 36 тыс. советских станков. Но последние двадцать пять лет шла постепенная деградация этой промышленности. Бывший первый заместитель министра станкостроительной и инструментальной промышленности Н.А. Паничев утверждает, что после распада СССР его пригласили в ФРГ и спросили, что будем делать, если вся система сервиса будет разрушена. По словам Паничева, ситуация продолжает ухудшаться даже при таком минимальном производстве. Недавно после посещения одного предприятия – завода во Всеволожске, где собирали автомашины марки «Форд» (сейчас уже закрытого), все оборудование было зарубежное. Даже бачки для омывателя стекол везли из Франции, вся гидравлика – из Германии, многие запчасти – из Бразилии. А что же отечественное? Оказывается, пресс по изготовлению ковриков для салона и бамперы. В такой ситуации не нужны никакие НИИ. Поэтому не удивительно, что в штатном расписании построенного Ульяновского станкостроительного завода всего пять конструкторов, которые обслуживают сборку. И это вполне «логичный» разгром научно-конструкторской основы этой отрасли машиностроения: из 40 НИИ станкостроительной и инструментальной промышленности осталось 6. Деградацией выпуска этой продукции можно считать и тот факт, что если в 1990 г. доля импортных станков составляла 8,4%, то в 2016 г. – 70% [Паничев, 2019: 4–5].

Таблица 5

Выпуск отдельных видов продукции в 1990–2017 гг.

ПРОДУКЦИЯ	1990	2014	2017
Станки металлорежущие, тыс. шт.	74,2	2,9	4,2
В том числе с ЧПУ*	24	2,7	0,7
Машины кузнечно-прессовые, шт.	27 300	1349	4009
Бульдозеры, шт.	14100	699	611
Экскаваторы, тыс. шт.	23,1	2,0	2,0
Станки ткацкие, шт.	18 300	79	9
Автомобили легковые, тыс. шт.	1103	1740	1356
Троллейбусы, шт.	2308	155	250

Примечание. В формулировке 2017 г. – Станки токарные металлорежущие с числовым программным управлением.

Источник: Производство основных видов продукции в натуральном выражении // Промышленное производство, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/god17.htm (дата обращения: 19 августа 2019).

Что касается других важнейших показателей, то можно посмотреть их изменение за 25 лет существования новой России (см. табл. 5).

Что касается других показателей, то с 1991 по 2015 г. уменьшился выпуск мотоциклов – в 58,3 раза, в 30 раз – самолетов и высокоточных приборов, турбин выпустили соответственно 12 и 2, зерноуборочных комбайнов – в 102 раза меньше [Симчера, 2017].

Особо следует отметить и разгром территориально-промышленных узлов. Приведем пример. В Советском Союзе был создан крупный портовый и промышленный город – Советская Гавань. С чего начала действовать новая власть? Первым делом затеяли возню с переименованием города. Не получилось – местные жители решили оставить прежнее название. Затем одним за другим были закрыты все заводы, пришел в упадок грузовой порт. И это притом, что в эти годы Китай стал важнейшим экономическим партнером России. Начался и до сих пор не прекратился отток населения, несмотря на изменение ситуации и попыток возрождения и возвращения к принципам рачительного созидания, которые осуществлялись в Советском Союзе, несмотря на многие издержки (подробнее см.: [Замостьянов, 2019: 18–22]).

При характеристике состояния российской экономики следует учитывать тот колоссальный ущерб, который был нанесен стране

непродуманной и по сути преступной приватизацией. По данным Симчера, в процессе ее стремительной приватизации 42 тыс. предприятий было передано новым собственникам, из которых 30 тыс. были ликвидированы. Национальный бюджет понес огромные потери, так как стоимость приватизированных предприятий была занижена в 10–100 раз, в результате чего страна не получила около 1,5 трлн долл. Причем на этих приобретенных за бесценок производствах осуществлялось примерно одно и то же — оборудование отправлялось на металлолом, в основном за границу (в этом случае надо напомнить казус — в 1990-е гг. Эстония заняла одно из первых мест в мире по экспорту металлолома). Цеха заводов превращались в торговые ряды. В этой ситуации судьбы миллионов людей были исковерканы; они теряли работу, профессию, достигнутый уровень благосостояния.

Сложилась травмирующая ситуация и на сельских территориях и в сельскохозяйственном производстве.

В настоящее время в сельской местности проживает около 39 млн человек (27% общей численности населения в стране). Однако ее облик, ее структура изменилась качественно и количественно. В прошлое ушло представление о деревенских жителях, которые заняты только в сельскохозяйственном производстве и в сферах обслуживания его потребностей. В настоящее время современное село (за исключением исчезающих поселений) — это конгломерат различных организаций, связанных не только с сельским хозяйством, но и с промышленным и другими несельскохозяйственными производствами, ранее практически отсутствовавшими на селе, а также с выполнением селом функций маятниковой миграции.

О неблагоприятном положении села можно судить по изменениям в структуре сельских поселений (табл. 6).

Согласно переписи 2010 г., около 75 тыс. сельских населенных пунктов (т.е. практически каждый второй) представляли собой умирающие или находящиеся на грани исчезновения поселения, в которых оставшиеся жители в большинстве случаев занимались только личным подсобным хозяйством. К этому стоит добавить и то, что между двумя последними переписями российское село утратило 10,7 тыс. населенных пунктов. Одновременно выросло и отходничество сельских жителей на сезонную и/или эпизодическую работу: по некоторым данным, их число достигает 10–15 млн. Некоторые села, особенно на оживленных трассах, существуют за счет посредничества и торговли (подробнее см.: [Смыслы сельской жизни..., 2016: 33–59]).

Таблица 6

Распределение сельских населенных пунктов по числу жителей
(по данным переписей населения)

ПОКАЗАТЕЛИ	Число сельских населенных пунктов			Численность населения, тыс. человек		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Сельские населенные пункты – всего	162 231	155 289	153 124	39 063	38 738	37 543
из них с числом жителей, человек:						
до 6	26 234	32 997	42 387	50	58	64
6–10	13 245	14 092	13 254	105	10	03
11–25	24 735	22 303	19 225	423	377	324
26–50	19 939	15 770	13 522	727	573	494
51–100	18 094	14 901	13 798	1312	1082	1006
101–200	17 895	15 833	14 682	2595	2302	2133
201–500	22 177	20 475	18 729	7116	6618	6053
501–1000	11 524	10 836	9720	8087	7571	6780
1001–2000	5718	5 182	4737	7759	7050	6492
2001–3000	1266	1220	1217	3060	2946	2947
3001–5000	803	873	979	3067	3321	3756
5001 и более	601	807	874	4762	6730	7391

Примечание. Данные приведены по переписям населения: 12 января 1989 г., 9 октября 2002 г. и 14 октября 2010 г.

Источник: [Российский... 2015: 84].

Из общих характеристик состояния сельскохозяйственного производства можно назвать такое: с 1990 г. общая посевная площадь сельскохозяйственных культур в России сократилась на 39,2 млн га – со 117 705 тыс. до 78 525 тыс. га в 2014 г.

Что касается самого сельскохозяйственного производства, то оно претерпело значительные неблагоприятные изменения, резко осложнившую жизнь многих работников бывших колхозов и совхозов (см. табл. 7).

Деграция сельского хозяйства, созданная примитивной аграрной политикой, сказалась и на таком показателе, как поголовье сельскохозяйственных животных, оно сократилось практически в несколько раз (см. табл. 8).

В последнее время к достижениям сельского хозяйства стали относить повышение урожайности. Это, несомненно, так, если не учитывать тот факт, что по сравнению с другими странами

Таблица 7

Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях
(тыс. шт.)

Виды техники	1990	2014	2018
Тракторы	1365,6	247,3	211,9
Зерноуборочные комбайны	407,8	64,6	56,9
Кормоуборочные комбайны	120,9	15,2	12,3
Косилки	275,1	33,9	30,1
Дождевальные и поливные машины и установки	79,4	5,7	6,1
Разбрасыватели твердых минеральных удобрений	110,7	15,8	15,7

Источник: Материально-техническая база сельскохозяйственных организаций // Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (дата обращения: 19 августа 2019).

Таблица 8

Поголовье сельскохозяйственных животных
(хозяйства всех категорий; на конец года; тысяч голов)

С/х животные	1990	2014	2018
Крупный рогатый скот	57 043,0	19 264,3	18 152,1
из него: коровы	20 556,9	8531,1	7942,6
Свиньи	38 314,3	19 546,1	23 726,6
Овцы и козы	58 194,9	24 711,2	23 129,3
Лошади	2618,4	1373,3	1283,0
Птица	659 807,5	527 326,0	541 494
Семьи пчел	4502,6	3473,7	3093,8

Источник: Животноводство // Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (дата обращения: 19 августа 2019).

урожайность в России находится на очень низком уровне. Так, например, в 2012 г. урожайность зерновых и зернобобовых культур в России составила 18,3 ц/га, в Финляндии – 35,3, в Белоруссии – 34,4 [Россия..., 2014: 217]. То есть, даже по сравнению со странами, имеющими схожий исторический опыт хозяйствования, примерно одинаковые и даже более суровые климатические условия, урожайность в России была меньше – практически в два раза. Добавим, по сравнению со странами Европы, Россия по урожайности зерновых и зернобобовых культур в 2012 г. занимала предпоследнее место (на последнем месте была Молдова). Поэтому российская

урожайность — 18,3 ц/га несравнима с показателями Бельгии — 85,9 ц/га или Нидерландов — 84,8 ц/га [Россия..., 2014: 217].

Из-за низкой эффективности сельского хозяйства, по признанию академика И. Донник, «все еще сохраняется зависимость от импорта: мы покупаем довольно много мясомолочной продукции, комбикормов, сортовых сельскохозяйственных растений (сортовой картофель)». 40% сельхозпродукции теряется на стадии хранения и переработки. К этому следует добавить и такой факт, что 80% молочных смесей для детей ввозится из-за границы, а оборот рынка заменителей грудного молока в 2018 г. в России составил 46,24 млрд руб. Остро стоит и вопрос о кадрах. «Мало найти хорошего тракториста — его надо как-то удержать» [Костырев, 2019].

Среди причин несостоятельности экономических преобразований сельского хозяйства особо отметим, что так и не была создана такая социально-профессиональная группа как фермерство. А ведь после ликвидации колхозов и совхозов либералы в 1990-е гг. не уставали говорить — «фермер накормит Россию». Но пока основными производителями являются личные подсобные хозяйства и бывшие колхозы и совхозы, преобразованные в акционерные общества. Как показал Б. Фрумкин, в настоящее время происходит «прогрессирующая в ходе “агрохолдингизации” концентрация производства и доходов», которая ведет к вытеснению малого и среднего бизнеса, фермерства и стагнации хозяйств населения. В результате в 2017 г. 55 крупнейших агрофирм (всего в стране 36 тыс. сельхозорганизаций) контролировали 14% площади сельхозугодий и аккумулировали почти 65% выручки. Такая ситуация усиливает эффект «хозяйственного сжатия» — его смещению в южные и пригородные регионы и к свертыванию производства, которое приобретает очаговый характер или утрачивает товарность. «Учитывая уклонение агрохолдингов от поддержки социально-инфраструктурной базы села, это ведет к аграрной депопуляции», — делает вывод Б. Фрумкин (цит. по: [Башкатова, 2019]). Ведь сельское хозяйство, считает директор Института региональных проблем Д. Журавлев, это не только экономический, но социальный институт: способ существования людей и способ освоения территории. Социальные последствия агломерации разрушительны — значительный процент деревень вымирает [Независимая газета. 2019. 2 июля].

Эти данные о состоянии сельского хозяйства, позволяют сделать вывод, что оно в России пребывает в глубоком кризисе, за частичным исключением районов с благоприятным для

его ведения климатом и то по отдельным показателям. Данный вывод противоречит «победным реляциям», распространяемым Министерством сельского хозяйства и рядом официальных СМИ «о небывалом росте сельского хозяйства». Да, безусловно, урожай в России вырос, и Россия экспортирует зерно, но урожай вырос по сравнению с провальным 1992 г. Российские урожаи только приближаются к позднесоветским показателям. «Нынешний экспорт (в основном) зерна достигается за счет деформаций, искажения рациональной структуры посевов (“флюсов”, площадей зерновых, подсолнечника, сахарной свеклы), истощения почвенного плодородия, массового нарушения севооборотов и научнообоснованной системы земледелия, диспропорций между растениеводством и животноводством. Общий результат аграрной реформы практически таков: объем продукции отрасли даже не вышел на уровень дореформенного 1990 г., а по животноводству ниже его почти на треть» [Буздалов, 2016: 158].

Подобные выводы можно продолжить. В результате так называемой аграрной реформы объем продукции сельскохозяйственной отрасли не вышел на уровень советского 1990 г., а по животноводству уменьшился на одну треть [цит. по: Бондаренко, 2015; Узун, Шагайда, 2015].

Анализируя состояние национальной экономики, нельзя не сказать о масштабах теневой экономики и хищениях.

Говоря о теневой экономике, следует сказать, что, по данным Международного валютного фонда, уровень теневой экономики в России в 2015 г. составил 33,7% ВВП (в США этот показатель составил 7%, в Японии — 8,2%, в Германии — 7,8%, в Канаде — 9,4%) (news.ru.com. 2019. 22 февраля). По-иному выглядят расчеты Финансовой разведки — Росфинмониторинга, который характеризует объем теневой экономики следующим образом: в 2018 г. он составил 20,7 трлн руб. (20% ВВП), в 2017 г. 18,9 трлн (20,5% ВВП), в 2016 г. — 24,3 трлн руб. (28,3% ВВП), данные Института экономики роста им. П.А. Столыпина. Некоторое сокращение связано с изменением методики подсчета. Известно, что этот подсчет включает в теневую экономику «серый импорт», сокрытие доходов от уплаты налоговых и таможенных платежей, а также выплату «серых зарплат». Понятие теневой экономики иногда смешивается с более широким понятием ненаблюдаемой экономики, указывает директор Международного института профессионального статистического образования НИУ ВШЭ А. Пономаренко. В нее в том числе входит, скрываемое от налогообложения легальное производство,

криминальное производство (наркотики, торговля оружием) и неформальное производство («гаражная экономика»). С. Кордонский полагает, что Росфинмониторинг, скорее всего, считает первый и второй компоненты, не учитывая неформальное производство. В противном случае это могло бы прибавить к теневой экономике не менее 10% ВВП. Оценить уход людей в сферы, которые государство считает теневыми, сложно. «По полной занятости это около 20 млн граждан в трудоспособном возрасте, а по частичной занятости — невозможно посчитать. С нашей точки зрения, еще около 10 млн трудоспособных граждан могут находиться в таких факультативных теневых отношениях» [Кордонский, 2008].

Что касается хищений, то в 2018 г. из РФ было выведено 67 млрд долл., в 2017 — 31,3 млрд в 2016 — 40,3 млрд. Прогноз на 2019 г. — 20 млрд, но уже в январе этого года выведено 10,4 млрд (в январе 2018 г. 7 млрд, т.е. в 1,5 раза меньше) [Матвиенко, 2018. 25 декабря; *Vest finance.ru*: 2019. 12 февраля]. Масштабы хищений продолжают шокировать: только одно международное преступное сообщество за 2013–2014 гг. вывело за пределы РФ более 37 млрд руб. (по свидетельству официального представителя МВД России Ирины Волк). По ее словам, члены группировки под предлогом продажи валюты переводили деньги из банков «Западный» и «Русский Земельный Банк» в иностранные организации, например, молдавский «BC Moldindconbank S.A.». Эти деньги списывались по подложным решениям судов Молдавии. Установлено, что организаторами преступного сообщества были молдавские граждане В. Плахотнюк и В. Платон, у которых одновременно есть и гражданство России [РИА Новости, 22 февраля. 2019].

Таким образом, если говорить о сути провозглашенной и осуществляемой рыночной реформы, то можно сказать (если рассматривать с позиций политической экономии) ей присуща иррациональность. Идеи рыночных реформ, никем не проверенные и нигде не применяемые, Гайдаром и его командой были положены в основу экономической политики. Фантазии чикагской школы монетаризма стали внедряться во все отрасли национального хозяйства. Был создан миф о «невидимой руке рынка». Но если бы это были только идеи, которые высказываются некоторыми глашатаями монетаризма, но совсем другое дело, когда они становятся основой экономической политики. Следование им привело к тому, что были упущены огромные возможности для экономики России в связи с благоприятной конъюнктурой на внешних сырьевых рынках, когда Россия буквально захлебывалась в нефтедолла-

рах. Но вместо тщательной, рутинной и трудной работы по подготовке и проведению реальных преобразований в стране, с одной стороны, полученные доходы стали вкладываться в иностранные ценные бумаги, приносящие минимальный доход, вместо того, чтобы их представить отечественному бизнесу на открытие новых и модернизацию старых производств, на форсирование процесса создания высокотехнологичных предприятий под минимальные проценты [Бузгалин, Колганов. 2014: 120–130; Кирдина, 2014].

И за всем этим стояло одно немаловажное обстоятельство — обогащение любой ценой и любыми средствами. А это не могло не привести к травмированной экономике и, соответственно, к обществу травмы. С другой стороны, политическое руководство России стало демонстрировать обществу сомнительные пиар-компании, к которым можно отнести организацию масштабных мировых спортивных соревнований, демонстративные акции по перевооружению армии и поддержке имущественных претензий Церкви.

Опыт сравнения с показателями развития других стран

Для того чтобы обнаружить длительную стагнацию, достаточно сравнить развитие России с другими странами и с развитием бывших союзных республик, ныне независимых государств. Это касается не только общих показателей развития экономики, но и даже таких ее основных ориентиров как инвестиции.

По мнению А.Г. Аганбегяна, выполнение Указа президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» требует незамедлительного форсирования роста инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал [Аганбегян, 2019: 3], см. табл. 9.

Не менее ярко о положении России свидетельствуют показатели решения технологических, информационных и технических проблем, которые определяют лицо страны в наступившей четвертой промышленной революции.

Это отставание России особенно наглядно проявляется в таких показателях, которые определяют лицо технологического прорыва — в роботизации. По данным Международной федерации робототехники, в 2017 г. в мире на 10 тыс. рабочих приходилось 85 роботов. Что касается отдельных стран, то в Республике Корея их было 710, в Германии — 322, в Японии — 308, в Китае — 97, в то время как

Таблица 9

**Доля инвестиций в основной капитал и «экономики знаний»
в валовом внутреннем продукте и темпы роста экономики**

СТРАНЫ	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	Доля «экономики знаний» в ВВП, %	Среднегодовой прирост экономики, %
Развитые страны	около 20	30–40	1,5–2,0
Развивающиеся страны	30–35	15–20	4–6
Китай	45–50	20	7
Россия 2016 г.	17	13	–0,2
Россия 2017–2019 гг. (Минэкономразвития)	18	13	0,7–2,1
При ежегодном приросте инвестиций по 8–10%			
Россия 2020 г.	22	17	3
Россия 2025 г.	30	27	4–5
Россия 2030 г.	35	35	5–6

Источник: Росстат.

в России их было всего 4 на такое количество работающих. В таких отраслях, которые являются основными драйверами — металлургия, автомобилестроение, электротехническая промышленность, отставание особенно заметно. Это касается тех предприятий, которые относятся к государственному сектору экономики, а также тех, которыми владеет частный бизнес. Одной из причин такого положения связано с тем, что как госкорпорации, так собственники значительную долю прибыли тратят на дивиденды, а не на развитие. Так, Сбербанк по итогам 2018 г. выплатил 18 топ-менеджерам 243 млн 222 тыс. руб., в Аэрофлоте 21 представителю такого же персонала — 73,7 млн, в РИА-Новости 17 менеджерам — свыше 239 млн [Life. 2019. 3 июля].

Одним из многоговорящих показателей отставания России говорит тот факт, что, по словам директора Российского экспортного центра Андрея Слепнева, экспортом продукции в РФ занимается менее 1% (в европейских странах — 7–8% предприятий). А поставленная задача — удвоить его — не может говорить о серьезных сдвигах в этом важнейшем показателе конкурентоспособности страны [Независимая газета. 2019. 6 июня].

Следует обратить внимание на серьезные, принципиальные изменения в отношении государства к налоговой политике. Изве-

стен феномен успешного ее решения в политике рейганомики, когда была коренным образом пересмотрена налоговая политика, что привело к прекращению стагнационных процессов в США. Не отстает в своих поисках оживления и роста экономики Китай. Так, в этой стране наряду с мерами по снижению налогов, с гибкой денежно-кредитной политикой, поддержкой малого и среднего бизнеса, развития обрабатывающей промышленности используются и такие меры, как налоговый вычет на образование (до 12 тыс. юаней на ребенка в год), на медобслуживание (до 60 тыс. юаней в год), постепенный переход на три выходных дня в неделю. Разработчики этих мер считают (и показывают в своих расчетах), что это привело (и приводит) к росту экономического потенциала Китая [Соловьева, 2019].

Показательны и другие данные при сравнении России со странами G-7, которые по праву считаются драйверами в использовании социальных направлений развития (см. табл. 10).

Что касается использования рабочей силы, то анализ показывает, что на фоне стран ОЭСР, с учетом глобальной перспективы, в России сложились деформированные соотношения между низкой грамотностью и соответствующей занятостью, учитывающий квалификацию и качество рабочей силы. Так, в России высокие посты занимают 38,7% лиц, имеющих низкий уровень грамотности (в Германии – только 10,6%). Причем только 51,8% рабочих мест высокой квалификации в России занимают лица с высшим образованием, в то время как в Германии – 60,1%, а в странах ОЭСР – 75,8% [Кузьмина, Попов, 2015: 53]. Это, однако, не означает

Таблица 10

**Сравнение показателей сферы «экономики знаний»
в России и развитых странах**

	Страны G-7	Россия
Доля отдельных отраслей в сфере «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте (в %)		
Наука	2,5	1
Образование	8	4
Здравоохранение и биотехнологии	10	4
Информационные технологии	10	4
Удельный вес «экономики знаний» в целом в валовом внутреннем продукте (в %)	30	13

Источник: Росстат РФ.

их выпадение или исключенность из общества, а только отставание в уровне подготовки и механизме использования по сравнению с более развитыми экономиками. Кроме того, в сравнении со странами ОЭСР российские высококвалифицированные специалисты оказываются «депривированными» по большинству сравниваемых показателей, включая образование и желание учиться, занятость и позицию на рынке труда, уровень заработной платы, удовлетворенность работой и здоровьем.

Говоря о ближайших перспективах, то, по оценкам Всемирного банка, за 2015–2020 гг. российская экономика вырастет на 4,1%, т.е. в 3,5 раза меньше, чем американская (14,1%), вдвое меньше, чем европейская, и в 9 раз меньше, чем китайская (37,9%). Отставание от скорости роста развивающихся стран в целом будет семикратным (28,7%). За последние 10 лет (с 2007 по 2017 г.) экономический рост в России стал одним из самых низких в мире.

Если говорить о более отдаленных перспективах, то преодоление неустойчивого развития не предвидется или находится под большим вопросом. По данным Международного валютного фонда, прогноз экономического развития России не утешителен. Предполагается, что если рост мировой экономики ежегодно будет примерно равен 4,6%, в Европейском союзе – 4,3%, в США – 4,4%, в Китае – 6,4%, то в России он составит 1,7–2,1%. Иначе говоря, при таких темпах место и роль России в экономическом развитии мира снизится и ожидать вхождение ее в пятерку ведущих экономик мира, как провозглашено в официальных документах, не предвидется.

Что касается других показателей экономики России по сравнению с другими странами, отметим уровень экономической безопасности России. Из регистрируемых 77 показателей на начало 2018 г. Россия по 52 показателям имеет неудовлетворительные значения (по 8 – позитивные, по 17 – удовлетворительные) [Трошин, 2018: 163–164].

Говоря о витальных (жизненных) потенциалах, то, по мнению В.Э. Багдасаряна, их состояние вызывают также большую тревогу. Он, сравнивая положение России с другими странами, утверждает, что если по коэффициенту витальности Индия имеет 23,5, то Россия – 1,8. Или, другими словами, Индия превышает Россию по жизненному потенциалу в 13 раз [Витальный подход..., 2013: 64].

Стоит сказать о выводе Стокгольмского института переходных экономик: по сравнению с 2000 г. экономика РФ никогда не росла быстрее, чем в 11 странах бывшего СССР, а с 2015 г. стала расти медленнее, чем средняя 10 стран – новых членов Европейского союза (цит. по: [Шаповалов, 2019. 25 июня]).

В заключение приведем данные ВЦИОМ и Международного дискуссионного клуба «Валдай» об итоговом рейтинге стран Большой двадцатки по индексу готовности к будущему (см. табл. 11). Индекс готовности к будущему составлен на основе статистических данных и экспертных опросов в 10 сферах: технологии; экономика; образование; наука; общество; культура и коммуникации; ресурсы и экология; суверенитет/безопасность; система управления; международное влияние.

Анализ этих данных позволяет сделать вывод, что Россия в общем рейтинге серьезно отстает от многих развитых экономик мира, занимая только 12 место (0,38 балла). Наибольшее количество баллов у России приходится на сферу суверенитета и безопасности (0,72 балла), а минимальное — на ресурсы и экологию (0 баллов). В определении выхода из травмированного состояния это может служить ориентиром — какие проблемы предстоит решать в первую очередь. Это прежде всего относится к экономике (0,18 балла) и к ресурсам и экологии (0 баллов). Кроме того, Россия серьезно отстает по таким показателям, как технологии и наука (оба по 0,36 балла), по системе управления (0,45 балла), по влиянию общества (0,47 балла) и по образованию (0,49 балла) [Трошин, 2018: 163–164].

Таким образом, необходимость принципиальной коренной перестройки существующих социально-экономических отношений требует создания новой модели социально-экономического устройства современного российского общества. Иначе, при существующей модели, по прогнозу Лондонского Центра исследований экономики и бизнеса к 2032 г.,

Таблица 11
**Ранжирование стран
(по итогам расчета индекса),
баллы**

СТРАНЫ	2019	2017
США	1,00	0,96
Германия	0,93	1,00
Великобритания	0,88	0,94
Япония	0,87	0,90
Республика Корея	0,74	0,75
Европейский союз	0,74	0,75
Канада	0,71	0,71
Франция	0,70	0,62
Австралия	0,66	0,68
Китай	0,63	0,57
Италия	0,48	0,45
Россия	0,38	0,33
Турция	0,23	0,14
Аргентина	0,18	0,10
Бразилия	0,17	0,10
Саудовская Аравия	0,16	0,11
Индия	0,15	0,17
Индонезия	0,13	0,00
Мексика	0,12	0,16
ЮАР	0,00	0,07

Источник: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 4059.
18 сентября 2019 г.

т.е. через 15 лет, среди первых десяти стран по объему ВВП России не будет (цепочка будет такая – Китай, США, Индия, Япония, Германия, Бразилия, Великобритания, Южная Корея, Франция, Индонезия). Все это остро ставит вопрос о научно обоснованных параметрах развития, что в первую очередь предполагает отказ от либеральной идеи, показавшей свою несостоятельность и взрастившей «олигархический режим», следствием чего стал многолетний непрекращающийся процесс стагнации и рецессии [Зюганов, 2019].

Зигзаги экономической политики и их роль в создании общества травмы

При оценке состояния экономического развития обычно исходят из анализа как долговременных тенденций, так и условий и факторов, складывающихся на данном этапе. Что касается долговременных тенденций, то, как свидетельствуют данные Росстата РФ, в 1990-е гг. экономика непрерывно падала до катастрофических масштабов в результате провальной (и даже преступной) неолиберальной политики. Тут нужно вспомнить выражение А. Чубайса: отдам за рубль любое производство, лишь бы забить еще один гвоздь в гроб коммунизма. В результате в 1992–1994 гг. 500 крупнейших предприятий стоимостью около 200 млрд долл. были проданы за бесценок – 7,2 млрд долл. В ходе залоговых аукционов в 1995 г. олигархи приобрели собственность стоимостью 40 млрд долл. (цит. по: [Добренков, Исправникова, 2013: 28]).

Основные усилия, по выражению В. Симчера, бывшего директора НИИ статистики и ныне эксперта Международного статистического института, были направлены не на созидание нового, а на проедание того, что досталось от советского наследия. В результате степень износа основных фондов составила к 2018 г. более 80% (Росстат говорит о 48,6%). Из оставшихся производственных мощностей используются всего 43% (Росстат говорит о 75%) при уровне освоения наличных ресурсов в 14%. Все это еще раз свидетельствует о порочности неолиберальной модели развития, которой упорно придерживается руководство России.

В начале 2000-х гг. произошло некоторое оживление и возрождение экономики, которое продолжалось сравнительно недолго и было оборвано кризисом 2008–2009 гг., от которого пострадала в абсолютных показателях больше всех Россия, потеряв около 9,6%

валового внутреннего продукта. Были предприняты попытки решить назревшие проблемы посредством инициатив – ряда национальных проектов. Но они мало что дали, не привели к заметным позитивным изменениям и сдвигам.

Следующая попытка нашла отражение в 2012 г. в указах вновь избранного президента В.В. Путина. Но какие они дали результаты? (см. табл. 12).

Но провал этих указов признают даже те, кто стоял у их истоков. Так, по заключению А. Кудрина, в 2012 г. в майских указах президента была поставлена цель: за 6 лет выйти на 27% инвестиций в экономику – вышли на 21%. Ставилась цель поднять производительность труда на 50% – подняли на 4% [Кудрин. 2018. № 49].

И как результат – превращение российской экономики в сырьевую привело к тому, что если в 1985 г. на долю РСФСР приходилось около 12% мирового промышленного производства, то в 2000 г. доля России исчислялась 4,4%, а в 2013 г. – 3,2% [ВВП России по годам: 1990–2015]. Даже ведомство Кудрина (Счетная палата) считает, что 75% нацпроектов напрямую не влияют на достижение национальных целей. Лишь 11% регионов считают возможным достижение целевых показателей по жилищному строительству (тем более их мнение не особенно учитывалось) (цит. по: [Рувинский, 2019]). Возникает вопрос – а кто составлял планы, под чьим руководством?

В 2018 г. были предприняты новые попытки решить острейшие проблемы. Утверждены 12 национальных проектов, которые призваны ответить на самые неотложные проблемы. По ориенти-

Таблица 12

Выполнение экономических и социальных показателей, предусмотренных в Указах президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2012 г.

ПОКАЗАТЕЛИ	Указ	Фактически
Производительность труда – рост в 2018 г. к 2011 г.	1,5 раза	106%
Создание высокопроизводительных рабочих мест – млн человек к 2018 г. по сравнению с 17,49 млн в 2012 г.	25	17,1
Реальная заработная плата – рост в 2018 г. к 2012 г.	1,4–1,5 раза	106%
Ожидаемая продолжительность жизни населения в 2018 г. в сравнении с 70,2 годами в 2012 г.	74	72,6 (2017 г.)
Повышение доли инвестиций в основной капитал в составе валового внутреннего продукта с 21% в 2012 г. до 2015 и 2018 г.	2015 г. – 25% 2018 г. – 27%	17% 18%

Примечание. Данные академика А.Г. Аганбегяна.

ровочным подсчетам, они требуют колоссальных вложений – около 26 трлн руб. Однако уже сейчас высказано немало сомнений по поводу того, что эти проекты будут реализованы. И не только потому, что темпы, заложенные в проектах и соответствующих указах, не обеспечены необходимыми материальными и финансовыми ресурсами.

Многие эксперты считают, что объявленные в 2018 г. национальные проекты нуждаются (всего год спустя) в серьезной корректировке. По мнению О. Комолова, «в нацпроекте “Малое и среднее предпринимательство” заложен стратегически ошибочный подход... Проблема российской экономики заключается в первую очередь в ее технологическом отставании от развитых стран, низкой производительности труда и недостаточных инвестициях в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Решить эту проблему через увеличение численности занятых в малом бизнесе до 25 млн человек не получится». В проекте «Производительность труда», по его словам, несмотря на то, что в нем заложена модернизация основных фондов, эти намерения вступают в противоречие с проводимой сейчас монетарной и фискальной политикой (цит. по: [Баукатова. 2019. 24 мая]).

Именно потому, считают эксперты, что в этих и других нацпроектах заложены серьезные просчеты, нет глубокого научного обоснования, никакого экономического ускорения до 3% и выше в год у российской экономики в ближайшие шесть лет не просматривается. По прогнозам Международного валютного фонда, экономика РФ будет расти примерно 1,6–1,7% в год. И поэтому очень сомнительна реализация национальной цели, поставленной Президентом – «вхождение РФ в число пяти крупнейших экономик мира».

Пути и средства эффективного решения назревших проблем, выхода из травмированного состояния следует искать, *во-первых*, в политике управления, которая требует продуманного и научно-обоснованного механизма реализации поставленных задач. А это предполагает восстановление в правах апробированного не только в СССР, но и странах западной Европы (Франция, Германия) общенационального планирования в такой его форме, как индикативное планирование. Национальные проекты не заменят широкого и всестороннего охвата всего спектра социально-экономических проблем. Они были бы в большей степени эффективны и важны, если бы они являлись составной частью масштабного общегосударственного плана о способах и методах решения всех без исключения проблем. Выборочное определение этих проектов, претендую

на выход на решающие участки развития, не гарантирует, что забвение или игнорирование отдельных, не охваченных этими проектами проблем, не приведет к срывам желаемых показателей именно потому, что не было предусмотрено развитие отдельных его направлений развития. Провал такого подхода можно объяснить тем, что в подготовке этих документов принимали участие (а возможно, и возглавляли) те лица, которые завели страну в состояние травмы и теперь лихорадочно ищут пути выхода из этого незавидного положения не только экономики, но и всего общества. Немалое значение имеет и тот факт, что за невыполнение стратегических целей никто не несет ответственности, спрашивая только за выполнение текущих поручений президента и правительства. Этому во многом способствовал тот факт, что в реальной жизни происходило не последовательное достижение поставленных целей, а «стратегическое шараяние» [Сухарев, 2016: 133].

Эта сутолока и путаница и даже некомпетентность при подготовке ответственных решений проявляется как в крупных ошибках, так и просто в некомпетентности при решении отдельных проблем. Например, обязали Тулу нарастить авиаперевозки за границу при отсутствии аэропорта.

Во-вторых, в российском обществе травмы полностью проигнорирована роль науки. Это наглядно проявилось в том, что подготовка президентских проектов обошлась без экспертной оценки Российской академии наук и даже участия в их разработке, за исключением отдельных ее членов, которые представляли себя в личном качестве. При всех высоких словах о науке в современной России, которые раздаются в ее адрес, особенно в последнее время, они никак не подкрепляются реальными делами и соблюдением достигнутых договоренностей. В результате Российская академия наук практически превратилась в клуб ученых.

В-третьих, как отмечает академик А. Аганбегян, выполнение Указа президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2018 г. требует незамедлительного роста вложений в человеческий капитал [Аганбегян, 2019: 13–14]. Для этого нужно не ждать их прихода со стороны (это затруднено санкциями против РФ) – у государства есть огромные собственные резервы – профицитный бюджет, огромные золотовалютные резервы. Только с 2000 по 2018 г. страна получила около 2 трлн долл. только лишь за счет экспорта сырой нефти. А с учетом нефтепродуктов, природного газа и другого сырья – получено около 4 трлн долл. В 2018 г. экспорт нефти и газа принес более чем 130 млрд долл. В 2017 г. от всех топливно-энергетических товаров –

более 211 млрд (в 2013 г. — 370 млрд) [Независимая газета. 2019. № 6. 16 января]. В целом профицит бюджета за 2018 г. составил 2,8 трлн руб. и примерно такие же планы имеются и на 2019 и 2020 гг. Возникает вопрос — почему эти деньги не направить отечественной экономике в виде инвестиций или гражданам в виде хорошо оплачиваемых рабочих мест, улучшения социальной сферы и в первую очередь образования и здравоохранения. По мнению гендиректора консалтинговой компании *Nova Team* В. Жартуна, эти сверхдоходы легко могли бы «удвоить расходы на образование или поднять пенсии почти в полтора раза». Но нынешнее правительство намерено продолжать политику «лучшего министра финансов» А. Кудрина, который настаивал всегда и продолжает настаивать сейчас на выведении денежных «излишков» в резервы (к тому же хранящиеся за рубежом), а не на развитие страны [Истомин, 2019].

Огромный и неиспользуемый резерв для роста национальной экономики, по мнению А. Аганбегяна, представляет собой такой главный «денежный мешок» российской экономики, как активы банков России, которые достигли 85 трлн руб., что более чем в 2 раза превышает всю сумму государственных финансов — консолидированный бюджет и внебюджетные государственные фонды. И при этом только 1% их активов вложены в основной капитал. А это позволяет сделать вывод, что банковская система полностью «отвернулась» от задач социально-экономического развития страны [Аганбегян, 2019: 5]. А ведь у них за границей хранятся как минимум 700 млрд долл. (некоторые считают, что более 1 трлн). Банки устранились, полностью отвернулись от задач социально-экономического развития страны.

Значительные резервы кроются и в возможностях действующих российских компаний инвестировать развитие. Однако, по данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, по итогам 2018 г., 60% прибыли были направлены на дивиденды и только 40% — на инвестиции. Кроме того, практически никто из них не инвестировал в модернизацию. А это значит, что компании не собираются расширяться. А соответственно не будет и спроса на кадры. А отсюда вполне логично, что могут быть и шаги по сокращению штатов, по крайней мере, в 2019 г. 23% работодателей планируют это сделать [Красильникова, 2019].

Есть резервы и другого порядка — в совершенствовании налоговой политики, в осуществлении которой *отсутствует политическая воля*, поворот экономической политики в русло, по которому построены сравнительно успешные общества, как, например,

в Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, в которых налог на прибыль составляет от 40 до 65%. С другой стороны, требуется совершенствование этой политики по отношению к бизнесу, когда компании при уменьшении налогов на часть прибыли могут, по примерным расчетам, увеличить объем инвестиций примерно на 1 трлн руб., а также за счет пересмотра устаревшей амортизационной политики, что могло бы принести второй триллион рублей [Аганбегян, 2019]. Имеются резервы и в политике приватизации, в привлечении накоплений населения (особенно за счет жилищного строительства и производства легковых автомобилей). Разумная и взвешенная политика предполагает использование и такого канала как государственные займы, что приведет к увеличению государственного долга. И для этого у России есть все возможности: внешняя задолженность государства не превышает 3% ВВП, внутренний долг составляет около 10% ВВП. Опыт развитых стран показывает, что они не страшатся гораздо больших показателей задолженности: в странах Европейского союза внешние долги превышают 80%, а во Франции и Италии – более 100% ВВП.

В-четвертых, по мнению С. Бодрунова, президента Вольного экономического общества и директора Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, «единственное, что остановит разрушение экономики, а затем позволит перейти в наступление – это наращивание собственных технологических возможностей... Если на рынке 70–90 процентов технологий – импортные, то это означает не просто, что добавленная стоимость остается за рубежом, но и то, что вам можно в любой момент перекрыть кислород» [Бодрунов, 2019].

В-пятых, недооцененным остается вклад потребления домохозяйств. Не учитывается положительный опыт как США, так и Китая, которые уделяют большое внимание поддержанию высокой покупательной способности населения. Особенно ярко это проявилось во время кризисов, особенно в 2008–2009 гг., когда огромные средства были брошены на сохранение и даже увеличение потребления населения, в то время как Россия потратила немало своих резервов на «спасение» олигархов в виде многомиллиардных вливаний государственных финансов в их бизнес. Между тем статистика использования ВВП в последнее время показывает, что одним из важнейших составляющих факторов роста экономики стало потребление домохозяйств, что превысило даже чистый экспорт. Так, за 2018 г. их вклад в измерение ВВП составил плюс 0,8 процентных пункта при нулевом вкладе государственно-

го потребления и незначительном увеличении роли чистого экспорта. Все эти позитивные изменения и роли потребления могут торпедироваться инфляционными ожиданиями и сказаться на ухудшении материального положения населения, на успешном решении социально-экономических проблем и перспектив развития страны [Шановалов, 2019].

По данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, структура потребления российских семей не соответствует достигнутому уровню экономического развития. Несмотря на то, что среднедушевой ВВП в России в 2000-е гг. увеличивался, это не привело к существенным сдвигам в потреблении: около 30% своих доходов россияне тратят на продовольствие, еще более 19% уходят на коммунальные и транспортные услуги, оплату связи. Консервация подобной модели потребления не оставляет надежды на качественный скачок уровня жизни населения [Башкатова, 2019. 17 июня].

В-шестых, большую тревогу вызывает снижение фискальной функции крупнейших налогоплательщиков, что стало следствием олигархической сущности отечественной экономики. Это, например, рельефно проявляется в деятельности корпораций черной металлургии... «имеющих офшорную юрисдикцию, с помощью которой из-под российского налогообложения ежегодно выводилось около 60 млрд руб. выручки от экспортных продаж. В результате потери бюджета по недопоступившему налогу на прибыль оценивается в сумму 11 млрд руб.» [Ильин, 2019: 162–163]. Полученные от производственной деятельности доходы в меньшей степени вкладывались в модернизацию предприятий, а в большей степени направлялись на выплату дивидендов, вознаграждение ключевых управленцев и финансовые вложения в другие компании. С 2002 по 2016 г. из базовых российских металлургических предприятий через дивиденды выведен в офшоры триллион рублей. При этом потери бюджета от недопоступивших с этой суммы налогов составили более 90 млрд руб. Эти вознаграждения в сотни раз превышали среднюю заработную плату остальных работников предприятий, а состояние владельцев предприятий только за 2012–2016 гг. выросло в два-три раза [Ильин, 2019: 164]. Подобные факты свидетельствуют об открытом попрании частными владельцами системообразующих предприятий не только финансовых, но и *моральных* (курсив мой. — Ж.Т.) норм поведения, характерных для социально ориентированного государства. Такое состояние ведет к углублению конфликта интересов мажоритарных собственников

с интересами других акционеров и общественными интересами [Ильин, 2019:164].

И наконец, огромным тормозом в достижении сбалансированного и последовательного социально-экономического развития стала *бедность населения* (Г.А. Тосунян). Как показали исследования ведущих специалистов, по уровню неравенства распределения богатства (коэффициент Джинни) Россия опережает любую другую крупную страну. То есть за исторически сверхкороткий срок Россия превратилась из мирового лидера *по равенству* распределения доходов между своими согражданами в мирового лидера *по неравенству*, по разрыву между богатыми и бедными.

Доходы населения, которые итак были низкими по сравнению с развитыми странами, с 2012 г. резко упали, в результате чего численность населения, живущего ниже прожиточного минимума выросла с 12 до 21 млн людей и составила в 2018 г. 12% населения – людей, живущих ниже прожиточного минимума. Предпринятые меры по повышению минимальной заработной платы до прожиточного минимума (9500 руб.) с 1 января 2019 г. позволяют лишь частично снизить количество бедных, но не снизить разницу в доходах. По мнению экономиста, члена экспертного совета «Деловой России» В. Жуковского, «сокращение объемов выпуска продукции, уход на неполную рабочую неделю, отправка людей в неоплачиваемые отпуска – признак тяжелого экономического кризиса». По его мнению, очевидно, что виной тому стали проблемы в российской экономике и падение доходов населения. «Основная проблема, почему крупные товарные производители, в том числе производители автомобилей, уходят из России – это причина, связанная с ростом бедности и нищеты в стране, это падение платежеспособного спроса, сокращение объемов покупки товаров, автомобилей. Все это приводит к тому, что поддержание выпуска продукции и несение имеющихся издержек (арендная плата, фонд оплаты труда, налоги, страховые сборы) делает эту историю нерентабельной», – считает Жуковский. Он отмечает, что завод «Форда» станет не первым закрытым в России иностранным предприятием, и, скорее всего, не последним. По крайней мере, если в ближайшее время в Правительстве РФ не произойдет «смена парадигмы мышления и изменение бенефициаров российской экономики». «Такие ситуации в России сплошь и рядом, просто далеко не обо всех мы знаем» (цит. по: [Зуев И.: Накануне.RU. 22 февраля 2019]).

Необходимо сказать еще об одном. В этих кризисных условиях обществу не понятно, почему по-прежнему у руля экономики

остаются и государственные и бизнес-руководители, которые и в настоящее время только в несколько иных вариантах продолжают ельцинско-гайдаровские реформы. И хотя по мнению Г. Грефа, главы Сбербанка, была проделана работа по отстранению олигархов от власти, но, несмотря на этот факт, в России существуют две проблемы: «проблема — когда олигархи приходят к власти, и проблема — когда государство начинает заниматься предпринимательством» (телеканал «Россия-1», передача «Действующие лица с Наилей Аскер-заде». 2019. 19 мая). И эти проблемы, на наш взгляд, не только не устраняются, а только усугубляются, в результате чего ситуация в экономике и, как следствие, в других сферах жизни общества продолжает находиться в длительной стагнации, периодически переходя в рецессию.

Все это позволяет сделать вывод: органы государственной власти до сих пор не создали эффективных механизмов противодействия господству олигархов в экономике. В итоге вопросы конфликта их интересов и интересов общества остаются законодательно не отрегулированными, хотя олигархическая сущность российской экономики уже много лет болезненно отражается на уровне доходности бюджета, решении проблем национального и регионального развития, становятся источником напряженности в обществе и не позволяют двигаться к социально справедливому государству [Зюганов, 2019; Ильин, 2019: 164]. В этой связи не понятны такие акции, когда президент Медведев в 2011 г. отменил налог на прирост капитала при осуществлении долгосрочных прямых инвестиций. А требуется только политическая воля — ввести прогрессивный налог и ввести единую ставку налога на дивиденды, отменить возврат НДС экспортерам сырья и полусырья. Тогда принятые в этом направлении меры приведут к тому, что регионы покинут ранг дотационных территорий.

Литература

- Аганбегян А.Г.* О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1.
- Бабкин К.* Комментарий // Международный экономический форум. ЖЖ. 22 февраля 2019.
- Башкатова А.* Минэкономразвития оказалось на обочине экономического роста // Независимая газета. 2019. 24 мая.
- Башкатова А.* Бизнес в России долго не живет // Независимая газета. 2019. 18 июня.

- Башкатова А.* В России исчезает сельское население // Независимая газета. 2018. 2 июля
- Башкатова А.* Почти половина доходов граждане тратят на еду и ЖКХ // Независимая газета. 2019. 17 июня.
- Бодрунов С.* Планы добавленной стоимости // Российская газета. 2019. 3 апреля.
- Бодрунов С.* Интервью Е. Марьиной. Основа нового // Поиск. 2018. № 47.
- Бодрунов С.* Реиндустриализация: социально-экономические параметры и реинтеграция производства, науки и образования // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 20–28.
- Бондаренко Л.В.* Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социологические исследования. 2005. № 11.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120–130.
- Будалов И.* Рецензия на книгу Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты // Вопросы экономики. 2016. № 4.
- Вардуть Н.* Знакомые все мысли // Профиль. 2001. 29 августа. С. 28–29.
- Витальный подход к сложным социальным системам. Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. № 6. М.: Научный эксперт, 2013.
- Добренков В.И., Исправникова Н.Р.* Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика // Вестник МГУ. Серия 18 «Социология и политология». 2013. № 3. С. 26–55.
- Замостьянов А.* Гавань магистрали // Литературная газета. 2019. № 18. 8–14 мая.
- Зуев И.* Накануне.RU. 22 февраля 2019 г.
- Зюганов Г.А.* На службе народу. М.: Молодая гвардия, 2019.
- Ильин В.А.* Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019.
- Истомин В.* Тактика выжженной мошны // Версия. 2019. № 5.
- Камраков А.* Академики обвинили правительство в экономической некомпетентности // Независимая газета. 2019. № 6.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X и Y-теорию. М.; СПб., 2014.
- Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
- Костырев А.* Британцы дольют молока // Коммерсантъ. 2019. 14 февраля.
- Красильникова М.* Ни работы, ни зарплаты // Версия. 2019. № 8.
- Кудрин А.* Комментарий // Литературная газета. 2018. № 49.
- Кузьмина Ю.В., Попов Д.С.* Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 48–57.

- Матвеев И.А.* Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России // *Полития*. 2015. № 4 (79). С. 25–44.
- Никулин А.* Олигархоз как преемник постколхоза // *Экономическая социология*. 2010. Т. 11. № 1. С. 17–34.
- Обухова Е., Маврина Л.* Выживание, но не жизнь // *Эксперт*. 2019. № 29. 15–21 июля.
- Паничев Н.А.* Как уничтожали отечественное станкостроение // *Литературная газета*. 2019. № 6. 13–19 февраля.
- Россия на пороге крупнейшего после 2008–2009 годов рукотворного кризиса // *Независимая газета*. 2019. 20 мая.
- Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015.
- Россия в цифрах. 2015: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2015.
- Россия и страны мира. 2014. Стат. сб. М.: Росстат, 2014.
- Рувинский В.* Расходящиеся планы на будущее // *Ведомости*. 2019. 22 мая
- Симчера В.* Интервью // *Газета.ру*. 2017. 13 июня.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
- Соловьева О.* Россию надолго затянуло в болото стагнации // *Независимая газета*. 2019. 27 июня.
- Соловьева О.* Три выходных дня в неделю помогут ускорить экономику КНР // *Независимая газета*. 2019. № 6.
- Сухарев О.С.* Вопросы стратегии развития России // *Федерализм*. 2016. № 1. С. 133–151.
- Трошин Д.В.* Экономическая безопасность России: количественный макроанализ: монография. М.: Новые технологии, 2018.
- Узун В.Я., Шагайда Н.И.* Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М., 2015.
- Шаповалов А.* В России рассмотрели обычную экономику. Политика приносит в нее больше волатильности, чем цена нефти // *Коммерсантъ*. 2019. 25 июня.
- Шаповалов А.* Домохозяйства сами вырастили ВВП // *Коммерсантъ*. 2019. 2 июля.

Глава 6. Трансформация форм отчуждения как характеристика деформации социальной жизни

Современные исследования выявили факт, имеющий как научное, так и практическое значение — в мире в общественной и повседневной жизни резко возросла потребность и стремление к социальной справедливости. Хотя она и трактуется по-разному людьми, в зависимости от их социального положения и социального статуса (это выявили те же исследования), представление о ней становится неким обобщенным критерием, по которому люди судят об уровне и качестве своей жизни, о степени рациональности взаимоотношений с государством, с той организацией, в которой они работают, учатся и/или периодически контактируют, а также с кем они непосредственно общаются в повседневной жизни.

Именно от оценки социальной справедливости зависит, как человек ощущает себя в сложившихся жизненных обстоятельствах, насколько он удовлетворен общением с окружающим миром. Этот показатель позволяет судить и о тревожности, об ожиданиях, о желании занять устойчивое положение в обществе.

О том, что социальная справедливость травмирована, говорит тот факт, что сознание людей находится в антиномичном состоянии, т.е. расколото: согласно данным Всероссийских опросов в 2014 г. и в 2018 г., соответственно 45,5 и 48,9% людей убеждены, что страна развивается в правильном направлении, в то время как 54,7 и 51,1%, соответственно, считают, что страна движется в неправильном направлении или затруднились оценить ее состояние и тенденции развития [Жизненный мир... 2016: 350]. Именно более тщательное и подробное рассмотрение феномена справедливости при решении общественных и личных проблем позволяет увидеть вновь возникшие или радикально измененные прежние виды отчуждения.

Рассмотрим их более подробно.

Отчуждение между социальными слоями, общностями, группами

Статистические и социологические данные неумолимо и неуклонно свидетельствуют, что, несмотря ни на какие разговоры о демократии, равных правах и возможностях для всех людей по проявлению и реализации их способностей и таланта, как в мире, так и в России, продолжает нарастать разрыв и противопоставление по такому показателю, как степень владения необходимыми средствами для организации своей жизни. По данным фонда *Oxfam International*, в 2018 г. в мире насчитывалось 2208 миллиардеров, вдвое больше чем 10 лет назад. Их состояние ежедневно увеличивалось на 2,5 млрд долл. в день. По данным фонда, каждый год их состояние увеличивается на 900 млрд долл. В 2017 и 2018 гг. новый миллиардер появлялся каждые два дня. В то же время доходы 3,8 млрд человек, которые составляют беднейшую половину человечества, снизились на 11%. Каждый из этих людей живет не менее чем на 5,5 долл. в день. Есть еще одно сравнение — состояние 26 миллиардеров равно состоянию 3,5 млрд человек, которые живут в бедности и нищете [Версия. 2019. № 3].

В России этот процесс — сверхобогащение — выражен еще более выпукло. Рост доходов российских миллиардеров составил в 2017 г. 37% (в мире 17%) [Комсомольская правда. 2018, 27 октября]. Их количество продолжает показывать их самый высокий в мире рост с 2015 г. — более чем на 25% (с 77 до 101 персоны по итогам 2018 г.— 5-е место в мире) (доклад *World Wealth Report*). Следует обратить внимание и на такой факт: по данным международной исследовательской программы *Frank RG 70%* совокупного капитала россиян, имеющих на своих счетах 1 млн долл. и больше, размещено за пределами России. Общая сумма их капитала составляет 455 млрд долл., из которых 315 млрд находится за границей [Правда. 2018. № 142]. И вполне справедливо меткое замечание, что в России сформировалась «оффшорная аристократия», которая далека от интересов народа и от желания обеспечить ему желаемое позитивное будущее, благополучную и устроенную жизнь [Делягин, 2018: 16].

Увеличилась и группа людей с состоянием более 30 млн долл. — их в России к концу 2018 г. стало 1500 человек, и их численность за этот год выросла на 7%. По прогнозам аналитиков, в ближайшие 5 лет их количество вырастет на 24% и достигнет 1860 человек. Подобные темпы роста богачей наблюдается только в Индии —

там прирост суперсостоятельных людей составит 39% (с 2008 г. к 2023 г.) (доклад *World Wealth Report*). Растет и слой богатых людей, которые имеют состояние более 1 млн долл. По расчетам Института исследований и экспертизы Внешэкономбанка, в России этим миллионерам (примерно 3%) принадлежало 89% всех финансовых активов, 92% всех срочных вкладов и 89% всех наличных сбережений, в то время как на 29% самого бедного населения приходилось 6,4 и 3% соответственно [Ведомости. Лента.ру].

Такое расслоение, которое по сравнению с советским периодом совершенно контрастирует, ведет к тому, что в общественном сознании формируется стойкое убеждение в несправедливости созданного общественного устройства. Люди выступают не против богатства как такового, они протестуют против неравномерного его распределения и тех методов (в том числе и официальных, правовых), которым это богатство приобретает. Обратите внимание – в начале XX в. отец автомобилестроения Генри Форд рекомендовал соблюдать различия между оплатой труда высшего руководства (топ-менеджеров) и работников в пределах 40–50 раз. Это почти соблюдается в странах Северной Европы. В других странах оно существенно колеблется. Во Франции этот разрыв составляет 130 раз, в США – в 2,5 раза больше, в Японии – в два раза меньше [Клинова, 2019].

Но если огромные сверхдоходы частных собственников еще в какой-то мере можно оправдать, то почему некоторые руководители госкорпораций (а это уже ответственность государства) зарабатывают полмиллиона в день. По подсчетам Б. Бронштейна, при восьмичасовом рабочем дне эти трудолюбивые менеджеры зарабатывают в час по 62,5 тыс. руб. И соответственно по 1 тыс. руб. в минуту и примерно 17 руб. в секунду. Это обстоятельство позволяет даже горько пошутить – какой-то непорядок у нас с секундами [Новая газета. 2018. 21 ноября].

Следует обратить внимание и на такой факт: в мире верхний слой, который насчитывает 1%, за 1985–2016 гг. увеличил свои доходы на 60%, то нижний слой – на 40–70%. В России же, по расчетам экономиста Т. Пикетти, за последние 25 лет кумулятивный реальный рост для верхнего 1% по доходу составил 400%, для бедных слоев был отрицательным, а для средних слоев – от 0 до 10% (цит. по: [Краснушкина, 2019]).

Что касается среднего класса, то он идентифицируется по разным критериям, и суждения по нему достаточно противоречивы. В большинстве случаев на первый план выходит его опреде-

ление через доходы. Нередко используется такой показатель, как самоидентификация. В Центре анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ добавляют еще социально-профессиональный статус. По их расчетам, первому критерию – доходам (благосостоянию) в 2017 г. соответствовал 21% домохозяйств (практически столько же было в 2000 г.). По второму критерию – по самоидентификации – их численность равнялась в 2017 г. 50,8% (в 2000 г. – 41,8%), а третьему – 29,4% (в 2000 г. – 19,3%). Респондентам, отвечающим всем трем критериям, оказалось всего 5,5%, двум из трех – 22,9%. Именно эти группы и составляют обобщенный средний класс – 28,4%. В сравнении с другими странами мира, где этот показатель – разрыв между доходами и самоидентификацией – не очень значителен, а в ряде стран практически отсутствует, в России средние слои испытывают значительно больший стресс, ибо у них произошло неожиданное для них изменение их социального положения. По некоторым расчетам (например, «Потребительскому индексу Иванова» Sberbank CIB), с 2014 по 2018 г. доля причисляющих себя к среднему классу упала с 60 до 47%, а доля оценивающих свои доходы ниже среднего выросла с 35 до 48%. То есть эти группы претерпели серьезные изменения, которые ставят под сомнение его устойчивость, гарантированность занятости и передвигает его в ряды прекариата, который стремительно растет (цит. по: [Краснушкина, 2019]). Все это позволяет сделать вывод, что средний класс (вернее, средние слои) в России подвергаются размыванию, в результате чего незначительная часть примыкает к зажиточным, верхним слоям, а большинство теряет свои прежние преимущества, утрачивает возможности реализовать себя и обеспечить будущее своих детей. Более того, наряду с увеличением расходов на жилье, растут затраты на реализацию «гонки дипломов», что заставляет родителей больше вкладывать денег на образование, а также на здравоохранение. По данным Левада-Центра (май 2019 г.), в 2018 г. на одежде сэкономили 64% (в 2017 г. – 59%). Самоидентификации причисляющих себя к среднему классу противоречит и тот факт, что с 2012 г. не изменился такой индикатор – 65% населения не имеет никаких сбережений.

Все увеличивающееся противопоставление можно дополнить и данными международной консалтинговой компании *BCG*: Россия заняла 59-е место (из 152) рейтинга благополучия (в 2010 г. – 56-е место, лучшее за все время). Этот рейтинг составляется по десяти параметрам: три в группе «экономика» (доход, ВВП и инфляция), занятость и безработица), три по группе социального

развития (образование, здравоохранение, инвестиции в социальную инфраструктуру), остальные характеризуют устойчивость развития (качество окружающей среды, эффективность управления, гражданскую активность и равенство в распределении доходов, ожидаемая продолжительность жизни). Россия оказалась рядом со странами Южной Америки и Юго-Восточной Азии, а также наряду с Китаем и Турцией. По сравнению с тридцаткой ведущих стран более высоко оценена занятость (72 пункта из 100), равенство (76), инфраструктура (68), образование (65). Негативная динамика у параметров доход (минус 8 пунктов), здравоохранение (минус 27), управление (минус 4), окружающая среда (минус 3 пункта) [Коммерсантъ. 2018. 18 декабря].

В то же время децильный коэффициент (соотношение доходов 10% низкооплачиваемых и высокооплачиваемых групп) официально уже в течение многих лет отражает пропорцию 1:16 (по экспертным данным он равен 1:30, а в Москве 1:45/50), что уравнивает Россию с положением многих слаборазвитых стран Африки и Азии. Этот разрыв находит свое отражение в том, что численность бедных, т.е. живущих ниже прожиточного уровня (9500 руб. в месяц) с 2012 по 2018 г. не уменьшилась, а, наоборот, выросла — с 12 до 21,1 млн. По данным Росстата, их было в 2014 г. 13,1%, в 2015 г. — 15,1%, а в 2018 г. стало 12,7%). Как такую ситуацию объяснить, как еще не одним из проявлений травмированного общества при профицитном бюджете и растущем золотовалютном запасе? В этой связи можно сказать о весьма манипулятивной цифре, используемой официальными лицами. Опираясь на данные Росстата, они говорят о средней заработной плате в стране, которая, де, достигла 36,7 тыс. руб. в месяц. Эксперты утверждают, что более истинен и точен показатель, связанный с медианной зарплатой, которая в настоящее время исчисляется примерно в 26 тыс. руб.

В результате влияния всех названных факторов у современных социальных общностей, социальных групп (слоев) формируется *специфический жизненный мир с короткоживущими рефлексиями*, что выражается в следующем: 1) он определяется не только объективными условиями «общества травмы», но и субъективными реалиями в виде парадоксов в сознании этих социальных групп; 2) базируется в основном на краткосрочных или временных взаимодействиях; 3) не стабилен, так как в незначительной степени может опираться на ранее накопленный практический, предшествующий, а тем более исторический опыт; 4) это *мир ограниченной рациональности*, одобренный чувственными и эмоциональными

оценками; 5) он нацелен на реализацию первоочередных желаемых целей; 6) он часто *лишен перспективы, граждане не видят будущего при нынешнем устройстве общества и государства*. На деле это нередко ведет к отказу от профессиональной карьеры» [Тоценко, 2018: 210, 217, 218].

Такое противоречивое социальное положение различных социальных групп (слоев) по уровню дохода без ясной и отчетливой перспективы улучшения благосостояния позволяет относить Россию к обществам травмы.

Феномен среднего класса — насколько он оправдал себя?

Продолжим разговор о среднем классе. После начала рыночных реформ возник принципиально новый феномен в социально-политическом пространстве, который отражал происходящие или более желаемые процессы — формирование среднего класса. Его внедрению в научную и общественную практику способствовало применение этого термина в большинстве развитых стран. Средний класс трактовался как опора политического строя. И в соответствии с этим следовал вывод — его надо создавать, поддерживать, развивать. Но согласно сложившимся правилам в большинстве случаев его трактовали по единственному показателю — материальному достатку. И хотя были предприняты меры по учету таких показателей, как образование, доступ к управлению и другие, все же в основном все рассуждения сводились к экономическому благосостоянию и устойчивости материального положения. Согласно такому подходу, когда к среднему классу относят домохозяйства с доходом от 75 до 200% медианы доходов, в скандинавских странах к этому классу относили 70% населения, в странах ОЭСР — 64%, в США — 50% [Ведомости... 2019]. В России количественная определенность исчислялась по-разному: от статистических показателей до субъективной оценки опрашиваемых во время социологических исследований. Поэтому цифра о количестве среднего класса в России колеблется от 8–15% до 40–50% (подробнее см.: [Средний класс... 2016]).

Но последние данные, свидетельствующие о мировом и отечественном развитии в 2010-е гг., подвергли сомнению не только логичность применения к этим социальным общностям понятия «класс» (справедливо было бы говорить о средних слоях), но и сомнение в его устойчивости и надежности в поддержании суще-

ствующего строя. Реальная ситуация показывает, что в развитых странах с середины 1980-х гг. и к середине 2010-х гг. численность среднего класса упала с 64 до 61%. Происходит и падение доходов этого класса — если в 1980-е гг. совокупные доходы среднего класса в четыре раза превышали доходы богатых, то в настоящее время — только в три раза. Особенностью этого процесса стал поколенческий фактор: если в свои 20 лет 70% поколения беби-бумеров (т.е. рожденных в 1980-е гг.) уже пополнили ряды среднего класса, то среди миллениалов (поколение конца XX — начала XXI в.) таких стало только 60%, что непременно ведет к радикализации поведения молодого поколения [Журавлев, 2019].

В этой изменившейся ситуации увеличилось число высказываний, что средний класс «усыхает» и даже «умирает». И такой вывод имеет все основания. Ведь основные расходы людей, в том числе и среднего класса, связаны с тремя направлениями расходов: здравоохранение, образование, жилье. Статистика неумолимо свидетельствует, что и в мире и особенно в России с середины 1990-х гг. стоимость медицины, образования и жилья выросли значительно больше, чем инфляция (точнее, индекс розничных цен, который используется как один из ее индикаторов). Как объяснить эти изменения? Некоторые эксперты считают, что новые медицинские технологии и все возрастающее количество стареющего населения повлияли на увеличение цен по здравоохранению. Что касается образования, то «гонка за дипломами» толкает родителей идти на затраты по получению детьми желаемого образования (которое в то же время постоянно дорожает). Говоря о такой статье как расходы на приобретение жилья, то для среднего класса это означает затрату почти трети так называемого располагающего дохода (в 1990-е гг. эти расходы составляли одну четвертую). Характерный пример: в 1985 г. семье с двумя детьми, относящейся к среднему классу и соответствующим медианному доходом (получаемым ежегодно), требовалось 6,8 года, чтобы приобрести квартиру площадью 60 кв. м, то в 2015 г. этот показатель вырос уже до 10,2 года, что для жизненных возможностей этой семьи огромная величина.

Все это позволяет сделать вывод, что изменения, происходящие в среднем классе, имеют далеко идущие экономические, политические и социальные последствия. Его уменьшение ведет к сокращению стабильной базы государственного строя, подталкивает его к противостоянию, сказывается на самочувствии общества, подрывает основу основ сбалансированного развития общества — доверие к социальным и политическим институтам. Такое

состояние рождает серьезные оппозиционные мировоззренческие установки, ведет к проявлению националистических и антиглобалистских настроений.

Таким образом, *происходит реальная реструктуризация среднего класса*, которая ведет к вымыванию его профессионального состава, являющегося деятельной опорой общества. И это еще раз показывает, что ограничиваться подсчетами только доходов среднего класса неадекватно и ошибочно. Его состояние и перспективы развития зависят от многих других компонентов, среди которых сохранение и укрепление социального государства становится первостепенной задачей. Не меньшую роль играет тот факт, что в общественном мнении положение и образ жизни среднего класса (а не элиты) играет роль образца. И если на его положение будет продолжаться ориентация, то это более доступный и наглядный пример согласования интересов государства и человека (подробнее см.: [Тихонова, 2003; 2016]).

Прекариат

Говоря об изменениях в социальной структуре общества нужно непременно остановиться на стремительно формирующемся феномене — прекариате, для которого такая характеристика его жизни, как занятость рождает новые социальные неравенства.

Даже беглый взгляд на современную социально-экономическую ситуацию в России и зарубежных странах показывает, что прежняя социально-классовая структура перестала существовать, канула в Лету. Традиционные понятия — рабочий класс, крестьянство, интеллигенция — приобрели весьма размытый характер, распались на многочисленные фрагменты, которые не позволяют говорить о них как о каком-то мало-мальски однозначном единстве. Социально-классовая структура общества стала представлять собой некий калейдоскоп общностей, не имеющих или мало имеющих общие черты. Эти кардинальные ее изменения не остались незамеченными. Появились многочисленные попытки объяснить новую реальность. Так, КПРФ говорит о новом пролетариате, под которым понимаются не только классические рабочие, но и работники бюджетной сферы, малый бизнес и другие социальные группы, подвергающиеся эксплуатации [Зюганов, 2019; Родин, 2019]. Однако эти суждения оказываются достаточно противоречивыми и, как показывает анализ, обычно концентрируют свое внима-

ние на важных, но отдельных характеристиках и показателях того, что собой представляют современные общества и их социально-классовая структура. К сожалению, многие из этих попыток не замечают появления и превращение в социальную силу принципиально новых слоев, которые определяют лицо современного общества — социальных групп и общностей, характеризующихся неустойчивым, нестабильным, негарантированным социальным положением, и которые вошли в научную литературу под названием «прекариат» (от лат. — неустойчивый, нестабильный, негарантированный). Однако трактовка этого понятия весьма разнообразна, противоречива и неоднозначна. Поэтому актуальной становится необходимость разобраться в этой ситуации, не только описать этот феномен, но проанализировать ее состояние с теоретических и прикладных оснований.

Анализ имеющихся данных позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием — прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Если суммировать и найти рациональное понимание сущности этого класса, то обзор имеющихся точек зрения позволяет сделать вывод, что прекариат — это формирующийся класс, который, с одной стороны, включает в себя быстро растущий слой работников с нестабильным социальным положением, с неопределенной, гибкой (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. С другой стороны, он олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством.

Прекарии полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив своей гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни. Особо следует отметить, что составляющие его социальные группы не выработали еще чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей идеи, а только еще смутно осознаваемой политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат все еще есть «класс в себе», который стоит на пороге превращения в «класс для себя». Он уже образует несколько социально-классовых страт, которые объединяют значительные слои населения и закрепляют их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности

и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию для превращения в потенциально опасное образование — будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьбы страны (подробнее см.: [Стэндинг, 2014]). Можно к этому добавить, что победа Трампа в США, укрепление позиций правых сил почти во всех государствах Западной Европы связаны во многом с мобилизацией и мощной поддержкой прекарных слоев, ущемленного в правах населения в малых и средних городах, а также в сельской местности в этих странах.

Все более очевидно, что прекариат во все большей мере становится имманентной чертой общественной и личной жизни россиян из-за упорно проводимой либералами политики отрицания роли государства в решении экономических проблем, ни на дух не перенося идеи планирования и регулирования. Характеристиками рыночной экономики как свободного пространства, в котором трудовая занятость, прибыль и соответственно инвестиции без всяких ограничений перетекают туда, где для капитала нет никаких ограничений, ведет к тому, что множатся ряды тех, кто не имеет никаких гарантий. Более того, либералы убеждены, что социальные гарантии для рабочего класса, уступки профсоюзам неизбежно ведут к замедлению экономического роста, увеличению инфляции, понижению эффективности производства. Они также доказывали, что развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможно в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества. В конечном счете эта установка реализовала основную их цель — переложить бремя рисков, все заботы об общественной и личной (приватной) жизни на плечи самих людей, что в условиях России оказалось контрпродуктивным, ошибочным и бесперспективным.

Такая ситуация породила новые формы эксплуатации, которая в скрытом виде из-за отсутствия правовой защиты привела к занятости сверх 8-часового рабочего дня для 25,9% как постоянную практику, а еще для 39,9 % как периодически используемую. Это проявилось и в произвольной негарантированной оплате труда, отказе в соблюдении права на оплачиваемый отпуск, поддержке в уходе за детьми, отсутствии оплаты за вынужденный простой, а также в росте самоэксплуатации [Анисимов, 2016: 51–68].

Это позволяет сделать вывод, что социальная политика государства представляет плохо скоординированный набор мероприя-

тий, которые не образуют системы, целостности. В результате уровень общественной, трудовой и повседневной активности людей крайне низок — 45,5% не участвуют ни в каких формах общественной жизни. В трудной жизненной ситуации к органам власти обратятся только 2,1% из них; 24,9% испытывают чувство беспомощности при попытках повлиять на происходящее [Жизненный мир... 2016: 357].

Основной проблемой прекариата становится обеспечение занятости. Так как во все возрастающих размерах продолжает расти неформальная, временная, неполная, эпизодическая занятость, а также существовать такой феномен как работа без трудового договора, то требуется принятие мер по использованию, регулированию и правовой защите этих групп населения. Одной из перспективных мер могло бы стать сокращение рабочего дня до 4–5 часов, о чем мечтали и обосновывали такую возможность многие сторонники социального государства и последователи социалистических убеждений.

Из-за огромных масштабов смены работы, профессий происходит снижение интеллектуального капитала страны, которая, с точки зрения интересов общества, ведет к потере творческих возможностей людей, а с другой стороны, способствует профессиональной и социальной деформации (деградации) личности.

Следствием такого положения многих миллионов трудоспособного населения становится тот факт, что они не являются и не будут опорой официальной политики, не будут ее поддерживать, не станут участниками объявленного и рекламируемого курса по повышению эффективности производства, роста производительности труда, не говоря об их личном (не)участии в решении стратегических и тактических задач общественного развития как людей незаинтересованных в этой политике.

Прекарные группы начинают апробировать новые формы сопротивления происходящим изменениям в таких областях социально-экономической жизни общества как жилищно-бытовые, экологические и культурологические проблемы. И если не будут устранены проблемы, в решении которых заинтересованы эти слои и которые бы гарантировали им устойчивость и гарантированность их положения, это может привести к созданию предпосылок для превращения их в опасный класс, склонный в потенции к осуществлению кардинальных перемен в стране.

Стоит отметить и такой факт — представители прекариата нацелены на реализацию первоочередных желаемых целей. Одна-

ко в результате согласно экспертного заключения, осуществленного по заказу Государственной Думы, реальная стоимость потребительской корзины (минимальный набор продуктов и услуг) равна 34,7 тыс. руб., т.е. в 3 раза выше официальной цифры (Накануне. ру. 2019. 28 июня). А это значит, что официальные данные, характеризующие реальную бедность и прожиточный минимум, слишком занижены. При растущей бедности и снижении уровня жизни (30–40% говорят, что им хватает денег только на еду), эти группы населения «формируют спрос на продукты и товары первой необходимости на самом минимальном пределе своих возможностей. Покупают то, что им предлагают в самых дешевых магазинах. И, следовательно, такой спрос не стимулирует промышленность к выпуску качественной продукции. Мы попадаем в ловушку бедности, из которой выхода не видно» [Журавлев, 2019. 7: 4].

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX – начале XXI в. появился новый социальный класс – прекариат, который характеризуется неформальной, временной, сезонной или частичной занятостью, носящей негарантированный, нестабильный, неустойчивый, преходящий характер. Причем его численность постоянно растет, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и которых часто относят к среднему классу. Анализ как теоретических идей, так и данных эмпирических исследований позволяет сделать вывод, что прекариат – это показатель травмированного общества, продукт его деятельности из-за отсутствия научно-обоснованной социально-экономической политики (подробнее см.: [Тощенко, 2018]).

Меж- и внутрипрофессиональное отчуждение

Одним из показателей травмированного общества являются диспропорции в развитии профессиональной структуры общества. Стандартным инструментом ее измерения является классификация видов занятий как профессий. В настоящее время в России насчитывается около 450 элементарных профессий, которые при максимальном укрупнении насчитывает 9 профессиональных групп. [Гимпельсон, 2016: 133]. На основе анализа данных обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ), проводимых Росстатом, было выявлено, что почти половина совокупного (и реализованного) спроса на труд сосредоточено всего

в 27 профессиях. По численности первые два места занимают две группы: водители автомобилей (чуть более 7% всех занятых) и продавцы (около 7%). Если к этому добавить 1,3 млн охранников, то деформация профессиональной структуры становится особенно наглядной. К этому следует добавить, что в 27 выше названных профессий нет ни одной, которая бы напрямую ассоциировалась с техническим прогрессом. В составе этих профессий нет представителей в области инженерных и естественных наук, ни инженеров-электронщиков, ни программистов [Гимпельсон, 2016: 134].

Все это позволяет сделать вывод, что реальные потребности национальной экономики и культуры находятся в стороне (в отрыве) от технического и технологического прогресса. И поэтому решать задачи инноваций и различных ступеней модернизации практически невозможно или серьезно затруднено с теми профессиональными группами, если они напрямую не связаны с ним.

Это противостояние профессий поддерживается не только потребностями в этих профессиях, но и соответствующей оплатой труда: работники транспорта и торговли имеют гораздо более высокие (прямые и косвенные) доходы.

То, что в этой ситуации не поощряется интеллектуальный труд, не поддерживается профессиональная подготовка, говорит и тот факт, что среди продавцов магазинов 14% имеют высшее, а 26% — среднее специальное. Примерно такое же распределение по образованию характерно и в профессиональной группе охранников, которая считается низкоквалифицированной общностью. Иначе говоря, на многих рабочих местах, там, где достаточно общего образования, около 40% имеют третичное образование, что свидетельствует о расхищении того интеллектуального потенциала, которым обладают эти люди. И косвенно говорит о том, что многие высшие и средние профессиональные учебные заведения работают вхолостую. А если учесть, что часть выпускников, не найдя достойного приложения своего труда и желаемых условий работы, занимают низко- и малоквалифицированные места занятости, но неплохо оплачиваемые, это не может привести их ни к чему иному, как потере доверия к социальным институтам, росту неудовлетворенности и желанию при определенной ситуации бороться за свои права, в том числе и контрпродуктивными методами.

О запущенности, и как следствие к травматической ситуации ведет и темп обновления и замещения старых рабочих мест новыми. Новые рабочие места, как справедливо замечает В. Гимпельсон, создают спрос на новый человеческий капитал, особенно если

они создаются на производстве, внедряющем новые технологии, а не на конвейере или в супермаркетах. Это принципиально важно потому, что индикатором нормального эволюционного развития являются показатели создания и ликвидации рабочих мест. По мнению одного из ведущих европейских специалистов П. Каюка, многолетняя практика говорит о таком правиле: в год должно создаваться примерно 15% новых рабочих мест, из которых около двух третей приходится на действующие и одна треть — на создаваемые предприятия. При этом показатели ликвидации рабочих мест примерно те же, хотя несколько меньше. Но это правило распространяется только на развитые страны. Догоняющие экономики должны иметь еще более высокие показатели. Поэтому в странах с нестабильной экономикой, коэффициент создания должен составлять от 10 до 20%. А какова ситуация в России? В 2010-е гг. темпы создания рабочих мест на действующих предприятиях составляли 4–5%, а темпы ликвидации — 5–6%. Эти данные свидетельствуют о том, что новых и реконструируемых предприятий создается мало. Темп их рождения падает, и поэтому обновление идет медленно, рабочих мест становится меньше, а не больше (см.: Труд и занятость, [2016: 18]). А такая сложившаяся в России ситуация говорит о том, что очень медленными темпами идет появление новых и ликвидация старых предприятий, расширение и сжатие действующих. А так как нет четких и ясных перспектив, нет достаточных инвестиций, ясных для бизнеса правил — все это ведет к неэффективному использованию человеческого капитала.

Тормозит и травмирует трудовые отношения и процесс внутри-профессиональной дифференциации, когда работники в зависимости от различных форм собственности, ведомственной принадлежности и рентабельности предприятий получают за практически одинаковую работу оплату труда, различающуюся в несколько раз. И попытки обеспечить гарантию прав даже одной профессии пока остаются пожеланием и мечтой, на которые не могут повлиять и претендующие на защиту прав тружеников профсоюзы.

Такая постановка ставит перед политической властью с особой остротой вопрос — что делать в сложившейся ситуации. И хотя в данном анализе основное внимание уделяется такой острой проблеме как занятость в разрезе профессиональной занятости, считая ее основополагающей для решения существующих социально-экономических проблем, но в то же время нельзя согласиться с технократическими утверждениями, которые основываются и базируются на том, что происходящая модернизация

с ее гибкими технологиями вытесняет живую рабочую силу, заменяя ее роботами, различными автоматизированными системами. Более того, этими утверждениями они совместно с (нео)либералами прикрывают узость мышления, пугая окружающих (в том числе и политическую власть) неизбежностью существования значительных социальных слоев, лишенных постоянной и гарантированной работы. Между тем, если рассмотреть историю развития капиталистического общества с XVIII в., то мы не увидим устойчивого снижения уровня занятости. Конечно, были кризисы, были спады производства, кардинально менялись техника и технологии, но в целом объемы вовлеченных в общественное производство не только не уменьшались, а наоборот росли. Технологические революции в прошлом, как и кардинальные информационные и цифровые преобразования в настоящем меняют не столько количество, сколько качество рабочей силы, порождая новые профессии взамен устаревших и не соответствующих требованиям времени. Поэтому нужны не оправдания существующей ситуации с проблемами занятости, не ссылки на непреодолимый объективный характер научно-технического прогресса, а приведение в соответствие проводимой экономической политики потребностям и интересам населения и главным образом рабочей силы. А для этого нужны не ухищрения и манипуляции с профессиональной занятостью, а научное обоснование и политическая воля, которые бы избавили многих людей от унижительной роли просителей и приспособленцев.

Новые лики отчуждения города и деревни (сельской территории)

В мире, в том числе и России, идет объективный процесс — все большее и большее количество населения сосредотачивается в городах. Этот процесс начал свое интенсивное шествие еще в XIX в., и в разных странах он протекал неоднозначно. Не минула сия чаша и Россию, когда она встала на путь индустриального развития. Особенно широкие масштабы этот процесс приобрел в годы советской индустриализации и в последующих после нее преобразованиях в социально-экономической жизни общества. Рубежным стал 1961 г., когда численность городского населения в СССР впервые превысила количество, живущих в российском селе. И надо сразу заметить, что сокращение населения в сельской местности происходило своеобразно: в абсолютном значении оно мало изме-

нялось, а в относительном — происходило в больших масштабах, так как весь прирост населения (а он в 1920–1930-е гг., а затем в конце 1940-х — начале 1950-х гг. он шел достаточно интенсивно) осуществлялся в городах, в том числе и за счет сельской молодежи. В эти годы практически все сельские населенные пункты представляли собой самостоятельные хозяйственные единицы, которые олицетворяли единую экономическую деятельность в рамках артельной организации труда в виде колхозов с соответствующим пусть и примитивным, но самостоятельным функционированием других сфер жизни на селе — образовательной, культурной, торговой (обычно это школа, клуб или изба-читальня, торговая лавка). Стремительное уменьшение сельских жителей и соответственно населенных пунктов началось со времени укрупнения колхозов в начале 1950-х гг. Небольшие населенные пункты, превратившись из самостоятельных экономических единиц в подразделения крупного хозяйства (бригады, звенья), теряли свою определенность, лишались гласного административного, а затем и негласного артельного контроля [Нечипуренко, 2015; Хагуров, 2010]. Эти изменения начали дополняться ликвидацией начальных школ, где непосредственное родительное внимание особенно необходимо. Именно тогда и родилась признаваемая всеми участниками изменений на селе сентенция «Нет школы — нет деревни», которую как новую истину произносит нынешний председатель правительства спустя почти 70 лет в условиях катастрофического положения сельского хозяйства. Напомним, именно в 1950-е гг. началось абсолютное уменьшение как сельского населения, так и сельских населенных пунктов, что послужило рождению в начале 1960-х гг. политики ликвидации неперспективных деревень, к обоснованию которой приложили усилия и ученые, в основном горожане по происхождению, которые, исходя из умозрительных представлений, доказывали, что в крупных населенных пунктах можно более эффективно организовать обучение, культурное обслуживание (клубы, библиотеки и пр.). Очень быстро время показало, что ликвидации деревень предвораляло закрытие школ, а удовлетворение культурных потребностей в виде использования библиотек и посещения клубов свелось к их объединению (переносу в более крупные села), что привело к их сокращению, потому что, как выяснили новосибирские социологи, сыграл свою роль фактор «территориальной доступности» учреждений культуры: если расстояние для удовлетворения этих потребностей превышало 4–5 км, большинство людей переставали ими пользоваться [Фадеева, 2015].

Принципиально новое отчуждение деревни от города еще в большей степени произошло, когда экономика сельского хозяйства с началом рыночных преобразований в 1990-е гг. претерпела сокрушительный разгром. Преступный по сути указ Ельцина о ликвидации колхозов и совхозов привел к краху большинства из них, даже тех, которые не на словах, а на деле олицетворяли эффективно функционирующие хозяйства с достаточно удовлетворительным социальным и культурным обслуживанием. Многие трудоспособные работники лишились мест приложения труда и начали искать работу вне своего сельского жизнеустройства — в городах, во временной занятости, в отходных промыслах и т.д. Часть их переключилась на личное подсобное хозяйство. Еще часть находили место приложения своих сил и способностей во вновь организованных акционерных обществах, создаваемых вместо бывших колхозов и совхозов, но которые практически всегда вели несравненно меньший объем хозяйственной деятельности, что обеспечивало работой далеко не всех живущих на селе [Бондаренко, 2016; Великий, 2012]. В дальнейшем усугубление ситуации с занятостью на селе внесли агрохолдинги, которые за стиль их хозяйствования получили название олигархозы. Многие из них предпочитали использовать не местную рабочую силу, а эмигрантов из ближнего зарубежья, как более покладистых и безответных работников [Барсукова, 2016; Никулин, 2010].

В этой ситуации первыми стали покидать деревню молодые люди, которые не видели никаких возможностей найти приемлемую работу, не были удовлетворены организацией культурного и бытового обслуживания, а главное, не видели перспектив нормального будущего устройства своей производственной и личной жизни (см. подробнее: [Калугина, 2015; Смыслы сельской жизни... 2016]). Следствием ухода более молодого поколения в городах стало стремительное уменьшение количества обучающихся в школах. И тут созрело «мудрое» решение, продиктованное финансовой политикой государства — ради экономии была провозглашена политика «оптимизации» образования, что было связано с укрупнением школ, с их ликвидацией в небольших населенных пунктах в сельской местности, в результате чего с 1991 по 2015 г. численность сельских школ уменьшилась почти в два раза (с 48,6 до 26,1 тыс.).

Практически одновременно проводимая «оптимизация» учреждений здравоохранения привела к закрытию местных сельских поликлиник и больниц и даже фельдшерских пунктов. Так, за последние 5 лет их количество сократилось на 21%. При этом боль-

ше всего пострадали участковые больницы — за последнее десятилетие их численность уменьшилась в 28 раз. Во многих сельских стационарах упразднили специализированные отделения, поэтому получить лечебно-диагностическую помощь у узкопрофильных специалистов возможно только в районных или областных центрах. Именно поэтому количество районных больниц за тот же временной период уменьшилось в 1,5 раза и практически сравнялось с результатом двадцатипятилетней давности. Однако количество койко-мест в центральных районных и районных больницах только за 2013–2014 гг. сократилось практически на 12 тыс. [Счетная палата... 2015: 18]. К этому следует добавить, что 17,5 тыс. сельских населенных пунктов вообще не имеют учреждений здравоохранения. Соответственно практически каждому десятому (9%) сельскому жителю России недоступны, и для четверти труднодоступны медицинские учреждения по территориальному принципу [ФЦП «Устойчивое развитие...»].

Такие же изменения произошли и в сфере культуры. С 1990 по 2015 г. культурно-досуговых учреждений, в том числе и сельской местности в стране уменьшилось с 73,2 до 40,3 тыс., и общедоступных библиотек — с 62,6 до 38,9 тыс. [Основные показатели культуры... 2014; Учреждения культуры, 2015; Число общедоступных библиотек, 2016].

Эти преобразования привели к тому, что следствием такой политики стал тот факт, что за последние четверть века из 153 тыс. сельских населенных пунктов исчезло более 25 тыс., а по переписи 2010 г. еще в 42 387 деревень насчитывало до 6 жителей, и еще 13 234 — 6–10 человек [Российский... 2015: 84].

Что касается труда в сельском хозяйстве, то в нем произошли такие процессы, которые свидетельствовали о его деградации. В связи с резким уменьшением сельскохозяйственной техники сократилось количество квалифицированных кадров — трактористов, шоферов и других механизаторов. С сокращением ферм, как крупного рогатого скота, так и свиней, овец, лошадей резко снизилось количество занятых в этих видах труда, среди которых было тоже немало работников квалифицированного труда — механиков по доильным установкам, по обработке и подготовке кормов, по строительству и ремонту. Одновременно в связи с ликвидацией колхозов и совхозов оставшиеся хозяйственные единицы освобождались и от кадров высокой квалификации — агрономов, зоотехников, ветеринаров, инженеров. Иначе говоря, произошло значительное уменьшение занятых квалифицированным трудом,

что также отразилось и на снижение качества работы оставшихся работников. Труд в сельском хозяйстве все в большей и большей мере становился непривлекательным. Исчезала уверенность в будущем не только труда, но и перспективе в жизни. Это дополнялось тем, что и по качеству, и оплате труда он во все большей мере уступал тому уровню, который существовал или складывался в городах [Барсукова, 2016; Узун, Шагойда, 2015].

В результате рыночных реформ и приватизации земли в российском сельском хозяйстве сложились следующие организационные структуры: а) агрохолдинги; б) акционерные организации; в) фермеры; г) личные приусадебные хозяйства. Но, по сути, советская сельскохозяйственная структура – коллективные хозяйства, стала заменяться не мелким и средним бизнесом – фермерами, а нарождающимися агрохолдингами-латифундиями со всеми присущими им формами интенсивной эксплуатации при сохранении малопродуктивного и весьма затратного личного подворья. Стал кардинально изменяться характер отношений на селе. Отсутствие рабочих мест, нехватка ресурсов, эксплуатация, а также распространение ориентации на городской образ жизни вынуждают сельских жителей и особенно молодежь отказываться от труда на земле, в результате чего происходит *раскрестьянивание*. Капиталистические отношения, основанные на конкуренции, дробят монолитный сельский жизненный мир, возникает атомизация сельского образа жизни, растет социально-экономическое неравенство, социальные связи становятся более короткими и предельно прагматичными [Буздалов, 2011; Великий, 2012].

Не изменяет общей картины и увеличение валового сбора зерна за 2017 и 2018 гг. и увеличение в основном его экспорта. В условиях, когда количество крупного рогатого скота уменьшилось в 3 раза (с 57 млн до 19 млн), в том числе и коров более чем в 2,5 раза меньше (с 20,5 млн до 8,5 млн) стало возможным зерно экспортировать, а не превращать его в различные виды комбикормов, и, соответственно, меньше тратить на воспроизводство молока и других молочных продуктов.

Предполагаемая госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий» нацелена на преодоление травмированного социального положения сельчан – сейчас соотношение доходов сельского населения и жителей городов составляет 68% (проект – довести до 80%). Но для этого надо снизить уровень безработицы на селе – в настоящее время он составляет 8% (в городах 4,3%). Доля населения с доходами ниже прожиточного уровня почти вдвое

выше городской (20% против 11,2%). По расчетам для преодоления отставания села от города на решение первоочередных задач требуется примерно 6 трлн руб. при имеющихся у государства ресурсах в 2,28 трлн руб. Но несомненно, что без решения социальных проблем — благоустройство территорий, содействие занятости, развитие инфраструктуры, жилищное строительство — невозможно решить качественный скачок в развитии сельского хозяйства и сократить различия между городом и селом [Крючкова, 2019].

Отчуждение в жизни регионов, между Югом и Севером, между Востоком и Западом

В настоящее время в России сложились огромные диспропорции в развитии регионов, которые имеют тенденцию увеличиваться. В докладе Всемирного банка (сентябрь 2018 г.) утверждается, что «сегодня Россия имеет самый высокий уровень регионального неравенства среди крупных стран с развивающейся экономикой». Если в развитых странах это различие составляет 3–5 раз, то в России — 25 раз. Это приводит к тому, что уровень жизни в разных регионах колеблется в значительной степени — в бедных регионах она в разы меньше по сравнению с Москвой и другими крупными городами. В результате проводимой политики бюджетная обеспеченность в расчете на одного жителя различается значительно: от 40 тыс. руб. в Ивановской области до 185 тыс. — в Москве и 670 тыс. — на Чукотке. Подобная ситуация складывается и в отношении зарплаты бюджетников: от 12 тыс. у врача в Алтайском крае до 135 тыс. в Москве [Комраков, 2019]. Эта ситуация во многом объясняется «унитарным федерализмом» (выражение Ю.А. Николаева, директора департамента стратегического анализа ФКБ), когда 70% всех собираемых налогов сначала отправляются в федеральный центр, а 30% остаются на местах. Понятно, что для Ханты-Мансийского округа и Костромской области — это дает неодинаковые результаты и соответственно возможности решать неотложные задачи регионов. В этих условиях практически нет средств для самостоятельного управления территорией, в результате чего регионы попадают во все большую зависимость от центра с фиксацией значительного расхождения доходов населения [Журенков, Трушин, 2019: 7]. Итогом такой политики становится огромная миграция с востока на запад, из регионов — в Москву и Санкт-Петербург, с северных территорий — в южные.

В России в 2001 г. была принята Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ (2002–2010 годы и до 2015 года)». После успешного начала ее реализации она была закрыта в 2007 г., по предложению бывшего в то время зам. министра финансов А. Силуянова под предлогом невыполнения регионами своих обязательств. С тех пор ситуация только усложнилась, разрыв в развитии регионов только увеличился, одновременно укрепив убеждение федеральной власти, что это лучший способ управления страной.

Причем сами по себе абсолютные цифры, как по развитию экономики, так и по доходам и оплате труда еще не в полной мере говорят об уровне жизни населения. Так, по уровню зарплат Сахалин занимает первое место в России. Однако это еще не говорит о высоком уровне жизни его жителей. Потому что цены на все товары, которые завозят из материка, значительно выше, чем в Москве, что самым непосредственным образом влияет на покупательную способность населения, а в конечно счете — на уровень благосостояния.

В настоящее время 13 субъектов Федерации считаются высоко обеспеченными, 41 субъект относится к группе среднеобеспеченных и еще 31 — к низко обеспеченным.

Нужно сказать, что федеральная власть предпринимает ряд мер по сглаживанию различий между регионами в совокупности с решением других проблем — демографических, сельскохозяйственных, социально-культурных. К ним относится и попытка повлиять на трудовую мобильность, на условия труда и быта жителей Дальнего Востока, Крайнего Севера, Севера европейской части. Дело в том, люди, и не только приехавшие в советское время на освоение новых территорий, но живущие не одно поколение в этих регионах, покидают эти места проживания и уезжают в основном в крупные города, в южные и центральные регионы России. Меры, которые принимаются в централизованном и региональном порядке, не приносят результатов по поддержанию и закреплению работоспособного населения в виде таких мер, как «дальневосточный гектар» (который уже провалился из-за отсутствия условий для нормального его освоения). А просто призывы быть патриотами этих территорий при массовом закрытии предприятий, дороговизне повседневной жизни и отсутствии возможности ездить по стране не могут принести положительных результатов. Поэтому справедлив вывод академика М. Погосяна: «Социальное измерение связанности территорий (а оно разрушено. — Ж.Т.) —

это выполнение соответствующих социальных стандартов: где бы не жил российский гражданин, он должен получать гарантированный государством набор социальных благ» [Погосян, 2018. № 45].

Обратим внимание и на такой факт – одной из стратегических проблем рынка труда является «замкнутость» около 40% населения в инфраструктурно бедных и транспортно слабых территориях и относительно некрупных городах. Расчеты показывают, что вливание в инфраструктурный капитал провинции теоретически может разблокировать обновление локальных экономик [Бутрин, 2019].

Устранение территориальных перекосов представляет собой не только сугубо экономическую, но и социальную задачу. Реализация пространственной стратегии, как показывают расчеты, приведет к увеличению к 2024 г. железнодорожной транспортной подвижности населения на 10–12% и на 20–23% – авиационной подвижности. В решении этой проблемы значительную роль занимают проблемы транспортной связанности регионов. В купе с решением задачи по формированию четырех десятков крупных центров с учетом их ориентированности на укрепление и реконструкцию медицинской и образовательной инфраструктуры это может привести к приобщению почти четверти населения страны и преодолению отставания глубокой провинции от стандартов развитых регионов и мегаполисов. К этому следует добавить – преодолению отчуждения регионов друг от друга способствует проект цифровизации глубинки, что не только изменит уклад и образ жизни, но и приведет (как ожидается) к стабилизации состава населения средних и малых городов и сельских территорий, а также к снижению оттока населения из них в крупные города.

И наконец, стоит сказать, что предыдущие программы по развитию центров инноваций в целом провалились (за исключением Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Татарстана). Нужен новый подход, что в частности связано с тем, что в этой программе должен быть учтен региональный аспект, не ограничивающийся призывами или ссылками на опыт Москвы (это все же весьма сомнительный или, по крайней мере, весьма спорный и ограниченный ориентир). А пока, по мнению Н. Зубаревич, ситуация не изменяется: богатые регионы становятся все богаче [Зубаревич, 2019. 24 июня].

Проблематика территориальных различий самым непосредственным образом связана с развитием и совершенствованием федерализма, как политической, так и правовой основы решения территориальных и этнонациональных проблем. Но пока в реаль-

ности субъекты федерации (как и все нижестоящие уровни управления) не наделены необходимыми властными полномочиями и, соответственно, собственными источниками финансирования, без чего невозможно не только ускоренное развитие экономической и социальной сфер, а даже нормальное последовательное и действительное их функционирование [Самохвалов, 2018:12].

Региональная составляющая особенно ярко демонстрирует себя в социально-экологической плоскости. Создание национальных парков, рекультивация свалок, решение мусорной проблемы, реабилитация берегов рек, устранение природных издержек в связи с созданием гидроэлектростанций в советском прошлом, ликвидация последствий осушения земель и значительно более эффективная борьба с загрязнением воздуха, воды, почвы призваны обеспечить условия для благоприятного жизнеустройства во многих российских регионах, устранить перекосы в использовании социальных благ и гарантий. Предполагается, что эти меры положительно повлияют на рынок труда, на занятость, на ориентацию людей на жизнь в своем регионе [Бутрин, 2019]. А пока изменяется только налоговая политика: по расчетам депутата Госдумы М. Шапова, прирост налогов на доход населения с 2014 по 2018 г. составил 40%, а рост экономики – 2,4 %. Иначе говоря, налоговая политика не обеспечивает экономическое развитие [Шапов, 2019. 24 июня].

К межрегиональным проблемам тесно примыкают различия между Севером и Югом страны, между Востоком и Западом. Это особенно наглядно (в социальном плане) проявляется, когда анализируются миграционные потоки. Если в царские времена и особенно в советский период шло достаточно интенсивное освоение сибирских просторов, северных районов, то в настоящее время идет непрекращающийся процесс уменьшения населения на этих территориях. По данным официальной статистики, только с 1989 по 2010 г., население Сибири сократилось на 8,6%, на Дальнем Востоке – на 20%. Особенно страдают северные районы. Так, с Чукотки из 1 тыс. человек уехало 168, в Магаданской области – 120 из каждой тысячи (<http://expert.ru/expert/2013/31/mertvuyij-vostok/?subscribe>). Хотя уменьшение населения Сибири сдерживается усилиями по добыче нефти и газа – главными источниками пополнения государственной казны – оно лишь частично компенсирует уменьшение численности населения. Такое незавидное состояние во многом обусловлено противоречивыми и путаными государственными актами по проведению демографической и миграционной политики (см.: [Рыбаковский, 2015]).

Таким образом, пространственно-территориальный аспект развития, по мнению В.В. Маркина (Институт социологии ФНИСЦ РАН), представляет собой особый вызов для государственной политики России в современных условиях и на перспективу, что требует поиска механизмов и мониторинга тенденций для последующей ее реализации. Их актуальность находит подтверждение в предложении президента РФ В.В. Путина развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населенных пунктов, и как минимум удвоить расходы на эти цели в предстоящие шесть лет (Послание Федеральному Собранию 1 марта 2018 г.). Введение понятия «пространственное развитие» в стратегию и реализацию государственной политики в отношении российских территорий, в том числе малых городов, ее наполнение социальным смыслом, средствами и инструментами политико-управленческих и социально-управленческих практик, на наш взгляд, может ослабить и даже устранить ряд проблем общества травмы, которые требуют соответствующих мер по достижению сбалансированного и устойчивого развития страны [Маркин, 2019].

На наш взгляд, нужно сказать, что исходная база, которая нашла отражение в Стратегии пространственного развития РФ (а это официальный документ, разработанный по методике Министерства экономики), для сравнения степени и уровня региональных различий слабо обоснована и не учитывает интеллектуальные услуги, деятельность креативной и культурной индустрии. В результате Бурятия имеет одинаковое число специализаций с Санкт-Петербургом. По мнению Е. Куценко, В. Абашкина и Е. Исланкиной, это сложилось в результате серьезных ошибок в оценке возможностей и потенциала региональных специализаций, что соответственно препятствует их эффективному использованию и/или поддержке имеющихся возможностей по их развертыванию. «В то же время, – как пишут исследователи, – европейский опыт свидетельствует о сильной связи между концентрацией интеллектуальных услуг в регионах и уровнем развития экономики и инноваций» (цит. по: [Крючкова, 2019]).

Межэтническое отчуждение

Депривация социальной жизни, отчуждение проявляется и в резком ухудшении качества межэтнических отношений. Высмеи-

вание и отрицание официальной установки советского периода о «дружбе народов» обернулись весьма спорным, деформированным строительством этих отношений, их противостоянием, ростом предубежденности по этническому признаку, замыканием в этнонациональном «Я». Этнический фактор, который в период существования советской власти подвергался регулированию, в условиях новой России практически во всех ее национально-государственных образованиях стал важнейшим критерием по созданию преимуществ представителям той или иной нации в экономической деятельности (преференции национальным кадрам), в сфере культуры (выпячивание особенностей языка, культуры). Особенно губительным по своим последствиям стало доминирование этнических претензий в политической жизни, что проявилось в монополизации политического управления, в комплектовании кадров аппарата всех уровней власти по национальным предпочтениям, в создании общественных движений с националистическим уклоном (подробнее см.: [Тощенко, 2003]).

В настоящее время, в начале XXI столетия, нет сомневающихся в том, что этнический, национальный фактор является одним из определяющих в современной жизни всего человечества. События, происходящие в мире, в отдельных регионах, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что многие народы столкнулись с проблемами национальной идентификации [Тишков, 2003]. Если, по мнению известного немецкого социолога Г. Шельского, демократии угрожает крайняя ориентация на демократию, так и национальной идентификации угрожает крайняя ориентация на роль и значение этнического фактора. Об этом свидетельствуют многие события, воплощающие в себе этнонациональные конфликты. Так, более четверти века сохраняется этнонациональная напряженность в таких странах, в которых в полной мере представлено общество травмы в Румынии, в ряде стран бывшей Югославии.

Эти примеры можно продолжить. Кровавый конфликт уже в течение многих лет протекает в Шри-Ланка, где тамилы борются за независимость против центрального правительства. Незарубежавшейся раной для курдов является их борьба за независимость (37-миллионный народ расчленен между несколькими государствами – Турцией, Ираном, Сирией, Ираком).

О том, что этнический фактор играет серьезную роль в решении проблем государственного устройства, говорит распад СССР, Югославии, Чехословакии. Причин их исчезновения с политической карты мира несколько. Одни говорят о неизбежности распада

империй, другие — об ошибках политического руководства этих стран, третьи — о волне национализма, которому невозможно противостоять как новому явлению общественной жизни.

Этнический фактор проявил себя в самом разрушительном смысле на территории бывшего Советского Союза. Что касается новых независимых государств, то сразу после распада СССР начался процесс материализации национальной самобытности, национального достоинства и национальной культуры. Многие нации и народы как бы заново возродились и потянулись к своей культуре, языку, к обычаям и традициям предков. Стали более значимыми национальные формы хозяйствования. Но стремление к национальной самобытности не всегда согласовывалось с существующим желанием жить вместе и жить в мире с другими народами, так как в этот процесс мощно включились националистически настроенные политики, которые в борьбе за власть пошли на подмену ценностей духовного порядка амбициозными заявлениями и декларациями разного рода о «суверенитетах», «независимостях» и «самостоятельности». *Налицо проявление этнонационального мародерства в поведении политических руководителей*, которые объявили своим кредо строить благополучие своей нации (а в большинстве случаев свое личное благосостояние) в ущерб достоинству и благополучию других народов. Чего стоят декларации президента Грузии начала 1990-х гг. Гамсахурдиа, открыто провозгласившего лозунг «Грузия для грузин» или его коллеги, первого президента Азербайджана Эльчибея, реализующего в те же годы такую же политику под лозунгом «Русские — в Рязань, татары — в Казань». Нечто подобное, но в более стертom виде происходило в других республиках и национальных районах (в Республике Молдова, в странах Прибалтики).

Разрушительные процессы на этнонациональном пространстве проявили себя 1990-е гг. и в новой России, что нашло воплощение в активизации требований национально-государственной суверенизации ряда бывших автономий, которая, по мнению новоявленных национальных лидеров, отражает устремления и чаяния народов. Тем более что это было благословлено свыше, так как устами Б. Ельцина было провозглашено: «Берите суверенитета столько, сколько вы можете проглотить». И как следствие, россияне стали очевидцами взрыва националистических настроений и всплеска этнонациональной напряженности. Этот феномен еще не полностью осмыслен. Необходима серьезная, глубокая и всесторонняя оценка не просто этнического фактора вообще, а наци-

онального самосознания. В этой связи уместно напомнить утверждение Л.Н. Гумилева, что «в жизни человеческой нет ничего более нестабильного, чем социальное положение и социальные отношения», и в то же время «никакими усилиями и желаниями человек не может сменить свою этническую принадлежность». Вот почему, по его мнению, нет ничего влиятельнее того, что в конечном счете определяет сознание и поведение человека — это «этническая стихия человечества», которая имеет тенденцию актуализироваться, перестраиваться, и в конечном счете определять направления развития человечества [Гумилев, Ермолаев, 1992: 9—10].

К сожалению, националистические идеи увлекли часть населения, хотя и не столь большую, как того хотели их творцы. Социологические исследования показывают, что в повседневном общении, на работе и в быту люди разных национальностей демонстрируют большой уровень доверия и толерантности друг другу вопреки кликушествовавшим заявлениям лидеров национальных политических партий и движений. Основы для совместного сосуществования люди видят в духовности, культуре, развитии своей самобытности, а не в открытой или скрытой политической борьбе, которая приносит дивиденды только амбициозным политикам или желающим протиснуться в хотя бы какие-нибудь лидеры, президенты и вожди [Дробижева, 2013; Тишков, 2003].

Националистические настроения опасны еще и тем, что их носители тщательно скрывают свои истинные цели и намерения. На поверхность выносятся демагогические рассуждения о национальном языке, о «погубленной» национальной культуре, что способно на некоторое время дезориентировать часть населения. Этим националистическим настроениям не в малой степени способствуют и некоторые паранаучные и антинаучные концепции и взгляды, получившие распространение в XX в. Для их «научного» обоснования привлекаются самые различные идеи. Например, позицию К. Юнга трактуют как примордиалистскую концепцию этничности, согласно которой этническая (а следовательно, и культурная) идентичность не конструируется, а наследуется. Такой подход дает основания говорить об исключительности национального «Я», служит основой для противопоставления другим народам, порождает этническую напряженность и даже национальные конфликты (подробнее см.: [Дробижева, 2003]).

К чему это приводит, говорят трагические события в Чечне, которые обернулись двумя войнами, получением практически государственной самостоятельности Татарстаном, а также про-

возглашением разного рода суверенитетов многими национально-государственными автономиями, которые поставили на грань распада Россию [Тишков, 2013]. Да и сейчас эта опасность не полностью устранена, что позволяет утверждать, что из травмированного состояния этнонациональных отношений Россия не вышла.

Социальные страхи как показатель деформированности общественного сознания и поведения

Достаточно посмотреть на некоторые социологические данные, чтобы убедиться в высоком уровне тревожности россиян. Об этом хочется особо сказать, что этот показатель — одно из ярчайших свидетельств турбулентности развития, неопределенности и неуверенности жизненных планов населения и, соответственно, травмированности общества (см. табл. 13).

Эти данные показывают оценку роли и важности социального самочувствия и о высокой оценке его значимости в жизни общества. Среди всех страхов и опасений на первый план выходит «чувство несправедливости» — об этом заявили каждый третий-четвертый. Такая оценка всеобъемлюща. Она охватывает как общее ощущение несправедливости, характерное для всего общества, так

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос «Часто ли Вы испытываете такие чувства, как?..» (в % от числа ответивших)

ИСПЫТЫВАЕМЫЕ ЧУВСТВА	2014	2018	2019
Страх перед будущим	20,3	21,1	15,8
Беспомощность повлиять на происходящее	27,2	24,9	21,9
Чувство несправедливости	39,3	35,0	25,0
Чувство, что так жить дальше нельзя	9,7	10,8	11,6
Стыд за нынешнее состояние своей страны	11,9	11,7	11,8
Чувство надежной поддержки близких	35,6	—	—
Одиночество	—	7,3	3,3
Уверенность в своем будущем	—	—	19,3
Затруднились ответить	31,9	33,5	23,4

Примечание: Знак (—) – вопрос не задавался.

Источник: Жизненный мир россия... 2016: 365. N=1750; Всероссийские опросы 2018 г. (N=1200) и 2019 г. (N=900).

и для непосредственно окружающей человека среды. Причем она может серьезно дифференцироваться и касаться не только экономического положения человека, но и его социального настроения, его оценки взаимоотношений с окружающим миром. Согласно данным всероссийского опроса 2018 г. (РГГУ, 1200 человек), 50,3% говорили о низкой оплате труда. А если к этому добавить 16,3% отмечающих неясность в оплате труда, то обобщая эти суждения, можно сказать о крайне неблагоприятном состоянии с материальным стимулированием эффективного и производительного труда. Особенно если сравнить это с положением с оплатой труда в развитых странах, то оказывается, что работник в России оплачивается в несколько раз меньше, чем его коллега практически по всем видам профессий. Остается только размышлять, почему сложилось такое положение в стране, занимающей 1–2-е место в мире по национальному богатству. К этому, на наш взгляд, примыкают суждения 18,7% молодых людей (РГГУ, 2018 г., 1200 человек), что они не видят перспектив в работе, в профессиональной карьере.

Вторым по значению фактором оказалось такое важное чувство, как беспомощность в желании каждого третьего человека повлиять на происходящее. Дело в том, что немалая часть людей (так называемые интроверты) живут в постоянном стремлении оказать воздействие на происходящее вокруг них. Но созданные условия в основном в общегосударственном, ведомственном и просто в перестраховочном порядке различными учреждениями в самых различных сферах жизни де-факто нацелены на ограничение этих форм участия, на сокращение каналов влияния на их работу или даже на выработку различных кар (наказаний, в том числе и возможных) за проявление самостоятельности. Иначе это, по мнению современной бюрократии, является покушением на их права и полномочия. Именно ограничительные меры самого различного толка нацелены на предотвращение различных актов самостоятельности (особенно если это касается прерогатив власти). Такое поведение толкает людей на поиски новых способов и методов влияния на происходящие процессы, в том числе и противоправного характера (подробнее см.: [Горшков, Петухов, Крумм, 2009]).

Значимым оказалось и такое чувство, как страх перед настоящим и будущим — об этом сказал каждый пятый. Резко выросла неопределенность для людей быть уверенным в том, что их ожидает не только завтра и послезавтра, но и сегодня — по данным (РГГУ, 2018 г., 1200 человек) 22,5% опасаются потерять работу. После введения пенсионной реформы многие сомневаются в том, как они

встретят свою старость, будет ли им обеспечен приемлемый образ жизни. Этот страх питается из разных источников — нестабильность работы, угрозы быть уволенным, невозможность переквалифицироваться в связи с новыми технологиями и/или новой техникой, неясность и ограничения в оплате труда, отсутствие условий для отдыха и организации нормального отпуска. К этому добавляются и текущие заботы повседневной жизни. По данным Левада-Центра, бедность, рост цен и, как следствие, обнищание в начале 2019 г. беспокоило 44% россиян (цит. по: [Красильникова, 2019]).

И наконец, стоит отметить, что каждого девятого-десятого волнуют проблемы как гражданина страны, когда люди выражают обеспокоенность за ее нынешнее состояние, чувство, что так продолжаться не должно и требуется серьезное изменение существующего состояния страны.

Итоговой оценкой могут быть общие показатели социального развития, которые, то по данным Американской организации *Social Progress Imperative*, свидетельствуют о том, что Россия занимает 80-е место из 132 возможных. По мнению экспертов, низкие показатели страны обусловлены низким качеством здравоохранения, низким уровнем толерантности и социальной вовлеченности, а также проблемами личной безопасности [Николаев, 2014].

Обзор социальных противоречий в современном российском обществе позволяет сделать вывод, что *россияне столкнулись с новыми видами отчуждения*, с которыми в таком обличье и таком масштабе история России ранее не встречалась.

Литература

- Анисимов Р.И.* Трансформация экономической составляющей жизненного мира (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) // *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)* / под ред. Ж.Т. Тошенко. М.: ЦСПиМ, 2016. С. 51–68.
- Барсукова С.Ю.* Дилемма «фермеры — агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность*. 2016. № 6.
- Бондаренко Л.В.* Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // *Социологические исследования*. 2016. № 3.
- Будалов И.* Униженный класс: О социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства // *Вопросы экономики*. 2011. № 4.
- Бутрин Д.* Три столпа инфраструктуры // *Коммерсантъ*. 2019. 26 февраля.
- Великий П.П., Бочарова Е.В.* Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // *Социологические исследования*. 2012. № 1.

- Гимпельсон В.Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.
- Горшков М.К., Петухов В.В., Крумм Р. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.
- Гумилев Л.Н., Ермолаев В.Ю. Горе от иллюзий // Альма-матер. 1992. № 79.
- Деягин М.Г. Повестка 2019 года // Свободная мысль. 2018. № 6. С. 13–16.
- Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2003.
- Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016.
- Журавлев Дм. Интервью директора Института региональных проблем // Огонек. 2019. № 7.
- Журенков К., Трушин А. Ловушка бедности // Огонек. 2019. № 7. 25 февраля.
- Зубаревич Н. Комментарий // Независимая газета. 2019. 24 июня.
- Зоганов Г.А. На службе народу. М.: Молодая гвардия, 2019.
- Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России. Новосибирск, 2015.
- Клинова М. Цунами в альянсе // Независимая газета. 2019. № 6.
- Комраков А. Богатые субъекты федерации становятся еще богаче // Независимая газета. 2019. 24 июня.
- Красильникова М. Ни работы, ни зарплаты // Версия. 2019. № 8.
- Краснушкина Н. Российский средний класс тает, меняя потребительские привычки // Коммерсантъ. Деньги. 2019. 15 мая.
- Крючкова Е. Аграриев вписывают в программу // Коммерсантъ. 2019. 22 мая.
- Крючкова Е. Специализация регионов оказалась слишком пространной // Коммерсантъ. 2019. 1 июля.
- Маркин В. Малые города в социальном пространстве РОССИИ: социологический дискурс // Ученые записки Института социологии ФНИСЦ РАН. М., 2019.
- Никулин А. Олигархизм как преемник постколхоза // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 17–34.
- Нечепуренко О.В., Самсонов В.В., Зазулина М.Р., Мореханова М.Ю. Крестьянство современной России: Жизненные миры и социальные практики. Новосибирск, 2015.
- Николаев Ю. Где на Земле жить хорошо // Общество / ИноСМИ. 2014. 23 апреля.
- Обухова Е. «Бедность – угроза качеству экономического роста» // Эксперт. 2019. № 29. 15–21 июля.
- Погосян М. Интервью // Поиск. 2018. № 45.
- Родин И. КПРФ ставит на Интернет и новый пролетариат // Независимая газета. 2019. 24 июня.

- Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015.
- Рыбаковский Л.Л.* Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9.
- Самохвалов А.Ф.* О результатах развития экономики России в 1998–2017 годах // Свободная мысль. 2018. № 6.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
- Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Тихонова Н.Е.* Место среднего класса в социальной структуре российского общества // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. С. 310–336.
- Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2005.
- Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Тощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность, М.: Academia, 2003.
- Труд и занятость. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2016.
- Узун В.Я., Шагайда Н.И.* Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М., 2015. 352 с.
- Фадеева О.* Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск, 2015.
- Хагуров А.А.* Социология российского села. М., 2010.
- Щапов М.* Комментарий // Независимая газета. 2019. 24 июня.

Глава 7. Периформатизация политического пространства как признак общества травмы

*Народ как субъект исторического процесса
(Кухарка может управлять государством или кухарку можно научить управлять государством?)*

Прежде всего отметим, что деформированные процессы, отражающие травму общества, а не революционный и не эволюционный путь развития, происходят и в политической сфере России.

Это происходит при оценке общей ситуации. Председатель Конституционного Суда Зорькин прямо назвал недостатки Конституции РФ. В их числе «отсутствие баланса в системе сдержек и противовесов, крен в сторону исполнительной ветви власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между президентом и правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры. Он считает, что необходимо политическое устройство в стране менять в сторону демократизации. «Необходимо, чтобы у оппозиции была реальная возможность прихода к власти в рамках Конституции, то есть на началах честной политической конкуренции» [Зорькин, 2018. № 49].

Увеличение в 2008 г. срока полномочий президента с 4 до 6 лет, а Государственной Думы — с 4 до 5 лет, по мнению экспертов, ведет к монополизации власти, к господству одной партии, к ее бюрократизации, к потере доверия. Остро стоящая задача о возможности транзита власти тормозится «изношенностью» правящей партии, дискредитировавшей себя практически во всем, в результате чего многие ее члены дистанцируются от нее, что особенно проявляется во время выборов, когда единокорсы предпочитают идти самовыдвиженцами [Болдырев, 2019. № 29].

Аналитики также отмечают, что прямая линия с Президентом стала чуть ли последним действенным инструментом в стране. Правда, она и родила шутку: «Если вы хотите отремонтировать

больницу в своем районном центре, то самый лучший способ — дозвониться до президента». Иначе говоря, эта характеристика «ручного управления», когда механизм функционирования управленческих структур не работает.

Другие эксперты обращают внимание на тот факт, что политика в России основана не на мобилизации, а на контроле и управляемости [Марченко, 2019: 30–31].

Среди актуальнейших проблем стало превращение *исполнительных органов власти* в господствующую и *определяющую силу* при формальном провозглашении принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Именно они в тесном взаимодействии должны решать и перспективные и текущие проблемы, определять векторы развития, принимать кардинальные меры, которые по существу, а не для формы пропускаются через сито их полномочий.

Однако при всем многообразии нерешенных проблем основополагающим является вопрос о том, каково участие народа в осуществлении исторических преобразований.

Поэтому именно с этого вопроса мы начнем анализ происходящей реформатизации политического пространства России.

Не только в публицистических статьях, в политических дискуссиях, но даже в научной литературе часто — кто с сарказмом, кто с гневом, кто с издевкой — используют слова из приведенного заголовка, ссылаясь на якобы сказанное Лениным в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» (1917).

Что же содержится в ней на самом деле? Цитируем оригинальный текст: «Мы знаем, что любой рабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством». И далее: «мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, вести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления ... начато было немедленно, т.е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту» [Ленин. Т. 26: 88–89]. Внимательное прочтение этих строк раскрывает принципиально иную мысль — граждан можно научить управлять государством. То есть речь идет не о том, что всякий, в том числе кухарка, могут управлять государством, а о том, что надо учить умению управлять или, по крайней мере, принимать участие в управлении государством. И не надо представлять это дело

так, что такая постановка вопроса обязывает предоставить любому министерский пост, руководство предприятием, банком или театром.

После разрушения Советского Союза наиболее рьяные противники социализма попытались эти положения социалистической мысли и советской практики не только отвергнуть, но и осмеять. На наш взгляд, за этой манипуляцией со словами Ленина стоит тщательно скрываемый смысл — зачем простой народ допускать к управлению, — это удел избранных, особых, отмеченных печатью уникальности.

При этом забывается и/или игнорируется тот факт, что вывод о неперенном участии народа в управлении делами государства и общества самым непосредственным образом связан со словом «демократия» (власть народа). Это понятие рождено в древнегреческой политической жизни с последующим его осмыслением путей становления, развития и функционирования этой практики. Правда, не всегда упоминают о том, что это участие в решении проблем тогдашних городах-полисах реализовывали не все слои общества, а только свободные люди, граждане. Рабы, метеки (в основном мастеровые) и отпущенные на волю не имели политических прав.

Поэтому мы с полным основанием можем утверждать, что представление о народе как субъекте исторического процесса и соответственно о его возможности влиять на дела государства и общества было рождено великими буржуазными революциями Нового времени и особенно французской. Ее лозунг «Свобода. Равенство. Братство» провозглашал, что отныне каждый (подчеркиваю, *каждый*) человек независимо от социальной и профессиональной принадлежности, имущественного положения имел право участвовать в решении всех интересующих его проблем как общегосударственного, так и местного, группового и личного значения.

Однако провозглашение этого права еще не означало его реализацию сразу, в том числе и в самой Франции. Становление и укрепление права на участие в решении судеб государства и общества шло трудными и сложными дорогами, претерпевая и достижения и поражения, пока не стало частью программных документов социалистических и коммунистических партий. Особенно отчетливо это проявилось в период революции 1905—1907 гг., когда самим творчеством рабочих не была рождена такая форма, как Советы народных депутатов. Именно эту форму участия народа в управлении делами общества большевики поддержали и сделали

реальной властью в период революции 1917 г., расширив это понятие до видоизмененного названия как Советы рабочих, крестьянских и солдатских (красноармейских) депутатов, что потом нашло отражение в программных и текущих документах большевистской партии.

В дальнейшем развитие этой формы — советов — в период советской власти шло достаточно противоречиво — ему посвящено значительное количество исследований.

Мы не будем вдаваться в анализ различных интерпретаций этого понятия и практики реализации провозглашенных принципов. Отметим, что история неумолимо продвигалась к созданию и совершенствованию различных форм демократического управления и особенно на местном, муниципальном уровне, что стало характерным для большинства стран Западной Европы.

Далее, рассмотрим реальную политическую жизнь современной России — как на самом деле обстоит дело с демократией в России, особенно в том аспекте, который связан с участием народа в управлении государством и общественными делами, и какую роль он играет в этом процессе. Это одно из ключевых положений, олицетворяющих суть происходящей в России перестройки политического пространства.

Предварительно определим, а что реально означает участие народа в управлении государственными и общественными делами?

На наш взгляд, участие или соучастие в управлении предполагает реализацию спектра неотложных действий, без применения которых невозможно всерьез говорить о роли народа как суверена, представителя верховной власти. Это, во-первых, *реальное участие и оценка* людьми своих взаимоотношений с властью с точки зрения возможности влиять на принимаемые решения на всех уровнях властной иерархии. Во-вторых, *насколько действительны общественные организации и добровольные объединения* с точки зрения обучения людей навыкам управленческой деятельности. В-третьих, *как и каким образом* используются существующие формы участия в политической жизни (Г.А. Тосунян). В-четвертых, *рассчитывает ли обычный человек на помощь* в трудных жизненных ситуациях и от кого он ждет ее? И наконец, необходимо проанализировать, *а что представляет собой современное российское чиновничество*, его состояние, его отношение к народу и желание осуществлять диалог с ним.

Остановимся на каждом из этих пунктов.

Принадлежит ли власть народу?

В Конституции РФ в статье 3 провозглашено, что народ является единственным и суверенным субъектом. А как на самом деле реализуется это конституционное положение?

Начнем анализ с самого элементарного, предположив, как народ реализует право участвовать в управлении государством. Об этом можно по-разному спрашивать: как и каким образом участвуют люди в управлении государственными и общественными делами, содействуют ли решению федеральных, региональных и/или местных проблем, согласны ли поддерживать существующий порядок вещей, могут ли они воздействовать на власть при принятии ею значимых изменений в общественной и личной жизни населения.

В нашем опросе мы предельно осторожно формулировали этот вопрос — не как *непосредственное участие* в органах и структуре управления на всех уровнях социально-политической власти — это было бы очень прямолинейно — а как *возможность влияния*, что предполагает более адекватное отражение восприятия людьми их действительных взаимоотношений с властью. Такой подход можно, на наш взгляд, охарактеризовать как некоторую степень (со)участия, причастности к взаимодействию с существующей властью на всех уровнях управленческой иерархии в России. Это, на наш взгляд, достаточно приближенный к реальному восприятию показатель, так как люди на опыте своей жизни демонстрируют и характеризуют действительный уровень реализации провозглашенной конституционной нормы (см. табл. 14).

Анализ полученных данных показывает, что два самых высших органов власти — федеральный и региональные уровни — практически находятся в абсолютной отстраненности от народа — почти 90% признают, что никак не могут не только воздействовать, но даже повлиять на принятие решений на соответствующем уровне. Только малая толика опрошенных — около 5% — считают, что они как-то могут влиять на эти уровни власти. Но как показывает последующий анализ, эти люди отождествляют участие в выборах с фактом влияния на государственную власть.

Что касается муниципальной (районной, городской) власти, то здесь мы наблюдаем некоторое изменение при оценке своего влияния — уже вдвое больше (почти 11%) уверены, что они могут в гораздо большем объеме влиять на управленческие органы. И хотя и этот уровень влияния тоже крайне низок, находится

Таблица 14

Можете ли Вы влиять на принятие важных решений?

(данные 2014 и 2018 гг., % от числа опрошенных)

УРОВЕНЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ	Могут влиять в полной мере	Могут влиять в небольшой мере	Не могут влиять	Затруднились ответить
1. Принятие государственных решений в стране	1,3/0,9	4,7/4,3	93,7/90,5	0,3/4,3
2. Принятие решений республиканской, краевой, областной власти	1,1/0,8	6,5/5,3	91,9/89,3	0,5/4,7
3. Принятие решений городской (районной) власти	1,8/1,9	10,5/8,8	87,5/83,9	0,3/5,4
4. Принятие решений в Вашей производственной организации	7,1/6,9	25,9/30,0	63,2/57,8	3,8/5,3
5. Принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство)	6,1/7,5	28,5/29,1	64,9/56,7	0,5/6,8

Примечания. 1. Здесь и далее используются данные общероссийского социологического опроса, проведенных в октябре 2014 г. и в мае–июне 2018 г. социологическим факультетом РГГУ при участии Центра социального прогнозирования и маркетинга. Опросом было охвачено соответственно 1750 и 1200 человек. Осуществлена выборка типичных субъектов РФ. Осуществлен расчет эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов с учетом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по формам собственности трудовому стажу; 3) по социально-профессиональному составу; 4) по полу, образованию. Всего было отобрано 106 поселений, в том числе 2 мегаполиса, 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 33 села, 17 поселков городского типа.

2. Первая цифра (числитель) в каждой ячейке/строке означает данные 2014 г., вторая цифра (знаменатель) – данные 2018 г.

в «провальном» положении, но все же есть определенный сдвиг во взаимоотношениях населения со своей самой ближайшей властью (муниципальной). Более высокий процент убежденных в возможности влиять на этот уровень власти сложился, на наш взгляд, после ставших широко известными успешных выступлений населения по экологической («мусорной») проблеме, по транспортной инфраструктуре, по конфликтным ситуациям в процессе градостроительства и сохранении культурного наследия.

Более широкие возможности для влияния на текущие вопросы реальной жизни представлены в производственных организациях и по месту жительства – об этом сказали более трети опрошенных. Но и в этом случае все же значительное число людей – почти 60% – никак не вовлечены в диалог с органами управления в этом социально-трудовом и социально-бытовом пространстве.

Все это позволяет сделать вывод, что конституционное измерение власти народа и ее реальное воплощение находятся в таком состоянии, что говорить об эффективном их взаимодействии не приходится. И изолированы от участия в управлении не только злополучные кухарки, а значительные слои, которые представлены работниками и специалистами всех без исключений сфер общества. Корреляционный анализ показывает, что реализация самого элементарного права — быть убежденным, что ты можешь повлиять на происходящее в стране, регионе, там, где работаешь и живешь, — практически для большинства населения не выполняема, ничем не обеспечена, так как не создан механизм, гарантирующий эту возможность.

Общественные организации как школа приобретения навыков управления

Общеизвестна истина, что опыт приобщения, а потом и реального осуществления управления начинается с малого. И этим малым можно назвать жизнь и функционирование самых различных общественных и добровольных организаций и объединений. Именно в них для части населения начинается апробация возможностей и способностей приобрести и осуществлять некоторые управленческие функции. В этой связи хотелось напомнить жизненный опыт профессионального становления хозяйственных руководителей в Советском Союзе в 1970–1980-е гг. Анализ их жизненного пути показал, что примерно 90% из них в школе, в вузе или непосредственно на производстве были вовлечены в органы управления комсомольскими, партийными, профсоюзными, спортивными, культурно-массовыми организациями и объединениями, что, по их словам, сыграло немаловажную роль в приобретении ими навыков взаимодействия с другими людьми, позволили научиться воздействовать на их поведение, уметь их организовывать для решения как производственных, так и социально-культурных задач. Многие из них признавали, что без такой апробации их возможностей и способностей вряд ли они бы стали руководителями. Иначе говоря, они учились (и их учили), как и каким образом все без исключения работающие на производстве (в том числе и кухарки) получали возможность проявить себя, приобрести некоторые навыки управления и занять место в управленческой иерархии. В результате проходил социально

апробированный естественный отбор (хотя были и свои исключения) тех, кто был способен к осуществлению управленческих функций и мог претендовать не только на учет своего мнения, но и на занятие соответствующей должности в производственной и/или социальной иерархии.

А каково сейчас участие в жизни общественных организаций как возможного канала приобретения управленческих навыков? (см. табл. 15).

Анализ этих данных позволяет обратить внимание на тот факт, что в настоящее время почти 75% сторонятся от участия в любых организационных формах общественной деятельности. То есть идет демонстрация аномии, индифферентности, отказа (или воздержания) связывать себя с чуждыми обязательствами. На наш взгляд, значительную роль в таком отвержении играет полное неверие в значимость и эффективность этих форм влияния на дела общества и государства.

Что же касается признавших себя участвующими в общественных организациях жизни, то самый большой показатель — 18% — связан с причастностью (членством) в профсоюзных объединениях. Но это скорее формальность, практически ничего не обязывающая традиция, скорее связанная с воспоминаниями о роли этих организаций в советское время, когда профсоюзы активно участвовали в решении проблем повседневной жизни

Таблица 15

Состоите ли Вы членом общественных организаций?
(в % от числа опрошенных)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	2014	2018
Профсоюз	11,6	17,8
Политическая партия или движение	1,8	2,3
Культурная, музыкальная, театральная организация	2,0	1,5
Религиозная община	1,5	0,4
Спортивная организация	2,5	2,9
Молодежная, студенческая	1,8	0,8
Волонтерская (помощь пожилым, детским домам и др.)	1,5	2,4
Еще какая? (Экологические, советы ветеранов, помощь многодетным, общ. советы при муниципалитетах)	1,2	1,0
Ни в какой организации	80,3	74,8

Примечание. Можно было выбрать несколько вариантов ответа.

работающих – в обеспечении отпуска, в распределении жилья, в помощи детям, в проведении культурно-массовых и спортивных мероприятий.

Остальные формы причастности к работе в общественных организациях находятся на крайне низком уровне – в пределах до 3%. Полностью игнорируется роль политических партий, хотя мировоззренческих позиций, особенно во время избирательных компаний, придерживается более значительное количество людей.

Такое состояние дел весьма печально. Ведь участие в общественных организаций – это и воспитание и формирование гражданина своей страны, так как через эту деятельность люди приобщаются к заботам и намерениям своей организации, к осознанию своей национальной и территориальной идентичности, а через них и к проблемам всего общества.

Иначе говоря, *общественные организации не являются или перестали быть той базой, которая в определенной степени способствовала выявлению организаторских способностей, невзирая на профессиональное положение.* Поэтому в любом демократическом государстве на всех уровнях управления можно встретить лиц, имеющих самое различное образование, самый различный жизненный путь, но с одной общей характерной чертой – они получили навыки управления в результате сознательного (со)участия в деятельности самых различных общественных и/или самодеятельных организаций. Именно в них реальная жизнь проверяла их на пригодность к выполнению различных управленческих функций.

Участие в политической жизни как проявление активной гражданской позиции

Важным аспектом подготовки и проявления управленческих способностей является реализация личного стремления к участию в тех формах социально-политической жизни, которые представляются законодательством России для выражения своей гражданской позиции и/или своего отношения к происходящим в обществе или окружающей среде событиям (см. табл. 16). Причем эти формы можно условно разделить на две принципиально различные группы. Одна из них – это выполнение людьми своего гражданского долга, своих обязанностей по отношению к общему устройству жизни в том государстве, которое человек считает

своим. Именно выполнение гражданского долга – участие в голосовании – считается многими людьми обязанностью, которую они должны выполнять. О том, что для многих это нередко является формальным актом, говорит такой социологический факт – уже через полгода после голосования от 30 до 60% участвующих в избирательном процессе (но в зависимости от общероссийского, регионального или местного уровня) не могли вспомнить, за кого же они проголосовали в день выборов.

Вторая часть форм социально-политической жизни характеризует протестный потенциал – забастовки, демонстрации, пикеты, петиции и др. Это реакция на неудовлетворяющие людей изменения, в которых в большинстве случаев человек не только не заинтересован, но и отвергает их, прибегая к иным способам добиться справедливого решения. Эти сведения коррелируют с данными таблицы, свидетельствующей о возможности влиять на принятие управленческих решений сверху донизу.

Если детализировать один из высоких показателей – участие в выборах, то по данным социологических исследований четко прослеживаются такие тенденции. С одной стороны, продолжа-

Таблица 16

В каких формах политической жизни Вы участвовали?
(в % от числа ответивших)

ФОРМЫ УЧАСТИЯ	2014	2018
Участвовали в выборах в Государственную Думу	–	45,1
Участвовали в выборах в местные и региональные органы власти	40,1	32,6
Подписывали петиции, обращения	2,6	4,5
Участвовали в демонстрациях, митингах	3,0	3,3
Участвовали в забастовках	0,1	0,3
Участвовали в пикетах	0,9	0,4
Еще в чем?	1,2	1,2
Не участвовали ни в каких формах	53,5	45,8

Примечания. 1. При ответах можно выбрать любое количество ответов.

2. На вопрос «Еще в чем?» в 2014 г. и 2018 г. отвечали: участвовали в акции «Бессмертного полка», во флешмобах, а автопробегах в честь акций, занимались агитацией.

3. Данные за 2014 г. взяты из всероссийского опроса: 1750 человек в 18 республиках, краях и областях, в 21 населенном пункте с учетом пола, образования, семейного положения, форм собственности, трудового стажа и места жительства.

4. Вопрос об участии в выборах в Государственную Думу был сформулирован «В каких формах политической жизни вы участвовали в 2017 г.?»

ется снижение количество участвующих в избирательных кампаниях разного уровня. Если в советское время в 1987 г. участвовало в голосовании 75%, то их участие в 2013 г. равнялось 56,5%, а в 2018 г. этот показатель снижался в зависимости от видов выборов (общероссийского или регионального), которые зафиксировали участие в избирательной кампании от 15 до 45% имеющих права голоса. Выборы 2019 г. тоже показали продолжающуюся пассивность — участие в выборах около половины избирателей, в том числе только около 20% в Москве. С другой стороны, начался поворот в отношении к выборам. Люди во все большей степени осознают, что накопившееся раздражение и желание заявить о своем несогласии лучше выражать не игнорированием выборов, а участием в них. По крайней мере, это касается ряда регионов, что, например, показали выборы губернаторов во Владимирской области, в Хабаровском и Приморском краях, Республике Хакасия, в которых официальные представители власти потерпели поражение.

Почему низок потенциал участия? Во многом это объясняется несовершенством избирательного законодательства: введением муниципального фильтра, подписных процедур, ограничением в назначение наблюдателей. Эту пассивность питает отмена избрания глав городов и замена их сити-менеджерами, манипуляции с регистрацией кандидатов и другие меры подавления конкуренции, отказ по применению избирательного залога, противодействие различным формам фальсификации (см. подробнее: [Гармоненко, 2019. 4 июня]).

Для общественного мнения очевиден и тот факт, что в выборах, особенно местных, депутатами становятся люди, получившие большинство голосов от явившихся в пункты голосования. А так как отменили планку для учета участвующих в голосовании, чтобы выборы сочли состоявшимися (она ранее составляла 25%), то фактически становятся губернаторами, мэрами и депутатами те, кто набрал не более 10% голосов, если это соотносить в общем количестве избирателей. Вот и создается весьма противоречивая картина — с одной стороны, их призывают развивать демократию, а с другой стороны, люди уклоняются даже от участия в избирательных кампаниях, полагая, что и без их голоса все будет решаться так, как нужно власти. И зачем тогда тратить время и силы на заранее обреченное дело?

Ответим и на такой вопрос. Почему только незначительное количество людей использует даже официально разрешенные формы выражения своей позиции, своего недовольства? Ведь почти

половина населения не удовлетворена экономическими реформами в стране, почти столько же выражают несогласие с политической ситуацией, высказывают претензии ко всем уровням власти. Так почему же так низок переход от мнения к действиям? И особенно поразительно то, что о готовности протестовать заявляет достаточно значительное количество — от 30 до 40%, но когда доходит до дела, реализуют это намерение единицы — всего несколько процентов [Воробьева, 2016: 83].

Такой разрыв между недовольством, намерением протестовать и самим фактом реального участия объясняется, на наш взгляд, тем, что позиция официальных структур по отношению к требованиям людей не конструктивна. Протестующих по-прежнему пытаются обвинить в непонимании, в завышенных требованиях, в участии кем-то инспирированных намерениях и в других смертных грехах. И это касается не только кухарок (под ними мы подразумеваем массовые профессии) — это относится ко всем, кто не согласен с весьма спорными решениями по реформированию науки, образования, здравоохранения, не говоря уже о протестующих по «мусорным проблемам», нарушениям в градостроительной политике и другим тревогам повседневной жизни. Показателен в этом отношении конфликт в Екатеринбурге по поводу строительства церковного собора. До того времени, пока в этот конфликт не вмешался президент страны, какие только обвинения не сыпались по поводу не согласных, какие силовые методы не пытались применить против них, какую непримиримую позицию власть имущие областного и городского масштаба не занимали — и все для того, чтобы обязательно доказать свою правоту и свои методы разговора с народом, в основе которых лежало убеждение, что правы могут быть только те, кто имеет власть.

Социальный протест — не форс-мажор, а норма. Публичные выступления против тех или иных решений властей происходят во многих странах. Людям может не нравиться строительство церкви или мечети, торгового центра или осуществление точечной застройки, размещение свалки, элитного комплекса, уничтожение зеленых насаждений и многое другое. Это, по сути, и есть проявление действий здорового гражданского общества. Поэтому законодательство о собраниях, митингах, шествиях не должно быть запретительным, а разрешительным или даже уведомительным при определенных условиях. Когда против строительства храма высказываются 74% граждан, как в Екатеринбурге, это означает, что власть изначально не понимает своего социального окруже-

ния, либо придерживается позиции своей абсолютной правоты и не допускает мысли, что может владеть истиной не она, а другие социальные силы. При игнорировании этих положений социальный протест может превратиться в политический, когда протестующие хотят не только удовлетворения своих требований, но и начинают считать, что их выполнить можно, только сменив власть [Зюганов, 2019].

На наш взгляд, следует отметить, что началось оживление протестных настроений после их спада в середине 2010-х годов. Так, если в 2016 г. (данные Левада-Центра) только 24% россиян беспокоило мздоимство, то сейчас этот показатель вырос до 41%. Этому способствовала и пенсионная реформа, и процесс расследования хищений на всех уровнях политической власти, в том числе и в ее высших эшелонах [Красильникова, 2018].

Активизацию участия в политической жизни всегда связывают с деятельностью оппозиции, с их оппонирующей ролью, которую осуществляют политические партии и движения. В современной России были предприняты попытки построить политическую демократию через провозглашение и рекламу многопартийности, используя ее как повод и аргумент критики СССР с его однопартийной системой. «Вершиной» этого «восторга» стало возникновение около 220 партий, движений, инициатив к выборам в Госдуму в 1994 г. А что сопровождало этот феномен? На приглашение от Центризбиркома заявить о себе и принять участие в выборах 20 писем вернулись за отсутствием адресата. Другая часть, хотя и ответила, но не смогла элементарно выполнить требования по регистрации для участия в избирательной кампании. В результате только 43 партии были допущены к выборам, многие из которых получили предельно низкие, смехотворные результаты, разочаровав своих «вождей», так как многие из них искренне полагали, что, употребив слово «христианско-демократическая партия», «социальная партия», «кадеты» и т.п., они приобретут безусловную массовую поддержку. Многие амбициозные политики никак не могли уразуметь, что народ думает и оценивает ситуацию по-другому. В результате многие искусственно надуманные партии, в том числе и проправительственного толка «посыпались», что стало очевидно при следующих выборах в 1996 и в 2000 г. Более того, выросло число сторонников социалистической ориентации. Увидев их успех, власть применила усилия по ограничению количества партий, в результате чего их число сократилось до 7. А в парламент прошли только 4 – «Единая Россия», Коммунистическая партия РФ,

Либерально-демократическая партия и «Справедливая Россия». В 2012 г. после серьезной либерализации политического законодательства (партию можно создать из 500 человек) произошел их очередной взрывной рост — их численность достигла 77. Но жизнь показала, что значительное число из них, как сейчас их скромно называют, «спящие», т.е. нигде и никогда и ни в чем не участвующие, это в основном амбиции желающих заявить о себе авантюристов, игроков или просто не совсем адекватных лиц. В то же время к действующим реально оппозиционным партиям — «Другая Россия» Эдуарда Лимонова, Партия перемен Дмитрия Гудкова, «Россия будущего» Алексея Навального и «Открытая Россия» Михаила Ходорковского — применяются всякие не всегда оправданные ограничения, препятствующие их участию в общественно-политической жизни страны [Независимая газета. 2019. 13 мая].

К концу 2010-х гг. созрел новый поворот в политической жизни — при теряющей авторитет правительственной партии «Единая Россия» назревает новая процедура — на первый план выдвигается горизонтальная форма организации общественно-политического пространства в виде фронтов. В этой ситуации для партии власти возрастает значение Общероссийского народного фронта. Созревает и идея еще одного фронта — проекта православно-консервативной партии. Все это позволяет сделать вывод, что *постоянная переформатизация политического пространства — явный признак общества травмы*, которое никак не может определиться со своим партийно-идеологическим лицом, шарахается из одной позиции в другую, что, конечно, сказывается на формировании доверия к правящему классу, а не только при решении популяризации своих идей и своего желания непременно остаться у власти.

К вопросу о доверии

Сейчас распространена такая форма выявления взаимоотношений населения и власть предержащих, как вопрос о доверии. Но такая крайне общая формулировка ставит человека в затруднительное положение: о доверии кому и при решении каких вопросов идет речь? Если речь идет о внешней политике, то это вопрос практически никак не зависит от возможностей и мнения конкретного человека. То же самое можно сказать о, например, национальных программах, провозглашенных президентом. Любая программа действий, направленная на решение актуальных и неотложных

проблем, сама по себе вызывает доверие, хотя не всегда известны ее даже приблизительные результаты. Однако, что представляет доверие на самом деле, см. табл. 17.

Анализ этих данных показывает, что, несмотря на усилия государства по решению ряда проблем, несмотря на эйфорию в связи с воссоединением с Крымом, степень доверия снизилась ко всем официальным структурам, за исключением армии. Ведь, несмотря на успокаивающие реляции, на торжественное провозглашение обещаний, для общественного сознания не могло пройти бесследно снижение уровня жизни на 12% за эти годы, принятие непопулярных и не во всем продуманных мер по осуществлению пенсионной реформы. В результате произошло уменьшение доверия ко всем политическим институтам, особенно среди интеллигенции, которая видит собственное гражданское бессилие и поэтому не видит оснований для взаимодействия с властью [Кученкова, 2018: 124].

Таблица 17
Насколько Вы доверяете? (Выберите ответ в каждой строке)

СУБЪЕКТ ДОВЕРИЯ	Доверяют полностью	Доверяют, но не во всем	Не доверяют	Затруднились ответить
Президенту	53,0/50,0	37,4/33,0	9,0/11,8	0,6/5,2
Правительству	25,4/17,5	54,3/47,3	19,5/27,5	0,7/7,7
Государственной Думе	16,6/10,4	51,9/44,6	30,6/35,1	0,8/9,9
Прессе	13,5/6,3	58,6/45,9	27,3/40,8	0,6/6,9
Телевидению	18,6/10,8	61,8/49,7	19,1/33,9	0,5/5,7
Профсоюзам	14,3/9,4	45,5/33,2	38,2/33,9	1,9/23,5
Политическим партиям	6,6/4,0	47,1/33,8	45,4/49,0	0,9/13,2
Полиции	15,5/15,3	54,1/42,7	29,7/33,2	0,7/8,8
Вооруженным Силам (армии)	39,8/48,8	47,0/32,8	12,1/11,0	1,2/7,4
Церкви	37,6/29,9	43,6/30,3	17,8/18,8	1,0/21,0
Судебным органам	14,6/10,5	54,6/40,8	29,8/34,4	1,0/14,4
Экологическим организациям	24,7/	54,9/—	19,3/—	1,1/—
Большинству людей	13,6/	71,2/—	14,3/—	0,9/—
Своему руководителю	—/36,0	—/44,6	—/11,4	—/8,0
Коллегам по работе	—/45,4	—/40,8	—/6,8	—/7,0

Примечание. Первая цифра (числитель) в каждой строке означает данные 2014 г., вторая цифра (знаменатель) – данные 2018 г. Знак (—) – вопрос не задавался.

Источник: Данные Всероссийских опросов 2014 и 2018 г. (РГГУ).

К снижению доверия привел рост цен, увеличение налоговой нагрузки, замораживание заработной платы, увеличение НДС и другие меры, что имело следствием рост числа бедных, живущих ниже прожиточного уровня. В результате, по данным социологических исследований в январе 2019 г., почти половина россиян (53%) считает, что действующему правительству следует уйти в отставку, 57% — что оно неспособно решить проблемы, связанные с ростом цен и падением доходов населения. 46% — что власти не могут обеспечить людей работой, 43% — что правительство не заботится о социальной защите населения [Полит. ру. 2019. 22 января].

Обратим внимание и на тот факт, что произошло ухудшение отношения к тем, кто призван защищать интересы людей — профсоюзы, политические партии. Они вместо активной деятельности во многом имитируют свои усилия по защите интересов народа, но их конечные результаты мизерны и даже ничтожны.

Произошло снижение доверия и к такому институту, как Церковь, которая вместо расширения своей деятельности по проявлению милосердия, по оказанию помощи социально угнетенным и обиженным судьбой, постоянно демонстрирует попытки вмешательства в решение социально-политических проблем, а также безответственно, а порой и беспардонно вмешивается в дела культуры, образования, что серьезно раздражает многих людей, даже тех, кто позитивно относящихся к религии.

Вместе с тем если конкретизировать вопрос о доверии, то его надо максимально приблизить к повседневной жизни людей. Этим вопросом проверяется, насколько рядовой работник отчужден от взаимодействия с властными органами, как понимается им взаимоотношения с непосредственным его окружением (см. табл. 18).

Очевидно, что большинство исключает помощь со стороны тех, кто представляет собой официальную структуру общества. Мизерна надежда на местные органы власти, ничтожна роль профсоюзной организации. Все упования адресованы близким, родным, друзьям, коллегам. То есть понимание надежды корпусулируется, замыкается на самый близкий круг общения и взаимодействия. Правда, у каждого седьмого (почти 14%) сохраняется убежденность, что руководитель предприятия (организации) как и в советское время может прийти на помощь, хотя данные социологических исследований 1980-х гг. говорили о гораздо большей ориентации на помощь от таких руководителей — об этом тогда говорили почти 50% опрошенных.

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос «Предположим, Вы оказались в затруднительном положении, к кому обратитесь в первую очередь за помощью?» (в % от числа опрошенных)

	2014	2018
К руководителям предприятия (организации)	7,9	13,8
К местным органам власти	5,9	2,1
В профсоюзную организацию	2,1	2,4
В политическую партию	0,3	0,5
К священнику	4,6	1,5
К членам семьи, родным	87,0	88,3
К друзьям	59,2	59,8
К товарищам (коллегам) по работе	18,4	20,0
К кому еще (ни к кому, надеюсь на себя, к Богу, буду решать сам)	2,4	1,7

Примечание. Можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Источник: Всероссийские опросы, РГГУ.

Что касается надежды на помощь местных органов власти (всего 2,1 %), то она мизерна, резко контрастирует с данными социологических опросов в странах Западной Европы, в которых достаточна высока убежденность населения в действенности муниципальных органов власти, несмотря на все нередкие случаи бюрократизма, волокиты и игнорирование тех или иных устремлений.

Российский чиновник — судья, защитник или господин?

Здесь мы подходим к одному из важных аспектов понимания взаимоотношений населения с таким феноменом официальной власти как чиновничество. Для него люди являются объектом управления, что позволило известному российскому философу Неклессе назвать существующее государство в России господарством, где решающая роль в управлении всеми делами общества и государства принадлежит чиновникам. Этот разрыв во взаимоотношениях народа и власти является подспудно осознаваемым населением фактом, показывая полное неверие в искренность и реальное желание способствовать решению волнующих людей проблем.

Это сомнение власти в способности людей самим, добровольно, осмысленно и качественно решать свою судьбу и судьбу государства

проявляется в росте чиновничьего аппарата, который по замыслу инициаторов его увеличения только он способен решить все назревшие и назревающие проблемы (см. рис. 1).

Напомним, что в свое время Ельцин, стремясь к власти, небезуспешно использовал такой козырь против КПСС, постоянно говоря и возмущаясь огромной численностью советского и партийного аппарата. Но уже во времена его президентства эта численность превысила весь чиновничий аппарат не только СССР, но в совокупности и РСФСР. Рост чиновничества продолжался и в 2000-е гг., несмотря на регулярные заявления о его сокращении, после чего его увеличение не прекращало свой тренд и по нынешний период времени. В самом деле, зачем какие-то не понятные и некомпетентные люди, да еще облеченные непонятным общественным статусом, будут решать важные государственные дела? И как следствие такого подхода возникает убежденность, что все проблемы, мол, могут решить специально на это уполномоченные и доверенные люди.

Эта абсолютная уверенность, что только чиновники как специально уполномоченные люди могут успешно решать государственные проблемы, проникает в сознание и поведение самих чиновников, убеждая их в том, что они возвышаются над всем остальным народом. Но жизнь показывает, что речь должна идти не только о количестве, но и качестве. Реальность свидетельствует, что в этом безудержном росте чиновничества появляются такие его предста-

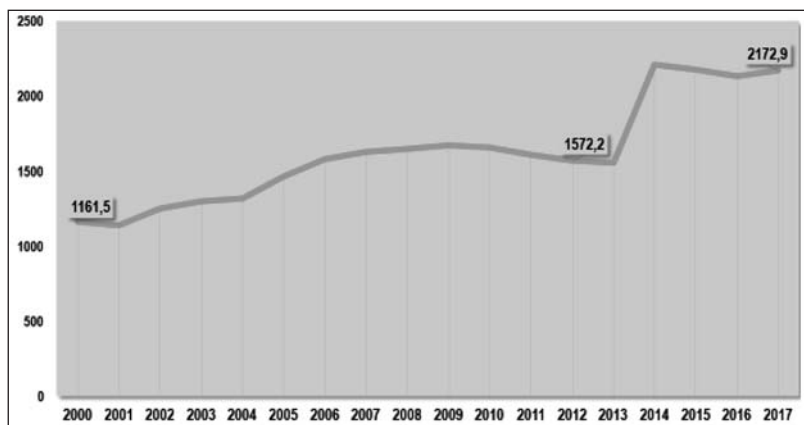

Рисунок 1. **Численность чиновников** (тыс. чел.)

Источник: Данные Росстата.

вители, как глава одной из организаций «Роскосмоса» Ст. Жарков, который заявил, что «в хрущевках живут разные категории скотобазы». Другая представительница чиновников из Свердловской области на просьбу помочь семье, нисколько не смущаясь, заявляет, что «вас не просили рожать», что «вам вообще государство в принципе ничего не должно». В Саратовской области чиновница позволила публично продекларировать такие сентенции как «для минимальных физиологических потребностей вполне достаточно минимальной заработной платы в 3580 рублей в месяц, потому что «макарошки всегда стоят одинаково» [Дмитриев, 2019]. Или недавнее заявление проректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы И. Федотова, охарактеризовавшего российских учителей как «серую массу закомплексованных неудачников». И такие перлы становятся чуть ли не повседневностью. И они могли возникнуть только у тех, кто искренне убежден, что не кухарки, а только избранные могут управлять государством. А сколько таких чиновников, которые таких заявлений публично не делают, но так думают и соответственно так поступают при принятии решений. Поэтому недаром у людей крепнет убеждение, что и мы живем на планете Кин-дза-дза, где «правительство живет на другой планете». И попытки урезонить таких чиновников даже с самого верха не приносят должного удовлетворения, потому что они точечны, касаются конкретной обстановки, приняты в условиях «ручного управления». А почему не создан соответствующий механизм, тем более что это «сословие» чиновников стремительно разрастается. Есть среди них место рядовым гражданам и их детям?

Для этого рассмотрим некоторые проблемы подготовки, выдвижения и назначения на ответственные посты тех, кто управляет Россией. В указанной численности чиновничества тоже имеются различные слои. Большинство из них — это офисный планктон, который обречен на выполнение вспомогательных функций — подготовить справку, найти тот или иной материал, составить ответ на чей-то запрос, вовремя собрать те или иные сведения. Анализ верхних эшелонов чиновничества или так называемой элиты показывает, что выдвижение на более высокие ступени административной иерархии происходит из особой среды — тех, кто занимает достаточно высокое положение в структуре политической власти или обладателей капитала. Или, по крайней мере, из тех, кто смог «прильнуть» к власти или капиталу или хорошо постараться в их обслуживании. Или продемонстрировать высокий уровень личной преданности.

Эти установки на (со)участие во власти быстро превратились в реальность, начиная с середины 1990-х гг. Для дельцов, авантюристов, желающих урвать, стало очевидно, что если не власть, то прислоненность к ней дает возможность обогатиться или получить желаемый пост, занять «достойное место» в служебной иерархии. Немалому числу людей с вышеназванными ориентациями и характеристиками это удалось вопреки даже элементарному смыслу. В этой связи хотелось напомнить эпизод, описанный в книге бывшей журналистки президентского пула Е. Трегубовой. В своей книге «Записки кремлевского диггера» она рассказывает о встрече в середине 1990-х гг. восходящего олигарха Б. Березовского с дочерью Ельцина Т. Юмашевой. Эту беседу, проходящую на доверительной основе, обслуживал молодой человек, разнося шашлыки и другие блюда с весьма угодливым почтением. Не зная его, Трегубова затем поинтересовалась: «А кто этот молодой услужливый человек?» Оказалось, что это был Роман Абрамович. И не отсюда ли началось его стремительное обогащение и восхождение к вершинам олигархии? Через значительное количество лет на судебном процессе в Лондоне Березовский упрекал Абрамовича: «А кто тебя ввел в высший круг власти? И почему ты оказался таким неблагодарным за все для тебя сделанное?»

Парадоксальным явлением стал феномен «эффективных менеджеров», которых навязали и продолжают навязывать обществу. Главный критерий — «умение руководить», не считаясь ни с образованием, ни опытом работы. А во что это выливается? А как это происходит, показывают немалочисленные примеры. Как, например, объяснить, что один из руководителей Росгеологии — военный переводчик, а еще ранее и бывший в розыске за мошенничество (правда, успевший сменить фамилию)? Кстати, это обнаружилось не в ходе процесса проверки качества и компетентности этого кадра, а только в результате возмущившего всех проступка. А как понять такой казус, когда из семи заместителей бывшего министра Минобрнауки Ливанова шесть ранее не работали ни в вузе, ни в колледже, ни в науке? Как объяснить появление в составе руководителей медицины людей, не имеющих соответствующего образования или имеющих липовые дипломы? Возникает вопрос к немалому числу представителей государственного аппарата, депутатов, вплоть до Государственной Думы, места которых занимают спортсмены, представители шоу-бизнеса? А какой опыт управления они имеют? Поэтому не удивительно, что провалы в решении многих вопросов, имеющих важное социальное, экономическое,

политическое, научное и т.п. значение, являются итогом того, что оно передоверяется людям, не имеющим даже элементарного представления о сфере деятельности, руководство которой им поручают. И результат известен — и для дела (со знаком минус) и для судьбы этих эффективных менеджеров (с знаком плюс).

Многочисленные примеры обогащения за счет восхождения во власть или использования власти за счет «дружеских» контактов с ее представителями можно перечислять бесконечно. Дело М. Абызова, бывшего министром без портфеля, обвиняемого в хищении 4,5 млрд руб., показывает, что уже в начале своей карьеры в 1990-е гг. он понял, что большие деньги будут зарабатывать не на биржах, а в высоких кабинетах государственной власти [Сухотин, 2019]. Отсюда и начался головокружительный путь по ступенькам власти: помощник депутата Госдумы, обеспечение участия этой персоны в выборах за пост губернатора Новосибирской области, затем превращение в правую руку Чубайса в период реформирования РАО «ЕЭС», затем вхождение в ближний круг президента Медведева и дружба с его помощником А. Дворковичем (впоследствии зам. председателя правительства) и получение им самой должности министра без портфеля. Структуры, подведомственные Абызову, получали десятки миллиардов рублей на подрядах крупнейших госкомпаний.

О состоявшейся связке власти и капитала и ее результаты в виде огромнейших хищений да еще нередко с криминальной подоплекой прекрасно говорит судебный процесс «Березовский против Абрамовича» между первыми российскими олигархами, состоявшийся в Лондоне в конце 2011 — начале 2012 г. Британских судей поразил размах махинаций, закулисных договоренностей, приобретение защитников в структуре власти. От откровений, высказанных этими персонажами, судья Элизабет Глостер была в шоке. Лексикон обоих — как из криминальных телесериалов: «политическая крыша», «братки», «кинуть», «откат», «гангстер», «крестный отец». «Наша дружба, — откровенничал Абрамович, — основывалась на том, что я платил Березовскому, она не была тем, что можно было охарактеризовать как “крепкая дружба”, “мужская дружба”». А вот перл Березовского: «Абрамович — гангстер, который угрожал мне, требуя отдать за бесценок активы в компаниях “Сибнефть” и “РУСАЛ”». «Крыша, — утверждал Березовский, — была нужна. Было бы невозможно удержать контроль над компанией без крыши. И политической, и физической крыши» (цит. по: [Озеров, 2012]). Неудивительно, что в сознании народа

они и их «коллеги-миллиардеры» выглядят ворами, бандитами, как бы не хотелось им этого избежать да еще тесно связанных с существующей политической властью. Ясно, что такой союз власти и капитала создает предпосылки для хаоса, характерного для каждого общества травмы.

Особо надо подчеркнуть, что при господстве бюрократии значительно уменьшается влияние социальных институтов, общественных и добровольных сообществ и объединений.

В условиях общества травмы уместно проанализировать качество *так называемой элиты*. Хотя автор отрицает даже право на существование такого феномена в условиях современной России (подробнее см.: [Тощенко, 2009: 284–299]), но допускает его применение, так как многие политики и исследователи используют этот термин. По сути, элита в российском общественном сознании трактуется достаточно просто и примитивно — имеешь власть или капитал, ты элита. Лишился их, ты находишься в другой ипостаси.

Но давайте посмотрим на ее состав. В «Независимой газете» с 1994 г. ведется своеобразный обзор — 100 ведущих политиков России. В дальнейшем этот обзор (рейтинг) усложнился: рейтингу подвергаются не только политики, но и общественные деятели, региональные руководители, представители капитала. По подсчетам Кинсбургского, за 15 лет существования этого рейтинга от 100 фигур осталось только 15 человек. Куда исчезли остальные? В большинстве случаев это уход с политической арены, причем не всегда по уважительным причинам. Да и могли быть настоящими политическими деятелями те, кто был некомпетентен, кто ненавидел прошлое и даже при всяком удобном случае глумился над ним. Так, когда после длительных поисков музыки гимна, в том числе и на основе творчества Глинки, пришли к выводу, что гимн СССР мог быть позаимствован и новой Россией. А Чубайс по этому поводу выразился определенно: «Я не буду вставать при исполнении этого гимна». А Ковалев, известный правозащитник, выразился еще более откровенно, назвав его возвращением к тоталитаризму.

Но если посмотреть качество управления, то хотелось бы высказать утверждение, высказанное многими экспертами — правящие слои охватила волна некомпетентности. Помимо упоминавшихся коррумпированных и со скандалом снятых с должности губернаторов и министров, сколько чиновников отпустили при формулировке (провозглашенной или латентной) как не справившихся с работой, не оправдавших доверия? Кроме того, о каком качестве может идти речь, когда заходит разговор о таких ведущих

фигурах российского олигархата и подпирающих их миллионеров (тоже элита?), которые хранят свои капиталы за рубежом. По сообщениям прессы, три российских олигарха вошли в топ-10 самых богатых людей Великобритании — А. Усманов (14,73 млрд долл.), Р. Абрамович (14,58 млрд долл.), М. Фридман (14,1 млрд долл.) [*Sunday Times*. 2019. May 12]. Это если не считать прежнего одессита Блаватника, занявшего 4-е место.

Не уступают в таком отношении к стране и лица, прямо олицетворяющие политическую власть — чиновники. Росфинмониторинг сообщил, что нашел у российских чиновников миллиарды в оффшорах. «Анализ данной информации показал, — говорит глава этого ведомства Ю. Чиханчин, — что гражданам России подконтрольны тысячи иностранных компаний. Установлена связь рядом российских публичных должностных лиц, в том числе и губернаторского и депутатского корпуса, руководящих составов органов исполнительной власти» (цит. по: [*Баймухамедов*. 2018. 9 июля]). Получается поразительная картина — государственные чиновники не верят своему государству, которым они руководят и прославляют его только на словах. Значит, лицемерят? Более того, они внушают народу, что Запад нам враждебен. А сами хранят деньги «в логове врага». И не просто хранят. Эти деньги работают на экономику, только не на российскую. К этому следует добавить и то, что дети многих чиновников, депутатов и сенаторов (причем тех, кто известен жесткими, конфронтационными заявлениями в адрес Запада) обучаются в университетах Европы и США. Причем предложения фракции КПРФ в Госдуме о запрете детям чиновников (а не вообще детям) обучаться за границей дважды проваливались в 2013 г. и 2017 г., ибо Госдума это квалифицировала как «грубейшее нарушение прав человека», вероятно имея в виду не просто людей, а права чиновного и богатого человека (там же).

Массовые хищения осуществляли чиновники и местного (муниципального) уровня. Взять только для примера бывших руководителей Серпуховского и Клинского районов Подмосковья, превратившихся за годы своего руководства районов в чиновников-миллиардеров. Так у А. Шестуна, главы Серпуховского района, оказалось 760 объектов недвижимости, а у А. Постриганя, главы Клинского района, — 407 подобных объектов. И в том и другом случае эти объекты были записаны не только на членов семьи, но и на родственников, друзей, деловых партнеров, что было обусловлено миллиардными хищениями из государственного бюджета и всякого рода взяток в виде «благодарностей» [*Рубникович*, 2019. 16 мая].

И этот процесс сопровождается одним из показателей предельно заорганизованного общества – *мелочным и все возрастающим по абсурду контролем, который дает возможность отслеживать мельчайшие изменения и что создает самые благоприятные условия для коррупции*. Осознавая порочность такого положения, официально предпринимались меры по сокращению чиновничества, что всегда завершалось одним и тем же – после кратковременного сокращения этот аппарат не только возвращался на прежние рубежи, но добавлял новых «специалистов» как в прежние, так и вновь образуемые аппараты управления. И это, если внимательно проанализировать этот процесс, происходило потому, что неизмеримо быстрыми темпами росло все увеличивающийся, мелочный контроль за всем происходящим в обществе. Можно привести это не только в масштабах всей России, но и по отдельным ее субъектам. Так, по данным Совета Торгово-промышленной палаты РФ по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики, только при обследовании двух регионов – Севастополя и Крыма, было выявлено, что за последние пять лет количество чиновников в Крыму выросло на 61% (с 16,8 тыс. до 27 тыс.), в Севастополе – даже на 92%. При этом аналитики констатировали, что за этот период бензин подорожал на 12%, электроэнергия – на 200%, газ – на 55%. Одновременно выросли цены на хлеб – на 140%, на молоко – на 134%, на мясо – на 43%, а проезд на автобусе – на 182%. При этом рост налогов составил 31% при росте ВВП на 1% [Джананшия, 2019. 30 мая].

На наш взгляд, в этих пороках в значительной степени повинен экономический блок правительства, который за все годы существования России возглавляют представители (нео)либеральных политических сил, которые имеют один ориентир – политика монетаризма, опыт США, Германии, Франции. И когда эту политику они поддерживают и внедряют в России, то за это и получают, как А. Кудрин, звание «лучший министр финансов». И теперь в изменившихся обстоятельствах он и его коллеги по либеральной идее ратуют за капитуляцию в виде компромисса с Западом. По мнению экспертов, как, например, Евстафьева, «попытки говорить о компромиссе на базе уступок со стороны РФ на данной фазе только подтверждает позицию Запада о слабости российской элиты и ее готовности к политической, а затем и экономической капитуляции» [Сергеев, 2019. 13 мая].

Эти формы и методы приобретения и использования власти можно дополнить не так уж редкими свидетельствами получения

высоких должностей вплоть до руководителей в банках, в госкорпорациях, фирмах и даже властных структурах отпрысков высокопоставленных лиц, которые получили эти должности, едва успев закончить высшее учебное заведение. И конечно, в этой ситуации на эти позиции практически невозможно добраться «кухаркиным детям». Зато сыновьям и дочерям высоких чиновников и денежных мешков открыта дорога не просто в структуру государственного и финансово-экономического управления, но и к высшим должностям в этой иерархии. Вот и сын главы «Роснефти» Иван Сечин сразу после окончания вуза сразу же занял высокий пост в одной из дочерних фирм этой компании и даже через короткое время был удостоен высокой правительственной награды «за многолетний труд». Примерно такими же путями к вершинам управленческой вертикали пошли и сыновья бывшего премьера Фрадкова, бывшего вице-премьера Иванова и других высокопоставленных чиновников.

Особо необходимо отметить патологическое нежелание чиновничества считаться с любой критикой в свой адрес. Именно этим продиктован тот факт, что вместо того чтобы обратиться к анализу тех проблем, которые волнуют население (здесь роль социологов высока), официальная политическая власть не нашла ничего лучшего, чем принять Закон, запрещающий критиковать ее в неприличной форме. Правда, это косвенно говорит о том, что власть признает, что это «неуважение» приходит не откуда-то извне, а отражает мнение части населения. Но такая акция — это признание своей неспособности переломить такое отношение населения к официальным структурам. Все это позволяет ряду исследователей характеризовать чиновничество как сословие, а не класс, так как оно регулируется узкогрупповыми интересами, нацеленными на сохранение своей замкнутости и своей особой претензией на превосходство, на владение истиной в последней инстанции, на особое положение в обществе [Кордонский, 2008; Немировский, 2017].

И в заключение попытаемся ответить на вопрос: почему так низок уровень и/или фактическое отсутствие компетенции у основной массы чиновничества?

На наш взгляд, есть апробированный историей путь решения о привлечении/приобщения большинства людей к управлению делами государства и общества.

Этот путь зависит от государства, но он в настоящее время во многом примитивен, ограничен и даже порочен, потому что предлагает весьма спорные методы и меры. По нашему мнению, государство избрало пагубный путь подготовки кадров управления,

закрыв возможные пути мобилизации управленческих талантов из широких слоев населения. Мы являемся свидетелями комплектования кадров управления в подавляющем числе случаев по земляческому, приятельскому и родственному кругу, то что называют nepoтизмом. Кроме того, отбор идет не по интеллекту, а по доходу или сноровке. В результате создается ситуация, что сегодняшние политические управленцы, «не рассчитывая привлечь на свою сторону лучших, активизируют худших, выдавая их за современный человеческий стандарт», что едет не только к диктатуре меньшинства [Панарин, 2006: 14], а что гораздо хуже — к дезорганизации и затем к возможной деградации всего государства.

Понимая убогость и ограниченность такого подхода, были предприняты меры по созданию кадрового резерва. В свое время были осуществлены меры по созданию президентского резерва для высокого уровня должностей. Попытки отбора лиц для президентской тысячи, по инициативе Д. Медведева, так практически ничего не дали, так же как и инициатива Кириенко по отбору лидеров, построенная на весьма спорных критериях, где профессиональный опыт мало или совсем не ценится. Сейчас реализуется проект «Лидеры России», который построен тоже на весьма сомнительных основаниях, ибо базируется только на проверке интеллектуальных, познавательных способностей человека да еще с проверкой некоторых его физиологических возможностей.

Для более широкой подготовки чиновников для всех, в том числе и низового государственного аппарата, в 1990-е гг. во многих вузах страны были созданы факультеты управления, которые стали готовить так называемых менеджеров. Через некоторое время открылась и такая специализация, как государственное и муниципальное управление. Странна сама по себе исходная постановка вопроса. Ведь менеджером надо быть, зная, чем будешь руководить. Нельзя применять те же самые методы управления в руководстве шахтой, машиностроительным заводом или кондитерской фабрикой. А между тем в огромных масштабах эти так называемые профессии «менеджер» получили распространение, что только профанирует саму суть вопроса об управлении. Вообразите, вчерашний школьник, прослушав некоторые курсы, что такое управление, как работать с персоналом, способен занять и успешно руководить в какой-то организации без всякого учета того, чем она занимается. Поэтому и участь этих «специалистов» незавидна — почти все они становятся клерками, выполняя обслуживающую работу в любой организации, в которую удалось попасть. Аналогичное

происходит и со специалистами по государственному и муниципальному управлению, пополняющими офисный планктон, но который достаточно привлекательно оплачивается.

Как преодолеть политическую аномию

Одной из причин политической аномии в обществе травмы является то, что большинство людей не понимают и/или слабо представляют, какое же государство у нас создается, каковы его цели и на что следует надеяться. Ведь реальная жизнь всех без исключения государств показывает, что каждое из них имеет сформулированную цель, которой оно стремится добиться. Отсутствие четкой формулировки того, какое общество строится, порождает неопределенность места России как в мировом, так и российском контексте, неясность и неустойчивость своего социального положения. Реализации провозглашенного курса на демократизацию прямо противостоит трудно объяснимая практика, ограничивающая права населения по воздействию и преобразованию социально-экономической и политической жизни. В результате распространение аномии в общественном сознании привело к тому, что 80% взрослого населения не состоит ни в каких общественных организациях, а 54% — ни в каких формах политической жизни не участвовали (даже в выборах) [Жизненный мир россиян... 2016: 357].

Детализация общей картины политического устройства российского государства и российского общества позволяет сделать следующие выводы о причинах политической аномии.

Во-первых, законы в государстве и/или подзаконные акты в регионах принимаются *без совета с народом* или теми социальными группировками и их лоббистами, жизнь и деятельность которых они затрагивают. Так случилось с монетаризацией льгот, закон о которых в начале 2010-х гг. не только не обсудили с народом, но даже научной экспертизы избежали. Нечто подобное произошло и с пенсионной реформой в 2018 г., которую внедрили по принципу — а что ее обсуждать, тем более, что предлагаемые меры похожи на уже имеющиеся в других, прежде всего, развитых странах. И таких ситуаций можно насчитать множество. Практически без совета не только с народом, но и с профессиональным сообществом не были обсуждены ни реформа («оптимизация») образования и здравоохранения, ни правовые акты по реорганизации избирательной системы (были отменены или модифициро-

ваны выборы сначала губернаторов, затем мэров городов). И даже реформу Российской академии наук (вначале даже предлагалась ее ликвидация) предпочли принимать в закрытом режиме. Хотя и ученым было ясно, что науку надо было преобразовать, но почему не посоветовались с научным сообществом, с людьми, которые делают эту науку? Почему не обратиться к самым компетентным специалистам, к их мнению, их суждениям?

Говоря об этих казусах, стоит напомнить, что в Конституции РФ есть статья о проведении референдумов. Но ее никак не применяют ни на общегосударственном уровне, ни на уровне других структур — республиканском, областном (краевом), городском, поселковом и даже сельском образовании. В настоящее время остро стоит вопрос о таких ограничениях волеизлияния народа, как иницилируемые референдумы за возвращение прямых выборов мэров и отмены муниципального фильтра. Есть и другие формы общенародного обсуждения — через подачу предложений в определенный центр, через СМИ. И хотя это иногда провозглашается, но отводится такое мизерное количество времени, что сбор предложений, как это было с законом о полиции, превращается в фикцию, в отмазку, в видимость обсуждения. Такие формы противостояния могут перерасти «во враждебность власти и народа» [Делягин, 2018: 13].

Во-вторых, общеизвестно, что в обеспечении сбалансированного политического развития огромную роль играет *оппозиция*, ее место в решении всех и особенно принципиальных вопросов. Однако политика официальной власти и ее официальной опоры в виде «Единой России» нередко направлена на то, что оппозицию и ее партии считать не оппонентом, а врагом. Правда, в последнее время пришли к дозированному признанию ее присутствия на политической арене, что привело к определенным уступкам даже на губернаторском уровне, как то случилось в Хакасии, в Хабаровском крае и Владимирской области, где населением было продемонстрировано решительное неприятие ставленников официальной власти в лице «Единой России». Но в то же время, если официальная власть решила не уступать, как это было сделано в Приморском крае, то было все сделано для дискредитации и устранения оппонента, который имел реальные шансы победить. И о какой демократии может идти речь, если был придуман так называемый муниципальный фильтр, который стал орудием по решению вопроса — кого даже из думских партий возможно допустить хотя бы частично к власти. Остальные партии сдержи-

ваются требованиями сбора необходимого количества подписей от действующих депутатов, в которых при желании всегда найдутся недостатки. В результате оппозиция обречена на изображение многопартийности, о которой мечтали не только сторонники либеральных ценностей в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Поэтому можно согласиться с выводом: «...российская партийная история продолжает деградировать» [*Скоробогатый*, 2019: 49].

В-третьих, недоверие и неверие в искренность и благие намерения власти разбиваются о *многочисленные факты имитации* их деятельности как в масштабах всего общества, так и в отдельных его сферах. Это касается не только вышеназванных законов о пенсионной реформе, оптимизации образования и здравоохранения, но и комплектования тех органов власти, которые должны готовить соответствующие законы или акты, регулирующие те или иные стороны жизни государства и общества. При всем уважении к выдающимся артистам и спортсменам во время их профессиональной деятельности, непонятно, что они могут делать в Государственной Думе, в представительных органах регионов. Хотя этот казус с депутатами от спорта и культуры очевиден – это еще одна уловка привлечь избирателей, которые хотят поддержать своего любимого игрока или актера/актрису. А что из этого получается, говорят, например, приключения с артисткой М. Максаковой, которая «внесла свой вклад» в законотворческую деятельность Госдумы.

В-четвертых, в политике происходит *непрерывное манипулирование процессом принятия различных законодательных актов*, которые по большому счету усилиями депутатов и чиновников нацелены на одно – сохранить для себя, как им кажется, наиболее приемлемый вариант, обеспечивающий им победу любой ценой. Возьмем, к примеру, избирательную систему как яркий пример и ключевой фактор в политической жизни страны. В 1993 г. заявил о себе как о партии власти «Демократический Выбор России», После ее провала была сделана ставка на квазипартию «Наш дом Россия», которая через короткое время оказалась мертворожденной. В 1999 г. была сделана ставка на спешно формируемую партию власти «Единая Россия» и частично на «Союз правых сил», вобравший в себя чуть ли не десяток партий, образовавшихся амбициозными политиками – И. Хакамадой, Б. Немцовым, С. Кириенко и другими претендентами на власть в стране. Так как такая структура не давала гарантий постоянного удержания власти, в начале 2000-х гг. были отменены избирательные блоки и одновременно произошло резкое ужесточение права на образование (создание)

новой партии. Были объявлены драконовские меры по сокращению численности партий на основе новых правил, в результате чего законодательное одобрение своего существования получили всего 7 партий. Возможности проявления своего голоса, особенно со стороны оппозиционных сил были резко ограничены. Именно такое ограничение стало основой для возникновения движения за честные выборы, что привело к росту политических выступлений, завершившихся «болотными протестами» 2011–2012 гг., что потом с определенными вариантами повторилось летом 2019 г. в ходе избирательной компании в Мосгордуму. Реагируя на эту ситуацию, политическая власть пошла, с одной стороны, на жесткое подавление этих форм протеста, с другой — на возможность создания партий при минимальных требованиях к ее регистрации. Как результат, летом 2012 г. в Министерстве юстиции началась в соответствии с либерализацией законодательства регистрация многочисленных партий, численность которых достигла более 70. Но одновременно были выстроены так называемые фильтры, которые стали заслоном для участия в выборах этим партиям. В условиях, когда депутатский корпус в регионах и муниципалитетах контролировался партией власти, это практически стало препятствием для получения так называемой поддержки для участия в избирательной компании.

Судя по всему, политическое руководство страны решило подвести черту под этим периодом формирования представительной власти. Поэтому не удивительно, что сейчас поставлен вопрос о ликвидации почти 30 партий, которые не заявили о себе, не проявили себя ни в каких общественно значимых мероприятиях. Встал вопрос — а в каком же направлении реформировать существующие правила? На наш взгляд, создание избирательных блоков способствовало бы консолидации родственных по идеологическим установкам партий, выработке более определенной программы и координации действий, воспитывало бы у политических претендентов на власть умения идти на компромиссы, покончить с безапелляционным вождизмом и постоянными междоусобными битвами за первенство в общественной жизни. Это и стало бы реальным показателем демократизации существующего режима, ибо концентрация власти в «Единой России» с ее позицией не допускать конкурентов к власти привела как к поражению ее кандидатов в ряде республик, краев и областей, так и к все возрастающему стремлению ее членов баллотироваться не от имени этой партии, а идти так называемыми самовыдвиженцами. *Все это позволяет*

утверждать, что существующая политическая конструкция дискредитировала себя, показала свою уязвимость и неустойчивость.

В-пятых, как можно доверять политическому облику официальных структур, которые строго блюдут *анонимность разработчиков законопроектов*. В любой демократической стране всегда известны люди, которые иницируют свои предложения для внедрения в жизнь государства и общества. Они представляют, защищают, отстаивают в прениях и несут ответственность вплоть до отставки за свои предложения и проекты, если они отвергаются. В России имена тех, кто, например, инициировал законы об образовании или науке, не известны, несмотря на требования общественности. Можно только косвенно догадываться, судя по выступлениям и оправданием этих актов, что за ними стояли бывший в то время министром науки и образования Ливанов, ректор ВШЭ Я. Кузьминов, ректор РАНХиГС В. Мау. Но ни они, ни официальные органы это не признали, хотя во многих других случаях мы знаем об инициативах Яровой, Макарова, Мизулиной и других актеров политического поля. Почему анонимность поощряется, расцветает, превращаясь в безнаказанность, вседозволенность и безответственность? Можно предположить, что если бы эти люди знали об открытости их будущей личной причастности к подобным инициативам, то они возможно более взвешенно и аргументировано давали свои предложения.

В-шестых, на дискредитацию власти играет и то, что многие представители официальной власти *оторваны от реальной жизни, живут в искусственно созданном мире*, не знают (а часто не хотят знать) реальные тревоги и опасения людей. Разве не отсутствие этого знания и элементарной компетенции характеризует предложение не просто депутата, а руководителя профильного комитета Макарова о самозанятых, т.е. лицах, оказывающих услуги другим лицам (нянечках, сиделках при больных и престарелых, курьерах-студентах или пенсионерах, способных оказывать разовую помощь соседу по дому или даче и т.д.). И это дополняется такими несуразными требованиями, что каждый из таких людей – сантехник или медсестра – должны иметь смартфон с мобильным приложением «Мой налог» и выписывать на каждую оказанную услугу электронный или бумажный чек. Макаров на этом не ограничивается – он угрожает, что за несоблюдение этого требования будут изыматься все заработанные деньги, а не 4% согласно закону. Помимо оторванности от реальной жизни такой подход к решению актуальной проблемы может только озлобить людей и ни в коем случае

не сделать их сторонником официальной власти, а тем более «Единой России», членом которой является этот депутат (Независимая газета. 2018. № 120. 29 октября).

В-седьмых, к этому примыкает отсутствие регулярных встреч и обсуждений на локальном уровне тех или иных вопросов, волнующих людей в повседневной жизни, — бытовых, коммунальных, жилищных, торговых, строительных, экологических. Именно отсутствие таких встреч (обсуждений) приводит к массовым протестам подобных острым экологическим протестам в Балашихе, под Волоколамском, в Архангельской области и ряде других областей. Под сурдинку забыт и проигнорирован советский опыт развития и поддержки различных форм самоуправления — советы трудовых коллективов, самодеятельные организации по рационализации и изобретательству, воскресники и т.д. Правда, в последнее время стали возрождать некоторые формы, но уже сказывается тот факт, что когда теряются традиции и опыт, их трудно возобновить и вдохнуть в них новую жизнь, тем более что она сама радикальным образом изменилась.

И наконец, причиной политической напряженности и деформаций современной политики стал (нео)либерализм, который выступает как феномен непреодолимой силы, являющийся ярчайшим показателем травмированного общества, но продолжающего свое упорное существование в результате обладания политической властью. Неолибералами умело используется сравнительно новый метод навязывания своих идей — посредством такого изобретенного и построенного на знании психологии внушения метода как *пост-правда*, ориентирующая людей на ложные авторитеты, на атрофию гражданского сознания и навязывание своего толкования происходящих процессов. «История у нас одна — меняются только ее интерпретаторы» [Литературная газета]. В результате прошлое, особенно советское, предстает как эпоха заблуждений, преступлений и отсутствия всего позитивного в любой сфере государственной и общественной жизни, а настоящее — как ожидаемый успех, который, де, не достигается из того, что политическая власть не в полной мере следует их рекомендациям, а народ почему-то не понимает их стратегических замыслов. Не надо сбрасывать со счета действующий *коллорационизм* в России в унисон с завещанием З. Бжезинского, который уже во время существования новой России утверждал, что военный приоритет уже не позволяет американцам добиваться своих целей, а значит, надо использовать другие методы ведения войны. «Деньги все чаще становятся тем

механизмом, который смазывает «демократический процесс» во всех возможных его вариантах, в том числе и в случае с Украиной [Бжезинский, 2015].

Реакцией на эту претензию неolibералов построить новое процветающее Российское государство стало то, что произошла полная потеря веры в обещания, которые раздавались официальными политическими структурами после провала августовских событий 1991 г. И как итог – только 6% считают, что произошла победа демократической революции, а остальные (53%) разочаровались в ее результатах и пришли к выводу, что в этих событиях виноваты обе противоборствующие стороны (40% воздержались от оценки). Эти данные являются прямо противоположны тем данным, которые были получены в 1991 и 1992 гг., когда многие из опрошенных с надеждой восприняли произошедшие изменения [Левада-Центр. 2018. 4 сентября].

Большим вкладом государства могло бы стать максимальное расширение и утверждение принципов прямой, непосредственной демократии, т.е. постоянный диалог с народом по всем вопросам, касающимся его прав и обязанностей, особенно если это касается повседневной жизни. И одновременно учить чиновников, как они должны его осуществлять. И хотя подобие этих форм пытаются строить, но часто вместо действительно массового обсуждения (а на это требуется немало времени и сил) происходит их имитация, что нередко приводит к скандалам, протестам, и даже к социальным конфликтам. Сложившееся положение лучше всего раскрывает следующая притча-наблюдение «В советское время нельзя было критиковать руководство КПСС, но можно было достаточно откровенно и безбоязненно высказываться о тех, кто руководит твоей организацией. Сейчас можно критиковать даже президента страны, но попробуй это сделать в отношении своего работодателя». В политической сфере немало тех препон, которые делают демократию весьма специфическим феноменом.

То есть навыкам управления нужно учить не только избранных или отобранных, а все население. Почему бы не реализовать вместо некоторых пустых и бесполезных курсов в высшем и специальном профессиональном образовании, но рекомендованных сверху (вроде курсов о толерантности), курс о том, как и каким образом молодые люди могут реализовать свое право на (со)участие в управлении обществом?

Все это позволяет сделать вывод, что надо организовать массовое просвещение народа, постоянно рассказывая и организуя, как они

могут реально (со)участвовать в решении государственных и общественных проблем.

Примечательно, что на действительную сущность написанного в статье Ленина обратили внимание сторонники партии М. Ходорковского. Анализируя эту статью, Д. Кулакова, куратор «Открытой России», соглашаясь (что очень удивительно!) с выводом Ленина, пишет, что суть не в том, чтобы все стали политиками, были причастны к управлению, стали общественными деятелями, а в том, чтобы «граждане ответственнее относились к своему выбору» по отношению к публичным и приватным делам (цит. по: [Гармоненко, 2019]).

Более того, если общество намерено развиваться, то у каждого его члена должна быть перспектива в жизни, понимание того, чего он хочет добиться, как построить свою профессиональную и/или социальную карьеру. Причем это касается всех слоев общества, в том числе и кухарок, ибо общество будет успешным только тогда, когда организует выявление, обучение и мобилизацию потенциально творческих сил из всей массы населения, а не только из так называемой элиты.

Таким образом, *анализ состояния и тенденций развития страны остро ставит вопрос о перенастройке, перерформатизации политического пространства*, если страна стремится выйти из травмированного состояния, о чем говорят аналитики и эксперты этой сферы общественной жизни [см.: *Скоробогатый*, 2019: 46–49; *Сенин*, 2018].

Литература

- Баймухамедов С.* Чему они учатся? // Новая газета. 2018. 9 июля.
Бжезинский З. Украинский шанс для России. М.: Алгоритм, 2015.
Болдырев Ю. Лишь слова? // Литературная газета. 2019. № 29. 17–23 июля.
Воробьева И.В. Политические установки россиян: противоречия и парадоксы // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко М.: ЦСП и М, 2016. С. 69–88.
Гармоненко Д. «Открытая Россия» займется политическим образованием населения // Независимая газета. 2019. 15 мая.
Гармоненко Д. Реформа избирательного законодательства сверху — провалилась // Независимая газета. 2019. 4 июня.
Джананшия Д. Дорогой наш Крым // Метро. 2019. 30 мая.
Деягин М. Повестка 2019 года. Что делать при самоубийстве государства? // Свободная мысль. 2018. № 6.
Дмитриев И. О «скотобаза» и «элите» // Версия. 2019. № 9.

- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016.
- Зорькин. Комментарий // Версия. 2018. № 49.
- Зюганов Г.А. Россия под прицелом глобализма. М.: Эксмо, 2019.
- Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
- Красильникова М. Ни работы, ни зарплаты // Версия. 2019. № 8.
- Горшков М.К., Петухов В.В., Крумм Р. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.
- Кученкова А.В. Институциональное доверие гуманитарной интеллигенции // Как живешь, интеллигенция? (Социологические очерки): колл. монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2018. С. 121–140.
- Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // ПСС 5-е изд. М.: Политиздат. Т. 34. С. 289–339.
- Марченко М.Н. Особенности перехода от социализма к капитализму в России и Китае // Государство и право. 2019. № 6. С. 26–33.
- Немировский В.Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 40–47.
- Озеров М. Абрамович и Березовский тратят на свой суд по полтора миллионов в день // Комсомольская правда. 2012. 11 января.
- Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006.
- Рубникович О. В Подмосковье нашелся еще один чиновник-миллиардер, которого хотят раскулачить // Коммерсантъ. 2019. 16 мая.
- Сенин В. Переформатирование политической системы в целях устойчивого развития страны // Эксперт. 2018. № 51.
- Сергеев М. Единственная содержательная идея отечественной элиты – капитуляция перед Западом // Независимая газета. 2019. 13 мая.
- Скоробогатый П. Здоровая эволюция политики // Эксперт. 2019. № 30.
- Сухотин А. Подвешенные состояния // Новая газета. 2019. 22 апреля.
- Тощенко Ж.Т. Элиты? Клань? Касты? Клики? // Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

Глава 8. Идеологическое безвременье как характеристика общества травмы

Идеология – непрменный атрибут развития общества

Понятие «идеология» появилось в научной терминологии в конце XVIII в. как продукт осмысления существующих реалий в духовно-культурной и социально-политической жизни общества. Введший в научный оборот этот термин А. Дестют де Траси, выпустивший в 1804 г. свой труд под названием «Система идеологии», обозначил свое представление об идеях, понимаемого им как учение об общих закономерностях их происхождения и функционирования в процессе развития общества. По его мнению, выдвинутая им концепция должна выступать одним из основных принципов организации государственной и общественной жизни. Он видел отражение в идеологии первоосновы морали, политики, права. В своем труде он показал, что ни одно общество, ни одна существующая в нем организация и даже ни один человек не может и не обходиться без тех или иных важных для них идей, что он называл идеологией. А по его трактовке, особую роль в идеологии играет то, что относится к мировоззрению, к ценностным ориентациям. Она, по его убеждению, является той организующей и скрепляющей силой, которая придает смысл жизни и деятельности каждого государства, общества, каждой организации и всех людей, независимо от того, осознают они это или нет. Но главная причина ее существования состоит в том, что в любом случае – осознанно и стихийно все они – государство, организации, социальные группы (общности) – всегда будут ориентироваться на социально окрашенные оценки, на желаемые и предпочитаемые ими интересы, на способы обеспечения условий для своего нормального функционирования. Образно говоря, своим утверждением де Траси поставил вопрос о множественности видов идеологии, раз ее субъектом являются многие акторы социально-исторического процесса.

В дальнейшем процесс осмысления понятия «идеология» был продолжен К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые способствовали

тому, что термин «идеология» вошел в широкий оборот. В труде «Немецкая идеология» они определяли идеологию как «политическое мышление, формируемое в интересах определенных групп общества», как одну из форм превращенного сознания [Маркс, Энгельс, 1985. Т. 30: 60]. На этом этапе своей деятельности, идеология трактовалась ими как «ложное сознание», иллюзорное восприятие социального бытия. В этом труде они обратили внимание на то, как используются, конструируются идеи различными господствующими политическими силами и представителями правящего капиталистического слоя в своих классовых и групповых интересах. То есть, по их мнению, существующая и функционирующая идеология опирается на социальные интересы, позиции и ценности буржуазного класса. В результате доминирования эта идеология является проекцией интересов не всего общества, а только одной (меньшей) его части — эксплуататоров. В дальнейшем они перешли к пониманию того, что наряду с буржуазной идеологией возникла и стала действенной силой пролетарская идеология, мировоззрение рабочего класса. Они стали отстаивать точку зрения, согласно которой утверждали, что именно пролетарская идеология в большей мере отражает объективные потребности общественного развития и в большей мере выражает интересы большинства народа, в первую очередь рабочего класса.

При анализе *объективных* свойств господствующих экономических отношений, определяющих тип общественного строя и соответствующее ему сознание. Маркс показал, что мировоззрение каждого индивида в основном зависит от принадлежности к тому классу, к которому он принадлежит и определяется местом, которое он занимает в структуре общественного производства. Но одновременно большую роль играет тот факт, что каждый индивид обладает и *субъективными* свойствами — личными ценностными ориентациями, установками, предпочтениями, формирующими его отношение к окружающему миру во всем его многообразии. Эти духовные конструкции могут в большей или меньшей степени соответствовать объективной реальности, которая в них представлена.

Энгельс обратил внимание на то, как возникают социальные деформации, сущность и назначение которых проявляется в систематических ошибках, искажениях и провалах в сознании разных слоев общества. Если эти деформирующие условия и факторы публичной и приватной жизни осознаются большинством народа, то именно наиболее активные силы этого большинства начинают бороться за ниспровержение эксплуатирующего их строя, чтобы

взять власть в свои руки. Таким образом, общественные отношения, формирующие мысли, идеи и другие духовные образования, создают и совершенствуют соответствующую идеологию и многообразие ее проявлений [Энгельс, 1947: 462–463].

В XIX и XX вв. многие мыслители обращали внимание и исследовали идеологию, мировоззрение и их различные проявления. Среди них особо стоит отметить труд К. Манхейма «Идеология и утопия». В этой работе К. Манхейм в известной мере продолжил развивать идею Маркса о том, что идеология отражает мышление господствующего класса, что идеи, ее составляющие, стремятся к сохранению или постоянному репродуцированию существующего образа жизни. По его убеждению, господствующая идеология выполняет функцию стабилизации, используя при этом такие приемы – что-то умалчивать, а что-то выпячивать для обеспечения устойчивости существующего и удобного ей политического режима. Отметим только своеобразие трактовки мышления (сознания) угнетенных классов – К. Манхейм называет их утопией [Манхейм, 1994].

Постепенно в дискуссии по поводу сущности идеологии сформировались две точки зрения. Одна из них, которая потом нашла отражение в работах многих советских обществоведов, сводилась к тому, что идеология – это совокупность (и даже система) научных теоретических взглядов, которые разрабатываются специалистами, и в которых находят отражение объективные потребности общественного развития, предназначенные для выражения интересов трудящихся. Эта идея была наиболее полно и последовательно развита в труде отечественного философа Н. Биккенина «Коммунистическая идеология», в которой делается акцент на доказательстве научных основ идеологии, являющейся, по его убеждению, единственно научной [Биккенин, 1983].

Другая точка зрения рассматривает идеологию как бесконечное множество идей, при помощи которых люди осознают свой мир, свои интересы, свои ценностные ориентации, свое понимание устройства окружающего мира, своей страны, непосредственно окружающей среды. А так как осознание и понимание разнообразно, разнопланово и отражает различные мировоззренческие позиции, то соответственно существует много идеологий, которые находятся в постоянном взаимодействии, в соперничестве и даже противостоянии [Тоценко, 1983].

Таким образом, ни одна страна, общество, государство не могут существовать без идеологии. Она имеется в каждом из них, независимо от официального ее признания. Более того, так как в любом

обществе существуют различные социальные группы, социальные общности, то и они имеют свою идеологию, свои идейные установки, которые могут существенно отличаться друг от друга. При этом наиболее ярким проявлением существования многих идеологий являются политические партии, которые отражают и выражают основные устремления и особенности восприятия той социальной базы, которую они представляют (или претендуют представлять). Следовательно, в окружающем мире, в реальной действительности независимо от специфики различных обществ идеология — необходимый элемент их существования. И если эта определенность отсутствует, то можно в полной мере говорить о потере той стратегической цели, ради которой общество и государство существуют. В ином случае возникает духовный вакуум, который лишь разъединяет участников данного социально-исторического процесса.

Анализ процессов, которые происходят в реальном мире, позволяют сделать вывод, что *идеология — это совокупность взглядов и идей в которых осознаются и оцениваются экономические, политические, социальные и духовно-нравственные отношения в реально существующей действительности во всем их многообразии*. В идеологиях, которые вырабатываются политическими силами (государством, партиями, массовыми движениями) содержатся цели (программы) их деятельности, направленные на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений, исходя из мировоззренческих позиций, находящих отражение в ценностных ориентациях, установках и интересах. Идеология предполагает, что она во всех ее многообразных проявлениях воплощает в себе: а) не просто знание, но и его оценку; б) это знание связано с тем, что является для исповедующих (придерживающихся) той или иной идеологии, что для них ценно, важно, к чему надо стремиться; в) понимание того, как достигнуть провозглашенных целей, что неминуемо ведет к борьбе мировоззрений, постоянном их сопоставлении и отстаивании в ходе политической и/или социальной борьбы.

К истории формирования мировоззренческих идей в России

Обычно при рассмотрении генезиса мировоззренческих идей, процесс которых стал очевидным для понимания происходящего и с попытками определить стратегическую направленность развития России, связывается с именем графа С.С. Уварова, провоз-

гласившего лозунг «Православие. Самодержавие, Народность». К этой формулировке в современной России обращаются многие, считая образцом для подражания. Однако не все правильно толкуют эти слова, ту ситуацию и ту цель, которую преследовал министр просвещения Уваров. Уточним, что в докладе императору Николаю I, перед утверждением его министром, он сформулировал эту триаду, которая была обращена, выражаясь современным языком, к процессу обучения и воспитания в учреждениях образования, не более. Некоторые исследователи предположили, что эта триада была выдвинута как противовес лозунгу французской революции, провозгласившей «Свободу, равенство, братство».

Однако уже во второй половине XIX в. достаточно быстро начали появляться и другие идеологические установки, которые долгое время созрели подспудно и по большому счету вышли на открытую политическую арену в революцию 1905 г.

Напомним, что идеи — особый, своеобразный и специфический продукт общественного бытия. Они рождаются, развиваются, нередко живут самостоятельной жизнью. Многие из них остаются мимолетной искрой, другие служат отдельным социальным и политическим силам ограниченное время. И среди этого потока множества идей лишь некоторые из них становятся не только отражением духовных смыслов отдельных людей или некоторых групп и объединений, но и воплощаются в реальной жизни государств, народов, всего человечества.

Что является критерием их значимости и устойчивости в процессе исторического развития? При каких условиях они становятся достоянием народов, его основных классов, определяющих будущее и судьбы миллионов людей? История развития революций — наглядный тому пример превращения идей в материальную силу. Рассмотрим это на примере России.

Обычно при анализе условий и причин русских революций XX в., приведших к краху самодержавия, называют самые разные — экономический и политический кризис, поражение России в Первой мировой войне. Как производные от них, рассматривают истощение социальных и духовных ресурсов, растущее обнищание населения, раскол правящих сил, пробуждение национальных и националистических сил, неспособность царя и его окружения понять происходящее и соответственно принять меры по выводу страны из сложившейся ситуации. Обращают внимание на важные, но не определяющие причины — поведение интеллигенции, интриги, «распутинщину», несогласованность и непоследователь-

ность действий политических партий. Но все это – и основные и производные причины того, что Россия в начале XX в. была глубоко травмированной страной, несмотря на имеющиеся отдельные достижения, на которых любят останавливаться отдельные историки, пытаясь доказать прямо противоположное вопреки реальному положению дел.

Однако, на наш взгляд, *при анализе причин русских революций XX в. должное внимание не уделяется одному из решающих факторов – роли идей и их социальной базе в событиях, определивших картину мира всего XX в.* Именно они стали одним из важнейших и определяющих факторов революционных преобразований, объясняющих силу и влияние самых различных политических сил, и победу большевизма в противостоянии и противоборстве с его политическими противниками.

Для того чтобы определить роль и значение основных идеологических ориентаций этого времени, выявить их сущность и содержание, надо исходить из следующих постулатов: а) **что** представляли эти идеи; б) **кто** олицетворял их; в) имела ли **социальная база** (социальная опора) для этих идей; г) **какими средствами** предполагалось их достигнуть; д) **какова конечная цель** реализации этих идей.

Рассмотрим это на основе анализа существовавших основных политико-идеологических сил: промонархических, консервативных, буржуазно-реформистских, левых (подробнее см.: [Политические партии... 2000; Российская многопартийность... 1996]).

Что касается промонархических черносотенных партий («Русский народный союз имени Михаила Архангела», лидер В.М. Пуришкевич), то, будучи сначала во время и некоторое время после 1905 г. серьезной политической силой, они к 1917 г. окончательно потеряли влияние, так как отражали настроения и ориентации незначительных групп населения. Не имелось у этих сил и серьезной социальной базы, за исключением маргинальных слоев в лице люмпенизированных групп. Средства утверждения своего влияния – погромы, принуждение, угрозы – не могли привести к поддержке народом этих сил и идей. С точки зрения исторической перспективы они себя полностью дискредитировали и поэтому сошли с общественно-политической арены, превратившись в малочисленные, хотя и крикливо-насильственные ультрарадикальные группы отверженных.

Идеологией *правых сил* стала идея сохранения реформированного самодержавия. Она долгое время была смыслом существования *партии «Союз 17 октября»*, которая представляла собой

умеренно правое политическое объединение крупных землевладельцев, предпринимательских кругов и чиновников России. Эта партия, по определению ее лидера А.И. Гучкова, была либерально-консервативной и олицетворяла правое крыло российского либерализма, придерживавшееся умеренно-конституционных взглядов. По большому счету, она не могла предложить народу того, что соответствовало бы его устремлениям, сосредоточившись на своих узкокорпоративных интересах. Так называемые общенациональные приоритеты были ярко выражены в мае 1915 г. на съезде промышленников России в речи одного из лидеров этой партии М.В. Родзянко: «Отныне должен быть у всех русских граждан один лозунг: «Все для армии, все для победы над врагом, все должно быть сделано для того, чтобы в полном и крепком единении сокрушить тех, которые дерзают посягать на величие России». Со временем такая позиция оттолкнула от этой партии широкие слои населения, чаяниями которых было прекращение войны, жажда мира. Иначе говоря, эта партия не могла предложить ни одной идеи, которая бы нашла поддержку среди населения России (цит. по: [История партии... 1996–2000; *Соловьев*, 2011]).

Не менее впечатляюща судьба идей Конституционно-демократической партии (*Партия народной свободы, лидер П.Н. Миллюков*), которая представляла левый фланг российского либерализма. Кадетов еще называли «профессорской партией», имея в виду высокий образовательный и культурный уровень рядовых членов. Именно они составляли ее социальную базу. Целями их платформы действий стали: конституционно-парламентарная монархия, демократические свободы, принудительное отчуждение (но не конфискация) помещичьих земель за выкуп, законодательное решение «рабочего вопроса». Вопрос о народном представительстве был покрыт пеленой двусмысленности. В программе говорилось, что «партия допускает в своей среде различие мнений по вопросу об организации народного представительства, в виде одной или двух палат, из которых вторая палата должна состоять из представителей от органов местного самоуправления, реорганизованных на началах всеобщего голосования и распространенных на всю Россию». Что касается средств достижения провозглашенных целей, кадеты выступали против резких насильственных действий. Они рассчитывали осуществить свою программу легальными, парламентскими методами, хотя не отвергали возможность политической революции как крайней меры. Однако эти ценности и идеалы оказались невостребованными, что явилось трагедией

российского либерализма, потому что они не совпадали с чаяниями ни крестьянства (что значит «выкуп»?), ни рабочих (т.е. убедить работодателей удовлетворить насущные их требования, например, о 8-часовом рабочем дне?). Не отказались кадеты и от продолжения войны с Германией. Консервативную позицию они заняли по отношению к проблемам автономии ряда национальных окраин (например, Украины). Эти частичные, урезанные идеи не могли найти массовый отклик — эта была политика с мало и не всегда понятными народу средствами решения назревших проблем. Социальная база оказалась крайне ограниченной, противоречиво компромиссной и не всегда ясной даже для более просвещенных мелкобуржуазных слоев населения [*Кара-Мурза*, 2001].

Более сложная судьба идей сложилась и у такой левой партии, как эсеры. История партии эсеров в годы революции представляет собой эпопею борьбы и компромиссов между постепенно сложившимися в ней тремя течениями: правым (А.Ф. Керенский, Е.К. Брешко-Брешковская, А.Р. Гоц, Н.Д. Авксентьев), центристским (В.М. Чернов, С.Л. Маслов) и левым (Б.Д. Камков, М.А. Спиридонова), каждое из которых в свою очередь имело внутри себя различные оттенки. И поэтому, несмотря на то, что к концу 1917 г. эта партия была самой массовой, ее идеи были достаточно разношерстными и не всегда определенными. Эсеры понимали, что судьба революции в России зависит от решения вопроса о войне и мире. Эсеровский центр по вопросу о войне и мире находился под постоянной критикой справа и слева. Левые эсеры упрекали его в оборонческой фразеологии, правые же требовали большей активности в продолжении войны, призывали «порвать с циммервальдизмом, пораженчеством и большевизмом». Поэтому в резолюции «Об отношении к войне», принятой III съездом партии, основополагающим стал лозунг «демократический мир всему миру», носящий характер компромисса и даже двусмысленности [*Гармиза*, 1970].

Самым серьезным достижением эсеров стала предложенная аграрная реформа. III съезд партии эсеров подтвердил верность требованию социализации земли, подчеркнув, что закон о земельной реформе может принять только Учредительное собрание, т.е. откладывал его решение на неопределенное время, в то время как крестьянство требовало немедленного решения этого вопроса. Стоит также отметить рыхлость позиций эсеров по отношению к рабочему классу, что привело к слабой их поддержке среди этого слоя трудящегося народа, что во многом предопределило их последующее поражение [*Алексеева*, 1990].

Среди левых партий в 1917 г. значительную роль играли *меньшевики* (Ю.О. Мартов, Н.С. Чхеидзе, И.Г. Церетели), которые были в 1917 г. одной из влиятельных политических сил (подробнее см.: [Катков, 1997]). Хотя они являлись сторонниками марксизма и социалистической революции, однако отвергали курс на немедленное построение социализма, считая, что Россия как аграрная страна не готова к этому. Недостатком меньшевиков в политической конкурентной борьбе были нерешительность и аморфная организационная структура. К лету 1917 г. меньшевики раскололись на четыре фракции: «крайних оборонцев», «революционных оборонцев», интернационалистов-мартовцев и интернационалистов-«новожизненцев» (от названия газеты «Новая жизнь»). Кроме того, от партии отделилась фракция «Единство» во главе с Г.В. Плехановым. Основным поводом для внутрименьшевистских расколов стал вопрос о мире, разделивший партию на «оборонцев», отстаивавших идею т.н. «революционного оборончества» («война до победного конца»), и «интернационалистов», склонявшихся к позиции большевиков. Их объединяло отвержение революционных методов борьбы. Поэтому меньшевистские фракции, как «левые», так и «правые», отказались поддерживать Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, охарактеризовав его как установление «большевистской диктатуры» путем «военного заговора». Именно эти противоречивые установки и нередко взаимоисключающие идеи привели к неопределенности социальной базы, неясности целей и, соответственно, слабой поддержке среди народных масс в происходящих революционных преобразованиях [Ненароков, 2000; Тотюкин, 2000].

Идеологические установки *большевиков* оказались наиболее жизнеспособными и востребованными. Большевики предложили идеи, которые в отличие от их оппонентов объединили в одно целое интересы основных социально-классовых групп, учтя главные ориентации, которые были важны для большинства россиян. В условиях заметного и неустойчивого идеологического вакуума, когда выросло недоверие ко всем правящим силам, составлявшим базу Временного правительства, большевики выдвинули лозунги, привлекая миллионы людей: «Мир народам», «Заводы — рабочим», «Земля — крестьянам». Эти лозунги становились все более популярными и завоевывали растущую поддержку среди большинства народа [Данилкин, 2017].

Именно то, что большевики более точно и более полно отразили чаяния широких слоев народа, сделало их решающей силой, которая обеспечила сохранение и постепенное укрепление их

власти после вооруженного ее захвата. Большевиками было четко сформулирована идея диктатуры пролетариата как основного средства управления страной.

Но особенно было важно то, что большевики решительно заявили о поддержке требований крестьян о немедленной передаче им земли (в этом они были едины с левыми эсерами, у которых, как утверждают некоторые исследователи, был позаимствован этот лозунг). При этом решающую роль сыграли обещания большевиков в кратчайший срок с участием народных масс разрешить самые насущные проблемы того времени — земли и мира. Немалую толику в победу большевизма внесло их гибкое реагирование на требования политических сил национальных окраин, на которых разворачивались и превращались в мощные политические движения действия этнонациональных партий.

Большевики помимо общих и привлекательных идей предложили конкретную программу действий по реализации своих идеологических установок. В ней были предусмотрены мероприятия, которые должны были решить несколько задач: предотвратить угрожавший стране хозяйственный крах; обеспечить снабжение хлебом; завершить уничтожение остатков феодального строя (осуществление аграрного проекта 1907 г.); сделать первые шаги к социализму — через Советы, установить рабочий контроль над производством и распределением, переходящий в дальнейшем в «полное регулирование», но уже на этом этапе предполагавший существенное ограничение частной собственности (отмену коммерческой тайны, запрещение локаутов и сокращение производства и т.п.); национализация банков и централизация банковского дела; национализация предприятий; введение всеобщей трудовой повинности; отказ от уплаты внешних и внутренних государственных долгов (с обещанием учесть интересы мелких вкладчиков) и др. Контуры новой государственной власти, способной решить эти задачи, были впервые очерчены Лениным в работе «Государство и революция», где обосновывалась необходимость и возможность установления в России диктатуры пролетариата («государства-коммуны») в форме республики Советов. Этой власти предназначалось заменить старое государство — диктатуру буржуазии, подлежащую разрушению [Ленин, 1974: 33, 1–120].

История революции убедительно продемонстрировала: стратегия и тактика большевиков реализовали убеждение К. Маркса: «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами» [Маркс, 1: 416]. В 1917 г. произошло слияние воедино идей

социалистической революции, воплощенной в программе большевиков и других левых партий, и устремлений основных движущих сил — рабочего класса и крестьянства. Реализацию этих идеолого-политических целей обеспечивал достаточно высокий уровень организационной работы, партийной дисциплины, последовательность действий большевиков. То, что не удалось ни одной политической партии того периода, удалось большевикам. Именно они в своих идеях и действиях олицетворяли желания большинства народа, что и обеспечило им массовую поддержку не только в период захвата власти, но и в течение длительной и изнурительной Гражданской войны, Именно то, что чаяния народа воплотила в себя программа большевистской партии, стало залогом ее победы. Этот факт признавали даже те, кто на дух не переносят коммунистические и социалистические идеи.

Таким образом, анализ роли и значения основных идеологий, функционировавших с первой русской революции в 1905 г. и в 1917 г., в период нахождения российского общества в глубоко травмированном состоянии, показывает, что в этой схватке за власть и желаемое будущее России одержали победу большевики, сумевшие наиболее полно, отчетливо и доходчиво при умело проводимой организационной работе выразить идеи трудящегося народа, его основных представителей — рабочих и крестьян. Говоря словами В.В. Розанова, Россия, придуманная им и воспетая им, потерпела поражение — но не на фронте, а головах людей (цит. по: [Юрганов, 2017]).

О роли процессов, происходящих в общественном сознании в эту переломную эпоху, обращали внимание и другие мыслители этого времени. «Правда нравственная, правда национальная, правда культурная и правда социальная должны быть восстановлены в их совершенном равновесии. Найти такому синтезу соответствующую идейную форму нелегко» [Чулков, 1916: 26]. И на этот вызов времени сумели найти ответ большевики. Наряду с особой самостоятельной программой действий, они продемонстрировали способность привлечь к совместной деятельности другие социалистические (левых эсеров, анархистов) и демократические организации, в т.ч. и большинства национальных окраин России. Без этого идейного единства невозможно представить победу большевистской партии и стремительное распространение и усвоение ее идей не только в России, но и во многих странах мира. Поведение большевиков в 1917 г. — это наглядное воплощение смысла известного изречения Т. Карлейля (1795—1881), английского историка

и философа: «Революция совершается не на баррикадах – она происходит в умах и душах людей».

Этот исторический экскурс позволяет утверждать, что идеология играла огромную роль в революционных преобразованиях России. Без нее возможен был бы распад России как единого государства. А то, что большевики и их идеология стали исторической силой, сохранившей страну и позволившей ей выйти из травмированного состояния, признавали не только сторонники, но даже их противники.

В дальнейшем, в Советском Союзе постепенно утверждалась позиция, что государство и общество не может обладать ничем иным, кроме социалистической идеологии. Все иные мировоззренческие ориентации отвергались, относя их к буржуазной и мелкобуржуазной идеологии или к пережиткам прошлого в сознании и поведении людей. Социалистическая идеология признавалась единственно верной, оправданной, отражающей интересы всего советского народа. И она стала частью сознания советских людей. При всех издержках она подготовила морально-политическое единство общества, что стало одним из решающих факторов победы в Великой Отечественной войне (см. например, подробнее: [Золотарев, 2010]). Однако постепенно становилось очевидным, что наряду с социалистической идеологией возникли и окрепли самые различные, в том числе и враждебные социализму мировоззренческие взгляды, которые послужили реализации огромной геополитической катастрофы – краху Советского Союза.

Современные российские идеологии

Травмированность современной духовно-нравственной сферы российского общества во многом продиктована тем, что в Конституции РФ зафиксировано положение: в России нет государственной идеологии. Это негативное отношение к слову «идеология» во многом может быть объяснено тем, что в Советском Союзе признавалась (официально) только одна идеология – социалистическая. Попытки сказать, что наряду с ней существуют и другие идеологии, жестко пресекались и отвергались. Поэтому ассоциация идеологии со словом «социалистическая» (а в ряде случаев и «коммунистическая») сформировала предубежденность к ней, а порой превращала это слово чуть ли не в ругательство.

Отказываясь от государственной идеологии, «творцы» Конституции России полностью игнорировали тот факт, что ни одно из

существовавших и существующих государств не обходится без официальной идеологии при признании возможности одновременного существования других мировоззренческих позиций и ориентаций. Появившиеся предложения об ошибочности и изменения этой статьи Конституции РФ встретили ожесточенное сопротивление либералов, особенно таких видных их представителей, как политолог Н. Сванидзе, журналист М. Гусман, протоиерей Вс. Чаплин, пугая всех возможным возрождением сталинизма, появлением нового ГУЛАГа. Именно с этих позиций происходит интенсивная дегероизация отечественной истории, когда ниспровергается все, что являлось ориентиром для того, чтобы человек чувствовал себя патриотом. В таких условиях ничего святого не остается, кроме чувства полной растерянности, неуважения и даже презрения к отечественной истории.

Отказ от официальной идеологии привел к тому, что общественному сознанию была нанесена колоссальная травма, ибо в этой ситуации *произошла потеря прежних ориентиров, а новые не сформировались* [Славин, 2009]. Были утрачены прежние ориентирующие идеи, которые являются (или должны являться) непременным атрибутом всякой эффективной власти.

Отсутствие государственной идеологии стало одним из пороков становящейся российской государственности. Уже при Ельцине это упущение было замечено. Но, не желая возвращаться к отвергнутому понятию «идеология», был выдвинуто предложение — найти национальную идею. Смысл предпринятого очевиден — народ надо объединить вокруг общественно значимых ориентиров, которые были бы понятны всем и побуждали желание и стремление участвовать в их реализации. В 1990-е гг. разразился целый бум инициатив, начиная от уваровского (министра просвещения правительства России в середине XIX в.) лозунга «Православие. Самодержавие. Народность» и до бесконечных поисков найти заветные призывы, устраивающие всех. Но это был поиск, заранее обреченный на провал. Это были идеи отдельных искателей истины, ученых, политиков, просто амбициозных персонажей. Хотя, справедливости ради можно сказать, что по ходу обсуждения были высказаны интересные идеи и предложения. Но их ограниченность, условность была определена тем, что это были поиски отдельных идей, без обращения к мнению народа, к его пониманию того, чего надо добиваться и как строить отношения в существующем обществе. Это отражал и такой феномен — за эти годы как только не пытались назвать, охарактеризовать ситуацию

в стране: и «управляемая демократия», и «консервативная модернизация», и другие «изобретения». Отсутствие объединяющей идеи пытался устранить и нынешний идеолог Кремля – В. Сурков, предложив пространную концепцию о глубинном народе, в то же время не обращая внимания на те идеи, к которым стремится этот народ [Сурков, 2019].

Против того, чтобы у России была идеология, особенно яро выступают либеральные силы, считая, что это ограничит поиск творческих сил, будет означать насилие над умами и поведением людей и, что самое опасное, будет способствовать укреплению тоталитаризма. В этих возражениях неизвестно чего больше – лукавства или просто незнание сути дела. Если речь идет о лукавстве, то они подменяют тезис – речь идет о единственной (??) идеологии в стране или о государственной, которая выражает стратегические идеи государства, не отменяя существования других идеологий. Если речь идет об использовании этого понятия в реальной политике, то об идеологии (это особенно важно) и об ее обновлении говорят многие политические деятели за рубежом, например, президент Франции Макрон (цит. по: [Крашенинникова, 2019. № 10]).

Если рассмотреть сегодняшнюю ситуацию в России, то в реальной политической и духовной жизни существуют много идеологий, среди которых необходимо выделить основные. В результате в обществе, как в калейдоскопе, сложился конгломерат различных мировоззренческих ориентаций, которые самым причудливым образом отражают устремления различных социальных групп и общностей.

Во-первых, определенное влияние имеет либеральная идеология, которая нацелена на такие внешне привлекательные ценности как развитие демократии и обеспечение прав человека, но в достаточно специфическом толковании. Под этим флагом подразумевается нацеленность на преимущественное существование, развитие и функционирование частной собственности, превращение государства в «ночного сторожа», абсолютная, безоговорочная ответственность каждого человека за свой жизненный путь, за свою судьбу, за свою конкурентоспособность для выживания в нынешних российских реалиях. Социальную базу либеральных идей сначала составила часть населения, надеявшаяся, что эти идеи обеспечат им более благоустроенную жизнь, чем в Советском Союзе. Слова известного режиссера С. Говорухина «Так жить нельзя» пришлось по душе многим людям, поверившим в существен-

ное обновление общественной и личной жизни. Но уже в первые годы существования новой России большинство людей убедилось, что ориентация на либерализм выгодна сравнительно небольшому количеству захвативших власть, амбициозных деятелей и их окружению, успевших за короткий срок нажиться на разграблении национального богатства под видом приватизации, залоговых аукционов и специальных правовых актов, узаконивших различные приемы захвата государственной (общенародной) собственности. Показательно, что социальная база либерализма за все годы существования новой России сократилась. Народ отверг правые партии в их стремлении захватить законодательные и представительные органы власти. В общественном мнении были развенчаны и прежние, и существующие лидеры либерализма, начиная с Е. Гайдара. Однако, несмотря на отсутствие поддержки народа, экономические идеи либерализма продолжают существовать на государственном уровне. Именно существование и продолжение реализации либеральных идей на официальном уровне привело (наряду с другими факторами) к стагнации социально-экономического развития России, к росту социального неравенства, к увеличению социальной напряженности.

Будучи не способными сформулировать реальные предложения о будущем России, усилия либералов сосредотачивались на решении эгоистических групповых или личных устремлений. «Истинные интересы и мотивы власти, которая взяла на себя ответственность за историческую судьбу России в 1991 г., никак не связаны с декларированными целями. Разговоры о демократической рыночной экономике и, соответственно, политических и экономических реформах, призванных обеспечить ее становление, были не более чем идеологическим прикрытием для куда более прозаических целей и задач» [Явлинский, 2003: 26].

Показательно, что ограниченность и даже гибельность идей либерализма стала очевидной и для президента страны, когда в интервью газете *Financial Times* в июне 2019 г. прозвучала резкая оценка роли и значения либерализма в жизни, как всего мира, так и отдельных стран. Причем президент особо подчеркнул, что проблема состоит не столько в том, что либералы и их идеи существуют, а в том, что «эта часть общества достаточно агрессивно навязывает свою точку зрения подавляющему большинству» (цит. по: [Коммерсантъ. 2019. 1 июля]). Но пока очевидно, что либеральная идеология в значительной степени способствует тому, что российское общество носит черты общества травмы.

Во-вторых, в современной России продолжает существование и развитие социалистическая идеология, несмотря на кризис с идеями социализма и коммунизма. Эта идеология, никуда не исчезла и более того имеет тенденцию к ее большему распространению. Показателен в этом случае небольшой исторический экскурс. В 1994 г. во время выборов в первую Государственную Думу за партии, олицетворяющие социалистические ценности, проголосовали в общей сложности около трети избирателей. Объяснение, особенно (нео)либералов, было такое: эти голоса — это голоса людей, сходящих с исторической арены, так как они олицетворяют установки старшего поколения, которому трудно смириться с изменением политического строя. А порой им, мол, невозможно расстаться с советским прошлым. Но скоро они уйдут. Придет новое поколение, и оно продемонстрирует иные ценности, иные ориентации. Но вот прошло четверть века. И что же показывают выборы разного уровня в 2018 г.? Оказывается, опять не менее трети отдали предпочтение различным социалистическим и коммунистическим течениям (организациям, движениям). Как объяснить этот выбор? Ведь старшее поколение в самом деле ушло. Выросло новое поколение. И оказывается, что и для нового поколения социалистические ценности продолжают быть важными, значимыми. Иначе говоря, социалистическая идея продолжает свое существование, так как она олицетворяет собой вековую мечту о справедливом государстве, каким и был Советский Союз при всех зигзагах его развития. При этом надо отметить, что социальная база этих идей изменилась (что, к сожалению, еще не осознают левые партии): теперь не рабочий класс представляет собой ведущую политическую и социальную силу — он раздроблен, он трудится в различных экономико-финансовых условиях, опосредованных различными формами собственности. На наш взгляд, социальную базу левых идей составляет прекариат (от *лат.* — нестабильный, неустойчивый, негарантированный), который состоит из больших социальных групп, живущих в состоянии неуверенности в стабильности своего нынешнего и будущего положения (подробнее см.: [Стэндинг, 2014]). Именно эти группы заинтересованы в реализации социалистических идей, которые они считают олицетворением справедливого общества. Эти группы не отвергают существование частных форм собственности, ратуют за установление социального (но не уравнительного) равенства и в качестве желаемой цели ратуют за социальную справедливость [Зюганов, 2019].

В-третьих, в 2000-е гг. вырос спрос на консервативно-патриотическую идеологию, которую в настоящее время олицетворяет ряд довольно разношерстных социально-политических течений — от приверженцев идей традиционализма, ценностей предшествующих поколений до разного рода этнонациональных, националистических и конфессиональных организаций. И хотя в том или ином варианте все они выступают за сохранение национально-исторических ценностей, за их приумножение, за воспитание преданности стране, за поддержку традиций и обычаев в жизни современных граждан, эти организации лишь условно могут быть названы скрепляющей и нравственной силой, так как одежды патриотов надевают и те, кто сбежал за границу, захватив немало уворованных в стране средств, и те, кто живет в криминальном мире, и те, кто ради получения различных дивидендов готов присоединиться к этой идеологии. В этой связи возникает далеко не праздный вопрос — может ли считаться олигарх патриотом, если 70–80% его капитала за границей?

На поле патриотизма играют многочисленные партии и движения — от Либерально-демократической партии В. Жириновского до региональных объединений, ратующих за особенный путь развития своих территорий. Разношерстность этих сил усугубляется тем, что консервативные и патриотические идеи по-разному трактуются и реализуются политическими акторами разных национальностей, что нередко приводит к рассогласованности действий, а иногда и к столкновению. В этом случае ориентация русских националистов на соборность, патриотизм и коллективизм не всегда согласуется с целями национальных и националистических организаций других народов, что позволяет сделать вывод о необходимости следования тому пути, который был в историческом прошлом каждого народа [Дугин, 2012].

В-четвертых, была осуществлена попытка придать национальной идеологии облик религиозного фундаментализма, в первую очередь православия. Эта попытка реализуется предложениями амбициозных политиков, которые в своем желании заявить о себе, удержаться на плаву предлагают свое видение мировоззренческих установок россиян и методы их формирования. Так, небезызвестный депутат Госдумы Е. Мизулина, которая уже многие годы стремится остаться в политике и для этого сменившая несколько партий в своем служебном рвении, в 2013 г. предложила идею — отразить в Конституции РФ, что православие является «основой национальной и культурной самобытности России», таким обра-

зом, заменив отсутствие понятия «государственная идеология» [Версия, 2018. № 49].

Однако вернуться в прошлое невозможно, что неоднократно доказано историческим опытом. Поэтому попытки РПЦ выйти на желаемую ей траекторию внедрения в сознание россиян канонов и догм церковного учения встретили пассивное, сдержанное, а порой и явное сопротивление. Особый ущерб Церкви принесло ее стремление прямо или косвенно участвовать в управлении государством, которое наряду с вмешательством в дела образования, культуры, воинской службы и даже науки позволяет утверждать о некоторых теократических чертах Российского государства, что противоречит положению Конституции РФ о России как светском государстве (подробнее см. [Тощенко, 2003]).

Отсутствие у государства и общества стратегической цели в виде идеологии порождает различные специфические и спорные идеи о «милитаризации сознания» [Щипко, 2019. 4 июля] или о превращении среднего класса из опоры общества, в источник его раскола и дестабилизации [Щипков, 2019. 8 июля]. Стоит отметить и навязчивые и невразумительные попытки и стремления построить в России «славяно-православную политическую культуру» и утвердить «соборно-вечевую мораль», а также доказать, что будущее предсказал апостол Павел [Асопов, 2019: 39, 46, 49].

Состояние общества травмы порождает и такие эрзац-идеологические формы как квази-, псевдо-, контр- и паракультуры, паразитирующие на ожиданиях и надеждах людей, что порождено, с одной стороны, неуверенностью людей в своем положении в существующем обществе, с другой, превращением культуры в бизнес-культуру, в средство получения прибыли, в том числе и за счет потакания низменным вкусам части населения. Это состояние привело к расцвету манипуляций Кашпировского, Чумака, Лолы и подобных мистических лиц. Это поветрие охватило даже верхи, которые страдали от сомнений в своих властных возможностях, в результате чего было создано даже подразделение в охране Ельцина по изучению паранормальных явлений и использованию их в политике. Отсутствие четких социальных ориентиров при возросшей личной неустроенности и шаткости реальной и будущей жизни привело к росту всяческих магов, колдунов, предсказателей, гадалок, число которых в конце 2010-х гг., по экспертным данным, насчитывало более 800 тыс. человек с годовым доходом более 10 млрд долл. Распространение мистики беспокоит и религиозных мыслителей. Игумен Петр Мещерский выразил большую

озабоченность за культуру в целом, ибо такое состояние возвращает сознание людей в далекое прошлое, возрождая темную сторону жизни людей.

К этому следует добавить, что в политическом и идейном дискурсе существующей политической власти исчезла пропаганда личных качеств человека — чести, достоинства, трудолюбия. Они забыты, исчезли или скомпрометированы. Не стало для официальной власти тех людей, которые воплощали в себе лучшие черты человека, которому бы следовало подражать, брать пример, ориентироваться в своих делах и поступках. Оскудение нравственного облика — это тоже один из показателей общества травмы.

Таким образом, анализ возможностей для консолидации российского общества показывает, что она находится под угрозой в условиях существования различных идеологий, отражающих как правило интересы, ценностные ориентации и установки различных социальных классов, общностей, групп. Реальная ситуация требует формулировки стратегической цели развития России, находящей свое выражение в государственно-общественной идеологии с четким обозначением средств и методов ее достижения. Без такой идеологии Россия не может в полной мере выйти из травматического состояния.

Основные деформации духовно-нравственной жизни российского общества

Для обществ травмы характерна потеря гомогенности. Суть гомогенного общества раскрывается как формулировка общественного идеала, согласно которому все общества определяются как общества однородных, свободных субъектов, равных в своих правах, равных перед законом, равных перед общественным договором, равных перед требованиями морали и т.д. Здоровое общество всегда относительно гомогенно.

Формирование гомогенного общества является целью не только политических режимов — тоталитарного и авторитарного, но и для демократических и социалистических идеологий. Демократическое общество, при всей приверженности к многообразию взглядов, в определенных, прежде всего экстремальных для общества ситуациях, также стремится к формированию общественного консенсуса, к определенной идеологической однородности, по крайней мере, по отношению к правам человека. Анализируя госу-

дарственную политику с точки зрения стремления власти к созданию гомогенного общества, объединенного единой идеей (национальной, социальной или любой другой), можно достаточно ярко выявить тенденции к формированию в данном обществе (государстве) элементов тоталитаризма.

Если в стабильно развивающихся государствах, представляющих гетерогенное общество, в условиях существования в них различных классов, социальных групп и общностей достигается определенная согласованность отношений и способов устранения возникающих конфликтов, то в травмированных обществах относительное социальное согласие находится под угрозой или серьезно нарушено. Применительно к России можно сказать, что если в условиях Советского Союза существовало гомогенное общество, когда классовые и социальные различия были незначительны, то в условиях современной России об этом говорить просто невозможно как в настоящее время, так и в долгосрочной перспективе. Различия настолько значительны, что делают страну похожей на африканские страны или опрокидывают ее почти что в феодальное прошлое.

Дискурс стабильности сменился на дискурс консерватизма, сохранения традиционных ценностей, укрепления духовных скреп, т.е. обществом, в котором каждый занимает определенное место. Этим обществом легче управлять, хотя оно часто меняется, иногда его развитие мало предсказуемо, но обязательно подвержено изменениям, нередко коренным. Такая ориентация политической власти на консерватизм продиктована тем, что сложившаяся модель российского общества, многие ментальные привычки населения дают для нее некоторое основание считать: если все же идут дела хотя бы несколько лучше, чем раньше, то зачем менять тенденции и направления развития? Поэтому массово распространено скептическое отношение к переменам, риску, отказ от старого, от смены ролей. Справедливо утверждение, что общество с низкой мобильностью слабо реагирует на инновации, трудно подвергается модернизации. Но путь консервации уязвим, если он проводится без сочетания и без учета новых потребностей времени, что чревато непредвиденными конфликтами, обострением отношений на всех уровнях социальной организации общества.

В этих условиях происходит выход на первый план в общественном сознании идеологии потребительства под маркой строительства социального государства, тем более что о его существовании говорится в Конституции РФ. Материальный успех стал

преобладающим в жизненных ориентациях молодежи и предпочитаем среди многих у старшего поколения. Причем средством достижения материального благополучия становится отнюдь не труд и не трудолюбие – им являются рыночные критерии – власть, капитал, паблисити. 68% уверены, что при повышении объема и/или качества работы их зарплата не увеличится. Этой точки зрения придерживается 77% тех, кто старше 60 лет, а среди молодежи (18–24 года) – только 37% [ВЦИОМ, 2019. 13 мая]. Поразительно, что примерно такие показатели получали социологи в советское время. Как объяснить – политический строй изменился, а ситуация осталась прежней? Что это значит? А наш взгляд, новый строй не разбудил творческие силы людей, не нашел убедительных механизмов заинтересовать людей в повышении эффективности и результативности труда. Вот почему рост производительности труда за 2012–2018 гг. вместо провозглашенных 50% составил всего 4%.

Именно под флагом потребительской идеологии происходит коммерциализация не только экономической, но и социальной и культурной жизни. И для них стал распространенным такой термин – услуги. Сам термин «услуги» – это показатель рыночных отношений, которые предполагают небезвозмездную акцию за оказанные действия. Это привело к тому, что и сфера культуры, образования, науки стали рассматриваться в основном только с точки зрения получения дохода, прибыли, будучи уравнены с функционированием производства товаров, с реализацией требований рыночной экономики.

Фактически из лексикона общественной жизни и социальных практик исчезли такие понятия как мораль и нравственность. Были подвергнуты обструкции практически все реальные достижения предшествующих эпох и в первую очередь советской. Стало распространяться унизительное и презрительное слово «совок», под которым понимались все советские люди. Был осмеян «Моральный кодекс строителя коммунизма», хотя внимательное его прочтение говорит, что 70–80% его содержания совпадает с Нагорной проповедью, с моральными установками других религий, в которых зафиксирован тысячелетний опыт развития народов и использован в организации публичной и личной жизни. Следствием такого подхода стало уже не скрытое, а декларируемое, открытое презрение и отношение к основным слоям народа как быдлу, как неудачникам, как бесперспективной не умеющей жить массе. Стало модным декларировать свой успех, престижное потрепле-

ние, презрение к тем, кто находится ниже по социальной лестнице. А если это декларируется сверху, в виде пожелания учителям, недовольным своей оплатой труда, идти заниматься бизнесом, то можно представить степень моральной деградации и абсолютной оторванности от реальной жизни произносивших эти слова.

Деформацию морального климата усиливает, с одной стороны, имитация деятельности, которая исходит, прежде всего, от представителей органов управления, которую достаточно отчетливо улавливает общественное сознание. С другой – во все в большей степени распространяется такое явление, как аномия, которое проявляется в социологически измеряемом феномене – доверии. Именно его реальное состояние в России показывает катастрофически низкий его уровень ко всем уровням властной вертикали за исключением президента страны.

Произошло кардинальное изменение информационного пространства. Средства массовой информации – газеты, телевидение, радио – стали отражать интересы тех, кто их финансирует, не или мало заботясь о подаче правдивой информации. В результате стали массовыми фейковые методы в виде полного или частичного искажения, односторонней трактовки, преувеличения информации о происходящих в мире и в окружающей среде событий, явлений, процессов. Не удивительно, что именно в такой обстановке появился такой феномен, как информационные киллеры, «доблесть» и «достижения» которых прекрасно продемонстрировали такие журналисты, как Доренко, Невзоров.

По мнению Ф. Шереги, шоу-передачам российского телевидения впору присвоить эпитет «истерический междусобойчик». Они занимаются «стиркой грязного белья», вынося на телеэкран в фокусированном виде все дрызги звезд шоу-бизнеса, разваливающихся семей и генетические аферы в отношении детей, якобы неизвестно от каких отцов родившихся. Такой концентрации социальной грязи в истории советского телевидения не было. Еще хуже ситуация с политическими шоу: порой опасаясь, как бы не испачкаться от брызг с экрана слюны мечущихся в истерике телеведущих, поливающих все, и вся, только не видящих бревно в своем глазу. Порой становится непонятным, то ли мы живем в России, то ли в Украине, то ли в США? В стране масса проблем с разрушающимися селами или горящими от степных и лесных пожаров. Но этих тем на политических телешоу не существует. Такая позиция российских СМИ, строящаяся на сгущении и злорадном смаковании несчастий людей, по сути, формируют у населения России чувство неполноценности,

неспособности решить проблемы собственными силами, унижают его [подробнее см.: *Шереги*, 2019]. И почему исчезли рассказы о жизни и деятельности людей различных профессий, событий на производстве и в культуре (и не только звездных персон), поиски смысла жизни учителя, медсестры, инженера шофера (кстати, это самая большая по численности профессия в стране — их насчитывается более 7 млн), пасечника и т.д. и т.п. И построить это таким образом, чтобы было не только интересно слушать и смотреть, но и чтобы части молодежи захотелось сделать жизнь по этим образцам. Но, к сожалению, довлеет установка — писать о народе — не формат.

Кроме того, через средства массовой информации в купе с интернетом стали навязываться вопреки здравому смыслу сомнительные стандарты толерантности, политкорректности. К чему это приводит, говорит опыт ряда стран в отношении гомосексуалов, феминистской идеологии, ксенофобских организаций, когда вопреки здравому смыслу реализуется примиренческое отношение ко всем без исключения актам, особенно когда это касается общественного порядка и нравственности.

Немалую дезорганизующую роль в формировании нового мировоззренческого поля сыграли акции либералов и на поле словотворчества, когда полностью отрицались прежние слова и выражения, конструировались и внедрялись новые — «управляемая демократия», «либеральная империя», «консервативная модернизация». Придумали слова-обманки «крепкий хозяйственник», «надежный руководитель», «эффективный менеджер» и даже заигрывают с термином «технократ». И зачем было запрещать слово «товариш»?

В этом отвержении всего советского дело доходило до абсурда. Деструктивные личности вроде известного телеведущего П. Лобкова, который вел дачную тему, но никогда не забывал в каждой передаче лягнуть «советскую власть», коммунизм вместе с социализмом, оперировать при характеристике прошлого только словом «коммуняки». Патологические наклонности проявлялись в регулярных заявлениях типа «погребение Владимира Ленина стало бы для России шагом вперед» (директор Государственного музея истории ГУЛАГа Роман Романов). Вместо того чтобы заниматься делами созидания, эти люди видят возможность применить свои «способности» только к тому, чтобы «бегать с гробами», чем в свое время особенно прославился А. Собчак. По мнению Л. Радзиховского, это «ненависть классовая, стадная, почти биологическая» [*Радзиховский*, 2019. № 8].

К этому примыкают и такие акции, когда амбициозные деятели, не зная как проявить себя, выступают с такими законодательными инициативами: Следственный комитет России должен возбудить уголовное дело о заговоре с целью убийства Пушкина. Другая деятельница – прикрываясь заботой о здоровье – о закреплении в законодательном порядке иметь каждому гражданину России талию окружностью не более 90 см. И это вместо решения вопросов, которые так остро стоят во всех сферах общественной жизни, в том числе и духовной.

Таким образом, в укреплении или дезорганизации жизни государства и общества важнейшую роль играет идеология. Однако существующее безвременье в духовно-идеологической сфере только усиливает травмирующее воздействие на человеческий потенциал и социальный капитал. Возникшие новые вызовы для социума в виде необходимости мировоззренческой определенности требуют скорейшего решения проблем жизнеустройства россиян, гуманизации их трудовой и общественной деятельности, создания возможностей для раскрытия творчества и активного участия по строительству нового общества.

Литература

- Алексеева Г.Д.* Народничество в России в XX веке. Идейная эволюция. М.: Наука, 1990.
- Асопов Н.В.* Современная политическая культура России как элемент гражданского и религиозного типов общества // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 2.
- Биккенин Н.Б.* Коммунистическая идеология. М.: Политиздат, 1983.
- Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль, 1970.
- Данилкин Л.А.* Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017.
- Дугин А.Г.* Геополитика России. М.: Акад. проект. Гаудеамус, 2012.
- Золотарев В.А.* (ред.) История Великой войны 1941–1945 гг.: в 2 т. М.: ИНЭС: Рубин, 2010.
- Зюганов Г.А.* Россия под прицелом глобализма. М.: Эксмо, 2019.
- История партии «Союз 17 октября»: в 2 т. М., 1996–2000.
- Кара-Мурза С.Г.* Урок кадетов // Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001. Т. 1. С. 396–422.
- Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Русский путь, 1997.
- Крашенинникова В.* Европа: быть или не быть? // Литературная газета. 2019. № 10. 13–19 марта.

- Ленин В.И.* Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 1–120.
- Манхейм К.* Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994.
- Маркс К.* К критике гегелевской философии права / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414–429.
- Маркс К.* Ницета философии / Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. М.: Политиздат, 1985. Т. 3.
- Ненароков А.П.* Политическое поражение меньшевиков // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000.
- Политические партии России: история и современность / под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2000.
- Радзиховский Л.* Классовая ненависть // Версия. 2019. № 8.
- Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М.: Центр прикладных политических исследований: ИНДЕМ, 1996.
- Славин Б.Ф.* Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания, 2009.
- Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Сурков В.* Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля.
- Тощенко Ж.Т.* Теократия: миф или реальность. М.: Academia, 2003.
- Тощенко Ж.Т.* Идеология и жизнь. М.: Советская Россия, 1984.
- Тютюкин С.В.* Меньшевики // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 227–242.
- Ципко А.С.* Милитаризация сознания убивает инстинкт самосохранения и делает смерть сакральной // Независимая газета. 2019. 4 июля.
- Чулков Г.И.* Судьба России. Беседа о современных событиях. Пг.: Корабль, 1916.
- Шереги Ф.Э.* Интервью // socioprognos.ru
- Щипков А.* Протестная рента. Средний класс, призванный консолидировать общество, его раскалывает и дестабилизирует // Независимая газета. 2019. 8 июля.
- Энгельс Ф.* Письмо Ф. Энгельса Ф. Мерингу. 14 июля 1893 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М.: ОГИЗ, 1947. С. 462–463.
- Юрганов А.* Первая мировая война и кризис русского модернизма / Россия XXI. 2017. № 2. С. 30–53.
- Явлинский Г.А.* Периферийный капитализм. М.: Интегорал-Информ, 2003.

Раздел третий

СОЦИАЛЬНЫЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ОБЩЕСТВЕ ТРАВМЫ

Глава 9. Общество не может быть более развитым, чем его образование

О месте и роли образования в современном мире

Слова президента США Дж. Кеннеди, послужившие названием главы, относятся к тому периоду в жизни человечества, когда в СССР в октябре 1957 г. запустили первый искусственный спутник Земли. Для официальной Америки это стало потрясением. Как это и почему это случилось? Почему СССР опередил США? По распоряжению президента (тогда им был Д. Эйзенхауэр) была создана специальная комиссия, которая после двух лет работы сделала сенсационное заключение: СССР победил более совершенной системой образования и подготовки кадров. Исходя из этих выводов, была принята масштабная программа перестройки образования в США, согласно которой были направлены огромные капиталовложения в сферу образования по всем ее показателям: кадры, инфраструктура, связь с наукой, участие бизнеса, финансирование, структура учебного процесса, создание особых центров подготовки кадров и др. [Амброз, 1993; Антонюк, 2007]. О роли и значения образования неустанно говорили все следующие президенты – от Дж. Кеннеди до Б. Обамы. И результат уже примерно через десять-пятнадцать лет сказался – американцы постепенно выходили на первое место по решению многих технико-технологических и информационных проблем, в том числе в освоении космоса.

То, что Россия в настоящее время нуждается в неотложном реформировании образования, никто не сомневается, никто не оспаривает. Это было известно и в СССР, когда периодически принимались решения по развитию, совершенствованию и даже реорганизации всех ступеней образования. Но ограниченность этих

акций была выявлена к 1980-м гг., когда стало очевидным замедление, а потом и отставание от набравших темпы развития образования во многих стран мира. Поэтому вполне естественно, что в постсоветской России наряду с другими был поставлен вопрос — а в состоянии ли российское образование ответить на вызовы времени? Но меры, предпринятые по решению этого вопроса, были сомнительными по качеству и эффективности. Во-первых, все советское наследие в области образования было объявлено ущербным, идеологически ангажированным, отсталым. Во-вторых, разразился целый вихрь предлагаемых «нововведений» и «реформ», которые стремительно заменяли друг друга, дезорганизуя и без того расшатанный процесс как в высшей, так и средней школе. В результате сложилась сверхсложная и даже парадоксальная ситуация: по данным *Global Human Capital* за 2017 г., Россия занимает четвертое место в мире по количеству имеющих послешкольное образование и в то же время 42-е место по параметру «использование навыков трудовой деятельности». По данным международных рейтингов *TIMMS* и *RISA*, по естественно-научной грамотности Россия занимает в мире только 30-е место (2015) [Национальные проекты 2019–2024 гг. ... 2019: 37]). В-третьих, наличие дипломов о высшем образовании слабо учитывается работодателями, не всегда приводит к повышению уровня оплаты, а также тому, что многие выпускники вузов работают не по специальности. Все это приводит к тому, что серьезно изменяется ландшафт рынка труда [Гимпельсон, Капелюшников и др., 2009]. Такая ситуация, с одной стороны, характеризует неудовлетворительное использование интеллектуального потенциала страны, с другой стороны, характеризует качество образования. По данным Института образования ВШЭ, в группе лиц с низкой функциональной грамотностью 53,4% имеют высшее образование, в то время как в Германии их насчитывается 10,3%, а в США — 8,1% (подробнее см.: [Кузьмина, Попов, 2015]).

Если же коснуться содержания, качества и результатов обучения, то почему только 2% школьников России достигают высшего уровня по всем областям базовой грамотности (по данным *Programme for International Student Assessment, RISA*). А как оценивать и реагировать на тот факт, что, по данным Росстата, 30% выпускников вузов и более 40% освоивших программу среднего профессионального образования трудоустраиваются не по приобретенной специальности? А как реагировать на тот факт, что уровень внедрения инноваций в России по сравнению с СССР сократился в 6–7 раз [Полит.ру. 2017. 19 марта].

К этому следует добавить и тот факт, что в настоящее время Россия тратит только 4% ВВП на образование (в других странах – не менее 6%). Россия занимает 88-е место среди 150 стран мира. Напомним, что в конце 1950-х гг. страна занимала третье место по уровню общего образования.

Иначе говоря, остро стоит вопрос, как преодолеть накопленное отставание и как осуществить реформирование образования. Сейчас высказываются различные точки зрения. Но в большинстве из них анализируются отдельные проблемы. В одних из них дается характеристика современной образовательной политики [Бляхман, Чернова, 2012: 44–60; Константиновский и др., 2014]. В других описывается состояние студенческой среды [Резник, 2016]. В-третьих, критикуется Болонская система [Ранчин, 2015]. В-четвертых, высказываются отдельные соображения, например, о проблеме подготовки инженерных кадров [Ключарев, 2015]. И наконец, есть группа лиц, которые рассматривают проблемы высшей школы только с позиции подготовки предпринимателей, бизнесменов, людей творческих профессий с одновременным восхвалением образования в западных странах при полном игнорировании проблем подготовки массовых профессий, например, учителей, врачей, работников культуры и других специалистов, работающих не только в крупных городах, но в многочисленных малых поселениях и в сельской местности [Кудрин, 2018].

И сравнительно редко дается всесторонняя и аргументированная оценка состояния высшей и средней школы [Бляхер Л., Бляхер М., 2014, Смолин, 2015].

Попытки многих педагогов выйти на новый этап поисков путей и методов реформирования всех видов и форм обучения блокируются ВШЭ и Центром стратегических разработок (до ноября 2018 г. – рук. Кудрин), которые стремятся (и не безуспешно) монополизировать идеологию совершенствования образования, что вызывает много вопросов. Ибо все ранее разработанные и внедряемые ими инициативы (Болонский процесс, ЕГЭ, реформы общеобразовательной школы и среднего профессионального образования) принесли больше забот и разочарований, чем попытки постепенной апробации вносимых предложений. Многие из этих «новаций» получили резкую оценку. Так, выдающийся математик, председатель Московского математического общества академик Владимир Арнольд заявил по поводу кардинальных преобразований и внедрению новых стандартов обучения в высшей школе: «Этот план производит общее впечатление плана подго-

товки рабов, обслуживающих сырьевой придаток господствующих хозяев: этих рабов учат разве что основам языка хозяев, чтобы они могли понимать приказы» (цит. по: [Чернаков, 2011]).

Но реформаторы не унимаются. В 2018 г. они представили доклад «12 решений для нового образования», который предусматривает кардинальные нововведения. По мнению ректора ВШЭ Я. Кузьмина, речь идет о реконструкции всего социального института образования, в следствие чего все усилия должны быть направлены на такие ключевые проблемы, как повышение качества человеческого потенциала, технологическая модернизация, социальная устойчивость и цифровая трансформация в образовании (цит. по: [Возовикова, 2018]).

Согласитесь, звучат эти слова красиво, торжественно, значимо, и даже в известной мере привлекательно. За исключением одного — они отражают видение проблем образования «сверху», с позиции «знающих все рецепты» выхода из кризиса и наставляющих на своей абсолютной правоте при полном игнорировании того, что об этом образовании думают и размышляют те, кто составляет базу и основу образования — студенты и преподаватели. Но они, по мнению экспертов «Двенадцать решений для нового образования», мыслят приземлено, примитивно, не видят перспективы, озабочены проблемами только сегодняшнего дня. Правда, есть одна оговорка — для реализации их планов требуется всего (!) 758 млрд. Но где их найти — это остается за кадром, превращаясь в прекраснодушное пожелание.

А пока оценка роли и значения образования в определении социального положения и престижа все больше и больше ухудшается. Это проявляется в том, что в общественном мнении его значение признается только каждым пятым (19%), уступая таким факторам как владение капиталом (67%), обладание властью или доступом к ней (58,2%) и связям с нужными людьми (57%) [Жизненный мир... 2016: 352–353]. Но низкую оценку образованию дают и те, кто по объективным обстоятельствам должен дорожить и лелеять людей с образованием. Иначе как оценить тот факт, что сервис по поиску работы «Super.job» заявил, что графа «образование» не нужна при замещении вакансий, что, мол, компании при приеме на работу смотрят на реальные навыки кандидата, а не на корочку учебного заведения. И отдают предпочтение сотрудникам с уже наработанными навыками и успешными кейсами [Савицкая, 2019]. Таким образом, практика, реальная жизнь опровергают радужные заявления Минобр-

науки, что связь образования и будущего места работы очень важна и необходима.

Какова же цель образования?

Если судить по заявлениям инициаторов оптимизации, образование должно соответствовать вызовам времени, следовать требованиям четвертой промышленной революции и ориентироваться на потребности — текущие и перспективные — рынка труда. Но практически ничего не говорится о том, что образование определяет лицо и будущее общества, что страна не может быть более развитой, чем ее образование. На первый план выдвигается требование об его оптимизации, которая скорее всего ориентирована на различные организационные и финансовые изменения, чем на существо вопроса. В соответствии с этим официальные лица долгое время постоянно твердили (и продолжают твердить), что образование — это услуга. По мнению ректора РАНХ и ГС В. Мау (цит. по: [Макеева, 2018]), люди должны платить за него, университеты должны заниматься предпринимательской деятельностью (концепция «Университет 3.0»), так как они должны уметь зарабатывать деньги. В результате университеты ввергнуты в пучины квази-рыночных отношений с далеко идущими последствиями.

В чем главный порок и ущербность этих предложений? В них не сформулировано стратегическое видение того, для чего нужно образование вообще, и высшее в частности. Практически у них речь идет о путях и средствах развития общеобразовательной сферы: модернизация, цифровизация, трансформация и подобные вещи, которые звучат хорошо, но не раскрывают того, а что все же надо делать реальным участникам общеобразовательного процесса и во имя чего. Этот порок усугубляется тем, что образование в таких и подобных предложениях трактуется как сфера услуг. А если это сфера услуг, за услуги надо платить. Что и делается во все возрастающих масштабах. При этом происходит абсолютизация финансовых показателей. Ректор ВШЭ утверждает, что «обеспечить справедливость можно только деньгами» (цит. по: [Макеева, 2018]). А если это так, то в самом деле образование призвано оказывать только услуги. Иначе говоря, неолиберальные предложения в основном упаковываются в рамки квази- и псевдо-рыночных отношений, превращая учебные заведения в подобие коммерческих структур, для которых критерием их успешности является

доход и прибыль. Вот и продолжают появляться заявления, которые ранее звучали в устах бывшего министра Минобрнауки Ливанова — все высшее образование надо перевести на платную основу.

Очень сомнительна цель — создание привилегированных школ по подготовке так называемой элиты для всех сфер деятельности — от политической до научной. Их число достаточно разнообразно — от всероссийского сочинского интернета и Сколково до 110 опорных школ Министерства просвещения. Есть многочисленные лицеи, в которых в основном обучаются дети весьма привилегированных родителей, готовых нести личные расходы на дополнительные занятия с их чадом. А как в таком случае быть с поставленной главой государства задачей сформулировать систему «равных образовательных возможностей — мощного ресурса для развития страны и обеспечения социальной справедливости» (цит. по: [Зверев, 2019]). На деле же получается, что *расслоение в обществе между богатыми и бедными проходит не только по уровню дохода* — образование во все большей мере усиливает это расслоение.

Редко в качестве цели выдвигаются масштабы (численность) обучающихся, анализ различных форм подготовки специалистов, рассказ об успехах образования за рубежом, обсуждение и сетования по поводу финансового состояния, оплаты труда педагогов и еще тысячи мелких, но представляющих реальные проблемы учебных заведений. Но ради чего?

На наш взгляд, не определена и не провозглашена в официальных документах четкая официальная государственная установка, что *образование — это сфера достижения и удовлетворения блага общества, обеспечения творчества, свободы поиска, раскрытие интеллектуального потенциала*. И не надо эту цель заслонять цифрами формальных признаков — численностью обучающихся, количеством вузов и других учебных заведений, перечислением профессий подготовки для нынешнего общества и для будущего и т.д. и т.п.

То есть *нужен проблемно-целевой подход* и определение тех основных компонентов, без решения которых все фантазии, подобные «12 решениям», несмотря на их внешнюю привлекательность, никак не соотносятся с реальностью, с тем, что происходит в образовательной среде, в повседневной жизни учебных заведений. Иначе торжествует формальная точка зрения — цели заменяются средствами, а перспективы будущего развития — забвением цивилизационной роли общества, необходимостью его духовно-культурного обогащения.

Этот разрыв между утилитарными предложениями и необходимостью видеть и действовать со стратегических позиций и представляет собой главную опасность в осуществляемых в настоящее время реформах образования. Правда, появились первые признаки осознания этой ситуации. Министерство просвещения намерено запустить «программу развития школьного образования с опорой на духовную силу, на воспитание чувства гражданственности и патриотизма, при культивировании нравственной модели, включающей понятия чести и достоинства, силы духа и милосердия» [Васильева, 2019. 4 июля].

Кто главный субъект в образовательном процессе?

Традиционно считалось, что студенты, учащиеся, учительский и профессорско-преподавательский состав – это основа, база, главный фундамент соответствующего учебного заведения. Было еще достаточно расхожее, устоявшееся и оправданное временем утверждение, что ядром и показателем интеллектуального богатства, задающего тон и камертон в учебном, образовательном и научном процессах и в их организационном воплощении в высшем учебном заведении является кафедра (как в академической структуре – лаборатория, сектор, проблемная группа, а в школе – педагогический совет). И это было вполне естественно – ведь эти подразделения, представляя группу единомышленников, определяют лицо коллектива, олицетворяют научные и образовательные возможности, приоритеты, перспективы. Причем совсем еще недавно руководители факультетов и вузов (деканат и ректорат), директора школ и средних профессиональных учебных заведений, определявшие стратегию подопечных подразделений, были скорее координаторами, обеспечивающими реализацию поставленных задач подчиненными им преподавателями. Кафедры, педсоветы имели свой голос при формулировке целей педагогического процесса, в дискуссиях и полемике отстаивали свои права и возможности проявить инициативу, идти по пути поиска, проводить учебные эксперименты, принимать участие в выборе заказчиков на проведение исследований. Именно в этих подразделениях сосредотачивался образовательный капитал интеллигенции, который затем имел возможность реализоваться в процессе повседневной деятельности преподавателя (подробнее см.: [Буланова, 2018: 165–193]).

Но все это в прошлом. Главным, определяющим лицом вуза и координирующим усилия всех его звеньев является аппарат управления, начиная с Минобрнауки и завершая увеличивающей бюрократией вузов. Л.Е. Бляхер проследил эволюцию — как и по каким этапам стала реальностью жесточайшая концентрация власти в органах управления образованием. По его мнению, это постепенное лишение всякой самостоятельности не только кафедр, но и самих вузов прошло несколько этапов. Интересно его умозаключение по поводу того, как происходил этот процесс. Первый этап связан с присоединением к Болонскому процессу, с бюрократизацией и предельной формализацией учебного процесса. На этом этапе вузы сопротивлялись этому нововведению, но постепенно уступали. Второй этап прошел под знаком внедрения формализованных показателей, с лишением вузов финансовой самостоятельности. Вертикаль власти стала достоянием всех уровней образования. В результате ориентации во имя «общевропейского рынка» и разрыва связи с местными сообществами этот этап привел к снижению востребованности профессиональных знаний и сведение всего процесса обучения к получению диплома, который имеет значение статуса, а не высокой квалификации. Поэтому изменяется и стратегия поведения преподавателя — ему легче пойдти навстречу студенту и/или учащемуся, чем проявить принципиальность, чему способствует постепенное распространение «академического стовора» [Титаев, 2012]. Иначе говоря, примерно с 2008 г. вузы утратили свою самостоятельность, и на первый план вышли внешние нормативы, численность которых только с 2008 по 2013 г. увеличилась в 16 раз [Бляхер Л., Бляхер М., 2014: 34–39]. Нечто подобное происходило и в средней школе, но с учетом их специфики.

Об этом говорят даже статистические данные, которые лукавят, скрывая гигантский рост бюрократической машины. За последние годы можно наблюдать удивительную парадоксальную ситуацию. По официальным данным, общее число занятых в образовании растет. Создается благодная картина. И даже спекуляция: мол, все тут нормально и все постоянно улучшается. Но если обратиться к сути этих изменений, то очевидно, что количество учителей и профессорско-преподавательского состава (ППС) сокращается. Так, численность ППС с 2010 по 2015 г. уменьшилась на 77 тыс., а учителей — более чем на 500 тыс. Но так как статистические данные показывают рост численности занятых в сфере образования, то это говорит о скрытом росте управленческого и контролирующего аппарата. То есть происходит замещение уменьшающихся

преподавательских кадров увеличением бюрократического аппарата во всех звеньях управления (см. рис. 2).

Как это происходит? В управленческом рвении Минобрнауки и Рособрнадзор плодят требования по ужесточению контроля за ходом учебного, научно-исследовательского процесса, настаивают на отчетности во все возрастающем количестве, особенно при проведении аккредитации. Один из вузов Новосибирской области представил в Рособрнадзор отчет на 200 тыс. страниц, а проверка одного из филиалов Новосибирского педагогического университета, имеющего всего 1 тыс. студентов и 5 программ обучения, потребовала представления отчета на 40 тыс. страниц. Как следствие, подготовка такого количества бумажной продукции требует от руководства вузов и школ специальных подразделений, которые готовили бы ответы на запрашиваемые отчеты [Колесова, 2018]. По утверждению О.Н. Смолина, зам. председателя Комитета Госдумы по образованию, среднестатистический российский вуз заполняет за год около 300 отчетов, содержащих примерно 12 тыс. показателей. Трудно понять и логику и смысл усилий по созданию специ-

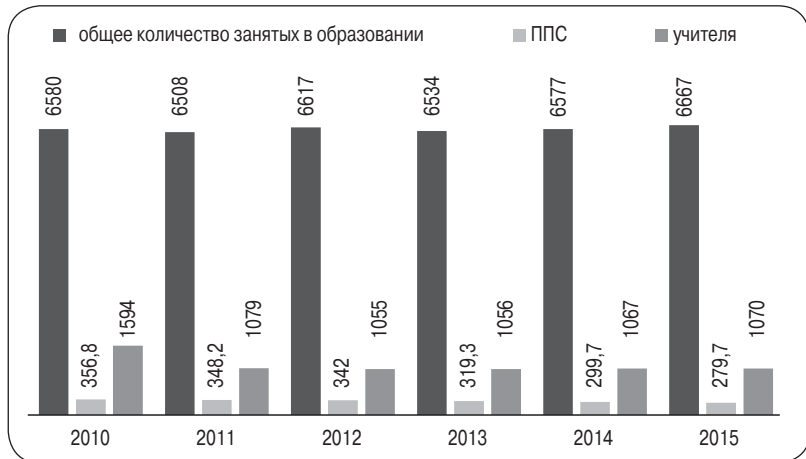

Рисунок 2. **Количество занятых в образовании, профессорско-преподавательского состава (ППС) и учителей** (тыс. человек)

Источник: Российский статистический ежегодник, 2003: Стат. сб. Росстат России. М., 2003. С. 137; Российский статистический ежегодник, 2006: Стат. сб. Росстат. М., 2006. С. 139; Российский статистический ежегодник. 2016. Стат. сб. Росстат. М., 2016. С. 139, 148; Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2016 г. Стат. сб. Росстат. М., 2016. С. 31. http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm (дата обращения: 15 июня 2017 г.).

альных управлений, контролирующих качество обучения наряду с учебно-методическим управлением, которое испокон веков отвечало за методическую подготовку и качество преподавания.

Лишению всякой самостоятельности в организации учебного процесса способствовала мода некоторых университетов, которые, ликвидировав кафедры, сделали в соответствии со стандартами западных университетов основным его звеном департаменты, скорее выполняющие процесс координации и контроля, но не могущие создать той атмосферы единого коллектива и по духу и по форме, присущей ранее существовавшим кафедрам.

Не лучше ситуация и в учительских коллективах. От них сверх обычных годами используемых форм отчета и контроля требуют: фотоотчеты по проведенным внеклассным мероприятиям, заполнение журналов по технике безопасности и здоровому образу жизни, сбор информации о родителях, об организации летнего отдыха детей, вести акты квартального учета, дублирование бумажного и электронного журналов и т.д. Возникает и такой вопрос – а нужны ли всероссийские проверочные работы? [*Герасимова*, 2019. 11 июля].

В результате, по данным Академии повышения квалификации, создан огромный, всеохватывающий контроль: 44 организации всех трех уровней управления традиционно проверяют школу от 156 до 216 раз в году [*Зверев*, 2019. 4 июля].

Апелляция к органам управления образовательного процесса как ученые и педагогические советы, создание различных комиссий по отдельным проблемам практически ничего не дает, так как они по сути формальные инстанции, подтверждающие решения и рекомендации, которые родились в недрах министерств и следующим его требованиям ректоров, директоров школ и подопечных им управлений и отделов. Более того, ставится под сомнение необходимость (с последующей ликвидацией) конференций (собраний) профессорско-преподавательского состава и их права вносить предложения по изменению Устава университета, как сделали это даже в ведущем вузе страны – МГУ.

Бюрократизация сферы образования породила гигантский управленческий аппарат, которому не под силу обработать иницируемый ими бумажный водоворот отчетности. Происходит его рост согласно закона Паркинсона: аппарат порождает такие потоки контроля и учета, что он не справляется с потоком этой информации, и поэтому требует увеличения новых штатных единиц, которые не только подключаются к имеющемуся контролю, но и порождают и новые его формы. Через некоторое время опять

обнаруживается «перенапряжение», и опять возникает желание увеличиться. Этой бюрократизации способствует немалое количество псевдонаучных педагогических НИИ, служб, фондов и т.п., которые оправдывают их существование рождением всяческих мелочных инструкций, но делают трудовую деятельность преподавателей просто невыносимой.

И в заключение можно сказать о позиции и самочувствии учителей и преподавателей высшей школы, живущих по принципу «как бы чего не вышло». Преподаватель, учитель должны непременно выполнять придуманные где-то сверху инструкции, приказы, распоряжения, циркуляры. И для этого есть огромное количество всяческих контрольных бумаг, которые надо обязательно и регулярно заполнять. И практически тебя не спрашивают, чем помочь в твоей работе, что нужно сделать, чтоб учебный процесс протекал наиболее эффективно. Иначе говоря, главное — контроль, постоянный, неотвратимый, неизбежный.

Недаром В. Матвиенко, председатель верхней палаты российского парламента, признала необходимость использовать гильотину для наведения порядка в правовых актах, регулирующих учебный процесс [Валентина Матвиенко... 2019]. Иначе, содержание образования, реальная методическая помощь, постоянное обучение лучшим образцам остается только личным пожеланием.

Может ли оптимизация быть политикой?

Наряду с растущей бюрократизацией, определяющим направлением в сфере образования (как и науки, здравоохранения и культуры) стала политика так называемой оптимизации, которая подается как чуть ли не основной путь модернизации этой сферы общественной жизни (подробнее см.: [Ранчин, 2015: 66–83]).

Что касается образования, то ситуация выглядит следующим образом. По словам руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки С. Кравцова, если на 1 сентября 2013 г. в стране насчитывалось 2500 организаций высшего образования (из них 500 — негосударственные, 900 — филиалы государственных вузов), то в 2018 г. существовали 484 государственных и 149 негосударственных вузов [Кравцов, 2018. 26 октября]. За эти годы были закрыты многие, особенно частные вузы, качество образования в которых серьезно страдало. Более того, некоторые из них превратились в учреждения по продаже дипломов. Поэто-

му это отрадный факт — происходит упорядочивание и повышение ответственности за получение высшего образования. Однако этот процесс породил социальное неравенство среди вузов. Появились первосортные, второсортные и так далее университеты (под видом федеральных, научно-исследовательских, опорных и т.д.), когда одни получают значительные преимущества и преференции по всем показателям — созданию особых условий функционирования, финансирования, предоставления льгот и т.д., а другие находятся в постоянном доказательстве необходимости и правомочности своего существования. Однажды на одной из научных встреч представитель ВШЭ доказывал преимущество и необходимость ориентироваться на работу их университета, а в качестве доказательства привел работу приглашенных в университет зарубежных профессоров, выполнение заказов от иностранных организаций и получение грантов, проведение занятий на английском языке и ряд других отличительных дел, практикуемых в этом вузе. И в заключение последовал вывод: все университеты, которые не будут соответствовать этим или подобным стандартам, следует или закрыть или преобразовать. На мой вопрос: а как быть с Енисейским пединститутом, ныне филиалом Сибирского федерального университета, который в основном подготавливает кадры учителей для таежных поселков и факторий из молодежи этих поселений. Ясно, что туда не поедут зарубежные профессора, мало будет желающих дать гранты или сделать заказ на научные исследования и т.д. и т.п., то их закрыть? А кто поедет учительствовать в эти далекие поселения? Вопрос остался открытым.

Тем более что этот процесс далеко не всегда сопровождается вразумительными пояснениями. Зачем, например, той же ВШЭ потребовался инженерный вуз? Почему Университет печати объединен с техническим университетом? Надо ли было объединять в один университет в Хакасии все учебные заведения и все филиалы существующих других вузов в купе с десятком средних профессиональных учебных заведений?

Оптимизация образования привела к принятию далеко не однозначных слияний, преобразований, ликвидаций и других манипуляций не только вузов, но и колледжей (бывших профессиональных училищ) и школ. В результате в России сложился кадровый дисбаланс или, как его еще называют «квалификационная яма», т.е. несоответствие навыков и компетенций рабочей силы и рынка труда. Для России этот дисбаланс означает, что у 35–45% работающих навыки требуют дополнения и обновления, иначе

рассчитывать на рост производительности труда не приходится. Для России это проявляется в весьма спорной диспропорции между подготовкой специалистов с высшим образованием и подготовкой рабочих кадров [Бутрин, 2019. 29 августа].

Реформаторы также предложили оптимизировать и процесс преподавания. По их мнению, две трети российских вузов не имеют преподавателей, способных к исследовательской работе. Поэтому их надо максимально сократить и реализовать обучение студентов через онлайн-курсы ведущих преподавателей-исследователей [РИА-Новости, 2013. 21 июня]. А что это значит на деле? Это закрытие кафедр, увольнение многих преподавателей и не только в провинциальных вузах. Возникает и такой вопрос – а что произойдет, если не будет непосредственного общения преподавателя с обучающимся?

Примечателен вывод официальных органов о росте заработной платы. С одной стороны, они опечалены, что не все вузы выполнили майский указ президента 2012 г. С другой – они утверждают, что заработные платы преподавателей вузов действительно росли. Но какой ценой? По мнению ректора Российской экономической школы Р. Ениколопова, «не секрет, что в огромном количестве вузов требования по повышению средних зарплат были выполнены за счет игры с количеством ставок, на которых работают преподаватели и за счет роста зарплат у небольшого количества профессоров, приближенных к администрации» [Полит.ру. 2018. 28 декабря].

Творцы этой оптимизации в сфере общего образования постоянно ищут оправдание этой политики. Так, Я. Кузьминов, ректор ВШЭ, почему-то приписывает этой процедуре достижения московских школ в мировом рейтинге PISA по качеству образования [Возовикова, 2018]. А, может, это заслуга преподавателей и организаторов этого участия в этих школах, а не пресловутая оптимизация в виде механических объединений? Не менее решителен Я. Кузьминов и при распределении бюджетных мест по вузам. Считая образцом, кроме своего вуза, еще несколько высших учебных заведений, он возмущен тем, что много мест дают по профилю «Сельское и рыбное хозяйство», «Транспортные средства» и по ряду технологических направлений. По его мнению, эти места надо перераспределить, изъяв их из этих специальностей, так как на эти места поступают троичники, лица с низкими баллами (цит. по: [Независимая газета. 2019.17 января]). Возникает вопрос: а кто будет работать в этих отраслях? Может задуматься о принципиаль-

но ином — какие надо создать условия для этих специалистов, чтобы молодежь стремилась быть инженерами, агрономами, технологами, рыбообработчиками?

Сейчас на повестке дня стоит очередная новация — образование не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня в ряде регионов страны, которые будут объединять и научные и учебные учреждения. Причем под это будет создаваться новое руководство, правда, с сохранением организационной и финансовой самостоятельности вошедших в эти центры организаций. Но насколько это эффективно и оправдано, вразумительно никто не может сказать.

Если подвести итог этим блужданиям, связанным с политикой оптимизации, то до сих пор не решен принципиальный вопрос, имеющий стратегическое решение, — какая политика в сфере образования будет осуществляться — централизация, интеграция или творческая самостоятельность учебных заведений?

Являются ли компетенции новым словом в модернизации образования?

Традиционная установка российского образования — «знания, умения, навыки», восходящая к классикам педагогической мысли и проверенная веками, вдруг по инициативе новых реформаторов была отвергнута и заменена опять же западным, «более верным» понятием — компетенции. Интересно отметить, что даже самые ярые сторонники компетентностного подхода, подробно аргументируя точку зрения, по ходу изложения своих идей постоянно оперируют прежними терминами — «знания», «навыки», «умения», делая, правда, особый акцент на умения и навыки. Интересно отметить, что на министерском саммите 39 стран в августе 2019 г., на котором обсуждались принципы «человекоцентричного подхода» к оценке рабочей силы, в большей мере оперировали понятиями навыка [Бутрин, 2019. 29 августа].

В результате возникает вопрос: а стоило это заменять прежнее проверенное временем новым термином, который только внешне демонстрирует новизну? Появляются многочисленные инструкции, которые разъясняют, как их трактовать и как применять, как их варьировать по отношению к различным предметам. В итоге получается огромный простор для бюрократических зацепок. В мою бытность деканом при прохождении очередной

аккредитации университета проверяющий (кстати, представитель другой науки, не социолог) дотошно спрашивал после знакомства с одним из учебно-методических пособий: «Почему в этом пособии эта компетенция прописана на втором месте, если в инструкциях Министерства она стоит на первом месте?»

Согласно международным рекомендациям сейчас усиленно рекомендуется следовать «гибким компетенциям» в виде 4 К: коллаборация (командная работа), коммуникабельность, критическое мышление и креативность. Назвав их пресловутыми, успешный педагог-организатор, один из новаторов поиска и воплощения педагогических идей Ф. Шеберстов считает, что современная российская школа не только не способствует их реализации, но и препятствует их формированию. Почему? Дети ничего не делают вместе, кроме уроков физкультуры. Школа — это место, где ребенок не имеет права на ошибку или собственное толкование, потому что следует неумолимый результат — плохая оценка, вызов родителей и т.д. Дети не задают вопросов, потому что в большинстве случаев их не ждут. И он продолжает: «Основная компетенция, которая развивает наша система как школьного, так и высшего образования, — это способность прорваться через тесты, проверки, экзамены и пр., что для выживания полезно, для самостроительства — нет» [*Шеберстов, 2018*].

Характерна реакция преподавателей, участвующих в Международном форуме труда (Санкт-Петербург, март 2018 г.) и собравшихся на одну из секций по обсуждению обоснованности и применимости такого требования как компетенции в процессе обучения. Все выступающие, за исключением официальных представителей органов управления образованием, подвергли резкой критике это нововведение, показав его надуманность, никчемность, но важной при использовании эквилибристики и произвольной фантазии, при оценке их деятельности. Многозначность этого термина, возможность трактовать его в зависимости от понимания расплывчатых официальных установок создают произвол в организации учебного процесса, в контроле за работой преподавателя, не говоря о том, что при жесточайшем соблюдении этих требований полностью игнорируется творчество преподавателя, оригинальность и вариативность построения учебного процесса, ограничение его мелочной регламентацией всего и вся. «Если вы будете продолжать такую политику, — говорил С.П. Капица, оценивая новации в российском образовании, — то получите страну дураков. Такой страной легче управлять, но у нее нет будущего».

Вместо того чтобы внедрять и способствовать введению постоянной практики учета и реализации новых веяний (выражающихся в новых предметах, даже в порядке эксперимента, поиска), преподаватели предлагают не тасовать мифическое изображение компетенций во всех возможных вариантах учебного процесса, а разрешать и дать возможность по разработке новых курсов, чтобы организация образования в очередной раз не проворонила новые требования – цифровизацию, которая, по словам одного из инициаторов по перестройке образования Кудрина, по уровню ее внедрения и применения в России отстает от передовых стран лет на десять в умении программировать свои действия, реально участвовать в управлении образовательным процессом.

Именно под воздействием эффективного контракта происходит эрозия мотивации преподавателей, так как многие его показатели очень произвольны, зависят от понимаемых в основном руководством критериев оценки.

Фокусы с ЕГЭ, в том числе статистические

В связи с внедрением Болонского процесса одним из его нововведений стал единый государственный экзамен (ЕГЭ). Главным аргументом стало утверждение, что по его результатам школьник может выбрать для обучения любой вуз страны. Но это похоже только на одну сторону истины при игнорировании многих других. Декларируемая «лифтовая» функция ЕГЭ сильно преувеличена – даже с высокими баллами большинство родителей, например, из Сибири и даже европейской части страны, не могут послать свое чадо в столицу, так как уровень их доходов не позволяет это сделать. Кроме того, практика показала большое несовершенство инструментов, используемых для измерения степени подготовки выпускника. Поэтому каждый год они уточняются, преобразуются, дополняются, предлагаются другие образцы. Кроме того, их внедрение не устранило коррупцию при приеме в вузы, она переместилась на уровень ниже – в школы, породив огромный рынок затрат на репетиторство, измеряемое в несколько млрд рублей (см.: [Денисова-Шмидт, 2017. № 191]; см. также: [Бляхман, Чернова, 2012: 51], которые называют сумму в 5,5 млрд руб.). Само репетиторство вместо усвоения знаний превратилось в натаскивание, «на угодаиство», «на везение», «на счастливый случай». Определенную роль играет и тот факт, что, так как результаты ЕГЭ

вливают на оценку деятельности школ, поэтому нередко случаи, когда директора школ отговаривают выпускников от экзаменов по физике и другим естественно-научным дисциплинам, так как они заведомо всегда дают более низкие баллы [Андреева, 2017]. Более того, уже практикуются санкции в отношении тех директоров школ, которые не достигли рекомендуемого уровня при сдаче ЕГЭ – их увольняют [Независимая газета. 2019. 11 июля]. А что остается им делать совместно со своим педколлективом – рисовать показатели?

А каких финансовых затрат стоит проведение ЕГЭ? Это установление контролирующих устройств как в аэропортах и на вокзалах, с целью изъятия передающих аппаратов, а также организация различного вида обысков, видеонаблюдение и даже привлечение милиции или других охранных организаций. Так, в Чувашской Республике для «правильной» организации проведения ЕГЭ закупили на десятки миллионов рублей «глушилки». Журналист, писатель Е. Колядина обращает внимание и на факт бюрократизации процесса: «Даже если в пункте сдачи ЕГЭ, в квартире или в отделении больницы экзамен пишет всего один человек, организовано все в полном объеме: назначены уполномоченные представители государственной экзаменационной комиссии, руководители, два организатора в аудитории, представитель организации здравоохранения и сотрудник УМВД с металлоискателем» [Колядина, 2016].

Стоит сказать и о том, как оценить «достижения» со 100-процентными результатами ЕГЭ в некоторых республиках и областях, где количество «успешно» сдавших ЕГЭ превышает в несколько раз результаты соседей и даже столичных школ. А что происходит с постоянно увеличивающимся числом олимпиад, которые стали важным ключом для поступления в вуз? И как оценивать их качество, когда победитель Олимпиады по результатам ЕГЭ имеет низкий бал?

То, что ЕГЭ не совершенен, говорят даже его организаторы, Но вместо совершенствования его сущности и смысла, усилия направлены на изобретение самых различных приемов довести его до абсурда. Так, по результатам проведения ЕГЭ в 2019 г. в одной из школ Пензенской области в кабинках туалета сняли двери, а в ряде школ устроили провокационную слежку. По-прежнему не ликвидирована утечка задач и тем для будущего экзамена. До недавнего времени было и такое абсурдное решение как влияние сдачи ЕГЭ на рейтинг губернатора [Герасимова. 2019. 6 июня].

И наконец, стоит сказать о таких статистических фокусах – о конкурсах в вузы. Именно право выпускника с результатами

ЕГЭ подать заявление в несколько учебных заведений да еще на несколько специальностей создают лжеэфекты о высокой востребованности специальностей и значимости вуза. И есть еще одна радость для чиновников и продвинутых ректоров престижных вузов – средний балл неуклонно растет. Но результат не впечатляет – по мнению экспертов, происходит «значительная деградация» качества обучения в вузах [Независимая газета. 2019. 7 июня].

Поэтому не удивительно, что до сих пор не стихают протесты и критика ЕГЭ. И это слышится не только со стороны учителей, родителей, самих учеников – но и таких ответственных лиц, как президент РАН А.М. Сергеев, который призвал отказаться от ЕГЭ в его сегодняшнем виде, так как, по его мнению, «экзамен в его нынешнем виде не нацелен на оценку творческого начала ученика. По сути, это формальная проверка набора фактов, которые он запомнил за годы обучения» [цит. по: *Медведев*, 2018].

Пребендиализм как организационная форма квазирыночных трудовых отношений

Остановимся на новом специфическом явлении – о пребенде.

Пребенда, возникшее в Средневековье, – право должностного лица кормиться за счет государственной или церковной собственности, земли или иного общественного достояния. Таких должностных лиц Вебер определял как «пребendarиев», а экономико-политические отношения, основанные на этих правах, как «пребендиализм». Как это ни удивительно, но черты пребендиализма, на наш взгляд, воспроизводятся в современной России, в том числе и в тех социальных институтах, которые так или иначе связаны с образованием. Именно из-за того, что важнейшей, практически основной целью университетов становится извлечение максимальной прибыли путем снижения издержек, наращивания разного рода услуг, происходит интенсивный процесс поиска, прямо или косвенно, доходов (средств) на их существование с правом руководителя достаточно произвольно распоряжаться имеющимися ресурсами. При этом форма использования и распределения полученных средств зависит от статуса этих организаций и лиц, их возглавляющих. В связи с этим встает вопрос о соответствии действий руководителей учебных заведений, извлекающих прибыль из оказываемых ими услуг, правовым нормам, а также требованиям морали (справедливости). То, как в современных уни-

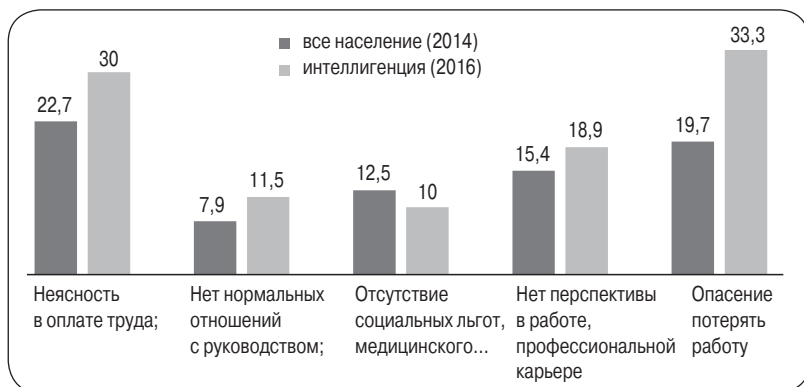
верситетах складываются трудовые отношения и соответствующие распределительные отношения, можно охарактеризовать их как *пребендиальные*, суть которых сводится к тому, чтобы использовать полученные финансовые средства по собственному (или узкогрупповому) усмотрению, нередко достаточно произвольному. Такая практика сложилась постепенно вследствие либеральных преобразований социально-гуманитарной сферы, которая в 1990-е гг. характеризовалась резким снижением объемов ее финансирования.

В этой ситуации учебным заведениям для того, чтобы институционально воспроизводиться, приходится практиковать коммерческие услуги. Нередко значительная часть прибыли от этих услуг напрямую шла «в карман» руководителей и обслуживающего их аппарата. Впоследствии такое положение дел легализировалось в право самим организациям, а точнее их руководителям, определять размер и критерии выплаты надбавок к заработной плате, прежде всего самим себе и аппарату управления. Такой подход окончательно оформил пребендиализм в бюджетной, в том числе и образовательной сфере российского общества. Руководитель бюджетной организации стал порой напоминать «барина», по своему усмотрению распределяющему прибыль, а ее работники приведены в бесправное, прекарное состояние. Таким образом, использование труда работников в значительной мере стало зависеть от воли руководителя учреждения, который приватизирует функции государства. В этой ситуации в вузах и школах нередко возникает конфликт интересов между администрацией и преподавателями и другими наемными работниками, что еще больше разобщает интеллигенцию, в которой образуются привилегированные и ущемленные в правах специалисты (подробнее см.: [Анисимов, 2018]).

Но пребенда касается и части преподавателей, которые, лишившись прежних возможных «приработков» в виде всякого рода вмешательства в процессе вступительных экзаменов, ринулись в ряды репетиторов, что нередко дает доход, превышающий получаемую зарплату. И это происходит потому, что государство давно сняло с себя все материальные и моральные заботы по отношению к профессионалам, в чьих руках находится будущее страны. Интересно отметить, что об этом писал 17 лет назад известный журналист А. Архангельский. И читая его текст, можно сказать, что он практически полностью описывает те проблемы, которые волнуют преподавателей страны и в конце 2010-х гг. [Архангельский, 2002].

Вследствие сложившегося положения дел растет прекаризованность труда и образа жизни вузовской интеллигенции (О феномене прекаризации см. подробнее: [Тощенко, 2018]). По своей сути она означает нестабильность занятости, которая порождена процессами коммерциализации учебной и научной деятельности и правом руководителей организаций самим определять размеры и формы оплаты труда. Коммерциализация наряду с ростом платных услуг, с одной стороны, определила сокращение расходов на преподавательский состав посредством резкого увеличения учебной нагрузки. *Это широко известное явление стало одним из показателей оптимизации.* Причем она касается, прежде всего, преподавательского состава данной организации, а не управленцев. На наш взгляд, существует прямая связь между количеством административного персонала и нагрузкой работника. Растет число управленцев, увеличиваются так называемые оптимизационные процессы в учебных заведениях, вследствие этого растет неуверенность преподавателей относительно устойчивости и гарантированности своей работы. А право руководителя самим определять премиальный фонд ведет к невозможности работника знать размер своего дохода, заработной платы. Зачастую люди не понимают, сколько они получают даже в следующем месяце. Это и есть *один из основных признаков прекаризации труда преподавателей.* Более того, в учебных заведениях эта прекаризация проявляет себя сильнее, чем у других социально-профессиональных групп. По результатам наших исследований можно наблюдать, что опасение потерять работу и неясность оплаты труда, например, в среде гуманитарной, в том числе и в сфере образования, интеллигенции развита сильнее, чем среди всего населения (см. рис. 3).

Таким образом, каждый третий представитель интеллигенции опасается потерять работу и отмечает неясность в оплате труда. Если к этому добавить неустойчивость социального положения, утрату социального престижа, ограниченность в использовании материальных и духовных благ, то становится очевидным, что значительные слои интеллигенции ощущают ущемленность в реализации своих прав и свобод, гарантий по достижению достойного уровня жизни. Профессор Саратовского технического университета И. Овчинников в своих размышлениях сравнивает свое положение как преподавателя в 1970 г., когда он окончил вуз, и нынешнее состояние. Он напоминает, что в этот год управляющий трестом получал 280 руб., доцент кафедры — 320 руб., профессор — 450 руб. в месяц (среднемесячная зарплата в то время в СССР была равна

Примечание. В рисунке представлены только ответы, касающиеся прекаризованности труда гуманитарной интеллигенции.

Рисунок 3. **Проблемы в первую очередь волнующие интеллигенцию по месту ее работы** (в % по каждой группе, сумма ответов не равна 100%, так как можно было указать несколько вариантов)

Источник: Как живешь интеллигенция? М., 2016. С. 77.

120 руб.), цит. по: [Андреева, 2017]. В настоящее время из-за низкой оплаты труда, а также таких факторов и условий быть профессором не интересно, не престижно, накладно в условиях пребывания в глобальной зависимости от руководства вуза, при постоянной боязни потерять работу, проявить свое природное вольнодумство [Афанасьева, 2017]. И как ему реагировать на ситуацию, когда ректор вуза, администрация вуза получает в разы, а иногда в десятки раз больше, чем рядовой преподаватель? Правда, не так давно появилась официальная рекомендация — руководитель вуза не может получать зарплату, в 8 раз превышающую среднюю зарплату преподавателя в этом вузе. Правда, и среди руководителей огромный разброс по доходам. Согласно данным исследовательского центра «Лаборатория Ольги Крыштановской», проанализировавшего сведения о 274 ректорах государственных вузов, самый высокий доход ректора (В. Литвиненко, Санкт-Петербургский горный университет) в 370 раз превышает самый низкий доход ректора Уральского гуманитарно-педагогического университета Т. Чумаченко [Мирунова, 2019. 19 февраля].

На степень прекаризации жизни влияет и форма трудового договора. По результатам всероссийского исследования, 67,7% интеллигенции оформлены по бессрочным договорам, оставшиеся

23,3% работают по срочным, временным договорам или вообще без оформления [Жизненный мир... 2016]. В целом социальное положение интеллигенции и по субъективным основаниям (неясность оплаты труда, опасение потерять работу) и по объективным показателям (вид трудового договора) выше, чем у всего населения России.

Забывли о воспитании?

Крушение Советского Союза сопровождалось отказом и даже шельмованием такой неотъемлемой части образования, как воспитание. Это не ограничилось запретом партийных и роспуском комсомольских и пионерских организаций. Стала господствовать установка: главное — обучение, передача знаний без всяких претензий на осуществление воспитательных функций. Более того, попытки сохранить то, что было апробированным с точки зрения формирования будущего гражданина в советской школе, всячески ограничивались и даже запрещались. В 1990-е гг. мне как декану по поводу предложения о проведении студенческих внеучебных мероприятий первым проректором университета было заявлено: «Опять вы тащите свои комсомольские привычки? Современной молодежи это не надо».

Но со временем стало ясно, что игнорирование процесса воздействия на мировоззрение студентов и учащихся обходится дорого и накладно. Выросло и постоянно увеличивалось число молодых людей, которые индифферентно относятся к процессам, имеющим общественное значение. Происходит ориентация на материальные ценности, преобладает стремление «получить от жизни максимум». Поэтому при вполне осознаваемой опасности потерять молодежь как граждан страны, сначала эпизодически, локально, а постепенно во все возрастающих масштабах стали не только осуществляться меры по организации и проведению внеучебных мероприятий, но появляться в структуре управления лица и отделы, которые стыдливо стали называться «по работе со студентами/учащимися». Но в большинстве случаев это пока паллиативные меры. *Пока нет определенной, четко скоординированной работы по воспитанию у молодежи чувства гражданина, патриота, будущего интеллигента, ответственного работника производства.* Более того, подспудно осуществляется политика с экивоками на зарубежный опыт по игнорированию всех попыток наладить воспитательную работу в учебных заведениях.

А ведь вопрос о том, чем должна жить современная российская школа и ее ученики, отнюдь не риторичен. Эксперты в области образования убеждены, что в советское время у педагогов и школьников были цели – построить коммунизм, полететь на другие планеты и т.д. Пусть эта цель была абстрактной, предельно общей, но именно таких целей у нынешних учеников нет. А если цели нет, любое образование становится бессмысленным. Кроме того, он считает, что другой координатой, по которой можно мерить успех образования, это то, помогает ли она людям учиться строить свою судьбу, ставить цели и совершать выбор. А в этом российские школы за редким исключением не помогают [Лукьянчикова, Ямицкова, 2016: 39; Шеберстов, 2018].

Поэтому не удивительно, какой мощный всплеск эмоций и протестов возник у либеральных интеллектуалов после заявления министра Министерства просвещения РФ Васильевой возродить трудовое воспитание в школе, обучение навыкам общественно полезного труда, развивать общественные навыки у студентов. Чтобы противостоять этому намерению появились статьи, доказывающие, что в советское время действия по трудовому воспитанию, формированию у детей трудовых навыков обернулись, ни много ни мало, лейкозом (!), раком крови (!), дизентерией (!), гельминтами (!) и даже инфекционным гепатитом в 25 раз после привлечения школьников к самообслуживанию [Киян, 2017]. Примечательно, что при этом с восторгом описывался зарубежный опыт (Альбац) при полном игнорировании и умолчании такого факта, что в тех же США в обязательном порядке ученик должен затратить 100 часов на выполнение общественно-необходимой деятельности.

В связи с проблемами воспитания нельзя не умолчать об участии религиозных организаций, в основном православия и ислама, в работе учебных заведений. Несомненно, религиозное воспитание играет серьезную роль в духовной жизни общества. Но эту роль не надо абсолютизировать, превращать ее в единственный метод и критерий в работе с молодежью. И то, что большинство россиян, отдавая должное влиянию Церкви на жизнь общества, предпочли ориентировать своих детей на освоение знаний по основам этики, нравственности, куда входит определенной частью и религиозная культура, но не на концентрацию внимания только на православную, мусульманскую или другую веру. Социологические исследования свидетельствуют, что приобщение к религиозной культуре волнует только часть россиян [Муравьев, Шахнович, 2012; Мчедлова, 2015]. И поэтому навязывание определенных конфессиональных

установок в воспитании противоречит Конституции РФ, провозгласившей свободу совести: верить — не верить, частично верить, избрать другую веру или примкнуть к комбинациям веры и других убеждений.

* * *

Подводя итоги, можно сделать следующие основные выводы. В 90-е гг. XX в. и начале XXI в. в России произошло существенное снижение уровня и качества образования. Были осуществлены неоднозначные, спорные, а в ряде случаев принципиально ошибочные изменения, приведшие к ухудшению социально-экономического положения преподавательской интеллигенции, к дезориентации в ценностных установках студенческой и учащейся молодежи. Учебные учреждения по-прежнему перестраиваются в соответствии с неолиберальными рыночными установками на извлечение прибыли из осуществляемой ими деятельности. Происходит увеличение административно-управленческого аппарата этих организаций, а деятельность их руководителей фактически приобретает форму пребэнд. Педагоги — учителя в школе и преподаватели вузов — во все большей степени становятся обладателями черт прекариата — слоя, характеризуемого нестабильным, неустойчивым положением на рынке труда, что становится постоянной характеристикой их жизненного мира. Именно такое состояние образования позволяет его охарактеризовать как травмированное, так как осуществленные меры по его оптимизации не продвинули, а наоборот, дезорганизовали процесс подготовки и воспитания интеллектуального потенциала страны. Выступая на сессии Российской академии наук в 2019 г., В. Никонов, председатель Комитета Госдумы по образованию и науке, сказал, что все это ставит под сомнение выполнение Послания президента В.В. Путина Федеральному Собранию, в котором отмечается, что Россия с занимаемого ей 33-го места по образованию должна войти к 2024 г. в первую десятку стран мира.

Литература

- Амброз С.* Эйзенхауер. Солдат и президент / пер. с англ. М.: Книга, 1993.
Андреева Н. Ума палата. Сколько стоит гранит науки и почему коррупция в высшей школе «достигает самых высоких уровней» // Новая газета. 2017. 9 июня.

- Анисимов Р.И.* Основные показатели благосостояния и социального статуса гуманитарной интеллигенции // Как живешь, интеллигенция: колл. монография. М., 2018.
- Антонюк Е.* Нация в шоке: реакция Америки на запуск первого советского спутника <https://life/912142>
- Архангельский А.* С расходом свесць приход // Известия. 2002. 22 июля.
- Афанасьева В.* Пять причин, по которым не следует становиться профессором // Комсомольская правда. 2017. 22 марта.
- Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л.* Мифология управления. Политика министерства vs. политика вузов: динамика противостояния // Российская полития. 2014. № 1 (72). С. 22–46.
- Бляхман Л.С., Чернова Е.Г.* Образовательная политика в условиях перехода России к инновационной экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5 «Экономика». 2012. Вып. 4.
- Буланова М.Б.* Воспроизводство и влияние образовательного капитала современной интеллигенции: новые вызовы – новые проблемы // Как живешь интеллигенция? Социологические очерки / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.
- Бутрин Д.* Рабочий на всех языках // Коммерсантъ. 2019. 29 августа.
- Валентина Матвиенко призвала Минпросвещения сделать гильотину для устаревших правовых актов // Независимая газета. 2019. 11 июля.
- Васильева О.Ю.* Воспитать настоящего Человека // Независимая газета. 2019. 4 июля.
- Возовикова Т.* Негатив в позитиве // Поиск. 2018. 9 февраля.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016.
- Герасимова Е.* Рособнрадзор пообещал проанализировать ЕГЭ // Независимая газета. 2019. 6 июня.
- Герасимова Е.* Учителей просят отчитаться за фликеры // Независимая газета. 2019. 11 июля.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Карабчук Т.С., Рыжикова З.А., Биляк Т.А.* Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 13. № 2. С. 172–217.
- Денисова-Шмидт Е.* Доклад. Russian Analytic Digest. 2017. № 191.
- Зверев А.* Образ образования двоятся // Независимая газета. 2019. 23 мая.
- Зверев А.* Следуя указаниям градусника // Независимая газета. 2019. 4 июля.
- Киян И.* «Лейкоз, рак крови, опухоль легких». К чему приводило трудовое воспитание школьников // Версия. 2017. № 18.
- Ключарев Г.А.* «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. №11. С. 49–56.
- Колесова О.* Под бумажным грузом // Поиск. 2018. 9 февраля.
- Колядина Е.* Выпускники сдают ЕГЭ в школах, больницах, на дому и в СИЗО // Метро. 2016. 1 июня.

- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А.* Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014.
- Кравцов С.* Дружба со службой // Поиск. 2018. 26 октября.
- Кудрин А.* Бесценен каждый. Человеческий капитал прирастает образованием // Поиск. 2018. 23 марта.
- Кузьмина Ю.В., Попов Д.С.* Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 48–57.
- Лукьянчикова Т., Ямщикова Т.* Подходы к реформированию и результаты модернизации высшего образования // Экономист. 2016. № 7. С. 38–46.
- Макеева А.* Комментарий // Коммерсантъ. 2018. 22 февраля.
- Макеева А.* «Обеспечить справедливость можно только деньгами» // Коммерсантъ. 2018. 12 апреля.
- Медведев Ю.* Оценивать креатив // Российская газета. 2018. 4 апреля.
- Миронова К.* Ректоров выстроили в колонку // Коммерсантъ. 2019. 19 февраля.
- Муравьев А., Шахнович М.* Религия в современной российской школе // Отечественные записки. 2012. № 4.
- Мчедлова Е.М.* Разноаспектность результатов социологического исследования религиозности россиян // Вестник МГУ. Серия «Социология и политология». 2015. № 1.
- Национальные проекты 2019–2024 гг. Анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: научно-аналит. издание /колл. авторов под рук. д-ра экон. наук А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019.
- Ранчин А.* Апокалипсис нашего времени. Предварительные итоги реформ российского образования // Россия – XXI. 2015. № 6. С. 66–83.
- Резник С.* По этапам адаптации. Кому учить студентов жить? // Поиск. 2016. № 42. 14 октября.
- Савицкая Н.* Агентства по трудоустройству всполошили ректоров и чиновников // Независимая газета. 2019. 31 января.
- Смолин О.Н.* Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? // Социологические исследования. 2015. № 6–7.
- Титаев К.* Академический сговор // Отечественные записки. 2012. № 2.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Чернаков А.* Исправленному стандарту поверили не все // Известия. 2011. 17 февраля.
- Шеберстов Ф.* «Школа не помогает строить судьбу» // Новая газета. 2018. 7 декабря.

Глава 10. Наука: основа созидательных сил общества или неопределенность участия в решении стратегических проблем

Краткий очерк о роли науки в жизни современного общества

Взаимоотношения науки и общества всегда были непростыми. Если для Аристотеля было ясно, что наука подводит к тому же, чему учит религия – созерцанию общих сущностей, то в Средние века возник конфликт науки и религии. Постепенно сформировалась теория «параллельных истин» – истины научной и истины Откровения [Муравьев, 2015]. Логика общественного развития постоянно и неумолимо убеждала в необходимости считаться с выводами, результатами и рекомендациями науки. Наука систематически показывала, что использование ее данных способно серьезно изменить лицо общества, улучшить жизнь людей, решить многие экономические и социальные проблемы. Эта надежда на науку породила уже в XIX в. радужные ожидания и стремление максимально использовать ее, прежде всего, для решения производственных задач. Такая ситуация, характерная также для XX в., серьезно повысила престиж науки, создала поощрительную атмосферу для ученых, сформировала благоприятный климат вокруг них.

Начиная с 1950-х гг. в мире появились иные оценки роли науки. В связи с угрозой ядерной и биологической войны, загрязнением окружающей среды, неблагоприятными условиями как на производстве, так и в быту, на Западе стали пропагандироваться и распространяться идеи ущербности науки и научно-технического прогресса. Возникли даже теории антисайентизма, объясняющие пагубную роль науки в развитии современного общества.

В этот период времени особое значение и принципиально иное осмысление приобрело социальное значение науки. В раскрытии ее роли важное место заняли возникшие в XX в. научные дисциплины – науковедение и социология науки, сравнительно новые отрасли знания. На современном этапе развития общества они взаимодействуют с другими науками – историей и философией

науки, экономикой, юридическими науками, психологией и организацией научной деятельности. Наука во всем ее многообразии все чаще стала охватывать вопросы, относящиеся не только к проблемам природы, вселенной, макро- и микромира, но и к решению социально-экономических, социально-политических и социально-культурных задач [Наумова, 2019: 43].

Первые опыты целенаправленного исследования самой науки относятся к 20-м гг. XX в., когда во многих странах, в том числе и в СССР, были предприняты попытки осмыслить ее функции и ее роль в жизни общества, и особенно социальные аспекты ее взаимодействия с жизненным миром людей. Вместе с тем отметим, что Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Манхейм считали невозможным исследовать содержательную сторону науки только методами одной науки.

Роль науки и ее социальные аспекты изучались Дж. Берналом, У.Ф. Огборном, Т. Парсонсом и особенно Р. Мертоном, который в своей работе «Наука, техника и общество в Англии XVII века» (1933) исследовал роль пуританской религии и морали в становлении науки Нового времени. При этом, согласно Мертону, важно изучать науку как социальный институт, охраняющий ее автономию и стимулирующий деятельность, направленную на получение нового и достоверного знания, которое затем становится основой для преобразующей деятельности.

В дальнейшем идеи о науке развивали У. Хэгстер (структура научного сообщества), Н. Маллинс (социальные связи и коммуникации науки), С. Коул и Дж. Коул (социальная стратификация в науке), Н. Сторер (наука как социальная система). Особое место занимает концепция научных революций Т. Куна. В 1980-е гг. возник спектр разнообразных схем социального исследования науки (У. Коллинс, К. Кнор-Цетина, Н. Яхиел и др.).

В отечественной науке, и особенно в философии и социологии, многое делал для становления данных исследований Г.Н. Волков (1933–1993), выдвинувший концепцию анализа науки как социального института и формы общественного сознания. Значительный вклад в анализ социальных аспектов науки внесли А.А. Зворыкин, В.Ж. Келле, С.А. Кугель, Г. Лахтин, Л.Э. Миндели, Д.А. Райкова, А.И. Ракилов, В.С. Степин, В.Н. Тросников, Р.Г. Яновский.

В целом внимание российских обществоведов было сосредоточено, *во-первых*, на взаимоотношениях общества и науки, *во-вторых*, на том, какие социальные проблемы организации

науки и ее функций имеют значение для эффективного функционирования общества; *в-третьих*, что представляют собой люди науки, как они осознают свое положение, свою роль и ответственность в современном обществе. При этом надо иметь в виду, что научное мышление в качестве своего главного признака имеет объективность, т.е. беспристрастность. Оно автономно по отношению к этическим ценностям, равнодушно к проблеме добра и зла. Оно лишь дает ответ на вопрос, *что есть в действительности*, и не всегда способно ответить на вопрос, *как должно быть*. Задача научного знания, таким образом, состоит в фиксировании некоего обстоятельства или факта и в выяснении его причины и возможных тенденций развития. Наука, по Аристотелю, отличается тремя основными характеристиками: *доказательностью, способностью объяснения и сочетанием единства с наличием степеней подчинения*, что делает возможным сведение данных различных наук к более обобщенному видению закономерностей развития природы и общества и более предметному воплощению ее достижений при решении актуальных общественных проблем.

Таким образом, современная наука ориентирована на получение достоверных знаний о реальности, хотя наука и истина для ученого далеко не тождественны. «В науке как таковой следует четко разделять два различных ее аспекта, которые часто (и неправомочно) объединяют под одной вывеской: *наука-исследование* — систематическое изучение и изложение объективно достоверных сведений, максимально проверенных со стороны содержания, и *наука-мировоззрение*, т.е. совокупность утверждений, якобы полученных в научных исследованиях и навязываемых в качестве общеизвестных» [Тросников, 1989]. Исходя из последнего утверждения, и ученые как граждане, и как исследователи и сформированные ими научные организации не могут остаться в стороне от тех насущных проблем, которые происходят в обществе. Кроме того, важно видеть *различие между естественными и социально-гуманитарными науками* (об этом различии писал еще В. Дильтей как о «науках о природе» и «науках о духе») в их взаимоотношениях с обществом: если первые призваны крепить его материальные основы в виде средств производства, орудий и предметов труда, то вторые ответственны за развитие духовной жизни, без которой невозможно представить целостность любого общества и/или государства. И, наконец, *научный потенциал состоит не только из ученых и их творчества*. Его составляющими являются условия этой деятельности — при-

борно-экспериментальный парк, доступ к информации, управление наукой, а также инфраструктура, обеспечивающая ее развитие [Ракитов, 2001].

В XX в. актуализировался вопрос о роли и значении науки в решении каждой страной неотложных задач своего социально-экономического развития. Опыт последнего столетия показал, что игнорирование науки или пассивное, безразличное отношение к ней оборачивается крупными издержками, серьезным отставанием, потерей темпов развития и, как следствие, стагнацией и даже рецессией. То есть *забвение науки* — это один из показателей *травмированного общества*, о чем ярко и однозначно свидетельствует опыт многих стран. С одной стороны, опыт Японии, Малайзии, Сингапура, а в последнее время Китая и Индии, показывает, насколько мощным ускорителем их эффективного развития, стремительного наращивания потенциала роста стало обращение к научно-техническим, технологическим и информационным ресурсам и резервам (см. подробнее: [Ащеулова, Душина, 2014]). С другой стороны, очевидно прозябание и отставание тех стран, которые уделяют минимум внимания науке и уповают на использование неадаптированного чужого опыта, что приводит их к деградации или существенному замедлению при решении неотложных и перспективных вопросов. Это характерно практически для всех стран нестабильного развития, о которых подробно рассказывается в первом разделе в Главе 3.

Эволюция науки в советском и российском обществе

Если начинать анализировать развитие науки в советском обществе, то стоит сказать о том, что в 1919 г., в разгар Гражданской войны, Ленин подписал декрет об учреждении двух академических институтов в Петрограде, а в 1921 г. согласился на организацию еще одного института под руководством И. Павлова. Казалось, какое дело до науки в разоренной и разрываемой Гражданской войной стране, когда все самое необходимое находилось на жесточайшем счету? Но в этом и проявилась мудрость молодого, неопытного, но стратегически мыслящего правительства, которое по мере решения других народнохозяйственных (план ГОЭЛРО) и культурных проблем (ликвидация неграмотности) постоянно обращалось к науке и к ее главному центру — Академии наук. Обратите вни-

мание на то, что в составе комиссии по ГОЭЛРО, готовящей грандиозный план по электрификации России, преобладали ученые, инженеры, а не чиновники, что позволило создать впечатляющий документ и обосновать пути его реализации, что и было реализовано в намеченные сроки [План электрификации... 1955; *Гвоздецкий*, 2005].

Внимание новой власти вылилось в реализацию намерения властей при управлении наукой советоваться с учеными, пропагандировать науку. С конца 1920-х гг. начали постоянно проводиться всесоюзные совещания по планированию науки, выходить руководящие журналы «Фронт науки и техники», «Социалистическая реконструкция и наука» [Независимая газета. 2019. 25 февраля]. Именно тогда появились журналы «Наука и жизнь» (с 1934 г.), «Наука и техника» (с 1924 г.), несколько позже «Наука в СССР» (с 1981 г.). Кроме того, было поддержано много новаторских и поисковых исследований, в том числе и тех, которые касались космоса, авиации, вооружения. Именно в эти годы провел свои первые экспериментальные опыты С. Королев.

Это постоянное, хотя не без серьезных изъятий, внимание к науке, подкрепленное материальными и финансовыми ресурсами, в конечном счете, вылилось в 1940–1960-е гг. в такие всемирные победы, как создание атомной и водородной бомбы, освоение космоса, строительство уникальных производств в машиностроении и в частности в самолетостроении. Это дополнялось и высоким общественным и моральным авторитетом науки — быть ученым было почетно наряду с высоким материальным обеспечением, активным участием в определении перспектив развития страны, уверенностью в важности выполнения государственных заданий и пониманием, что его знания востребованы. О достижении высокого уровня развития советской науки говорит хотя бы тот факт, что все нобелевские лауреаты по естественным наукам (а их было 11) выросли в советское время и получили награды за сделанное ими в советский период. На наш взгляд, такое состояние советской науки и особенно Академии наук определялось тем, что в этот период строго и последовательно реализовывалась мысль, высказанная ее президентом А.Н. Несмеяновым, что Академия наук является «теоретическим вождем в науке» (цит. по: [Млечин, 2017, 24 марта]).

Важно отметить и такое достижение советского периода, как создание отраслевой науки, когда каждое министерство, ведомство и многие крупные предприятия имели свои исследовательские

и опытно-конструкторские институты и подразделения, в которых доводились «до ума» научные разработки, что позволяло во многом успешно конкурировать с мировой наукой, а также стать научно обоснованной базой для производственной практики.

В 1990-е гг. в связи с приходом к власти либеральных реформаторов положение науки серьезно и даже трагически изменилось. Ей был нанесен большой ущерб. По данным Росстата, это выразилось в резком сокращении занятых в сфере науки практически вдвое — с 1532,6 тыс. в 1992 г. до 887,7 тыс. в 2000 г. и с дальнейшим сокращением до 707, 9 тыс. человек в 2017 г. Научных организаций стало за этот период меньше на 22%, что составило в 2017 г. 3944. Почти в 22 раза (с 495 до 23) сократилось число проектных и проектно-изыскательских организаций [Россия в цифрах, 2014; Россия в цифрах, 2018]. Произошло резкое уменьшение финансирования науки. В результате по показателю удельного веса затрат на науку в ВВП — 1,1% — Россия существенно отстает от ведущих стран мира, находясь на 31-м месте [Ратай, 2017: 22]. Что касается такого показателя, как финансирование науки в расчете на душу населения, то Россия занимает 35-е место в мире, почти такое же, как в слаборазвитых нестабильных странах мира. «С таким показателем, — как заявил В. Никонов, руководитель комитета Госдумы по образованию и науке, — мы никогда не выйдем на пятое место» (эта цель содержится в Национальном проекте как ориентир к 2024 г. — Ж. Т.) (цит. по: [Волчкова, 2019, 26 апреля]). В результате такой политики доля России на рынке новых технологий составляет всего 0,3%, в то время как США — 39%, Японии — 30%, Германии — 16%. Согласно оценкам Роспатента, импорт интеллектуальной собственности в Россию превышает экспорт в 11 раз (цит. по: [Загашвили, 2016: 52]). И перспективы коренного изменения этой ситуации неолибералы не хотят видеть: они предлагают стремиться к тому, чтобы доля РФ на мировом рынке высокотехнологичных товаров к 2024 г. достигла 0,5%, а к 2030 г. — 1% [Кудрин... 2017].

Одним из важных показателей развития науки являются затраты на одного научного сотрудника. В России они равны примерно 1,3 млн руб. в год, в то время как в США на одного исследователя тратится 250 тыс. долл. в год, в Японии — около 164,5 тыс. долл. [Лигостаев, 2017: 129]. Чтобы преодолеть этот разрыв хотя бы до двух раз, по мнению экспертов, нужно увеличивать затраты ежегодно на каждого исследователя хотя бы на 20% ежегодно [Ключарев, Попов, Савинков, 2017: 63].

Нужно пояснить и еще один момент – это ассигнования на гражданскую науку. Расходы на ее развитие в 2010 г. составили 0,51% к ВВП, в 2011 г. – 0,56%, в 2012 г. – 0,53%, в 2013 г. – 0,60%, в 2014 г. – 0,56%, в 2015 г. – 0,54% [Индикаторы науки... 2017:16]. Очевидно, что такие затраты не стимулируют ее интенсивное развитие, тем более что в абсолютных цифрах только с 2014 по 2016 г. ассигнования на науку сократились почти вдвое – с 437,3 млрд руб. до 285 млрд руб. По сравнению с другими странами после России находится только Чили [Стародубов, Куракова, 2017: 964].

Губительно сказался на развитии науки и пресловутый Закон № 253-ФЗ от 27 сентября 2013 г., согласно которому была принята беспрецедентная по масштабу кампания по дискредитации Российской академии наук и даже попытка ее ликвидации, по выводу из ее состава ряда важнейших институтов, задававших тон в научной работе всей страны (Курчатовский институт и ряд других научных учреждений). Кроме того, был создан дорогостоящий амбициозный проект «Сколково». Затраты на его создание «оказались малопродуктивными и практически не принесли никаких видимых результатов» [Рогов, 2014: 45]. А наши соотечественники, лауреаты Нобелевской премии К. Новоселов и А. Гейм назвали его «полнейшим сюрреализмом» [Гейм, Новоселов, 2010]. По подсчетам Счетной палаты, «Сколково» только за 2013–2015 гг. впустую потратило свыше 65 млрд руб., которые аудиторы мягко назвали «экономически необоснованными» [Истомин, 2018. № 47]. Примечательно в этом отношении признание А. Чубайса (!): «У нас есть набор особенностей, которые означают, что мы вряд ли построим Силиконовую долину» (цит. по: [Истомин, 2018]). В результате фронт научных исследований, их координация и эффективность значительно ослабли. И, как результат, Россия все больше уступает первенство во многих отраслях науки и техники и, как следствие, в производстве.

Выступая 25 сентября 2017 г. на сессии РАН, А.М. Сергеев заявил: «Эти четыре года (с 2013 по 2017 г. – Ж.Т.) показали неверность принятых решений, поставивших российскую академическую науку на грань катастрофы» [Сергеев, 2017:1]. Эффект от пренебрежения к науке проявился в отношении и к научным кадрам, которые на эту ситуацию прореагировали по-разному – уходом в другие отрасли, в бизнес, отъездом за границу. Ректор МГУ В.А. Садовничий в выступлении в Совете по науке и образованию привел следующие цифры: в США в 2015 г. работало 18 тыс. докторов наук, эмигрировавших из России, тогда как осталось в

стране 28 тыс. докторов наук [Садовничий, 2015]. Это означает, что каждый третий ученый, выучившийся и получивший докторскую степень в России, сейчас трудится на благо другого государства, что с учетом сегодняшней геополитической обстановки означает, что они фактически работают в ущерб интересам своей Родины. Сокращая расходы на науку, Россия рискует превратиться в технологическое захолустье, а в перспективе попасть в политическую зависимость от развитых стран.

В заключение надо сказать, что российской науке нанесен огромный ущерб в результате нарушения преемственности. «Сейчас наши ученые либо относительно молодые, либо находятся в достаточно преклонном возрасте. Между ними провал. Он связан в первую очередь с тяжелой ситуацией в российской науке в 90-е годы, которые практически выкосили целое поколение ученых» [Котюков, 2019. 13 февраля].

Станет ли университет базой и основой развития науки?

Россия переживает вторжение неолиберальных идей и в управление наукой. Так как для них образцом и примером является организация науки в США и в ряде европейских стран, клеветы этих идей провозгласили — университеты должны стать базой и основой науки. Ими полностью игнорируется многовековой опыт производства научного знания, который имеется в России. Специфика возникновения науки как организации проявилась в том, что в стране исторически ранее появилась Академия наук, и лишь десятилетия спустя стал осуществлять свою деятельность первый университет в России — Московский. Фактически в России сложилось две сферы производства научного знания — академическая и вузовская. Сразу отметим, что вузовская наука в России по потенциалу всегда уступала академической. В советское время возникает еще одна ветвь — отраслевые научно-исследовательские институты и проектно-конструкторские организации при министерствах и ведомствах, главной задачей которых было не только производство собственной научной продукции, но и превращение фундаментального знания в прикладное.

Новые российские руководители сферы науки и образования в лице бывшего министром Ливанова, ректоров вузов Кузьминова и Мау инициировали не только перестройку и ломку сложившейся структуры образования, но и научной деятельности в вузах,

которая из прежней модели Университет 2.0 (образование – наука) превращала их в Университет 3.0 (образование – наука – бизнес). От университетов (и это один из критериев их эффективности и инструментов его аккредитации) стали требовать во все возрастающих масштабах получение прибыли, дохода при неполном бюджетном финансировании. Результатом этого стал перевод получения образования на платную основу, что привело к тому, что уже практически половина студентов (48%) – это молодые люди, оплачивающие свое обучение.

С попытками передачи науки в университеты также мало что получается не столько в силу специфики возможностей университетских преподавателей, а в силу все более растущей педагогической нагрузки, ликвидации всех возможных учебных дел кроме аудиторного присутствия на занятиях. Советская система исчисления нагрузки – 450–500 часов для профессора в год, куда включалась и методическая работа, и регулярные в течение учебного года консультации и даже целевые задания по разработке новых курсов, постепенно превратились в официальную норму – от 900 до 1200 часов аудиторной загрузки. И как в этих условиях вести полноценную исследовательскую работу?

А пока наука в вузах, по одному меткому выражению, превратилась в публикационный оброк [Кабачков, Лейбович. 2016]. В этой ситуации засилье ложно используемой и искаженной наукометрии ведет к упрощенному пониманию и представлению о возможностях использования творческого потенциала преподавателей, порождая различного вида симуляции и имитации [Кулешова, Подвойский, 2018]. Иначе говоря, не результаты лабораторной, экспедиционной и работы с эмпирическими данными и их воплощение в приборах, оборудовании, в рекомендациях по управлению делами общества считаются определяющими, а то, что напечатано в научных сборниках, которые в свою очередь классифицируются по зарубежным и самодельным лекалам.

Мешают развиваться науке и мелочная регламентация, ориентация на публикационную активность, разбухшая отчетность, постоянное соблюдение требований, сформулированных где-то сверху. И без всякого вольнодумства. Вот почему, размышляя над успехами американских университетов, президент РАН А. Сергеев заметил, что «американские университеты получили свободу – занимайся, чем хочешь. Никто сверху ничего не диктовал. И такая научная свобода стала материализовываться в прорывные разработки» [Сергеев, 2018. 19 декабря].

А что же происходит в российских университетах? Минобрнауки РФ решило связать число публикаций с оплатой преподавателей, чтобы стимулировать их участие в научных исследованиях. Комментируя это решение, академик А. Литвак говорил: «Если возводить цифру в фетиш, если индикаторы важнее работы, цели достичь можно. Такие трюки хорошо известны. В соответствии с так называемым принципом Гудхарта в экономике, как только какой-то метрический показатель объявляется важным, находятся формальные способы его превысить. То же самое и в наукометрии: можно разделить статью на части и опубликовать их в разных изданиях, печатать многочисленные тезисы докладов на различных конференциях, использовать платные публикации в “мусорных” журналах, договорное цитирование и т.д.» [Литвак, 2019. 22 апреля]. В результате согласно отчетам рост таких публикаций произошел (например, в 2018 г. в два раза). Но в самой престижной базе данных *Web of Science* это выразилось в 6%, а в *Scopus* увеличение составило около 15%. А остальное увеличение произошло за счет того, что эти системы стали намного больше учитывать публикации в российских журналах [Российская газета. 2019. 22 апреля]. Но эксперты сомневаются в том, что такое количественное увеличение равнозначно качеству.

Что стоит на пути превращения науки в производительную силу?

Развитие науки в России в 1990–2010-е гг. ознаменовалось нарастанием серьезного кризиса и даже возможного ее коллапса. Имеющиеся достижения в ряде областей научного знания (в математике, в ядерной физике, в освоении космического пространства, в военно-промышленном комплексе) не могут заслонить тот факт, что в целом лишь небольшое количество научных разработок превышало уровень зарубежных аналогов. Такая ситуация, помимо организационных и финансовых проблем, требует тщательного анализа условий и факторов повышения действенности и эффективности науки, состава ее кадров, того социального климата, в условиях которого творят и дерзают люди, вовлеченные в эту сферу жизнедеятельности. Ведь от эффективного труда ученых, конструкторов, технологов, изобретателей самым непосредственным образом зависит отбор наиболее значимых научных предложений и скорейшее их внедрение.

Анализ показывает, что на пути по повышению эффективности науки возникли и реально существуют следующие проблемы, которые образовались, *во-первых*, в результате изменение ее места и роли в жизни общества. Научная и научно-техническая политика претерпела огромную трансформацию. На словах официально говорилось о ее важности и значимости, регулярно раздавались обещания по ее поддержке.

Но на деле вершилось другое. Пришедшие к власти либералы не считали российскую науку достойной внимания, так как, по их мнению, она значительно уступала лучшим зарубежным образцам. Либералы полагали, что советская наука была организована не по «правильным» принципам, была слишком консервативна по отношению к нововведениям и вела независимую автономную политику в лице Российской академии наук. Первая акция, которая была осуществлена новой российской властью, стало создание собственной Академии наук наряду с Академией наук СССР с намерением ликвидировать последнюю. И только сопротивление научного сообщества и его руководителей и осознание того факта, что Академию наук СССР составляют кадры научных учреждений РСФСР, уберегло от несуразной ее переформатизации в начале 1990-х гг.

Затем была осуществлена затея с созданием российской силиконовой долины по образцу и типу США так называемое Сколково. Но если в США эта «долина» опиралась на созвездие университетов, то Сколково имело только поле в прямом смысле этого слова, пустое место. Видя в этой акции игнорирование традиционной российской науки, многие русские ученые-эмигранты написали письмо тогдашнему президенту Медведеву письмо о гибели отечественной фундаментальной науки. Нашими соотечественниками, лауреатами Нобелевской премии К. Новоселовым и А. Геймом был сделан вывод; «Наука — это часть великой когда-то российской культуры. Культуру можно разрушить за два года (что и было сделано либералами. — Ж.Т.). А чтобы восстановить ее, нужны поколения новых людей, масштабная реконструкция фундамента. Один проект ‘Сколково’ ничего не решит, даже если в него заливают с таким пионерским, молодогвардейским пылом миллиарды» [Гейм, Новоселов, 2010].

Практически одновременно было создано и уникальное «Роснано» во главе с легендарным «эффективным менеджером» А. Чубайсом. Только с 2007 по 2015 г. в эту госкорпорацию было влито почти треть триллиона рублей. А что на выходе? В 2011 г. Чубайс демонстрировал В. Путину планшет, предназначенный

заменить школьные учебники. Но через год проект был признан провальным. Примерно то же случилось и со строительством предприятия по выпуску кремниевых батарей. Было много и других «начинаний». По признанию Счетной палаты, как минимум треть чубайсовских проектов неэффективны [*Истомин, 2018*].

Но и на этом либералы не остановились. Ничем не оправданное давление на науку привело к беспрецедентному решению в 2013 г. о фактической ликвидации Российской академии наук. И только протесты ученых и общественности заставили скорректировать это решение, превратив академию в подобие клуба ученых, так как из ее подчинения были выведены все научные учреждения. Попытки пересмотреть это решение мало что изменили. И даже готовящийся новый закон о науке, заставляет обратить внимание на то, что в нем осуществлена подмена сущностных критериев научной работы административными. Так, согласно этому закону РАН «участвует в разработке Государственной программы научно-технологического развития Российской Федерации»..., «разрабатывает предложения»..., осуществляет мониторинг реализации документов стратегического планирования»..., «обеспечивает методическое обеспечение стратегического планирования»... и тому подобные функции. И ни слова о научной, исследовательской деятельности. По словам А.Г. Ваганова, ответственного редактора «НГ-наука», в таком случае, это не Академия наук, а Академическая счетная палата [*Ваганов, 2019*].

Практикуемые в настоящее время методы управления наукой стремительно переходят уровень рациональности, лишая ее поиска, эксперимента и даже права на ошибку. В ином ключе наука не может развиваться.

Поэтому, по мнению президента РАН А. Сергеева, «необходимо восстановить механизм функционирования научно-технологического комплекса как единого целого и обеспечить единство управления этой системой в условиях рыночной экономики. Сегодня различные министерства и ведомства ежегодно направляют на научные исследования в сумме более 400 миллиардов рублей, но в большинстве случаев эти огромные траты не скоординированы и потому неэффективны» (цит. по: [*Волчкова, 2019: 3*]).

В результате качество российской науки резко понизилось. Сократилось количество ведущих школ мирового уровня. Уменьшилось количество уникальных открытий. Ухудшилась социальная структура научных кадров за счет ухода способных специалистов в другие сферы общественной жизни.

Во-вторых, российской науке грозит и дальнейшее отставание от мировой в результате низкого ее финансирования. Причем российской особенностью стало то, что наука финансово поддерживается в основном только государством. Частный бизнес по разным причинам «не дорос» до понимания того, что вложения в науку в перспективе обернется высокими доходами. Но он ориентирован на ближайшее время, на быструю отдачу. В результате уменьшение ассигнований на науку привело к постоянному сокращению научных учреждений, в том числе и прикладного профиля. А между тем государство, если рассчитывает на прорыв, должно, по мнению президента РАН А. Сергеева, «направить часть бюджетных средств из сферы поисковых и прикладных исследований в фундаментальную науку, заместив их вложениями бизнеса» [Поиск. 2019. 26 апреля].

А что на деле? Академия наук в настоящее время получает в свое распоряжение финансы только для своего сокращенного аппарата и для проведения некоторых ритуальных встреч в основном международного характера. Остальные расходы, а именно на проведение исследований, определяли чиновники: с 2013 г. — Федеральное агентство научных организаций, с 2018 г. — Министерство образования и науки. В результате «запрошенные средства на создание современной информационной системы для экспертизы, а также на международную и просветительскую деятельность не выделены» [Сергеев, 2019. 26 апреля].

В-третьих, как следствие, отсутствие и/или недостаточное финансирование привело к упадку и деградации материально-технической базы, что особенно чувствительно сказалось на многих отраслях естественно-научного профиля и на использовании их результатов в экономике. Глава госкомпании «Ростелеком» М. Осоевский отметил удручающее состояние отечественной микроэлектроники. Заместитель председателя правительства премьер Т. Голикова признала, что происходит значительное сокращение количества исследований. Примерно, по ее словам, на одну треть просели такие отрасли, как биоинженерия, диагностика наноматериалов и наноустройств, геномные технологии. (цит. по: [Истомин, 2018]).

В-четвертых, на пути возрождения прежней мощи отечественной наук стоит несовершенство управления как со стороны политической власти, так и в самой науке. Что касается управления «извне», то его назначение свелось, прежде всего, к прекращению деятельности Академии наук как самоуправляемой организации.

В ходе апробации различных комбинаций управления Академия наук подчинялась различным организациям. Более того, Академию наук лишили права самой определять, кто будет ее президентом, что проявилось на сессии РАН в 2017 г., когда члены академии выбирали из списка рекомендованных лиц, предложенных свыше.

По нашему мнению, для нынешнего времени остались актуальными слова П.Л. Капицы, которые он сказал в 1935 г.: «Трагедия нашего правительства в том, что... наука выше их понимания, они не умеют отличить знахарей — от докторов, шарлатанов — от изобретателей и фокусников и черных магов — от ученых. Им приходится полагаться всецело на чужое мнение». На наш взгляд, это адекватная характеристика современного российского чиновничества, управляющего наукой. С одним только отличием, что тогда они мало мешали развитию науки, пуская на самотек в отличие от нынешнего времени, когда любой шаг научного сотрудника ставится под контроль, и который оценивают они, а не специалисты.

Травма науке наносится тем фактом, что научное сообщество в России практически лишено права определять приоритеты научных исследований, принимать решения, что и как делать науку. Ибо никто лучше научного сообщества управлять наукой не может, так как, по убеждению немецкого ученого В. фон Гумбольдта, государство не должно вмешиваться в принципиальные вопросы самоорганизации и функционирования научного сообщества (цит. по: [Огурцов, 2011: 239]).

Для этого, по мнению президента РАН А.М. Сергеева, надо добиваться исключения научной работы как вида деятельности из раздела «оказание услуг»... а также изменить критерии оценки результативности исследований, которые ориентированы в основном на публикационную активность и нормирование труда ученых, тем более что в большинстве стран наблюдается тенденция отказа от наукометрии как основного мерила успешности исследований» [Поиск. 2019. 26 апреля].

Такие методы управления наукой переносились и на нижестоящие звенья. А что касается владельцев частной собственности, то они сами были вольны решать, оставлять ли им научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации или ориентироваться на копирование технологий из-за рубежа.

Не менее проблемно стоят вопросы управления в самой Академии. Президент РАН Ю.С. Осипов, который правил («царствовал») Академией почти четверть века, нарушил все прежние академические традиции (ранее президенты были во главе Академии

не более 10 лет, т.е. два выборных срока). Заботясь только о собственном благополучии, он, по существу, игнорировал настоятельные рекомендации принять кардинальные меры по улучшению ее деятельности, осуществив только некоторые косметические мероприятия. Не менее ошибочным стала его инициатива по отмене ограничений по возрасту для пребывания на руководящих должностях, в том числе и на посту директоров институтов. Ранее этот срок всегда ограничивался 70 годами, но при Осипове практически половина директоров перешагнула 70-летний и даже 80-летний рубеж (заметим, вместе с ним. — Ж.Т.). Это в условиях практически беспредельной власти директоров и отсутствия контроля породило деградацию многих научных подразделений, ограничило и/или ликвидировало пути и средства для мобилизации новых талантов, привело к консервации достигнутого ранее и нежеланию искать принципиально новые решения для развития науки. В этой связи вспоминаю беседу с директором одного из Институтов РАН в начале 2000-х гг. «Ранее, — говорил он, — я свои действия должен согласовывать с представителями общественности в своем институте — с секретарем партийной организации, с председателем профкома, с общим собранием коллектива. А среди них были и люди достаточно принципиального характера и поведения. Кроме того, я вынужден был прислушиваться к мнению райкома и горкома партии, не говоря об отделе науки ЦК КПСС. Был достаточно жесткий контроль и со стороны Президиума Академии наук. А сейчас? Да нет надо мной никого. Ни в Институте, ни во внешних организациях. Что захочу, то и сделаю». Правда, эту вольницу в настоящее время заменил жесточайший мелочный контроль, но только в плане отчета перед вышестоящими органами, но не в отношении к трудовым коллективам, где научный сотрудник полностью зависит от воли и позиции руководства института, а точнее сказать, его директора. Причем этот контроль превосходит все разумные пределы. Так, в феврале 2019 г. Минобрнауки РФ издало приказ о жесточайшей мелочной регламентации встреч ученых с иностранными коллегами, что в условиях провозглашенной научной дипломатии и открытости в научном мире показывает еще один аспект чиновничьего рвения — контролировать все и вся по принципу, что бы чего не вышло (цит. по: [Петров, 2019. 23 августа]).

В-пятых, произошли серьезные изменения в кадровой политике, в комплектовании научных сотрудников. Это проявилось в их сокращении в результате уменьшения ставок в научных учреждениях. Из-за резкого снижения уровня жизни часть кадров поки-

нуло научные учреждения, уйдя на работу в другие организации и ведомства. Значительная часть, особенно высококвалифицированных кадров, покинула страну и уехала на работу в зарубежные научно-исследовательские центры. Многие молодые ученые ушли из исследовательских лабораторий и занялись более прибыльными и доходными видами деятельности. В результате стал образовываться опасный разрыв между поколениями в науке, когда опыт ученых старшего возраста стало некому передавать.

В этих условиях резко снизился приход в науку молодых кадров, чем была создана угроза разрыва в органичной передаче опыта и традиций старшего поколения. Немалую роль сыграло и отсутствие перспектив для научного роста, продиктованное нежеланием идти на риск, допустить поисковые исследования. Это, например, блестяще демонстрирует отъезд за границу двух талантливых ученых А. Гейма и К. Новоселова, ставших научными сотрудниками Манчестерского университета, а через некоторое время Нобелевскими лауреатами. По мнению А. Гейма, «России нужны нормальные ученые, сытые и довольные. России нужны молодежь, новые люди, они создадут будущее». А вот мнение К. Новоселова. Оценивая свою работу в Англии, он говорит: «Все здесь комфортно, все нужное есть, у нас маленькие группы, дружелюбная атмосфера, и ты видишь результаты своей работы в течение минимального времени» [Гейм, Новоселов, 2010]. Может, именно этого — от благосостояния до стиля работы — и не хватает российским ученым?

Именно в 1990–2010-е гг. произошло засорение Академии наук представителями чиновничества, которым казалась причастность к научному миру чуть ли не естественным показателем их исключительных способностей. Определенную лепту в состав Академии внесли дельцы, миллиардеры, пытаясь выдать себя за людей, не только дающих деньги на науку, но и быть увенчанными за это сами высокими научными званиями. О масштабах роста дельцов с дипломами докторов и кандидатов наук свидетельствуют регулярные разоблачения добровольной общественной организации «Диссернет», которая выявила многолетнюю практику организации таких защит для тех, кто имеет деньги и власть. Да и в самой Академии было не все благополучно: «испокон веков все лавры доставались в основном академическим начальникам. Чуть ли не автоматически действовало правило — раз ты директор, ты должен быть членом-корреспондентом или академиком».

В-шестых, надо восстанавливать авторитет науки в обществе. Отсутствие стимулов научного труда привело к таким явлени-

ям, как резкое уменьшение ее престижа, уход одаренных людей в другие сферы деятельности, феминизация науки. Отсутствие защиты интеллектуальной собственности ученого не стимулирует потребности соединить воедино творчество для других и для себя. Насколько весомой выглядит наука в обществе, можно судить по результатам социологических опросов. Так по данным социологов, в октябре 2018 г. престиж профессии ученого оценивался в 3%, т.е. в конце перечня 22 профессий (ниже оценивались только работники сельского хозяйства). Что касается доходности профессий, то ученые даже не попали в этот перечень [ВЦИОМ, 2018].

И наконец, социальный климат в науке в значительной степени зависит от тех отношений, которые складываются в обществе, от того, насколько признается авторитет ученого. Разве не этим вызван вопрос Нобелевского лауреата академика А.А. Прохорова, заданный им в «Известиях» 7 сентября 1994 г.: «Нужен ли я своей стране?» Если этим вопросом задаются академики, мирового уровня ученые, то что же говорить о тысячах докторов и кандидатов наук, потенциал которых значителен и весом при решении фундаментальных и прикладных задач. Такое отношение к интеллектуальному потенциалу оборачивается еще одной бедой: потерей их влияния на общество, ростом культурной коррозии, снижением конкурентоспособности всей страны.

И за примерами ходить далеко не надо. Парадоксально, но факт, что такие стратегически важные документы как национальные проекты готовились без официального участия РАН, хотя отдельные члены как специалисты привлекались для их подготовки в личном качестве. Нужно согласиться с суждением президента РАН А. Сергеева, что «РАН не только имеет право, но и должна участвовать во всех национальных проектах, связанных с обеспечением инновационного развития страны, в частности «Цифровая экономика» [Поиск. 2019. 26 апреля].

Как же оценивают социальный климат науки сами ученые? Они считают, что *нет должных условий* для проявления талантов и творческой инициативы, для самоуправления, равноправной состязательности, конкурентности научных идей и мнений. Признание авторитетности и заслуг ученых находит отражение в том, насколько они обеспечены условиями для творческой работы, а также в их оценке оплаты их труда. Анализ, который осуществили Ф. Шереги и Н. Стриханов, показал, что состояние науки находится в очень сложном положении, так как осуществляемая научная политика привела к значительному снижению ее эффективности

и реальному участию в решении назревших общественных проблем (подробнее см.: [Шереги, Стриханов, 2006]).

Отношения с руководителями научных учреждений нередко оцениваются как неблагоприятные, ибо очень часто в действиях руководителей видят не защиту интересов науки и их подчиненных, а утилитарные, политизированные и карьеристские цели и задачи, способность ориентироваться на командные указания сверху.

Что касается *взаимоотношений внутри научных коллективов*, то они далеко не всегда устраивают их членов, ибо в организации их труда не соблюдаются элементарные требования, часто отсутствует перспектива, поддержка новаторских идей, гарантии права на поиск и эксперимент.

Игнорирование роли и значения науки привело к тому, что *общество не обеспечивает приток новых сил* в эту сферу, плохо стимулирует их труд, не создает необходимые приоритеты для творчества. До сих пор *не создан механизм* использования таких стимулов научного поиска, как справедливая его оценка, общественное признание, создание условий для выдвижения талантливых ученых, демократизация управления наукой, развертывание дискуссий, обновление каналов научных коммуникаций.

Одной из причин разрыва между количеством и качеством стали серьезные изъяны в комплектовании кадров. Набор в аспирантуру, на работу в научные учреждения был до нельзя формализован, когда больше внимания обращалось на внешние характеристики и очень мало — на потенциальные творческие способности человека. В результате в сфере науки выросла прослойка людей бесталаных, но уже определивших свое место в жизни и не собирающихся его никому уступать.

И наконец, *профессиональная культура* исследователя становится как никогда показателем того, насколько велика отдача его как ученого. Как бы ни было велико значение творческого коллектива, двигателем прогресса в науке являются новаторские идеи, творцом которых всегда является конкретный ученый. Но условия для выявления талантов слишком размыты.

Однако в реальной жизни *сложилась парадоксальная ситуация, когда продвижение по служебной лестнице, получение различных благ и званий во все большей мере касалось чиновников от науки, а не ее творцов.* Никто не отрицает значения организаторов, но вопрос о том, насколько правомерно отождествлять их с теми, кто лишен (или не хочет проявлять) организаторских способностей: ведь ценность видения и прозрения ученого несоизмерима ни с каким талантом организатора.

В результате этих и других причин произошла коррозия этики науки, что самым пагубным образом повлияло на ее авторитет и влияние, на социально-психологическую ситуацию в научных коллективах.

Все это позволяет сделать вывод, что социальный климат науки серьезно деформирован и в настоящее время не представляет серьезного резерва для повышения ее эффективности. В целом же механизм создания условий для эффективной работы ученого слаб, несовершенен и не создает глубокой заинтересованности в результатах своего труда.

Подводя итог анализу состояния науки в России, можно согласиться с утверждением, что для того, чтобы выйти из травмированного состояния в науке и стать ведущей научной державой, необходимо увеличить расходы на научные исследования с 1 до 3,5 % [Фортов, 2014: 776].

Литература

- Ащеулова Н.А., Душина С.А. Мобильная наука в глобальном мире / ред. В.М. Ломовицкая. СПб., 2014.
- Ваганов А. Миннауки задало ученым внеклассное чтение на лето // Независимая газета. 2019. 2 июля.
- Волчкова Н. К стратегическим расчетам // Поиск. 2019. 26 апреля.
- ВЦИОМ. Инициативный всероссийский опрос проведен 22 октября 2018 г. // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9387> (дата обращения: 15 января 2019).
- Гвоздецкий В.Л. План ГОЭЛРО. Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2005. № 5.
- Гейм А., Новоселов К. Россия не должна дергаться // Новая газета. 2010. 8 октября.
- Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018.
- Загашвили В. Диверсификация российской экономики в условиях санкций // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 6. С. 52–60.
- Индикаторы науки: 2017. Стат. сб. М., 2017.
- Истомин В. Имитация модернизации // Версия. 2018. № 47. 3–9 декабря.
- Кабачков А., Лейбович О. «По духу времени и вкусу...»: доцент как невольник // Новое литературное обозрение. 2016. № 142. Т. 2.
- Кудрин заявил о риске потери Россией статуса технологической державы // Interfax.ru. 2017. 23 ноября.
- Ключарев Г.А., Попов М.С., Савинков В.И. Образование, наука и бизнес: новые грани взаимодействия. М., 2017.

- Котюков М.М.* Требуется ученый // Российская газета. 2019. 13 февраля.
- Кулешова А.В., Подвойский Д.Г.* Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169–210.
- Лигостаев А.Г.* Организация и функционирование науки в странах современного Запада // Свободная мысль. 2017. № 1.
- Литвак А.* Академик в нормо-часах // Российская газета. 2019. 22 апреля.
- Млечин Л.* Академия наук – источник славы и могущества государства – стала для него обузой. Как это получилось? // Новая газета. 2017. 24 марта.
- Муравьев А.Н.* Философия и опыт: Очерки истории философии и культуры». СПб: Наука, 2015 (Серия «Слово о сущем»).
- Наумова Т.В.* Источники развития наук в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 42–55.
- Огурцов А.П.* Философия науки. Двадцатый век. Концепции и проблемы. Ч. 1. СПб., 20011.
- Петров В.* С перебором. Минобрнауки снова взбудоражило ученых // Поиск. 2019. 23 августа
- План электрификации РСФСР. М.: Госполитиздат. Изд. 2-е, 1955.
- Ракитов А.И.* Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М., 1998.
- Ратай Т.* Жадность сгубит? Страна по-прежнему скупиться на науку // Поиск. 2017. 22 сентября.
- Рогов С.М.* Новая шоковая терапия и «реформа РАН»: реалии российской науки. М., 2013. [pdf, 1 Мб] <http://japancenter.livejournal.com/1700257.html>
- Россия в цифрах – 2014. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2014.
- Россия в цифрах – 2018. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2018.
- Садовничий В.А.* Выступление на заседании Совета по науке и образованию 24 июня 2015 г. Официальный сайт Президента России: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49755> (дата обращения: 10.05/2016).
- Сергеев А.* Перевернуть пирамиду // Российская газета. 2018. 19 декабря.
- Сергеев А.* Доклад на сессии Российской академии наук // Поиск. 2019. 26 апреля.
- Стародубов В.И., Куракова Н.Г.* Организация финансирования исследований и разработок в России: Анализ соответствия проблем и решений // Вестник РАН. 2017. № 11.
- Тросников В.Н.* Научна ли научная картина мира? // Новый мир. 1989. № 12.
- Фортвов В.Е.* Вступительное слово на Общем собрании объединенной РАН // Вестник РАН. 2014. № 9.
- Шереги Ф.Э., Стриханов Н.М.* Наука в России: социологический анализ. М.: ЦСП, 2006.

Глава 11. Здоровоохранение: оптимизация или деформация*

Как изменилась инфраструктура здравоохранения

В России на протяжении многих лет одной из наиболее обсуждаемых проблем, вызывающей огромное количество споров и болезненных реакций, является тема, связанная с реформированием здравоохранения. В настоящее время на его развитие Россия тратит 4% ВВП по сравнению с 10% в развитых странах Европы и 17% в США. Эти расходы на здравоохранение означают 149-е место в международном рейтинге ООН из 170 стран мира [Аганбегян, 2019: 13–14].

Почему это случилось? И насколько логична и рациональна провозглашенная политика по оптимизации здравоохранения? Рассмотрим основные составляющие этого процесса.

Оптимизация здравоохранения в России началась в 2010 г., когда был принят Закон «Об обязательном медицинском страховании» взамен действовавшего на протяжении 20 лет (с 1991 г.) Закона «О медицинском страховании граждан». Хотя первые попытки его активного реформирования начались еще в 2003–2005 гг., когда в стране был запущен новый виток модернизации, связанный с принятием национального проекта «Здоровье» (вступил в силу 1 января 2006 г.). Однако, по мнению экспертов [Башкатова, 2019], он не улучшил ситуацию в российском здравоохранении и стал одним из самых провальных за все время проведения реформ. Связано это с разными обстоятельствами, в том числе с тем, что «...нормативно-правовая база, которая регулировала реализацию мероприятий Национального проекта «Здоровье», в 2006 г. включала 15 постановлений Правительства РФ, более 20 приказов и методических рекомендаций Минздравсоцразвития РФ» [Национальный...], при этом документы содержали нормы, противоречащие друг другу, имели внутренние разногласия. Одно с уве-

* Эта глава подготовлена совместно с кандидатом социологических наук, доцентом Н.И. Беловой.

ренностью можно сказать – в стране стали массово закрываться медицинские учреждения. Всего за несколько лет их численность сократилась более чем в 1,5 раза (например: в 2000 г. – 17 627 медицинских учреждений, а в 2008 г. – 9 476).

Больше всего организаций и учреждений здравоохранения было упразднено и/или преобразовано в период 2005–2006 гг.: сокращение практически на 6 тыс. (2005 г. – 16 009; 2006 г. – 10 163) [Сеть и кадры... на 2009 г.].

Такое положение дел, с одной стороны, можно объяснить тем, что реформа здравоохранения заключалась, прежде всего, в смещении акцентов со стационарной (больничной) помощи на амбулаторную, с другой, по мнению экспертов [Звездина: Эксперты...], – суть реформы заключалась в оптимизации расходов за счет закрытия неэффективных больниц и расширения высокотехнологичных медучреждений. То есть в основу было положено совершенствование инфраструктуры здравоохранения, ее материально-техническая база в соответствии с разработанными рекомендациями и нормативами по улучшению медицинского обслуживания населения.

Таблица 19

**Количество больничных
и амбулаторно-поликлинических
организаций**

Годы	Число больничных организаций, тыс.	Число амбулаторно- поликлинических организаций, тыс.
1990	12,8	21,5
1995	12,1	21,1
2000	10,7	21,3
2005	9,5	21,8
2006	7,5	18,8
2010	6,3	15,7
2015	5,4	18,6
2017	5,3	20,2

Источник: Росстат: Здравоохранение. Лечебно-профилактическая помощь. Медицинские учреждения. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения: 12 августа 2019 г.).

Эти намерения в первую очередь вылились в так называемую структурно-организационную рационализацию здравоохранения, нацеленную на оказание более качественной медицинской помощи населению. Эта рационализация, прежде всего, проявилась в сокращении количества больниц (см. табл. 19).

Таким образом, реализация курса на оптимизацию инфраструктуры здравоохранения привела за 15 лет – с 2000 до 2015 г. – к массовому закрытию больниц (практически в 2 раза, с 10,7 тыс. до 5,4 тыс.), следствием чего стало не повышение, а падение качества медицинской помощи. Более того, как отмечают эксперты, что если

власти продолжают закрывать больницы такими темпами (353 больницы в год), то вскоре количество медучреждений в стране достигнет уровня Российской империи в 1913 г.

Вслед за больницами сократилось и количество больничных коек (см. табл. 20).

Более подробный анализ показывает, что уже в ходе «первой волны реформ» в 2013–2014 гг. в целом по стране количество коек в больничных организациях, осуществляющих медицинское обслуживание госпитализированных пациентов, сократилось более чем на 35 тыс. (в 2013 г. их было 1301,9 тыс., в 2014 г. их стало еще меньше — 1182,7 тыс., т.е. за весь период реформ ликвидировано практически 120 тыс. коек [Российский статистический ежегодник 2018: 204–205]. Как видно из этих данных, число больничных коек уменьшилось на 27,5%. Оправдывая

такое уменьшение больниц и коек, инициаторы оптимизации прибегают к такой аргументации. Мол, советские доктора любили такой подход: «Ну, вы ложитесь в больницу, мы вас пообследуем». Затем неторопливо, за неделю, делают анализы, на вторую неделю как-нибудь и что-нибудь полечат, еще недельку «понаблюдуют». Поэтому эту схему, продиктованную советским неумением считать деньги и уважать чужое время, дескать, надо обязательно устранить. Мол, во всем же мире считают, что нечего прохлаждаться на больничной койке. Время — деньги, лечить надо быстро, интенсивно и экономно. Ведь, по мнению руководителя Департамента здравоохранения московской мэрии Мелик-Гусейнова, операционных разрезов становится меньше, лекарства — эффективнее, а новые методики лечения предусматривают, что пациента

Таблица 20

Количество коек в больничных организациях

Годы	Число коек в больничных организациях	
	всего*, тыс.	на 10 тыс. человек населения
1990	2037,6	137,4
1995	1850,5	125,8
2000	1671,6	115,0
2005	1575,4	110,9
2006	1553,6	109,0
2010	1339,5	93,8
2013	1301,9	90,6
2014	1266,8	86,6
2015	1222,0	83,4
2017	1182,7	80,5

* Без коек в дневных стационарах.

Источник: Росстат: Здравоохранение. Лечебно-профилактическая помощь. Медицинские учреждения. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения: 12 августа 2019 г.).

надо поскорей поставить на ноги и вернуть в обычную жизнь, не подвергая его риску внутрибольничных инфекций или потери работы. Именно поэтому количество больниц и коек надо уменьшать, а цифры посещений нельзя увязывать с доступностью медицинской помощи и качеством лечения пациентов. По убеждению реформаторов, главный показатель — количество госпитализаций — постоянно растет. Это может означать, что, хотя мест в больницах становится меньше, используются они эффективнее. Каждая койка должна быть загружена на 85–90%, а если она простаивает, то от нее необходимо избавиться.

И казалось бы, уменьшение количества стационарных медицинских учреждений и, соответственно, коек вполне оправдано, ведь государство преследует благую цель, — переориентация населения на обращение в амбулаторно-поликлинические учреждения за получением, прежде всего, профилактической помощи (ранняя диагностика и, если необходимо, лечение на ранних стадиях заболевания), однако число поликлиник также сокращается. Так, в период с 2000 по 2015 г. их количество сократилось на 12,7% — до 18,6 тыс. учреждений, а нагрузка возросла с 166 человек в день до 208 человек. И невзирая на то, что к 2017 г. количество поликлиник чуть выросло, достичь показателей 2000 г. мы так и не сумели (см. табл. 19). «Декларируемого маневра по переносу нагрузки и ресурсов с больниц на поликлиники так и не произошло — ситуация осложнилась как в области стационарного, так и амбулаторного лечения» [Звездина, 2017].

Отметим, на практике «оптимизация» здравоохранения оборачивается для населения РФ ограничением доступности и качества медицинской помощи, что неизбежно повлечет за собой ухудшение здоровья граждан и их качества жизни. Эта проблема наиболее актуальна для жителей малых, средних городов и сельской местности.

Такой точки зрения придерживаются и другие эксперты. Так, говоря о проблемах населения малых и средних городов, связанных с оптимизацией здравоохранения, эксперты приводят примеры, носящие, иной раз, абсурдный характер. Например, в городе Елабуга сокращение койко-мест привело к тому, что «...объединяют лор-отделение с окулистами в одном месте... койко-места теперь на одном этаже... Половина травматологии сейчас закрыта, опечатано» (Интервью. № 4, г. Елабуга); «...сокращение количества койко-мест, вплоть до закрытия тех или иных отделений, как офтальмологическое...» (Интервью. № 6, г. Елабуга). А в городе Лысьва вся «оптимизация» здравоохранения «...свелась к простому сокращению

медперсонала, коек в больнице...» (Интервью. №1, г. Лысьва) [Белова, 2019] (Реформа МСУ, 1)*.

Свою лепту в формирование «апокалипсиса здравоохранения» вносит разграничение полномочий федерального центра и регионов в вопросах управления здравоохранением, в результате чего — и это главное — отсутствует механизм, позволяющий осуществлять совместное управление региональными и муниципальными органами власти. Таким положением дел озабочены представители местной власти многих городов, оправдывая таким образом свое бессилие в решении вопросов, связанных с медицинским обслуживанием: *«Всю медицину передали в край»* (Интервью. № 1, г. Лысьва), *«Сегодня из муниципальной собственности здравоохранение выведено на уровень края...»* (Интервью. № 6, г. Нерчинск), *«...если раньше город отвечал за медицину, то сейчас отвечает область»* (Интервью. № 2, г. Переславль-Залесский), *«...Все учреждения здравоохранения переданы области, в городском подчинении они отсутствуют»* (Интервью. № 5, г. Балашов) [Реформа МСУ, 2015]. Это привело к повсеместному нарушению прав граждан, связанных с обеспечением гарантий «доступности и качества медицинской помощи»: *«...оказания медицинской помощи по принципу приближенности к месту жительства, месту работы или обучения; наличием необходимого количества медицинских работников и уровнем их квалификации...»* [ФЗ «Об основах...»: Гл. 2, ст. 10] Подтверждение этому мы находим в конкретных примерах: *«...Тяжелобольного везут в Ярославль. Сколько уже случаев было! В дороге умирают люди... у меня племянник... С инсультом повезли в Ярославль. Его привезли, и он умер там. Так неужели нельзя было здесь положить в больницу?.. Ведь их нельзя и транспортировать! ... А дороги-то какие?»* (Интервью. № 6, г. Переславль-Залесский). Проблематично и получение узкопрофильной консультационной, лечебно-диагностической помощи: *«...Дорого обходятся поездки в областную больницу, надо еще и направление получить...»* (Интервью. № 6, г. Советск) [Реформа МСУ, 2015].

Вдобавок ко всему, произошло сокращение финансирования здравоохранения из федерального бюджета и переход на однока-

* Экспертный опрос «Реформа местного самоуправления: качество власти и качество жизни в малых и средних городах России» в 10 малых и средних городах. Всего было опрошено 60 респондентов по 6 экспертов в каждом городе. Основной целью интервью являлось выявление отношения экспертного сообщества к проводимой реформе местного самоуправления и ее влияния на качество жизни населения. Проект реализовывался Институтом «Справедливый мир» с января по сентябрь 2015 г.

нальное финансирование, заключающееся в поступлении денег только из средств обязательного медицинского страхования (ОМС). Привязка денег к количеству принятых пациентов ведет к недофинансированию медицинских учреждений, их ликвидации, а значит, именно жители малых городов и сельской местности не могут получать медицинскую помощь в полном объеме. Таким образом, можно говорить, что существующая модель страховой медицины малоэффективна, а принципы, на которых она построена, не могут работать в нашей стране.

Говоря о сельской местности, следует сказать, что, по задумкам реформаторов, элементарная медико-санитарная помощь должна оказывать сельским жителям в фельдшерско-акушерских пунктах (ФАП), либо в фельдшерских пунктах (ФП) либо в участковых больницах (т.е. помощь должна быть максимально приближена к месту проживания — территориальный принцип), а вот более квалифицированная, в том числе высокотехнологичная — в областных и федеральных медицинских центрах. То есть в зависимости от территориальной удаленности, а также видов оказываемой медицинской помощи и оснащенности учреждений, все государственные/муниципальные учреждения здравоохранения были поделены на три уровня: село—район; район—область; область—федеральный уровень. Каково же количество учреждений первого уровня? По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, в 2014 г. первичная медико-санитарная помощь сельскому населению оказывалась 36 307 фельдшерско-акушерскими и фельдшерскими пунктами (ФАП) и 6 801 «центром/отделением врачей общей практики» (семейных врачей) [Белова, 2017: 97].

Отметим, что за четверть века количество медицинских учреждений (районных и участковых больниц, поликлиник и фельдшерско-акушерских пунктов) в сельской местности значительно сократилось. В первую очередь речь идет о стационарных учреждениях, количество которых с 1995 г. уменьшилось более чем в 5 раз, но безусловными лидерами по ликвидации являются участковые больницы — их численность уменьшилась в 74,5 раза (см. табл. 21).

Что же касается койко-мест в центральных районных и районных больницах, то только за 2013—2014 гг. их количество сократилось практически на 12 тыс. [Счетная палата..., 2015: 18], а по данным директора Фонда независимого мониторинга «Здоровье» Э. Гаврилова, еще больше; по его утверждению только с 2013 по 2017 г. их количество стало меньше на 100 тыс. В сельской местности сокращение мест в больницах заметнее — почти 40%. [Звездина, 2017].

Таблица 21

**Количество больничных и амбулаторно-поликлинических организаций
в сельской местности**

НАИМЕНОВАНИЕ	1990	1995	2000	2005	2010	2014	2016
Число больничных организаций	...	5437	4378	3659	1349	1064	1006
Число коек в больничных организациях: всего, тыс.*	...	281,3	232,9	209,5	153,4*	143,3*	156,2*
на 10 000 человек населения	...	71,4	60,1	55,6	40,9	37,7	41,4
Число центральных районных больниц (в системе Минздрава России)	602	683	687	688	727	568	573
Число районных больниц (в системе Минздрава России)	178	151	118	119	79	179	183
Число участковых больниц (в системе Минздрава России)	4813	4398	3280	2591	382	93	59
Число амбулаторно-поликлинических организаций (самостоятельных и входящих в состав других организаций)*	...	9217	8389	7495	2979*	3064*	4890*
Число фельдшерско-акушерских пунктов, тыс.	47,7	45,8	44,6	43,1	37,8	35,0	34,0

* Без коек в дневных стационарах.

Источники: Амбулаторно-поликлинические организации // Здравоохранение в России – 2017 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_34/Main.htm (дата обращения: 27 июля 2019 г.). Больничные организации // Здравоохранение в России – 2017 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_34/Main.htm (дата обращения: 27 июля 2019 г.).

А как обстоит дело с наличием ФАПа (отделения врачей общей практики), которые должны быть в каждом сельском населенном пункте? Результаты проверки Счетной палаты говорят о том, что 17,5 тыс. сельских населенных пунктов вообще не имеют учреждений здравоохранения [Счетная палата проверила...]. Соответственно практически каждому десятому (9%) сельскому жителю России они вообще недоступны. А если к этому добавить, что более трети опрошенных (35,2%) говорят об отсутствии элементарной медпомощи, то становится понятным, почему обеспеченность сельского населения медицинской помощью является наименьшей среди европейских стран [ФЦП «Устойчивое развитие...»; Мануйлова, 2019].

Инфраструктура здравоохранения предполагает наличие фармацевтической сети, которая, в отличие от самих медицинских учреждений, стремительно развивалась, но в основном за счет частного сектора. Именно превращение этой сети в аналог бизнеса привело к такому явлению, как постоянное удорожание стоимости

медикаментов. Так, с 2012 по 2016 г. средняя стоимость упаковки готового лекарственного препарата на фармацевтическом рынке России выросла с 91,5 до 104,9 руб. При этом средневзвешенная стоимость упаковки препаратов номиналом от 50 руб. до 150 руб. имеет тенденцию к исчезновению под предлогом нерентабельности (подробнее см. [Фадеева, 2017]). Обратим внимание, что в отдаленных и малочисленных населенных пунктах, как правило, лекарственные средства вообще невозможно приобрести, так как аптечные пункты попросту отсутствуют. И если до реформ сельские жители могли купить медикаменты в ФАПах, на базе которых существовали аптечные пункты, то после их упразднения они лишились такой возможности.

Политика оптимизации столкнулась с таким фактом, как негарантированность доступности медицинских препаратов. На этом пути стоят, во-первых, картельные сговоры (в ФАС их насчитали 76) при государственных закупках лекарств. Во-вторых, отсутствие лекарств в больницах отражает другую проблему в российском здравоохранении – его недофинансированность.

Такое положение в здравоохранении во многом объясняется тем, что в России по сравнению с развитыми странами выделяется всего 4% ВВП. А так как к 2025 г. планируется повысить эти расходы до 5%, то надеяться на кардинальное улучшение медицинского обслуживания не приходится. Эта ситуация усугубляется тем, что хотя Правительство РФ постоянно заявляет о росте расходов на здравоохранение, но с учетом инфляции эти расходы, наоборот, падают. Анализ бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования показывает, что реальные расходы на поддержание своего здоровья в семейных бюджетах постоянно сокращаются. Неутешительно и ближайшее будущее. В 2019 г. по полису будут лечить одного из 16, а на бюджетные деньги – одного из 250. Владельцу полиса в год выделяется 0,058 койко-дня.

Кадры медицины, что происходит с ними

Процесс оптимизации здравоохранения привел одновременно к сокращению численности медицинских работников и, как следствие, – увеличение нагрузки на оставшихся работать в государственной сети здравоохранения. Например, в 2014 г. было сокращено 90 тыс. медицинских работников, из них 12,8 тыс. – врачи и 77,2 – средний медперсонал. Обратим внимание, именно

в 2014 г. фиксируется наибольший приток медицинских работников в учреждения и организации частной сети здравоохранения – 71 тыс. работников (численность медработников в частном секторе в 2013 г. составляла 272,7 тыс.; в 2014 г. – 343,7 тыс.; в 2015 г. – 367,1 тыс.; в 2016 г. – 401,3 тыс.) [Здравоохранение в России 2017: 109]. При этом не все уволенные в результате реорганизации медицинских организаций врачи устраиваются в коммерческий сектор медицины, что в значительной степени связано с тем, что в ней используются иные требования к специалистам и к показателям оценки эффективности их труда. Поэтому часть медицинских работников ищет и находит работу в других секторах, где требуется наличие медицинского образования (медпредставители, фармрынок, рынок услуг сиделок и др.).

Оптимизация привела к серьезным изменениям в оплате труда медицинских работников. Так, Минздрав с целью повышения уровня заработной платы предлагает «эффективную систему» стимулирования в виде эффективного контракта. По данным Федеральной службы государственной статистики, начиная 2012 г. фиксируется рост среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций, занятых в здравоохранении, не зависимо от формы собственности [Здравоохранение в России 2017: 110]. А каков результат? В настоящее время медработники среднего и младшего звена получают за час работы 82 и 72 руб. соответственно. Интересное сравнение по заработной плате приводят эксперты ЦЭПР. Так, «... оплата труда врача в час уступает, например, часовой ставке рядового сотрудника сети фастфуда “Макдоналдс” (около 138 руб.). Администратор кафе данной сети получает уже порядка 160 руб. в час, т.е. больше квалифицированного врача с высшим образованием» [Звездина, 2017]. По результатам опроса фонда «Здоровье», проведенного среди 7,5 тыс. врачей из 84 регионов России в феврале 2017 г., около половины (51%) медиков зарабатывают на одну ставку менее 20 тыс. руб. в месяц [Фонд «Здоровье»...]. Неутешительны и усилия государства по исправлению этой ситуации. По данным Счетной палаты, 50 из 85 субъектов Федерации не выполнили майский указ президента 2012 г. по повышению средней заработной платы среднего и младшего медицинского персонала [НГ. 2019. 4 июня].

Что касается самих медработников, то они говорят о неудовлетворенности условиями труда и отсутствии должного материального и морального поощрения. Причем доля таковых с каж-

дям годом увеличивается. Например, в 2013 г. только 14% медиков испытывали моральное и материальное удовлетворение от своей работы, а треть (34%) совершенно не устраивала оплата труда. Три четверти (76%) медицинских работников вынуждены были совмещать работу в нескольких местах (и не только медицинского профиля), а каждый пятый (18%) работал одновременно в нескольких медицинских организациях [Мониторинг ОНФ..., 2013]. Результаты всероссийского социологического исследования в РГГУ свидетельствуют, что на протяжении пяти лет ситуация кардинально не изменилась. Так, каждый третий (32%) медицинский работник, участвовавший в нашем опросе, к первоочередным проблемам относит «неясность в оплате труда», 35% – страх потерять работу, а пятая часть говорит об неудовлетворительных условиях труда (плохие условия труда – 8,9% и плохая организация труда – 13,3%) [Как живешь, интеллигенция? 2016: 256].

Врачей волнует не только низкий уровень оплаты и условий труда, но и постоянные переработки и бюрократизация их деятельности. Напомним, одной из задач модернизации российского здравоохранения стало введение стандартов оказания помощи, которые вызвали и вызывают бурное обсуждение в профессиональном сообществе. Так, ориентируясь на «стандарты», врачи вынуждены придерживаться жестких временных норм и «схем» лечения, что спровоцировало конфликт «новых и старых профессиональных норм» и волну недовольства в медицинском сообществе. Такая ситуация вызывает раздражение и у населения: «...*Очереди в поликлиниках раздражают*» (Интервью. № 6, г. Балашов), «*Раздражает укрупнение системы здравоохранения, невозможность попасть в удобное для больного время к лечащему врачу и искусственное создание очередей*» (Интервью. № 1, г. Великие Луки) [Реформа МСУ, 2015]. По сути, формируется формальный подход к лечению. И хотя отклонение от нового стандарта штрафуются страховыми компаниями, но сам стандарт не всегда предлагает методы эффективного лечения пациенту. Ряд исследователей отмечают, что введение новых правил напрямую повлияло на «степень интенсивности и объем выполняемой работы, а также доход медицинских работников» [Кастанян, Смбатян, 2016: 34]. Вдобавок ко всему, медики говорят об увеличившемся в несколько раз объеме «бумажной работы», которая необходима для подтверждения «правильности назначенного лечения» и отчета перед страховыми компаниями. Все перечисленные выше факты спровоцировали отток высококвалифицированных специалистов из государственного и муниципального здравоохранения.

Необходимо отметить, что с 2014 г. в государственной и муниципальной системах здравоохранения образовался дефицит врачей и среднего медперсонала, который до сих пор сохраняется. Так, если в 2014 г. не хватало 40,5 тыс. врачей, то к 2018 г. этот дефицит составлял 22,5 тыс. в стационарах, а в первичном звене – 27 тыс. [Доклад о деятельности..., 2018]. Во многих населенных пунктах России наблюдается дефицит узкопрофильных специалистов (окулистов, неврологов, кардиологов, хирургов, онкологов и др.), который обусловлен целым рядом причин – низкий уровень заработной платы, плохая оснащенность медицинских учреждений, «постарение медицинских кадров», нежелание молодых специалистов после окончания вуза возвращаться в малые и средние города и многие другие. *«Кадровая проблема в медицине – еще сложнее, чем на производстве. У нас на город – 70 тысяч населения – один уролог. Ему ни в отпуск сходить, ни заболеть самому. И эта проблема не решается. Вопрос поднимаем уже два года. Но нам говорят: всё нормально»* (Интервью. № 4, г. Лысьва). На момент проведения экспертного опроса в городе не просто отсутствовало кардиологическое отделение – не было ни одного врача-кардиолога, так как *«...умер кардиолог, и всё – кабинет закрыт. Потому что заменить его некем...»* (Интервью. № 2, г. Лысьва).

Кадровый голод в государственной и муниципальной сетях здравоохранения обусловлен целым рядом причин, в том числе специфической подготовкой медицинских кадров. Однако многие медики считают, что дефицит медицинских кадров обусловлен, прежде всего, снижением привлекательности отрасли для молодежи и несовершенством образовательной политики по подготовке медицинских работников и регулярному повышению их квалификации. Так, три четверти (72%) медицинских работников отмечают, что ординаторы вынуждены выполнять большой объем бумажной работы, а 70% в качестве одного из ключевых препятствий при подготовке квалифицированных медицинских кадров отметили «отсутствие доступа к практике» [Мониторинг ОНФ..., 2013].

Говоря о привлекательности и престиже профессии врача, отметим, что за последние годы отношение населения к медицинской деятельности и медицинской профессии изменилось. Только треть (32%) россиян считает, что врачи занимают высокое положение в обществе, а количество затрудняющихся с ответом по сравнению с 2013 г. возросло практически в 1,5 раза (2013 г. – 26%; 2017 г. – 42%) [ВЦИОМ. Врач в России...]. Возможно, именно поэтому только пятая часть родителей (20%) хотели бы, чтобы их дети получили

профессию врача [Левада-Центр. Врачи...]. Зафиксировано и снижение уровня доверия к врачам, а также оценки их материального благополучия. Так, в 2014 г. практически половина (53%) населения страны полностью доверяли врачам, однако уже в 2017 г. количество таковых сократилось до 36%. Что касается мнения населения, насколько доходной, высокооплачиваемой является профессия врача, то в 2017 г. только четверть (25%) относили эту профессиональную группу к «высокооплачиваемой». Обратим внимание, что количество россиян, придерживающихся такой точки зрения с 2014 г. сократилось в полтора раза (25 и 41% соответственно) [ВЦИОМ. Врач в России...]. В свою очередь для самих медицинских работников крайне важным остается общественное признание их работы, такого мнения придерживается практически каждый третий (36,7%) [Как живешь, интеллигенция? 2016: 335].

По данным ВЦИОМ, деградацию отечественной медицины считают одной из трех наиболее острых проблем страны после низкого качества жизни и слабой экономики. Причем во многом это зависит от тенденции выдавливания населения из программы государственных гарантий и переориентация на получение платных медицинских услуг. По оценкам компании *BusinessStat* стоимость услуг оказываемой коммерческой медициной, выросла в 2018 г. почти на 11%, несмотря на снижение доходов населения. Где выход из этого травмированного состояния медицины? Можно согласиться с мнением экспертов (например, Л. Попович), считающих, что снизить уровень недовольства государственной медициной можно с использованием опыта других стран, где *во главу угла поставлена удовлетворенность пациента общением с врачом* (курсив мой. — Ж.Т.). Особо оценивается доля тех, кто считает своего врача вовлеченным в проблемы лечения каждого конкретного пациента [Комраков, 2019]. Но особо людей поражает факт разрыва и вопиющей разницы между поистине уникальными операциями в прекрасно оборудованных немногих медицинских учреждениях и состоянием самого низового звена здравоохранения местной, муниципальной медицины.

Иначе говоря, остро стоит вопрос о доверии к профессии врача и доверии населения к медицинской интеллигенции, о признании ее важной роли в жизни российского общества. Но этому в значительной степени мешает некачественное и недобросовестное отношение части врачей и в целом медицинского персонала к своим «гиппократовским» обязанностям, что стало, по многим откликам, не таким уж редким явлением. На пути рациональной

организации качественного медицинского обслуживания стоит многочисленная армия шарлатанов в виде колдунов, гадалок, прорицателей, готовых излечить от любых болезней. К тому же стоит заметить, что их численность, по экспертным оценкам, насчитывает более 800 тыс. человек с доходом в год в 10 млрд руб.

Население и здравоохранение: практики взаимодействия

На общественное мнение огромное воздействие и влияние оказывает парадоксальное противоречие: с одной стороны, между уникальными достижениями на мировом уровне при проведении операций, поражающими воображение искусством лечения и полученными результатами, и с другой — убожеством, заброшенностью и примитивностью массового медицинского обслуживания, особенно в далекой провинции и сельской местности. Поэтому не удивительно, что практически половина населения страны оценивают положение дел в здравоохранении негативно (скорее плохо — 21% и плохо — 31%). В качестве первоочередных проблем, требующих скорейшего вмешательства и решения, обычно называется нехватка врачей и/или же недостаточный уровень их профессиональной квалификации (по 37% соответственно) [ВЦИОМ: Эффективность...].

По данным ФОМ (апрель 2019 г.), врачам в больницах и поликлиниках не доверяют 34% россиян. О низкой их квалификации говорят 41% (о высокой — 38%). Государственным и ведомственным учреждениям доверяли 54%, частным — 28% (осенью 2012 г. было 52 и 18% соответственно). То, что в здравоохранении дела обстоят плохо, убеждены 53% граждан (в 2015 г. их было 32%) — вот истинная оценка проекта об оптимизации здравоохранения. На дороговизну лекарств жалуются 12% россиян [Комраков, 2019].

В свою очередь, несовершенство российского законодательства в сфере здравоохранения, наличие противоречащих друг другу норм привели к тому, что врачи сталкиваются с серьезными практическими трудностями при осуществлении своей деятельности. Например: упомянутый ранее ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (с принятием которого эксперты связывают основные негативные изменения, а другие, наоборот, считают, что он «позволит системно решить многие проблемы, значительно повысить качество» медицинской помощи [Берая, 2015: 48–51]), привел не только к расширению

прав россиян в области обязательного медицинского страхования (ОМС), в частности речь идет о праве на «возмещение медицинской организацией ущерба, причиненного в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ею обязанностей по организации и оказанию медицинской помощи» (ст. 16, пп. 8 и 9), но и появлению практик обращения в судебные органы. Более того, в России появились сторонники криминализации врачебных ошибок, участились случаи возбуждения уголовных дел. Например, в 2017 г. было заведено более 1,7 тыс. уголовных дел против медиков, а в 2018 г. было уже 6500 жалоб, по которым было возбуждено 2029 уголовных дел [Демченко, 2018]. Обратим внимание, что в Следственном комитете России (СКР) уже сформированы отделы по расследованию преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг и врачебными ошибками.

Помимо этого, в России участились случаи нападения на медицинских работников, когда нуждающиеся «решают проблему недоступности медицинской помощи» кулаками. Например, в 2016 г. было зафиксировано 1226 подобных случаев, обращений от врачей скорой помощи поступило более сотни, а по фактам агрессии в отношении медработников возбуждено лишь четыре уголовных дела. В отдельных регионах организованы специальные курсы для медиков по самообороне, так, «...в Саратове, например, ветераны УВД проводят бесплатные курсы самообороны для врачей – учат их уклоняться от ударов, защищаться от нападающих. В Красноярске на потенциально опасные вызовы медики выезжают в сопровождении сотрудника полиции. В Сургуте работников “скорых”, терапевтов и педиатров застраховали на 100 тыс. руб. от смерти, травм и увечий, полученных при исполнении» [Шульга, За нападение...], а в «...Санкт-Петербурге...» Российское общество скорой медицинской помощи” даже выпустило специальное методическое пособие на этот счет... – “Порядок действий в ситуациях, представляющих угрозу для жизни и здоровья при исполнении служебных обязанностей. Памятка для работников скорой помощи”» [Чернова, 2017]. На наш взгляд, проявление агрессии со стороны россиян обусловлено, прежде всего, низким уровнем гарантий со стороны российского социального государства, когда население не понимает, почему некогда бесплатная и качественная медицина вдруг в одночасье перестала быть доступной и качественной. Это одна из реакций общества на проводимые реформы, это и есть «проявление травмы».

В конечном итоге российские власти были вынуждены обратить внимание на проблемы здравоохранения, включив их в новый

национальный проект, с особым акцентом на ситуацию в сельской местности и в труднодоступных территориях.

Недовольны состоянием дел в российском здравоохранении и сами медики. Подчеркнем, что по сравнению с другими социально-профессиональными группами интеллигенции именно медицинские работники наиболее активно отреагировали на ухудшение условий их труда. Помимо этого, именно врачи и медицинские сестры, выходя на митинги и пикеты, пытались привлечь внимание как правительства, так и населения к ситуации в сфере здравоохранения, уменьшению доступности медицинских услуг для большей части россиян. Так, в 2014 г. по всей стране проходила серия митингов против проводимых реформ в здравоохранении под лозунгом «За достойную медицину!» Например, только в Москве, по данным общественного проекта «Белый счетчик», в митинге приняли участие около 7 тыс. человек, которые таким образом выразили свое несогласие с тем, как проводится оптимизация здравоохранения. Понимая, что реформы могут нанести непоправимый ущерб, медицинские работники обращались с требованиями ввести мораторий на проведение мероприятий по модернизации государственной и муниципальной сети здравоохранения и приостановить объединение и ликвидацию медучреждений, а также массовые сокращения врачей и среднего медперсонала [Белова, 2019: 307].

Тем не менее реформа здравоохранения продолжилась, но население, за редким исключением, так и не включилось в активную борьбу за свои права на охрану здоровья, получение качественных медицинских услуг. Реакцией населения было только одно — крайне низкие оценки медицинских услуг, предоставляемых по полису ОМС, и состояния здравоохранения в целом. Напомним, что более половины россиян считают положение дел в здравоохранении катастрофическим.

К этому следует добавить и тот факт, что состояние здравоохранения не повлияло на изменение демографической ситуации в стране — численность населения продолжает уменьшаться. Только за 2018 г. численность населения сократилась на 100 тыс. человек. Но вместо анализа этого сокращения медицинская статистика вносит свой вклад в искажение, чтобы улучшить статистические показатели. Это проявилось в том, что многие регионы снижали цифры смертности от онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, а также от внешних причин (например, ДТП). И это вместо того, чтобы обеспечить раннюю диагностику и профилак-

тику всего населения как основу для предотвращения причин, ведущих к сокращению численности россиян [Горбачева, 2019]. А это ставит под сомнение выполнение Послания президента РФ Федеральному Собранию РФ о достижении к 2024 г. средней продолжительности жизни россиян до 78 лет, уменьшение смертности на 100 тыс. населения с 2016 по 2024 г. с 530 до 350 случаев, в том числе от сердечно-сосудистых заболеваний с 616 в 2016 г. до 450 в 2024 г., онкологических заболеваний — соответственно с 204 до 185, детской смертности — с 5,5 до 4,5 случаев. По мнению академика А.Г. Аганбегяна, проведенные расчеты показали, что 78-летней ожидаемой продолжительности жизни можно достичь к 2025 г., как предусмотрено Указом президента РФ, только при увеличении расходов на здравоохранение по 10–15% в год при высокой эффективности их использования. Но даже в этом случае можно будет достичь только 76-летнего рубежа [Аганбегян, 2019: 14].

Большие противоречия вызывает и такой новый феномен, как платная медицина. Только с 2005 по 2014 г. объем платных услуг увеличился с 109,8 млрд руб. до 474,4 млрд руб. На 2018 г. стоимостный объем сектора легальных платных медицинских услуг вырос на 10,8% и достиг 483 млрд руб. [Оборот медицинского рынка ...]. И это далеко не всегда качественное обслуживание, так как превращение здравоохранения в подобие бизнеса нередко ведет к подмене цели — вместо охраны здоровья на первый план выходят прибыль, доход с постоянным желанием навязать пациенту не нужные ему услуги. Проблема коммерциализации медицины поднимается экспертами в каждом малом и среднем городе, «...начиная с порога любой поликлиники, многие вещи идут платно. И перечень бесплатных услуг очень узкий...» (Интервью. № 1, г. Елабуга) [Реформа МСУ, 2015]. Такие примеры уже не являются единичными случаями, что ведет к росту недоверия и желанию прибегнуть к помощи альтернативных медицине организаций или к самолечению.

Таким образом, процессы, происходящие в сфере здравоохранения, характеризуются преимущественно как деструктивные. К основным негативным последствиям реформирования российского здравоохранения следует отнести проблемы доступности и качества медицинской помощи, которые в первую очередь связывают с сокращением количества лечебных учреждений и обеспечением квалифицированными медицинскими кадрами. Модернизационные процессы оказали неоднозначное влияние на условия труда медицинских работников, что привело к новым рискам в сфере здравоохранения и увеличению количества трудо-

вых и других видов конфликтов. Ухудшение условий труда медицинских работников, неудовлетворенность населения качеством и доступностью медицинских услуг приводят к развитию деструктивных, а иной раз и патологических процессов во взаимодействии разных субъектов, призванных организовать и осуществить охрану и защиту здоровья населения. Но самое главное, на наш взгляд, требуется коренное изменение государственной политики в улучшении здоровья населения, в усилении медицинской помощи, ибо так называемая оптимизация здравоохранения только усилила травматическое состояние российского общества.

Литература

- Аганбегян А.Г.* О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
- Башкатова Н.* Забытые нацпроекты // Независимая газета, 2009. 29 декабря. http://www.ng.ru/economics/2009-12-29/1_nazprojects.html (дата обращения: 28 января 2019 г.).
- Белова Н.И.* Здоровоохранение в малых и средних городах России: состояние и проблемы // Местное самоуправление: качество власти и качество жизни в малых и средних городах России / Н.М. Великая, А.А. Голосеева, Н.И. Белова, А.А. Хохлов. М.: Ключ-С, 2016. С. 79–94.
- Белова Н.И.* Реформа российского здравоохранения в оценках профессионального сообщества и населения // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. Д.Г. Цыбикова; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. М.: РГГУ, 2019. С. 303–308.
- Белова Н.И.* Сельское здравоохранение: состояние, тенденции, проблемы // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 97–105.
- Берая И.О.* Социальная защита прав граждан законодательством о медицинском страховании в Российской Федерации [Текст] // Право: история, теория, практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб.: Свое издательство, 2015. С. 48–51. <https://moluch.ru/conf/law/archive/142/8405/> (дата обращения: 12 августа 2019 г.).
- ВЦИОМ.* Врач в России: доверие пациентов, доходы, положение в обществе. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 31 августа – 4 сентября 2017 г. в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках 8 ФО России. Объем выборки 1600 человек // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3590> (дата обращения: 8 января 2019 г.).

ВЦИОМ. Эффективность российского здравоохранения и система ОМС. Всероссийский опрос «ВЦИОМ–Спутник» проведен в октябре 2017 г. по заказу ЦСП «Платформа». В опросе принимают участие россияне в возрасте от 18 лет <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8790> (дата обращения: 10 февраля 2019 г.).

Горбачева А. Как бороться с сокращением населения России // Независимая газета. 2019. 10 июля.

Демченко Н., Звездина П. СКР раскрыл содержание новой статьи УК за врачебные ошибки // Газета РБК. 2018. 19 июля. Официальный сайт. <https://www.rbc.ru/society/19/07/2018/5b5072cc9a7947a9996679f0> (дата обращения: 10 февраля 2019 г.).

Доклад «О деятельности Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения в 2017 году» // <http://www.roszdravnadzor.ru/i/upload/images/2018/4/3/1522744892.13699-1-12938.pdf> (дата обращения: 10 февраля 2019 г.).

Звездина П. Эксперты предсказали сокращение числа больниц до уровня 1913 года // Ежедневная деловая газета РБК <https://www.rbc.ru/society/07/04/2017/58e4feb59a794722462a85aa> (дата обращения: 12 августа 2019 г.).

Здравоохранение в России. 2017: Стат. сб. Росстат. М., 2017.

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / отв. ред. Ж.Т. Тошенок. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.

Кастянян А.А., Смбатян С.М. Рынок труда медицинских работников: проблемы, задачи и перспективы // Современные достижения и разработки в области экономики и менеджмента / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 1. г. Оренбург, 2016. <http://http://evansys.com/articles/sovremennye-dostizheniya-i-razrabotki-v-oblasti-ekonomiki-i-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-sektsiya-8-innovatsionnye-podkhody-v-sovremennom-menedzhmente/gynok-truda-meditsinskikh-rabotnikov-problemy-zadachi-i-perspektivy/> (дата обращения: 31 января 2019 г.).

Комраков А. Отечественное здравоохранение оторвалось от населения // Независимая газета. 2019. 27 мая.

Левада-Центр. Врачи обошли юристов. Официальный сайт Левада-Центра <https://www.levada.ru/2018/06/21/vrachi-oboshli-yuristov/> (дата обращения: 10 февраля 2019 г.).

Мануйлова А. Укрупнение без объединения // Независимая газета. 2019. 10 июля.

Мониторинг ОНФ. Большинство опрошенных врачей недовольны уровнем подготовки молодых специалистов // Сайт Общественного движения «Общероссийский народный фронт». <https://onf.ru/2017/10/30/monitoring-onf-pokazal-cto-bolshinstvo-oproshennyh-vrachey-nedovolny-urovнем-podgotovki/> (дата обращения: 9 января 2019 г.).

- Министерство здравоохранения РФ. Обобщенные результаты социологических исследований отношения населения к системе здравоохранения // Официальный сайт. <https://www.rosminzdrav.ru/news/2015/09/01/2516-obobschennye-rezultaty-sotsiologicheskikh-issledovaniy-otnosheniya-naseleniya-k-sisteme-zdravoohraneniya> (дата обращения: 13 декабря 2018 г.).
- Национальный проект «Здоровье». Справка. РИА Новости <https://ria.ru/20090512/170852739.html> (дата обращения: 20 февраля 2019 г.).
- Оборот медицинского рынка России достиг 3 трлн рублей // Медвестник. Портал российского врача. <https://medvestnik.ru/content/news/Oborot-medicinskogo-rynka-Rossii-vyros-i-dostig-3063-3-mlrd-rublei.html> (дата обращения: 27 июля 2019 г.).
- Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. Росстат. М., 2018.
- Сеть и кадры медицинских организаций (Российская Федерация). Основные показатели ресурсов здравоохранения. Деятельность и ресурсы учреждений здравоохранения по данным на 2009 год // ФГУ «ЦНИИОИЗ Минздравсоцразвития РФ». Материалы сайта www.mednet.ru (дата обращения: 28 февраля 2019 г.).
- Счетная палата проверила оптимизацию в сфере здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297 (дата обращения: 1 июля 2016 г.).
- Фадеева Е.В.* Социальные проблемы современного фармацевтического рынка России // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 29–39.
- Федеральная целевая программа. Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 – 2017 годы и на период до 2020 года. <http://government.ru/media/files/41d47baf642258e68c1b.pdf> (дата обращения: 1 июля 2016 г.).
- ФЗ от 28 июня 1991 г. № 1499-1 (ред. от 24 июля 2009 г.) «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90/c7d15a7f7e4a2a05872e059c98940cb24a30f04b/ (дата обращения: 28 июля 2019 г.).
- ФЗ от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330131&fld=134&dst=100009,0&rnd=0.21416592688303893#013282743315595602> (дата обращения: 28 июля 2019 г.).
- ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (последняя редакция) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». <http://docs.cntd.ru/document/902312609>, (дата обращения: 28 июля 2019 г.).
- Фонд «Здоровье»: Лишь 5,7% врачей получают зарплату не менее 50 тыс. руб., официально объявленную средней по стране // Официальный сайт Общероссийского народного фронта. <https://onf.ru/2017/03/29/fond-zdorove-lish-57-vrachey-poluchayut-zarplatu-ne-menee-50-tys-rub-officialno/> (дата обращения: 28 июля 2019 г.).

Чернова Н. Скорая переходит к обороне. Почему в России участились случаи нападения на врачей // Новая газета. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/15/71795> (дата обращения: 13 августа 2019 г.).

Шульга О. За нападение на медиков накажут по двум кодексам // Парламентская газета. <https://www.pnp.ru/social/za-napadenie-na-medikov-nakazhut-po-dvum-kodeksam.html> (дата обращения: 13 августа 2019 г.).

Раздел четвертый

ВОЗМОЖНО ЛИ БУДУЩЕЕ У НЕСТАБИЛЬНЫХ СТРАН?

Глава 12. Социальные последствия в травмированном обществе

Неопределенность как характеристика развития общества травмы

Прежде всего обратим внимание на то, что современный мир приобрел многообразные черты неопределенности, которая особенно значительно поразила страны с нестабильным развитием — общества травмы.

Что касается макромира, то эта неопределенность стала присуща многим государствам Новейшего времени, когда значимость идей прогресса, которые были так популярны в XIX и в XX вв., в значительной степени померкла, как и варианты капиталистического и социалистического развития. По мнению многих исследователей, неопределенность стала неотъемлемым атрибутом современности (см., например: [Стэндинг, 2014: 23; Лукьянов, 2018: 22]).

Капитализм долгое время после ряда жесточайших кризисов XIX и первой половины XX в. пытался реализовать различные подходы к демократическому устройству общества, что особенно наглядно нашло выражение в кейнсианской политике социального государства, и которая в той или иной мере была осуществлена во многих развитых государствах Западной Европы. Но со временем она подверглась критике и отвержению и, по убеждению ряда исследователей, была замещена в 1970-е гг. монетаризмом, который, в свою очередь, с начала 2000-х гг. стал отрицаться как эффективная социально-экономическая модель.

Идея строительства социалистического общества после распада СССР также потеряла свою прежнюю привлекательность, что повлекло за собой большие сомнения в жизнеспособности такого

государственного устройства. Уход с исторической арены СССР и социалистических государств Восточной Европы не устранил ситуацию неопределенности. В результате, на наш взгляд, возникла своеобразная патовая ситуация — в своих реально существующих формах и капитализм и социализм изжили себя, дискредитировали имеющуюся практику и не предложили ничего убедительного взамен себя. Возникла огромная зона неопределенности — а куда должны идти народы, на что ориентироваться, что ожидать от будущего жизненного мира?

Угрозы существованию значительному числу сложившихся государств приобрели новые черты в виде цветных революций, гибридных и информационных войн, вмешательства во внутренние дела стран, не угодивших господствующим в мире странам (в первую очередь США). Эта неясность усиливается различными авантюрами на финансовых рынках, что порождает экономические кризисы, охватывающие весь мир. В результате возникло значительное количество нестабильных государств, обществ травмы, которые характеризовались или комплексом социально-экономических и социально-политических издержек, или отдельными из них.

Если обобщить социальные последствия и издержки обществ травмы, в том числе и Россию, что эта неопределенность проявилась, *во-первых*, в том, что *деятели, осуществившие уход с исторической арены и похоронившие социалистический выбор, оказались бездарной и несостоятельной группой*, не сумевшей реализовать цели, обусловленные логикой социально-экономического, научно-технологического и информационного развития. Именно несостоятельность Ельцина и его либеральной команды привела к тому, что вместо рухнувшей великой державы (а ее можно было сохранить, как убеждены 60% россиян даже в 2010-е гг.) возникло государство, которое функционировало само по себе, с непонятной политической и социально-экономической ориентацией. В стране осуществлялись сумбурные меры во всех сферах общественной и государственной жизни и в первую очередь в экономике и в социальных отношениях. Народу был не ясен и не понятен вектор развития.

В этих условиях неопределенности и отсутствия перспективы появились различные версии — что же все-таки нужно России? Одни из них пытаются приспособиться к привлекательному для них одной из форм капиталистического пути. В этих предложениях в основном фигурируют США, Германия, Япония и даже Аргентина (см.: [Гайдар, 2005]). Другие продолжают комбинировать идеи социального государства, которые, по мнению их сторонни-

ков, наиболее полно были реализованы в странах северной Европы – Швеции, Финляндии, Норвегии [Ситников, 2006; Brandal, Bratberg, Thorsen, 2013]. Третьи намеревались вернуться к прежней дороге социалистического развития, опираясь на успехи Китая и Вьетнама, которые сумели решить противоречия и сложности в своем развитии, не отказываясь от идей социализма [Кива, 2012; Кива, 2019]. Что такой вариант возможен, это в известной мере демонстрирует опыт Беларуси, которая успешно решает многие проблемы, сохраняя наиболее важные достижения советского времени и умело сочетая их с рыночной экономикой [Кизима М., Кизима С., 2019].

Еще одним вариантом, оказавшим наибольшее обсуждение о будущем России, стал так называемый евразийский выбор, предполагавший учет специфического опыта развития этнонациональных особенностей многих бывших союзных республик (но не только их) [Назарбаев, 2013; Евразийский мир... 2010]. Однако и этот путь стал, в значительной мере, предметом дискуссий, чем реальных действий.

Оставляем за скобками и предложения строить новую Россию только на основе идей русского национализма, с ориентацией на вековые традиции и при учете конфессиональных особенностей [Бабурин, 2012; Дугин, 2012], что, на наш взгляд, может привести к изоляции, замкнутости россиян, изолированности от внешнего мира.

В заключение упомянем внесенные на поле публичного пространства и обсуждения идеи конвергенции, которые волновали творчески мыслящих исследователей (П.А. Сорокин, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейт и др.) задолго до наступившего времени. Но они в современной России не получили существенной поддержки ни в научной мысли, ни в политической практике. Даже в коммунистическом Китае, где политическая власть руководствуется социалистической идеологией, а в экономике преобладают рыночные, капиталистические отношения, нацеленность на сочетание позитивных черт капитализма и социализма не в полной мере отвечает требованиям оптимального решения общественных проблем в этой стране [Леднев, 2017].

В принципе, в обществе возможны и даже должны высказываться и обсуждаться различные варианты развития. Но это не отменяет того факта, что любое государство, в том числе и Россия, должны иметь свою программу развития, четко и ясно объяснив народу, что правящий класс намерен добиться и призывает

поддержать провозглашенные им цели и средства развития. Иначе Российское государство, как и другие общества травмы, обречено жить в состоянии большой неопределенности, ибо оно *не сформулировало стратегию своего развития, которая бы отражала как перспективу, так и ожидания и устремления народа*. История учит, что даже те государства, которые сориентировались на рыночные отношения (а их примерно половина, избравших этот вариант), не могут выйти из состояния длительной неустойчивости, стагнации и нередко рецессии, так как их усилия в основном сосредоточены на решении текущих проблем, требующих немедленного решения. В этих государствах отсутствует стратегическое планирование, преобладает ориентация на самотек, на стихийное развитие (вроде «рука рынка решит все»).

На наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что национальные проекты (а они в России провозглашались дважды — в 2012 и 2018 гг.) можно приравнять к стратегии развития. Они в лучшем случае являются средством достижения. Но чего? Просто улучшения жизни народа? Но эта цель провозглашается всеми без исключения государствами. В этом отношении можно обратиться к опыту Китая, который не стал повторять стратегию КПСС по строительству социализма и коммунизма, где предполагалось, что сначала будет решен вопрос «от каждого по способностям, каждому по труду», а затем, «от каждого по способностям, каждому по потребностям». В Китае провозглашена ясная и понятная каждому гражданину этой страны — построить «общество среднего достатка», достижения которого сравниваются с уровнем благосостояния в других странах мира.

Во-вторых, нынешнее развитие и функционирование общества травмы характеризуется турбулентностью даже при решении неотложных социально-экономических задач, склонностью или стихийному развитию, или принятию решений, затрагивающих только одну из проблем, что в свою очередь приводит или отмене прежних ориентиров или попыткам их спасти, что только усугубляет ситуацию.

Но эта социальная турбулентность проявляет себя по-разному. Сначала отметим подход, который связан с именами Э. Трист и Ф. Эмерни, которые ввели это понятие в научный обиход. Она была применена ими к описанию поведения людей, которое складывается потому, что их «держат в состоянии неопределенности», когда «люди не желают делать выбор в меняющихся обстоятельствах». Они также полагали, что «индивиды будут разобшаться в попытках

бежать от ужаса новой шокирующей реальности; люди будут уходить в состояние отрицания действительности, ...но при этом будут склонны к вспышкам ярости» (цит. по: [Эстулин, 2015: 21]).

Применительно к обществу о турбулентности писал З. Бауман, когда уделил особое внимание непрерывной и трудно прогнозируемой изменчивости современных обществ, их логике и противоречиям развития [Бауман, 2008].

В настоящее время большинство исследователей пришли к выводу, что турбулентность в обществе вызывает неустойчивость, хаотичность и как результат неопределенность, следствием чего является снижение, нейтрализация творческого потенциала людей (см., например: [Шекотин, 2016: 87–96]). Именно в таком состоянии происходит стихийный поиск возможных решений назревших проблем, в процессе которого практически никогда не может быть достигнут желаемый результат.

В современном мире, и особенно в обществах травмы, возникли принципиально новые вызовы и угрозы для общественной стабильности [Alexander, 2012]. К числу такого рода вызовов можно отнести турбулентность норм – по сути, характерной чертой современных обществ стала перманентная нормативная неопределенность, в реальной жизни ведущая к резкому увеличению скандалов и провокаций как на мировом уровне, так и в повседневной жизни людей [«Нормальная аномия»..., 2017].

В-третьих, неопределенность в обществах травмы не ограничилась сферой социально-экономических отношений, она стала неотъемлемой характеристикой практически всех сфер жизнедеятельности россиян, их взаимоотношений с социальными институтами, с государственными и общественными организациями, а также с профессией, семьей, образованием. Демонтаж советского государства вкуче с беспределом, порожденным рыночной стихией, привел к тому, что российское общество приобрело черты многозначности и неопределенности, что способствовало размыванию смысла и адекватности таких основополагающих понятий, как гражданство, профессиональная, национальная и региональная идентичность [Анисимов, 2017].

И именно эта неопределенность привела к тому, что под ее воздействием произошла деформация не только традиционной социально-классовой структуры, но и тех изменений, которыми характеризовалось общество благоденствия с ее определенными достижениями по созданию среднего класса (слоя). В результате возникли и стали расти слои «униженных и оскорбленных»

(Ф. Достоевский), которые охватили значительное число социальных общностей и групп в современных обществах. Усилился процесс дальнейшего дробления населения по мировоззренческим ориентациям, по социальному положению, по возможностям реализации материальных и духовных потребностей. Это привело к появлению такого уникального явления, как парадоксальный человек, который свои противоречивые черты воплотил в таком явлении, как прекариат, попав в зону парадоксальности и неопределенности и не получив возможности выразить свою позицию (подробнее см.: [Тощенко, 2009; Тощенко, 2018]).

Рассмотрим это подробнее.

Угроза длительной деформации социально-экономических отношений

Напомним, что Россия в конце 2010-х гг. так и не достигла тех рубежей, которые имела советская Россия в 1990 г. Травмированность российской экономики характеризуется тем очевидным фактом, что Россия уступила ведущие места в мире по многим экономическим и социальным показателям, переместившись на порядок и даже несколько порядков ниже в мировых рейтингах. Более того, это отставание из-за отсутствия стратегической программы развития грозит еще больше увеличиться. Так, согласно национальным проектам 2018–2024 гг., экономика России будет расти до 3% в год (Международный валютный фонд, Всемирный банк и эксперты говорят о 1,5–1,7-процентном росте), в то время как весь мир ориентируется на 4%. Возникает вопрос: а какие места будет занимать Россия в 2024 г., если запланированные показатели уступают темпам развития мира, не говоря о странах, ориентирующихся на еще более высокие темпы (Китай, например, планирует 6,6% роста ВВП ежегодно, считая в то же время этот показатель недостаточным).

Российские экономические реалии не соответствуют и продолжают в еще большем объеме не соответствовать объективным потребностям развития страны. По мнению Торнбьера Бекера, главы Стокгольмского института переходных экономик при Стокгольмской школе экономики, тот факт, что из 20 дней, когда российские финансовые рынки сильнее всего «штормило» во время правления В. Путина, 18 дней приходится на 2014–2015 гг., на 2008 г. — лишь один день. Анализ позволил ему сделать вывод о неопределенности состояния российского рынка, которая во

многим складывается под влиянием политических действий. Попытки изменить ситуацию краткосрочными решениями дают незначительный эффект — нужна долгосрочная программа действий, основанная, как показывают его расчеты, на инвестициях в экономику (цит. по: [Шановалов, 2019]). Аналогичный вывод делает и академик А.Г. Аганбегян, анализируя как сложившуюся ситуацию со стагнацией российской экономики, так и перспективами достижения намеченных в Послании президента России и сформулированных на их основе национальных проектах [Аганбегян, 2019].

Несмотря на либеральную установку о роли и значении частной собственности и возможности ее владельцев эффективнее управлять производством, сферой услуг и другими отраслями экономики, их видение далеко не всегда совпадает с реальностью. Так, сфера строительства в основном находится в руках различных акционерных обществ. Анализ их деятельности показал отсутствие системности, последовательности, рачительности, проявляется и в решении такой проблемы, как растущий объем незавершенного строительства. Счетная палата на начало 2019 г. выявила 62 тыс. объектов незавершенного строительства, в которые вложено 4 трлн руб., из которых 58 тыс. стоимостью около 3 трлн руб. относятся к региональной «незавершенке» [Соловьева, 2019].

По-прежнему велик ущерб и потери в результате коррупционных сделок, которые поражают масштабом хищений (см. количество возбужденных уголовных дел по фактам коррупции и хищений).

Новое качество социального неравенства

Обычно, когда рассматривается социальное неравенство, внимание сосредотачивается на сопоставлении уровня жизни, доходах на душу населения, величине различий между высоко- и низкооплачиваемыми. Этот подход широко распространен при анализе различий в доходах как во всем мире, так и в нестабильных странах. Однако, как показывает статистика, этот разрыв в доходах различных слоев населения растет. Не является исключением и Россия. Так, до 2012 г. реальные доходы россиян имели некоторую положительную динамику, но начиная с этого года они постоянно падают и к 2018 г. сократились на 12%. Что касается различий в оплате труда, то обратим внимание на такие данные — на оплату

труда 10% наименее оплачиваемых работников уходит около 2,5% средств, а на 10% высокооплачиваемых – 33,1% (Данные Росстата. Коммерсантъ. 2019. 19 июля). Социальные различия между основной массой населения и небольшой группой зажиточной ее части отражает и тот факт, что 65% россиян не имеют никаких сбережений [Бутрин, 2019. 25 июня]. Иначе говоря, процесс дальнейшего увеличения разрыва в доходах населения вполне оправдывает такое уже распространенное заключение «Богатые – богатеют, бедные – беднеют». А иначе чем объяснить, например, два факта. Первый – по данным журнала *Forbes*, 100 богатейших госслужащих и депутатов России заработали в 2018 г. более 1,1 млрд долл. [Forbes, 2019, 7 мая]. Второй – во время падения доходов основной массы населения число российских олигархов постоянно растет и достигло 101 персону (3-е место в мире), а их доходы за 2018 г. увеличились на 37%.

Данный обзор социального неравенства – участие в распределении национальных доходов – показывает, что неудовлетворенность населения питается не тем, что они против богатства – они крайне не удовлетворены тем, КАК это богатство было достигнуто. Именно поэтому в существующей социальной несправедливости убеждены три четверти россиян (74%), согласно исследованию Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга РАНХиГС в 2019 г. И такое мнение сохраняет устойчивость – в 2003 г. – 77,9%, в 2007 г. – 79,4%, несмотря на увеличившийся поток официальных заявлений и некоторых принятых мер, что позволяет утверждать не только об их недостаточности, но и об их ограниченности и недальновидности. Нужно отметить, что и другие социологические центры (ВЦИОМ, фонд «Общественное мнение») получают схожие данные, которые вкупе с другими данными говорят о том, что в последние годы российское общество стало менее справедливым [Покида, Зыбуновская, 2019. 17 сентября].

Но социальное неравенство охватывает и другие стороны жизни людей.

Это проявляется в таких важных моментах, как потребление. Большинство населения тратит на неотложные нужды и прежде всего на питание 40–50%, а иногда 60–70% своего дохода, то у высокооплачиваемых категорий эти траты в несколько раз меньше, так как соотношение возможностей у этих групп кардинально различается.

К показателям низкой состоятельности можно отнести уменьшение расходов на такие неотложные нужды, как одежда и обувь,

не говоря о предметах длительного пользования или затратах на такие стратегические товары, как автомобиль, покупку квартиры, приобретение дачи. Подсчеты социологов показывают достаточно серьезное уменьшение затрат за все эти виды товаров и услуг. Но помимо собственно проблем потребления нередко недостаточно обращают внимание на то, что его сокращение объективно ведет к замедлению экономического роста, так как это прямо влияет на объемы и величину производимых товаров.

Социальное неравенство начинает во все большей мере захватывать и другие жизненно важные стороны жизнеустройства россиян.

Если взять сферу здравоохранения, то пользование возможностями медицинского обслуживания существенно различается. Это проявляется прежде всего в стремлении большинства населения к здоровому образу жизни, в различных действиях по сохранению работоспособности, в желании иметь доступ к квалифицированной врачебной помощи, особенно если касается специализированного вмешательства при решении способов лечения. При этом реальностью стал факт, что часть населения так или иначе вовлечена в оплату затрат при оказании медицинских консультаций, что нашло отражение в обращении к частной медицине. Однако большинство россиян обречено на гарантированное государством пользование только достаточно ограниченным набором элементарной помощи. В результате население выражает большие претензии к состоянию медицины. По данным Фонда «Общественное мнение», 53% граждан в 2019 г. заявили, что в российском здравоохранении дела обстоят плохо. При всех уверениях официальных структур об усиленном внимании к проблемам здоровья, оптимизации сферы медицины, число уверенных за последние 4 года в ее ухудшении увеличилось на 21 пункт. Россияне жалуются на дороговизну лечения и лекарств, расширение платной медицины (12%), низкую квалификацию медицинских работников и качество лечения (89%), сокращение медицинских учреждений, особенно в сельской местности (цит. по: [Комраков, 2019. 27 мая]). На участие специалистов специализированного профиля россиянам приходится рассчитывать после проведенной оптимизации здравоохранения только в больницах крупных городов. В этой ситуации особенно страдают сельские жители, которые удалены от больниц и полноценных поликлиник десятками, а иногда и сотнями километров.

По мнению экспертов, проводимая оптимизация здравоохранения нацелена на формальные показатели: численность

медицинских специалистов и койко-мест на 10 тыс. населения, акцент на поликлиническую помощь, сокращение дней пребывания в больнице, жесткое нормирование рабочего времени и даже перевод части услуг на платную основу и т.д. По мнению директора Института экономики здравоохранения ВШЭ Л. Попович, «снизить уровень недовольства граждан государственной медициной можно с использованием опыта других стран, где во главу угла поставлена удовлетворенность пациента общением с врачом. К индикаторам качества медицинских услуг относится, в частности, доля пациентов, которым врач уделит достаточно времени». Причем, как она считает, многие врачи да и медицинские функционеры часто не умеют или не хотят разговаривать с посетителем [НГ. 2019. 27 мая].

Поэтому многие эксперты полагают, что именно по этим причинам велика угроза не достичь запланированных показателей по уменьшению опасных заболеваний, а также предполагаемого увеличения продолжительности жизни до 78 лет.

Социальное неравенство интенсивно проникает и в сферу образования. *В стране разрушено единое образовательное пространство.* И средняя, и высшая школа стали сферами проведения непрерывных мелочных противоречивых реорганизаций под знаком нововведений и ориентаций на зарубежные показатели. Вместо того чтобы уделить внимание содержанию преподаваемых предметов, энергия чиновников и затем преподавателей уходит на приведение своей деятельности в соответствие с многочисленными инструкциями. Причем вал этих инструкций непрерывно возрастает и по подсчетам экспертов, только с 2010 по 2014 г. численность только внешних нормативов, по которым отчитывается вуз (отчетные параметры, аккредитационные показатели и т.д.), увеличилась в 16 раз [Бляхер Л., Бляхер М., 2014: 38].

Серьезная проблема возникает и в связи с тем, что практически сложилась структура элитного образования (не в смысле поддержки молодых талантов, а в смысле организации частных учебных заведений, в которых могут учиться дети только состоятельных родителей). Теперь бедные и богатые разделены и в сфере образования. Социально неравенство здесь проявляется в том, что в частных школах (за деньги!) дается значительно больший набор того, что предоставляется детям в обычных школах. Более того, этой системой закладывается отсутствие и даже невозможность иметь социальные контакты между детьми из разных социальных групп (что было обыденностью в советских школах, в которых

дети министров и других высокопоставленных групп учились со сверстниками из обычных рабочих и интеллигентских семей). То есть и здесь школа закладывает и способствует рождению истоков социального противостояния.

Очень сложная ситуация складывается и в высшей школе. Эту ситуацию О.Н. Смолин назвал «образовательным колониализмом». В реальности идет формирование несколько уровней вузов – первой категории, в которую включены престижные вузы; второй категории – вузы, относящиеся, как правило, к образовательным учреждениям областных и республиканских центров; и третий – куда включены все остальные, в основном периферийные. В этой сфере государство только усиливает социальное неравенство как среди вузов, так и обучающихся в них студентов. Это проявляется в более высоком финансировании вузов первой категории, создании преимуществ в материальном обеспечении, возможностях участия в грантовой поддержке, в приглашении зарубежных коллег. А так как и в престижном вузе можно учиться не только в результате итогов ЕГЭ, но и за деньги, то детям из высокодоходных групп нет никаких ограничений, так как критерием выступают не знания, а нечто другое. Таким преимуществом – платить за образование, да еще в престижных вузах, могут немногие. Правда, эти немногие имеют и другую возможность – послать свое чадо учиться за границу и соответственно гарантировать ему большую конкурентоспособность по сравнению со сверстниками, обучающимися в отечественных вузах.

И следствием такого положения в сфере образования *стало резкое снижение качества подготовки будущих специалистов*, слабое владение навыками профессиональной работы в соответствии с потребностями научно-технической революции. Возник даже такой парадокс – диплом об окончании вуза перестал быть не только главным, но даже важным аргументом для получения молодым человеком желаемого места работы. На первый план вышли квазикритерии – неформальные связи или принадлежность к властным или около олигархическим или собственническим структурам.

Но результат неутешителен – общество мобилизует не способных и перспективных творческих молодых людей, а сумевших устроиться в жизни по совершенно другим критериям. В результате происходит интеллектуальное обнищание общества, чему способствует и интенсивный отъезд способной молодежи для работы за рубежом.

Новый лик социального неравенства проявляется и в такой традиционной области жизни россиян, как отдых. В то время

как значительные группы экономически стабильных государств, в том числе и пенсионеры, заполняют места отдыха по всему миру и широко пользуются возможностями туристических поездок в другие страны, 70% россиян проводят свой отпуск на своих дачах в садовых товариществах или своем подсобном хозяйстве.

Социальное неравенство проникает и в сферу культуры, так как возросшая дороговизна посещения театров, концертных мероприятий и даже музеев ограничивает возможности значительного числа бедных россиян пользования и этими благами.

Рост конфликтогенности

Реальные процессы, происходящие в нестабильных обществах, демонстрируют еще одну важную травмирующую особенность: они становятся *конфликтными*, остро, не всегда адекватно реагирующими на происходящее в жизни.

На наш взгляд, можно утверждать, что в современном мире, и особенно в обществах травмы, *на первый план вышли не социально-классовые, а этнонациональные и конфессиональные конфликты или условия, их провоцирующие.*

Что касается этнонациональной напряженности, то она бурно проявила себя в преддверии распада СССР, а потом и в новой России. Катастрофа СССР происходила в условиях массового взлета националистических настроений практически во всех республиках. Особенно наглядно она проявилась в кровопролитных этнических побоищах в Азербайджане и Нагорном Карабахе, в Фергане. Этнические противоречия обострились в республиках Поволжья, особенно в Татарстане, на Северном Кавказе, частично в Якутии и Туве. Характерно, что идеи национальной исключительности, особенных страниц развития своих наций популяризировались среди так называемой титульной интеллигенции. Наглядным примером (который почему-то нередко забывают) явился отказ ряда республик – Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Молдовы, Армении участвовать в голосовании 17 марта 1991 г. на референдуме о сохранении Союза ССР [Сухомлинов, 2016]. Именно русские националисты и их напарники из ряда союзных республик спровоцировали дальнейший ход событий, приведших к распаду великой державы.

В новой России эти этнонациональные конфликты дошли до вооруженных столкновений, вершиной которых стали две вой-

ны в Чечне, а также в организации вооруженных формирований в ряде северокавказских республик. Татарстан приобрел фактически облик самостоятельного государства. Многие бывшие автономные республики в своих конституциях провозгласили суверенитет, который нарушал единство России и превращал ее в некий конгломерат, ведущий к ее распаду.

Несколько позже возникли и конфессиональные конфликты. Показателен пример Чечни. Начавшись как борьба за национальную независимость и национальный суверенитет этот конфликт, а затем и война, постепенно стал приобретать мусульманское обличье. На вооружение были взяты догмы и каноны ислама, что привело к привлечению и участию в этом конфликте немалого числа мусульманских экстремистов со всего мира (подробнее см. [Тишков, 2001; Тишков, 2013]).

Выяснение напряженных конфессиональных отношений между православными и мусульманами произошло и в ряде приволжских республик. Они сопровождались различного рода разборками, а иногда даже сожжением храмов — церквей и мечетей. Эта ситуация осложнялась еще и тем, что многие религиозные иерархи рвались во власть или быть «прислоненными» к ней в том или ином виде, а власть сочла не только возможным, но и необходимым опираться на религиозные органы, что привело к серьезной деформации как государственных, так и конфессиональных отношений, превращая государство в подобие теократии (см. подробнее: [Тощенко, 2003]).

Но выход на первый план этнонациональных и конфессиональных конфликтов отнюдь не означает, что из общественного пространства ушли *социальные конфликты*, которые в ряде случаев приобретали и политический оттенок. После провозглашения рыночных реформ россияне долгие годы жили ожиданием того, что негативные процессы будут обузданы, что новые перемены обязательно сделают жизнь лучше, что обещанные преобразования серьезно улучшат благосостояние людей и обеспечат уверенность в будущем. Но шли годы и вместо позитивных сдвигов они получили не только отказ от прошлого, но и оскорбительную для них ситуацию, сопровождающуюся обогащением причастных к власти людей и массовым обнищанием народа. Тем самым создавались условия, когда пассивное ожидание перемен перерастает в активный общественный протест, который далеко не всегда приводит к власти силы, ратующие за интересы народа.

Общественному сознанию в травмированных странах во все большей мере становится присущей и такая характеристика, как *критичность, вплоть до непримиримости к существующему строю, иным взглядам и идеям*. Люди не желают мириться с бедностью, коррупцией, хищениями, преступностью, существование которых многие политики пытаются объяснить объективными причинами. В этих условиях продолжает оставаться высоким уровень отвержения осуществленных и предлагаемых преобразований в экономической и социальной жизни. При восхвалении и оправдании псевдорыночных преобразований, при торжестве коррупционных схем и теневых (криминальных) социальных практик не уменьшается и даже растут негативные оценки социально-экономической ситуации, ее последствий для общественной и личной жизни. А так как эти негативные оценки не сиюминутны, а поддерживаются в течение длительного времени, то это приводит к тому, что растут различного рода недовольства, что проявляется и в действиях людей — против ущербной избирательной системы, политики в сфере ЖКХ, постоянного роста цен, экологических и градостроительных нарушений и других актов ущемления нормального жизнеустройства людей (см.: [Бузгалин, Колганов, 2019; Горшков, 2017]).

Анализ травм общественного развития позволяет сделать еще один вывод — в этих противоречивых, турбулентных условиях резко увеличивают свой вес и свое воздействие на общество различные амбициозные и реваншистские силы, рвущиеся к власти, для которых два основных ориентира — рынок и демократия — являются лишь прикрытием для достижения эгоистических групповых целей.

Из травмирующих условий следует отметить еще и тот факт, что продуктом систематического обмана, резко изменившихся условий жизни стали такие черты общественного сознания и социальных практик, которые невозможно игнорировать при оценке состояния и тенденций развития общества — *увеличение влияния изоляционизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости.*

Потеря управляемости

В конце 1990-х гг. на финише правления Ельцина перед Россией остро стал вопрос — не ожидает ли ее судьба СССР? Разрушительность управления появилась не только в потере всякого влияния

на экономику, но и в росте политических амбиций руководителей национальных республик и многих краев и областей.

Гибельность этого курса, причин этой катастрофы была оценена и официальными лицами. «Я не буду, – говорил президент России В. Путин во время общения с россиянами по “Прямой линии” в июне 2019 г., – называть бандой тех людей, которые были у руля в 90-х гг., но хочу отметить, что за это время у нас полностью развалились социальная сфера, промышленность, оборонка..., мы практически развалили Вооруженные Силы, довели страну до гражданской войны, до кровопролития на Кавказе и поставили страну на грань утраты суверенитета и развала – надо прямо об этом сказать» [Путин, 2019. 21 июня].

Поэтому создание властной вертикали – образование 8 федеральных округов – было нацелено на преодоление этой опасности. Была осуществлена политика равноудаленности олигархов от власти. Произошло снятие «суверенитетов», которые были записаны в Конституциях или Положениях национальных республик. Сокращены безбрежные полномочия губернаторов. Осуществлена попытка устранения ложной демократии в виде существования (явного или мнимого) двух сотен партий и движений.

Но на управляемость в России стали действовать иные, не менее разрушительные и губительные для судьбы России факторы. Властная вертикаль начала походить на ручное управление, когда только по воле или решению президента осуществлялись многие мероприятия, имеющие общероссийское значение. С.Ю. Глазьев отмечает: «У нас в силу отсутствия системной политики экономического развития Президент вынужден брать на себя управление – решение главных экономических проблем в режиме собственных поручений. И министр у нас в итоге работает по поручениям. Вот есть поручение построить Крымский мост. Мы его построим, даже не сомневаюсь. Есть президентское поручение по модернизации оборонно-промышленного комплекса. Блестяще. Оно выполняется, все идет хорошо. Там, где у Президента не хватает времени заниматься решением – проблем же бесконечное количество, идет вот такое вот расслабление. Потому что нет системного подхода. И в итоге ЦБ сам по себе, госбанки – сами по себе, кредитная система перестала работать, министры отвечают за задачи, которые нельзя не решать, потому что за ними идет президентский контроль. Экономика на распутье» [Глазьев, 2017].

Отсутствие стратегии, долгосрочного плана и даже «дорожной карты» заменяется отдельными, пусть и важными, проектами. Но

на их дороге стоят многочисленные препоны и преграды главным образом правового характера. Так, подсчитано, что к бизнесу предъявляют слишком много обязательных требований: их деятельность регламентирует более 9 тыс. нормативных актов, превращая их в так называемую регуляторскую гильотину (В. Матвиенко). Но для наведения порядка в этом правовом поле как было объявлено, потребуется не менее года. А что, разве не было известно ранее это избыточное регулирование? Выходит, что еще нужно более одного года «благодарно» ждать российскому бизнесу и иностранным предпринимателям, какие правовые нормы излишни. Пусть подождут тоже? (см.: [Бодро, черепашьими шажками... 2019. 17 января]).

Отстраненность народа

Тревожность людей в обществах травмы имеет под собой основу, ибо они убеждены, что, как ранее существовавшая, так и существующая политическая власть не отражает позиции большинства населения, а ориентируется на интересы двух групп — государственной бюрократии и богатых слоев. Такая оценка не могла не сказаться на уменьшении доверия к политическому строю и основным политическим институтам. Анализ данных показывает, что травма начинается с негативной оценки деятельности политического руководства, многократно превышающий процент позитивных оценок [Федоров, 2005].

В политических концепциях есть такая аксиома: *«Народ нельзя обмануть. Если же это случается, то ненадолго»*. Посулы цветных или иных революций обычно сначала встречаются с одобрением и вдохновением (большинство признает, что «так жить нельзя»). Но вскоре люди довольно быстро осознавали порочность и гибельность предложенных преобразований, что вело к политической смерти многих «творцов» реформ. Это особенно наглядно проявляется по отношению к судьбе Советского Союза. И поныне, более двух третей (около 60%) сожалеют о распаде Советского Союза (напомним, что в марте 1991 г. на всесоюзном референдуме 73% проголосовавших считали, что его надо сохранить).

Травма наносится и потому, что ожидания при начале обещанных реформ в реальности не состоялись. Анализ положения в травмированном российском обществе показывает, что складывается весьма противоречивая, парадоксальная картина. С одной стороны, на первых этапах происходит рост доверия к некоторым

обещаниям и даже намечающимся преобразованиям. С другой — постепенно ухудшались оценки этих изменений с точки зрения влияния этих же параметров на жизнь людей. Особенно поразительно то, что по ряду показателей, таких как безработица и уровень благосостояния, ситуация практически не только не изменилась, а даже ухудшилась.

Данные социологических исследований характеризуют еще одну особенность травмы общества — *несовпадение интересов, ожиданий и суждений с результатами происшедших потрясений и изменений. Одновременно созревает понимание того, насколько они не коррелируют с официальными заявлениями, с осуществляемыми преобразованиями.* Травма общества проявляется и в том, что в общественном сознании растет сумятица, увеличивается парадоксальность поведения, которая позволяет людям переходить из одной позиции в другую, даже под воздействием и влиянием случайных обстоятельств. Причем, несмотря на разнообразие мировоззренческих убеждений, у всех людей есть надежда на устраивающую их стабильную жизнь в своей стране, и на позитивную оценку перспектив развития. Это наглядно демонстрирует анализ мироощущения людей, как по основополагающим проблемам, так и по проблемам повседневной жизни, которыми они руководствуются при принятии решений как текущего, так и перспективного характера [Левада, 2006].

Огромную роль в искажениях социальных отношений оказывают правовой нигилизм и злоупотребление законом. Конфликты в этой сфере часто решаются вне правового поля посредством неформальных отношений, а не на основе правовых процедур. Ситуация складывается таким образом, что люди вынуждены искать неформальные способы поведения, не противоречащие формальным нормам [Дезерт, 2015: 144].

Особо надо отметить, что с конца 2010-х гг., примерно с 2017—2018 гг. россияне предпочитают слушать не о внешней политике, о международных делах — их заботят внутренние проблемы и хотят знать ответы на такие вопросы. Если Россия великая и богатая страна, то почему народ стал таким бедным? И если все в России делается для людей, то почему люди бесправны, не могут повлиять на происходящее в государстве? К этому можно добавить сказанное устами Д. Пескова, что народ плохо понимает смысл даже таких усилий государства как национальные проекты. Логика современного развития страны требует поиска новых форм общения с народом. Так как даже такая форма, как вопросы к президенту накануне его прямой линии показала уменьшение их с 2 млн

в 2018 г. до 1,5 млн в 2019 г. А между тем рождаются и крепнут такие малые формы алеаторной демократии как гражданские ассамблеи, ячейки по решению непосредственных проблем, местные парламенты, регулярные сходы, решение вопросов по жребию и т.д., что ставит перед государством вопрос о необходимости самым пристальным образом обратить внимание на эти рождающиеся формы непосредственной демократии [Руденко, 2019. 17 июня].

Очевидно, что после турбулентных событий в России в конце XX — начале XXI в., после ожидания позитивных сдвигов происходили нежелательные, неприемлемые для населения негативные изменения — расхищение национального богатства и сосредоточение его в руках сравнительно небольшой группы лиц, рост коррупции, безработица, раскол общества на бедных и богатых, приоритет наживы, потеря возможности социальной защиты, несоблюдение принципов справедливости. Общественному сознанию в этих странах, в том числе и в России, была нанесена колоссальная травма, ибо в этой ситуации произошла потеря прежних ориентиров, а новые не могли сформироваться [Сомов, 2015]. Эта ситуация порождает апатию, которая охватывает значительное число россиян и приводит к их явному или скрытому отказу от участия в созидательной деятельности. Поэтому, на наш взгляд, нельзя согласиться с утверждением, апеллируя к авторитету Й. Шумпетера, что Россия, как и весь мир, «переживает очередной этап созидательного (!?) разрушения» (цит. по: [Делягин, 2014: 22]).

Литература

- Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1.
- Анисимов Р.И. Трансформация экономической составляющей жизненного мира (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016. С. 51–68.
- Бабурин С.Н. Возвращение русского консерватизма / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. Мифология управления. Политика министерства vs. политика вузов: динамика противостояния // Российская полития. 2014. № 1 (72). С. 22–46.
- Бодро, черепашьями шажками, к технологическому рывку // Независимая газета. 2019. 17 января.

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформация социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
- Бутрин Д. Тишина любит деньги. Наличие сбережений в России уменьшает инфляционные ожидания, но не в кризис // Коммерсантъ. 2019. 25 июня.
- Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
- Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжение социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017.
- Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации: монография / под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Дезерт М. Использование законов в трудовых отношениях // Мир России. 2015. Т. 24. № 1. С. 136–144.
- Делягин М. Преодоление либеральной чумы. Почему и как мы победим. М.: Книжный мир, 2015.
- Димано С.Л., Левичева В.Ф. Люди и нормы: институты vs неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018.
- Дузин А.Г. Геополитика России. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2012.
- Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Параллель, 2010.
- Кива А.В. Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее // Социологические исследования. 2012. № 6.
- Кива А.В. Как понимают национальные интересы в Китае и России // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 157–166.
- Кизима М., Кизима С. Что опыт Беларуси может дать России? // Телескоп. 2019. 30 августа.
- Комраков А. Отечественное здравоохранение оторвалось от населения // Независимая газета. 2019. 27 мая.
- Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.
- Леднев В.П. Конвергенция «народного капитализма» и социализма как основа современной национальной безопасности. 2017 // <http://oboznik.ru/?p=43680>
- Лукьянов Ф. Дом, который построил кто? Россия и мир вступили в эпоху неопределенности: прежние механизмы не работают, новые не созданы, четких представлений о будущем никакого нет // Огонек. 2018. № 49. 24 декабря.
- Назарбаев Н.А. Евразийские интеграционные инициативы // Евразийский юридический журнал. 2013. № 5.
- Нормальная аномия» в России и современном мире / Н.Н. Зарубина и др.; под общ. ред. С.А. Кравченко. М., 2017.
- Покида А., Зыбуновская Н. Социальная несправедливость остается ключевой проблемой // Независимая газета. 2019. 17 сентября.

- Путин В.В.* Речь по «Прямой линии» // Независимая газета. 2019. 21 июня.
- Руденко В.* Забор раздора // Поиск. 2019. 17 июня. № 23–24.
- Ситников А.* Скандинавский социализм: за что его ненавидят либералы // Свободная пресса. 2016. 24 марта.
- Соловьева О.* Три выходных дня в неделю помогут ускорить экономику КНР // Независимая газета. 2019. № 6.
- Сомов В.А.* Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 12–20.
- Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения: колл. монография / под ред. М.К. Горшкова, Ли Пейлиня, П.М. Козыревой, Н.Е. Тихоновой. М.: Новый Хронограф, 2018.
- Стэндинг Г. Прекариат – новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
- Сухомлинов В.* Кто не хотел уходить? // Литературная газета. 2016. № 10–11. 17–23 марта.
- Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: этнография Чеченской войны. М.: Наука, 2001.
- Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тощенко Ж.Т.* Теократия: Фантом или реальность? М., 2003.
- Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу: монография. М.: Наука, 2018.
- Федоров В.В.* Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М., 2010.
- Шаповалов А.* В России рассмотрели обычную экономику. Политика приносит в нее больше волатильности, чем цена нефти // Коммерсантъ. 2019. 25 июня.
- Щекотин Е.В.* Социальное управление в турбулентном обществе: вопросы безопасности и риска // Социум и власть. 2016. №1 (57). С. 87–96.
- Эстулин Д.* Трансэволюция. Эпоха разрушения человека / пер. с англ. П. Самсонова. М., 2015.
- Alexander J.C.* Trauma. A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Brandal N., Bratberg Q., Thorsen D.E.* The Nordic Model of Social Democracy. Palgrave Macmillan, 2013.
- Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Глава 13. Общество травмы вечно?

Опыт анализа политических действий в условиях нестабильного развития в России

Анализ траектории развития всех неустойчивых, нестабильных и травмированных обществ показывает, что их всех объединяет раскол, раздвоение, крайняя степень противоречивости и конфликтности. Травмированность общества возникает тогда, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом» [Штомпка, 2001: 8].

В то же время несомненно, что общества травмы не могут быть вечными — при определенных обстоятельствах они должны выйти из этого состояния.

Каким видится этот выход в применении к России?

Свергнув советский политический строй и обвинив его в стагнации, новая российская власть под руководством Ельцина была полна радужных надежд на быстрое решение проблем, которые, как пообещало либеральное правительство, можно решить быстро, оперативно и эффективно. Начав убежденно разрушать все, что осталось от советской державы, либералы устами Ельцина говорили: уже к декабрю 1992 г. добьются успешного функционирования экономики и получат результаты, которые они обещали в период борьбы с КПСС. Но к декабрю 1992 г. было достигнуто одно — 2000-процентная инфляция, массовое закрытие производств, резкое снижение уровня жизни. Началось непрерывное падение ВВП.

У новой властной команды не было никакой программы действий, кроме одной единственной цели — захватить власть. Вместо того чтобы преодолеть неопределенность в развитии, сформулировать стратегическое видение — *что и как* все же должна строиться Россия, их действия были заменены стихийно осуществляемыми мерами в рамках концепции монетаризма. Для оправда-

ния своей деятельности размахивали постоянно повторяющимися декларациями — надо осуществить рыночные реформы, надо «построить рыночное общество», стоит только немного потерпеть и все устроится.

За все 1990-е гг. лозунг «рука рынка решит все» был конкретизирован и затем воплощен в таких акциях, как приватизация с ее спутниками — девальвацией рубля, реформой цен, залоговыми аукционами и другими актами по ликвидации всего советского наследия. Как показало время, эти меры не вывели Россию на новые рубежи, а привели к созданию олигархического капитализма, а затем к дефолту 1998 г., т.е к признанию безоговорочного краха всех предпринятых реформ. Россия получила страну, в которой был осуществлен полнейшей разгром национального хозяйства, чей ВВП упал более чем в 2 раза по сравнению с советской Россией. Эти «достижения» ельцинской России сравнивают с потерями в период Великой Отечественной войны, превзошедших их по масштабу и по последствиям. И поэтому не удивителен результат рыночных реформ в 1990-е гг. Ельцин, ушедши с поста президента, оставил Россию разграбленной, разоренной, стремительно идущей к развалу и потере самостоятельности. Эта «геополитическая катастрофа» (В.В. Путин), которая привела к гибели Советского Союза, ввергла российское общество в бесконечную серию потерь и лишений вместо обещанного удовлетворения жизненных возможностей. Проводимые либералами рыночные реформы достаточно быстро показали, что они были плохо продуманы, базировались на попытках слепого копирования практики развития других стран, а также на некоторых умозрительных заключениях, фанатами которых стали «творцы» российских преобразований в духе монетаристских теорий.

Получив Россию в таком состоянии, Путин и его команда начали исправлять допущенные стратегические ошибки, искать пути выхода из создавшегося положения. В 2000-е гг. неоднократно предпринимались шаги по выходу на новые рубежи экономического и социального развития. Сначала это были в основном меры политического характера: ограничение влияния олигархов на государственную политику, обуздание губернаторской вольницы, создание жесткой властной вертикали.

Но помимо политических мер требовалось решение кардинальных социально-экономических проблем. На первых порах они были связаны с пожеланием Путина в начале 2000-х гг. удвоить ВВП. Но требовалась детализация этого намерения, конкрети-

зация, определенные меры по их реализации. Такие меры скорее нашли отражение в национальных проектах развития здравоохранения, сельского хозяйства, образования, провозглашенных Д. Медведевым, приведшие его в 2008 г. к посту президента, но оказавшиеся несостоятельными и теперь всеми забытыми.

Потом была выдвинута, разрекламирована программа четырех И – Институты, Инфраструктура, Инновации и Инвестиции, которых постигла такая же участь – они также ничего не дали стране, так как решали хотя и важный, но ограниченный круг проблем. Их ограниченность и малопродуманность не обеспечили решение стратегических задач, что наглядно показал мировой кризис 2008 г., когда Россия потеряла больше всех стран – падение ВВП на 9,5%.

Поэтому вполне логично начался поиск новых средств и методов решения насущных перспективных и текущих задач национальной экономики, социальной и духовно-культурной сферы. Этот поиск вылился в указы президента в мае 2012 г., с попыткой решить основные проблемы развития российского общества. Но они оказались не выполненными. Когда обсуждалось выполнение майских указов 2012 г., глава Общероссийского народного фронта А. Анисимов заявил, что 35 поручений президента не выполнены, а 100 – лишь частично. При этом, стараясь их выполнить, многие субъекты управления тратили на это средства развития, да еще залезли в долги, что оценивалось в 2 трлн руб. (цит. по: [Кива, 2019]). По утверждению многих экспертов, такое отношение к указам президента скорее было похоже на массовое игнорирование.

В настоящее время предпринята новая попытка решить так и нерешенные проблемы. Согласно указам президента 2018 г. было разработано 12 национальных проектов, а также 350 инкубаторских бизнес-проектов, предложенных Агентством стратегических инициатив [Н.Г. 2019. № 6].

Но, не успев по большому счету начать их реализацию, и исполнители, и аналитики бьют тревогу, ставя под сомнение успешность намеченных планов. Аналогична и судьба отдельных проектов, которые периодически возникают и исчезают, как, например, инфраструктурная ипотека, как новый и чуть ли не основной драйвер экономического роста. Предполагалось, «чтобы обеспечить опережающие темпы роста экономики, нам нужно значительно увеличить вложения в транспорт, энергетику, связь, другую инфраструктуру» – говорил в 2017 г. В. Путин на Петербургском экономическом форуме. А в 2019 г. Министерство экономики заявило,

что этот проект закрыт, так не была доказана его целесообразность в виду отсутствия средств у государства и нежелания бизнеса инвестировать его (цит. по: [Независимая газета. 2019. 10 июля]).

Таким образом, в реальности реализовывались и выполнялись отдельные программы, специальные проекты, подпрограммы, и не всегда в целом по России, а иногда по специальным мероприятиям, а также по отдельным регионам и некоторым отраслям производства. И нет объединяющей концепции. В результате высказываются тревожные оценки о том, что многие из намеченных проектов по достижению существенных сдвигов не будут выполнены. Но не только дело в невыполнении. То, что предлагается, — это паллиативы. Они не могут заменить стратегическое индикативное планирование, которое, например, не только во Франции и в Германии, но в бывшей долгие годы нестабильной стране как Китай, реализуется в виде сформированной долгосрочной и последовательной национальной стратегии развития.

Особенно поучителен опыт Китая, превратившего длительный период нестабильного и травмированного состояния и нашедшего эффективные пути решения стратегических проблем своего социально-экономического развития. Как показывает его опыт, одним из важнейших компонентов (средств) реализации является плановое развитие в тесной связи с рыночными отношениями, что привело к впечатляющим сдвигам в социально-экономической жизни страны.

Напомним предысторию этого процесса. В 1960–1970-е гг. в Китае не было политической ясности и четкости в определении стратегии социально-экономического развития, что недаром, хотя и не совсем точно, было в принципе верно названо «периодом застоя». После смерти Мао Цзэдуна началось успешное осуществление преобразований на принципиально новых основаниях. Оно было связано с решением главным образом внутренних социальных проблем, с реализацией политики консолидации общества. Творец возрождения и стремительного развития страны Дэн Сяопин учил своих сторонников: чтобы выполнить стратегию развития страны, надо сосредоточить внимание на внутреннем ее развитии, свертывая активную внешнюю политику, пока не будут решены фундаментальные вопросы социально-экономического характера, и пока страна не станет экономически сильной. Нужно сказать, что не все было гладко на этом пути. Было и испытание этой политики, особенно в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь, когда молодежь вышла с требованиями ликвидировать однопартийность,

освободить политзаключенных, улучшить ситуацию с правами человека, покончить с коррупцией. После продолжительного противостояния требования бастующих были отвергнуты и их выступления были подавлены вооруженными силами.

Но эти драматические события не повлияли на изменение стратегии, она оставалась неизменной, но недогматической. Опыт Китая показал, что для преодоления ошибок и просчетов политики Мао Цзэдуна был осуществлен не просто набор неких изолированных друг от друга мер, а целый комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых объективных и субъективных акций — экономических, политических, идеологических и многих других. Заимствуя, но, не повторяя опыт Госплана СССР с его мелочной регламентацией процессов развития материального производства, Китай успешно соединил и сочетал планирование с рыночной экономикой. Значительную, если не первостепенную роль в успехе Китая сыграла идеология, понятная и принятая народом цель — построить в Китае «общество среднего достатка». Все эти достижения связываются с именем Дэн Сяопина, что послужило основанием назвать его идеи по развитию Китая теорией, а его имя записать в обновленный Устав Компартии (подробнее см.: [Кухта, 2016; Марченко, 2019: 29]).

Интересно отметить, что в СССР, в период перестройки появился шанс в самом деле определиться с перспективами развития с учетом очевидных успехов социалистического Китая после многих лет его травмированного существования. Однако Горбачев, который посетил Китай во время событий на площади Тяньаньмэнь увидел только негативный опыт, закрыв глаза на то, что китайский путь демонстрировал большие успехи по преобразованию страны. По воспоминаниям участника делегации Ю.А. Тавровского, после знакомства и встреч с китайским руководством он заявил: «Вот тут некоторые из присутствующих подбрасывали идею пойти китайским путем. Мы сегодня видели, куда ведет этот путь. Я не хочу, чтобы Красная площадь походила на площадь Тяньаньмэнь». Но «автор перестройки еще не знал, что в Пекине он узрел “воспоминания о будущем”», что он станет очевидцем того, что «на Красную площадь и другие площади Москвы тоже выйдут неконтролируемые толпы, что он сам, подобно Чжао Цзяюаню, будет лишен власти и окажется фактически под арестом». По мнению Тавровского, именно тогда решалась судьба не только Китая, но и Советского Союза. Оказавшись на перекрестке направлений развития, Горбачев круто отвернул от возможного указателя с надписью «Китай-

ский путь» [Тавровский, 2019]. Именно проявление в критических ситуациях политической воли может (и должно) стать средством решения стратегических задач развития.

На наш взгляд, исходя из опыта Китая, для избрания верного вектора развития не хватило мудрости ни советскому, ни российскому руководству. Иначе говоря, этот опыт показывает, что в стратегии его развития выражена суть исходной базы успешных преобразований, позволяющих выйти из травмированного состояния — решение социальных проблем и стремление к реализации такой важнейшей цели, как социальная консолидация общества, что благотворно сказалось на решении как экономических, так и политических проблем.

Научные и экспертные идеи о преодолении стагнации и рецессии

Продолжающееся длительное травмированное состояние России не могло не затронуть общественную и научную мысль, что послужило основанием для выработки различного рода предложений, концепций, программ по выходу страны с такого длительного пребывания в кризисном состоянии, в стагнации и даже рецессии. В данном случае мы остановимся на тех попытках выработать программы действий, в которых, на наш взгляд, содержатся взвешенные, продуманные предложения по решению насущных социально-экономических проблем.

Размышляя над путями выхода из травмированного состояния, академик А.Г. Аганбегян пишет: «Главными источниками *социально-экономического роста* являются ... инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, а точнее — в сферу “экономики знаний” (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) как его главную составную часть. При этом инвестиции играют двойственную роль в обеспечении экономического роста: вначале осуществления они вызывают активизацию экономической деятельности, а затем, обычно через 3–5 лет, экономика получает новый стимул к росту производства товаров и услуг на базе вновь созданных». Что касается развития образования и здравоохранения, которые «в годы стагнации и рецессии снизились в реальном выражении, то их темпы должны быть повышены с планируемых 4 до 7–8% ВВП [Аганбегян, 2019: 3, 14].

Другие эксперты сосредоточили внимание на необходимости использования в государственной экономической политике такого механизма управления как планирование, апробированного в Советском Союзе. Во многих западноевропейских странах оно вошло в практику под названием как «индикативное планирование», которое успешно использовалось в послевоенной Европе. Хорошо известен «план Моне» (1947–1953 гг.) во Франции, целью которого было восстановление разрушенной промышленности, увеличение объемов производства [Сокольников, 2013].

В современной России много сторонников концепции индикативного планирования. Причем ее поддерживают не только ученые, но и успешные предприниматели. Примечательны в этом отношении слова К. Бабкина, зам. председателя Торгово-промышленной палаты, руководителя крупнейшего объединения производителей сельхозмашин «Ростсельмаш»: «Никогда не бывает чистого капитализма, чистого социализма. Нужно сочетание этих форм человеческого общежития. Сегодня нам категорически не хватает демократии, справедливого распределения общественных благ, доступа к образованию, к качественной медицине. В наше общество надо снова “подмешать” социализм. Но в то же время нам необходим и капитализм, который мы понимаем не как власть олигархов, а как свободу предпринимательства, частную собственность. Частной инициативе и бизнесу принадлежит важнейшая роль! Но они не заменят серьезного стратегического планирования развития отраслей и регионов, инфраструктуры и социальной среды. В идеале государство, бизнес и общество должны работать как единый механизм» [Бабкин, 2019].

По мнению С.Ю. Глазьева, в глобальном масштабе шестой технологический уклад является материальной основой смены имперского мирохозяйственного уклада интегральным, наиболее успешно и последовательно реализуемым из числа развивающихся стран в КНР. Он обосновывает содержание «рывка в будущее», гарантирующего стране инновационное лидерство, гарантом чего из семи возможных вариантов ближайшего будущего России им признается тот, который будет воплощен в «российско-китайском стратегическом партнерстве» [Глазьев, 2018: 260].

Значительный теоретический и прикладной интерес представляет концепция ноономики, которая успешно осуществляет попытку на основе имеющегося позитивного исторического опыта объединить наиболее значимые для успешного развития факторы развития, предложив оригинальную модель успешного

преобразования общества, основанного на приоритетном развитии «знаниеемкого производства». Ноономика означает «прежде всего качественные изменения в технологиях, постоянный и регулярный прогноз тенденций развития технологий и их внедрение в экономические и социальные процессы... Постепенно приходит понимание того, что человечество стоит на грани рождения качественно нового материального производства, основанного на интеграции НБИКС-технологий» [Бодрунов, 2016; 2018].

На вызов времени сформулировали свое видение и представители социалистической мысли, которые видят преобразования на основе возвращения народу прав по распоряжению (владению, использованию и распределению) национального богатства страны [Зюганов, 2019].

На повестку дня, даже у сторонников понимания роли глобальных тенденций, стали на первый план выходить национальные интересы, проблемы российской идентичности. Это нашло отражение в том факте, что общественное сознание во многих странах мира во все большей мере стало ориентироваться на национальные интересы, считая, что абсолютизация глобализма принесла угрозу таким ценностям народа как семья, патриотизм, традиции, нравственные обычаи [Работяжев, 2019. 4 июня]. Именно этим можно объяснить получение определенной общественной поддержки национал-консерватизма, что проявилось в появлении и укреплении правых партий, национал-популистов и евроскептиков.

Говоря об истоках кризиса, С.Ю. Глазьев сосредоточил внимание на том, что причины резкой деградации российской экономики целиком лежат в сфере управления хозяйством, сложившейся в результате реформ. В отличие от либеральной доктрины, не требующей от управленцев ничего, кроме красивых фраз и навязчивого «пиара», политика развития невозможна без научно обоснованных решений, квалифицированного менеджмента, ответственной и творчески активной бюрократии. Следует признать, что неэффективность сформировавшейся в России структуры управления хозяйством и коррумпированность бюрократии несовместимы с требованиями инновационной экономики. Последняя нуждается в высококвалифицированном и прозрачном регулировании, требующем от госчиновников и менеджеров творческого подхода и добросовестного отношения к делу [Глазьев, 2018: 29].

Фактически этот постулат уже задолго до этого неоднократно доказывался и в научном и экспертном сообществе. «Нынешний наш экономический кризис — полностью рукотворный» [Гринберг, 2015].

Эти идеи коррелируют с выводами известного американского экономиста Дж. Гэлбрейта, который не только настаивал на том, как отгородиться от превратностей рынка, но и ратовал за создание государственного планового органа. Он, по его мнению, в свою очередь, должен находиться под строгим надзором со стороны законодательных органов, так как именно здесь встретятся самые трудные из проблем общественной компетенции. По его мнению, требуется планирование, которое отражает не интересы плановых органов, а общественные интересы [Гэлбрейт, 2004].

По мнению Н.И. Лапина, для выхода из общества травмы нужен комплекс мер, охватывающий, все основные компоненты модернизации — технико-технологические, социально-экономические, социокультурные и институционно-регулятивные [Лапин, 2016]. Особое внимание он уделял социальным аспектам модернизации, осуществлению и использованию инноваций.

Как видно, большинство высказанных предложений считают, что исходной точкой отсчета для преодоления травмированного развития общества является обеспечение органического соединения экономических и социальных отношений, что нередко провозглашается, но никак или слабо реализуется. В большинстве случаев отсутствие сбалансированного, научнообоснованного развития и системного управления этими двумя основными сферами общества ведет к хаотичному, турбулентному развитию. Ведь чтобы добиться успешного решения задачи по выходу из состояния общества травмы, то, по образному выражению президента РАН А. Сергеева, необходимо «связать как спираль ДНК социальную и экономическую траекторию развития России» [Сергеев А., 2019. 24 мая].

Где же выход?

Общий вывод, который необходимо сделать, что *общество травмы не вечно, оно не может продолжаться бесконечно*. Эта форма его существования обязательно прервется или очередным революционным взрывом или найдет в себе силы и возможности для ненасильственной реализации логики развития и успешного существования общества. И если уповать на возможность мирного, эволюционного развития, то нужно сделать следующие выводы.

Если обобщить предложения социально ориентированной научной и экспертной мысли и на основе анализа опыта других стран,

вышедших из состояния нестабильного развития, длительной стагнации и даже рецессии, то можно сделать некоторые выводы.

Вывод первый. Преодоление травмированности общества, прежде всего, предполагает четкое и однозначное *определение стратегической цели развития и средств ее достижения*, тем более что нынешнее состояние общества по практически единодушному мнению экспертов (да и не только их) приводит к заключению о необходимости коренной смены социально-экономического курса правительства. Такая стратегия должна найти отражение не только в государственных документах, но и стать частью общественного сознания, понимания людьми, к чему в перспективе стремится и чего желает добиться (получить) население страны. Более того, эта цель неминуемо призвана приобрести форму идеологии, духовно-нравственного обеспечения, чтобы, по крайней мере, большинству населения страны было ясно, какое общество его ожидает в будущем.

А это самым непосредственным образом связано с существованием идеологии Российского государства и российского общества, которая должна строиться на основе главных общественных устремлений россиян. Провозглашение этих ориентиров на официальном уровне должно сочетаться (и быть понятным людям) — в каком направлении будут происходить грядущие изменения, как они скажутся на жизни людей и насколько они кардинально повлияют на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику их будущего жизненного мира. Это можно проследить на оценке изменений, происшедших в жизненных целях, имеющих наибольшую ценность для человека и его деятельности в основных сферах российского общества — социальной, экономической, политической и духовной.

Именно четкость и определенность стратегических целей позволили Китаю, Японии, Республике Корея прервать травмированное и неопределенное свое развитие и выйти на рубежи одобрения и поддержки не только официальных структур, но и всего населения.

Иначе говоря, государственная идеология должна быть направлена на обеспечение социальной консолидации общества, которую можно достичь только в том случае, если стратегические цели развития будут конструироваться не только «сверху», а и «снизу», с непосредственным участием народа, с учетом его ценностных ориентаций и установок. А что это означает на современном этапе развития российского общества? Социологические исследования

показывают, что *народ желает установления социальной справедливости, стабильного социального положения и устойчивого гарантированного будущего, а также понять, какое общество строится в России.*

Что касается *социальной справедливости*, то она понимается людьми по-разному, в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в сознании людей существует много представлений — и самых разных — о справедливости. Общим является то, как человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, *какое мироощущение* формируется у него при взаимодействии с той организацией, в которой он работает, учится или периодически контактирует, а также тем, с кем он непосредственно общается в повседневной жизни.

На наш взгляд, это субъективная нацеленность людей, которая стала ведущей в структуре их ориентаций, должна стать той идеей общенациональной идеологии, которая понятна, желаемая и убедительна для большинства, и полностью бы совпадала как в официальном, так и в сугубо личном плане.

Не менее показательна такая характеристика, как *социальная защищенность*, которая выражена во многих значениях — как устойчивое социальное положение, личное благополучие и безопасность. И здесь дела обстоят не так благоприятно, как этого бы хотелось: отсутствие личной безопасности тревожит 90,2% людей [Жизненный мир... 2016: 37]. А это значит, что человек измеряет ее состояние там, где он живет и работает, а не в каком-то глобальном масштабе. Поэтому, хотя центр обеспечения этой безопасности лежит в основном на уровне регионального и муниципального управления, ее гарантии все же призваны дать государственно-правовые органы, обеспечив право гражданина на существование без опасения за свою жизнь и обеспеченную устойчивость трудовой и повседневной жизни.

Наконец, в основе определяющих жизненных ориентаций россиян прямо или косвенно *фигурирует желание понять — а какое же будущее им гарантировано.* Заявленная норма в Конституции РФ — что это социальное государство, мало кого убеждает, так как оно определяется очень расплывчато и мало понятно для большинства людей. Или оно трактуется очень произвольно. В этой связи стоит обратить внимание на то, что выявлено устойчивое стремление 55% россиян жить в стабильном обществе. Это желание целесообразно сравнить с тем, а как оценивают ситуацию в России в настоящее время, т.е. реальное, а не проектируемое ее положение. Исследо-

вание показало, что существуют две противостоящие друг другу позиции, образуя антиномичную характеристику: 39,8% оценивают эту ситуацию как обычную и 6,6% – как благоприятную при 36,6% оценивающих ее как кризисную плюс 5,3% оценивающих ее как катастрофическую. Раскол общественного сознания налицо, когда в нем присутствуют взаимоисключающие смыслы. И каждая группа носителей этих смыслов имеет убедительные аргументы, чтобы доказать свою правоту и свою оценку [Жизненный мир..., 2016: 37–38].

В идеологическом преодолении травмированности в мировоззрении россиян продолжает занимать значительное место признание значимости России в современном мире, может сыграть практически единодушная поддержка населением не только нового внешнеполитического, но и принципиально нового внутриполитического курса. По данным всероссийского исследования 2014 г., 47,2% заявляли о своем желании, чтобы Россия возвратилась к статусу великой державы, а 63,2% ратуют за соблюдение в стране справедливости, равных прав для всех [Жизненный мир россиян..., 2016: 364].

Так как очень часто в выступлениях политиков и некоторых аналитиков звучат слова о России как демократическом государстве, то важно эти слова соотносить с суждениями населения страны. А реальность такова, что почти одна треть (29,3%) не удовлетворена, и 55,7% – частично удовлетворены ее состоянием в России [Жизненный мир..., 2016: 358]. Это значительно меньше того, что было в общественном сознании в начале 1990-х гг., когда демократичность развития признавалась большинством, за нее ратовало большинство населения, была лозунгом и ориентиром для тех, кто жаждал позитивных изменений и отвергал советское ее понимание. Но как показывают данные, достижение этого смысла оказалось далеко не таким, как ожидалось.

Вывод второй. Успешное развитие может быть достигнутым, если в этих преобразованиях активно участвует наука. Это осознается всеми – и официальными структурами и самой наукой. Однако применяемые средства и пути привлечения науки к решению как стратегических, так и текущих проблем наталкивается на ущербные способы ее использования. Помимо низкого уровня финансирования на отвлеченность науки от решения проблем развития показывает пример фактического разгрома Российской академии наук, массового закрытия отраслевой науки, попытки решать проблемы науки без участия самих ученых. Сомнительную

роль в этом упадке роли и значения науки играют и те политики-ученые, которые работают в рамках неолиберальной парадигмы и особенно тогда, когда они имеют реальную возможность влиять на принятие политических решений. В результате появляются законы, которые никак не согласованы и не обсуждены с теми, кто должен их реализовывать. В рамках этих непродуманных решений был создан дорогостоящий проект Сколково, который, по мнению наших соотечественников, лауреатов Нобелевской премии К. Новоселова и А. Гейма, «полнейший сюрреализм» [Гейм, Новоселов, 2010. 8 октября].

К этому выводу – опоре на научное знание – примыкает и требование: чтобы выйти из травмированного состояния, предстоит мобилизация творческого потенциала народа во всех сферах общественной жизни, так как «основными мотивами общественно полезной экономической и политической жизни будут не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу» [Сорокин, 1999: 7]. Лорен Грэм, профессор Массачусетского технологического института, выступая на Петербургском экономическом форуме в мае 2016 г., предлагал то же самое, что и говорил Сорокин: нужно раскрепощение созидательных сил не только бизнеса, но и творческого потенциала возможно большего количества людей, которые олицетворяют «научный гений русских людей», а также социальные реформы, которые не только бы удовлетворяли потребности народа, но и подпитывали новые технологии в экономике [Грэм, 2016].

А этому препятствует то, что социальное устройство формировалось не на базе общественного договора, заключаемого в публично-правовом пространстве, а на основе негласного соглашения между властью и сформированным ее крупным бизнесом, с одной стороны, и наиболее расторопной на тот момент частью общества – с другой» [Лапаева, 2014: 141].

Отторжению участия народа в решении судеб своей страны служат и идеологические манипуляции, и извращения в борьбе с социалистическими идеями. Именно постоянное просвещение народа становится средством политической борьбы, но не в прежнем, советском варианте, а в условиях новых способов передачи информации – через многочисленные социальные сети.

То, что необходимо считаться с мнением народа, говорят и столкновение интересов населения, заботящегося о своих перспективных и текущих целях, и управленческого аппарата на местах, что очень ярко проявилось в массовых акциях про-

теста по экологическим проблемам (например, в Волоколамске, Балашихе, в Архангельской области) и по церковно-религиозным (вокруг Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, проекта строительства культового сооружения в Екатеринбурге).

О том, что нужно считаться с интересами народа, говорит и международный опыт. Анна-Мари Слотер, президент и генеральный директор фонда «Новая Америка» убеждена, что «люди превыше всего. Если нет этого, то рано или поздно люди свергают правительства. Технологии, способствующие трансформации социально-экономического строя внутри стран — от иерархий к сетям — дают народу больше возможностей и сил дестабилизировать политику, чем раньше» (с. 36) [Слотер, 2018. № 1: 19–36].

Вывод третий. Исходной базой успешных преобразований, позволяющих выйти из травмированного состояния, становится решение социальных проблем (занятость, доступность социальных благ, социальная защищенность, бедность), которые могут благотворно влиять на решение как макроэкономических, так и общенациональных политических проблем. Так, стало уже общепризнанным фактом принципиально важное понимание и признание того, что замедление потребительского спроса из-за изменения налоговой политики (налога на добавленную стоимость, введение новых налогов), непродуманное и поспешное решение пенсионной реформы, фактическое замораживание заработной платы и т.д., ведет к снижению темпов роста ВВП, к стагнации и нередко рецессии. Нечто подобное было присуще России в 1990-е гг., а затем после кризиса 2008–2009 гг. Планы правительства на экономический рывок к 2024 г. с целью вывести страну на 5-е место в мире по душевому ВВП, по мнению независимых экономистов, является несбыточной мечтой при теперешней экономической и социальной политике, так как Россия опять стоит на пороге крупнейшего, по их мнению, рукотворного кризиса, вступив в пятую по счету рецессию за последние четверть века [Независимая газета. 2019. 20 мая]. Это наглядно показали первые результаты начала 2019 г., когда прирост ВВП составил только 0,5% при планируемых 0,8%, которые и так беспрецедентно низки [Сергеев М., 2019. 20 мая].

В этой связи возникает масса вопросов по поводу, с одной стороны, стремления накопленные богатства направить в «кубышку», а не на развитие производства, создание материальных благ, поддержку бизнеса, с другой — огромных трат на различные дорогостоящие спортивные акции, которые никак не вписываются в эффективное развитие, хотя в известной мере влияют на имидж

страны (война в Сирии, строительство масштабных дорогостоящих спортивных сооружений и др.).

Вывод четвертый. Травма общества во многом усугубляется тем, что нет объективно влиятельных оппонирующих сил в обществе или они существенно ограничены в выражении своей позиции и находятся в пределах жестких административных ограничений. В результате нет должной политической конкуренции, следствием чего становится монополия на владение и использование государственной власти. Как показывает исторический опыт развития России — будь то царизм, советская власть или современный российский авторитаризм, абсолютное преобладание одной политической силы, одной идеологии без реальной возможности допуска к управлению государством оппонирующих сил в рамках существующего и установившегося политического режима — ведет к многочисленным просчетам при проведении необходимых социально-экономических изменений, диктуемых объективной логикой постоянного реформирования общества. Это начинают понимать и представители правящей партии «Единая Россия».

Однако реальность пока такова, что усилия политической власти направлены на сдерживание оппозиции. По-прежнему используются такие методы как спойлеры, снятие с выборов, ограничение по избранию мэров и губернаторов. Усложнена процедура выдвижения на выборы в связи с введением так называемого муниципального фильтра. Теряя популярность, представители партии «Единая Россия» занимаются мимикрией, когда объявляют себя самовыдвиженцами. Поэтому вполне логичен вывод депутата Госдумы, представителя КПРФ О. Смолина, что надо менять избирательное законодательство для того, чтобы уменьшить преграды на пути тех, кто хотел попробовать свои силы на государственном или муниципальном поприще. Действия власти по противодействию оппозиции превращается в необоснованное насилие, так как Закон о митингах слишком жесток и не оправдан по отношению к тем, кто не согласен с официальной властью даже в связи с конкретной конфликтной ситуацией — использованием права по участию в выборах [Смолин, 2019].

Вывод пятый связан с тем, о чем особенно настойчиво говорят многие эксперты. Ранее приводилось мнение А.Г. Аганбегяна о необходимости неотложного совершенствования управления [Аганбегян, 2019: 3].

Это объективное требование полностью игнорировалось пришедшими к власти либералами. В стремлении разгромить все

советское был ликвидирован не только Госплан и соответственно любые другие методы управления экономикой. Они уповали на невидимую руку рынка, которая все устроит. Именно под этим флагом и развивалась Россия все 1990-е гг. К началу 2000-х гг. была осознана ущербность такого подхода. В поисках выхода из кризиса и нахождения путей развития постепенно вышли на национальные проекты. Но это было разорванное полотно разноплановых мер, которые сами по себе представляли вполне приемлемые предложения и действия, но не составляли нечто единое, что требовалось для выхода России из кризиса. Получается как у Аркадия Райкина про костюм. «А кто шил костюм? Карманы хорошо пришиты? Хорошо. К петлям есть вопросы? Нет. Есть претензии к пуговицам? Нет, пришиты намертво. Но костюм носить невозможно». Не реализацией ли этого приема является суждение министра экономики Орешкина: «Надо от нацпроектов переходить к конкретным процессам в конкретных регионах, городах» [Полит ру. 2019. 16 февраля]. А что из этого может получиться, приведем один из примеров. По одной из программ «Производительность труда и поддержка занятости» ставится цель ускорить рост производительности труда на 10 тыс. средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей до 5% в год вместо 1,4% в 2018 г. [Независимая газета. 2019. 15 февраля]. А как быть с остальными производствами в других отраслях? А что и как должны делать мелкие предприятия? Пусть сами выбирают? Но как быть с общим ориентиром о резком повышении производительности труда у тех людей, которые относятся к прекариату, представители которого (а их почти 45% от работающего населения) заняты временным, неформальным трудом? (подробнее см.: [Гимпельзон, 2016; Тошенко, 2018]).

По нашему мнению, такой выборочный и лоскутный подход вместо используемого во всех развитых странах индикативного планирования нацелен не столько на достижение необходимых результатов, сколько на попытку прикрытия провала всех либеральных начинаний и их различных вариаций за последнюю четверть века во время нахождения их во власти. Тем более что такая их установка ориентирована на: а) на полное игнорирование и даже пренебрежительное отношение к положительному опыту применения плановых методов во многих развитых странах, а также опыта СССР; б) на отстранение науки в лице Российской академии наук от участия в подготовке планов развития национального хозяйства. В этой связи хотелось бы напомнить прошлый советский опыт. Как готовились в СССР планы, законы? Они прежде всего обсуждались

посредством активного и обязательного участия науки в разработке как стратегических, так и оперативных планов развития. Конечно, и тогда не все предложения ученых принимались. Но их участие гарантировало от крупных и непоправимых ошибок.

Ущербная ситуация с управлением усугубляется и тем, что обществу неизвестны авторы знаковых принципиально важных законов, тех же национальных проектов или инициатив по оптимизации образования, здравоохранения, по реорганизации науки. Если в стране демократия, почему народ не знает творцов этих законов? В результате появляются законопроекты, которые имеют скорее убогое или даже издевательское значение (правда, иногда есть подписи их инициаторов): промилле для водителей, разрешение/запрет собирать валежник, сносить/восстанавливать торговые киоски/лавки, запрет/разрешение на торговлю алкоголем возле социальных объектов и даже о запрете торговать в выходные дни торговым центрам (опять же ссылаясь на опыт Запада, но не на экономическую и социальную целесообразность). И вообще, можно ли это назвать управлением законотворческой деятельностью?

Вывод шестой. Необходимость устранения все возрастающего социального неравенства во многом обостряется не только самим фактом существования богатых людей, а глубоким убеждением, что все крупнейшие состояния заработаны или приобретены несправедливо. И что для выравнивания требуются многие меры, в том числе и прогрессивная шкала налогов на получаемые доходы и богатство. Очевидно, что без определенных форм принуждения ситуацию изменить нельзя. Но насильственный подход вряд ли целесообразен, ибо проблема состоит в том, что план по потрясениям и революциям Россия не только выполнила, но и перевыполнила. Но и ждать эволюционного, постепенного развития (а вдруг рассосется) вряд ли целесообразно. *В этих условиях требуется политическая воля*, поворот экономической политики в русло, по которому построены социальные государства, например, в Дании, Норвегии, Финляндии, в которых налог на прибыль составляет от 40 до 65%. Привлекателен опыт Швеции в рамках концепции «функционального социализма» по решению перераспределения взаимоотношений между собственниками и политической властью в интересах большинства населения. Их суть – при сохранении основных средств производства в частном владении (85–90%) осуществляются изъятие и социализация ряда функций права собственности. Это не национализация, это осуществление функций перераспределения, когда решающее значение придается не пра-

ву собственности, а политическому управлению отдельными его функциями, т.е. контролю за производством и распределением его продуктов через соответствующую налоговую политику, регулирование рынка труда и т.д. [*Мысливченко*, 2019:112].

Есть и опыт Китая по смягчению социального неравенства, что связано с активизацией личного потребления граждан, не снижая налогов, даже в условиях дефицита бюджета в 2,8% ВВП [*Независимая газета*. 2019. № 6]. Более того, власти Китая объявили о повышении порога не облагаемого налогом ежемесячного дохода. В России власти придерживаются противоположной логики. Имея профицитный бюджет и рост экономики в 1,5%, чиновники настаивают на повышении налогового бремени для населения и бизнеса, считая, что именно это будет способствовать «экономическим прорывам» [*Соловьева*, 2019].

В этих условиях российскому обществу не понятно, почему не осуществляется пересмотр экономической политики, которая в несколько иных вариантах продолжает либеральные реформы 1990-х гг., несмотря на тот факт, что их осуществление более чем за четверть века не привели не только к росту, но и еще и не достигли тех рубежей в экономике, которыми владела республика до 1991 г. Примечательно в этом плане признание одного из инициаторов рыночных преобразований, одного из прорабов перестройки, бывшего мэра Москвы Г. Попова: «За ельцинское десятилетие никакого подлинного рынка и подлинной конкуренции как движущих сил экономики в России не появилось. Появился “Черкизон” Тельмана Исмаилова. Никакого подъема экономики не было. Масштабного роста благосостояния масс не было» [*Попов*, 2015: 16]. Прозрели и многие ученые, которые на первых порах реформирования России были искренними их сторонниками: «Пора, наконец, понять, что в нынешнем правящем слое России демократов не только нет, но и не было. Деятельность этого слоя подчинена в первую очередь его собственным интересам, ко всему остальному он глух» [*Заславская*, 2002: 145].

Признают травмированность российского общества и инициаторы рыночных реформ в России, оценивая их результат, как это сделал Г. Греф, назвав ее страной-дауншифтером. Только вопрос остается не ответченным — а кто довел страну до этого состояния — не он ли, будучи министром экономики, и его многочисленные соратники, многие из которых и сейчас продолжают ту же самую экономическую политику? Иначе говоря, в этом суждении выражена суть исходной базы «успешных» неолиберальных пре-

образований, тормозящих выход из травмированного состояния, которое не позволяет преодолеть как экономические, так и социальные и политические просчеты и противоречия. Сторонники и апологеты неолиберализма никак не хотят признать поражения проводимых ими реформ. Причину их провала «следует искать не в неолиберальной идеологии как таковой, а в доминирующем проекте элит», под которым понимается политика Ельцина, который де не прислушался к голосу либералов, а решал вопросы присвоения и использования ресурсов государства в интересах узкой группы собственников [Матвеев, 2015: 27].

Важнейшей, а возможно, самой главной издержкой общества травмы является деформация социально-классовой структуры и резко увеличивающихся в ней социально и экономически неустроенных слоев — имеющих временную, сезонную, официально неоформленную занятость, занятость неполный рабочий день, безработных, молодежи, потерявшей надежду найти работу по профессии, неустроенных и эксплуатируемых мигрантов. Эта принципиально новая ситуация привела к появлению нового социального класса — прекариата. Этот процесс в то же время показывает, что такое изобретение как средний класс интенсивно распадается и не может в полной мере отвечать за те надежды, которые возлагали на него и ученые, и политики.

Поэтому стоит обратить внимание на такие концепции и практику их применения как государственный социализм, народный капитализм, реальные усилия по интеграции позитивных черт капитализма и социализма, на чем настаивают сторонники конвергенции. При этом не надо абсолютизировать предложения по использованию информационных, технических и технологических возможностей (сколько заводов построить, какую инфраструктуру создать, как осуществить цифровизацию), а сосредоточиться на главной стратегической цели — какое общество необходимо строить в интересах большинства населения.

И необходимо учесть существенный момент нынешнего состояния общественного сознания в связи с изменившимися ориентациями населения. Если долгое время число россиян, выступающих за стабилизацию в стране, было выше, чем выступающих за перемены, то с 2018 г., по данным Института социологии, число выступающих за перемены превысило процент тех, кто ратует за стабилизацию (см. подробнее: [Бызов, 2018]).

В заключение напомним данные ВЦИОМ и Международного дискуссионного клуба «Валдай» об итоговом рейтинге стран Боль-

шой двадцатки по индексу готовности к будущему (см. второй раздел Главу 5). По индексу готовности к будущему Россия в общем рейтинге занимает 12-е место (0,38 балла). Наибольшее количество положительных баллов приходится на сферу суверенитета и безопасности (0,72 балла), а минимальное – на ресурсы и экологию (0 баллов) и экономику (0,18 балла) В определении выхода из травмированного состояния предстоит преодолеть отставание в сфере науки и технологий, системы управления, роли общества в решении актуальных проблем и повышении значимости и влияния образования, чему и был посвящен анализ в данной монографии.

Литература

- Аганбегян А.Г.* О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
- Бабкин К.* Нынешний путь развития завел Россию в тупик: хамство вместо защиты // Московский экономический форум. 2019. 21 июня.
- Бодрунов С.В.* Грядущее новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016.
- Бодрунов С.Д.* Ноономика: концепция новой парадигмы развития. М.: Культурная революция, 2018.
- Бызов Л.Г.* Взгляд в будущее и прошлое через призму современных общественных противоречий // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 66–80.
- Гейм А., Новоселов К.* Россия не должна дергаться // Новая газета. 2010. 8 октября.
- Гимпельсон В.Е.* Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.
- Глазьев С.Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018.
- Глазьев С.Ю.* Причины деградации экономики. 2017 // za-nauku.ru
- Грэм Л.* Россия может предложить великие идеи, но не в состоянии ими воспользоваться // Новая газета. 2016. 25 июля.
- Гринберг Р.М.* Наш экономический кризис – полностью рукотворный. Интервью. 25 июня 2015 г. // Столетие. 2015.
- Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) /* под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016.
- Зюганов Г.А.* Россия под прицелом глобализации. М.: Эксмо, 2019.
- Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.

- Кива А.* О стратегических ошибках постсоветской России // Независимая газета. 2019. 21 февраля.
- Кухта П.* Экономические реформы – 2016 // <https://www.facebook.com/paul.kukhta/posts/1075585565826555>
- Лапаева В.В.* Приватизация социалистической собственности как конституционно-правовая проблема // Право и политика. 2014. № 2.
- Латин Н.И.* (ред.). Атлас модернизации России и ее регионов: Социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Вест Мир, 2016.
- Марченко М.Н.* Особенности перехода от социализма к капитализму в России и Китае // Государство и право. 2019. № 6. С. 26–33.
- Марьина Е.* Основа нового // Поиск. 2018. № 47.
- Матвеев И.А.* Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России // Политика. 2015. № 4 (79). С. 25–44.
- Мысливченко А.Г.* Социальное государство: генезис, становление, перспективы // Государство и право. 2019. № 3. С. 105–116.
- Попов Г.* 250 лет на службе Отечества // Предпринимательство. 2015. № 6. С. 15–39.
- Работяжев Н.* Выборы в Европарламент и поражение глобализма // Независимая газета. 2019. 4 июня.
- Сергеев А.* Выступление на Президиуме РАН // Поиск. 2019. 24 мая.
- Сергеев М.* Экономике загоняют в рецессию на фоне растущего оттока капитала // Независимая газета. 2019. 20 мая.
- Слотер Анна-Мари.* Большая стратегия для Цифрового века. Как преуспеть в мире, связанном сетями // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. С. 19–36.
- Смолин О.* Пора менять законодательство // Московский экономический форум. 2019. 2 августа.
- Соловьева О.* Три выходных дня в неделю помогут ускорить экономику КНР // Независимая газета. 2019. № 6.
- Сорокин П.А.* Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3–12.
- Тавровский Ю.В.* Калибр вождя и судьба страны // Независимая газета. 2019. 4 июня.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Вместо заключения

Круглый стол Научного совета Отделения общественных наук РАН «Общество травмы: между эволюцией и революцией»

Участники:

ДОБРОХЛЕБ Валентина Григорьевна – доктор экономических наук, профессор, Институт экономических проблем народонаселения РАН;

ДОБРОХОТОВ Леонид Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН;

КИТОВА Джульетта Альбертовна – доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России;

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, Институт философии РАН;

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, Институт социально-политических исследований РАН;

МАГАРИЛ Сергей Александрович – кандидат экономических наук, доцент, журнал «Социологические исследования»;

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, Московский педагогико-психологический университет;

СЛАВИН Борис Федорович – доктор философских наук, профессор, Московский педагогический университет;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Институт социологии ФНИСЦ РАН;

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр.

В Научном совете Отделения общественных наук РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике» состоялось обсуждение доклада **Ж.Т. Тощенко**, который обратил внимание на важную теоретико-методологическую проблему – возможности третьей модальности развития. При анализе состояния и тенденций развития мира/государства/общества, отметил он, обычно оперируют понятиями «эволюция» и «революция». Однако существует и специфический феномен – общество травмы, относящийся к странам, длительное время стагнирующим и/или деградирующим, находящимся в состоянии рецессии. Их существование объясняется тем, что в мире происходят события, которые невозможно определять и интерпретировать в понятиях «эволюция» и «революция», описывающих происходящие изменения существующих форм развития – капитализм/социализм. То, что случилось в конце XX – начале XXI в. в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, Тунисе, Египте и ряде других стран, выпадает из принятой и понятной логики развития. Не менее впечатляющи и события после распада Советского Союза во многих бывших его союзных республиках, ныне независимых государствах, особенно в Грузии, Молдове, Украине, Туркмении. Не избежала этой участи Россия. Кроме того, по данным Всемирного банка, существуют более чем 50 стран нестабильного, неустойчивого и даже неопределенного вектора развития.

Несмотря на различия, все эти страны объединяет одно: кардинальные политические потрясения, стагнация и/или упадок экономики, неопределенность в будущем, что никак не коррелирует с представлениями об эволюционном или революционном развитии. При этом, по экспертным заключениям, имеется реальная опасность увеличения количества этих стран, так как успех в развитии не гарантируют ни так называемые демократические страны (среди них успешны только 52%), ни страны с авторитарным режимом (среди них успешны 48%).

Происходившие в этих странах события невозможно объяснить с позиций «эволюция»/«революция».

Вместе с тем можно назвать общие черты, характерные для общества травмы: отсутствие ясной стратегии развития; экономи-

ческая неустойчивость; пассивное поведение общественных сил; переходы властных ресурсов в капитал и капитала во властные ресурсы; отстранение – добровольное и насильственное – большинства населения от участия в политической жизни; отсутствие государственной идеологии и/или национальной идеи; игнорирование национальных интересов или чрезмерная их абсолютизация; резкое увеличение социального неравенства; социальные деформации и утрата стремления к национальному суверенитету; неуважение традиций и прошлого страны или, наоборот, архаизация этноконфессиональных установок и патриархальных ориентаций. Однако они проявляются *своеобразно, неоднозначно, специфично*.

В России эти процессы получили особенное звучание, так как многие из них приобрели травмированное состояние. Отринув социалистическое прошлое и провозгласив новые ориентиры, некритически копируя чужой опыт, страна оказалась в состоянии неопределенности, несмотря на широковещательные официальные утверждения. Однако в таком состоянии общество не может находиться вечно. Требуется поиск, разработка концепций, идей с последующим их воплощением и находящих отражение в экономической и социальной политике для выхода общества из состояния травмы. Но чтобы разобраться в этом сложном многообразии процессов и событий, нужно использовать понятие «травма» как специфический вариант пути между ранее осмысленными формами развития – эволюцией и революцией.

На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

1. Является ли общество травмы третьей модальностью наряду с эволюцией и революцией?
2. Какие страны в мире можно отнести к обществу травмы?
3. Что создает общество травмы?
4. Можно ли процессы, происходящие в обществе травмы, считать только социальными изменениями?
5. Как преодолеть травматическое развитие таких обществ?

Что такое общество травмы?

Н.И. Лапин. Ж.Т. Тощенко вновь продемонстрировал редкую способность создавать метафоры, неожиданные и полезные для научного понимания общества, привлекающие внимание научных и широких слоев общественности. «Общество травмы» — впечатляющая и более емкая метафора — по сравнению с метафорой «культурная травма». Она имеет комплекс смыслов и может быть использована не только как третья модальность, наряду с эволюцией и революцией, но и как характеристика состояния общества.

Социологически травмированное общество можно интерпретировать как остро его неблагополучное состояние, возникшее под влиянием внутренних/внешних факторов. В зависимости от остроты этого состояния и его опасности можно различать типы травмированности. Примеры стран, приведенные Тощенко, позволяют заключить: характер травм обществ служит симптомом неполной *самодостаточности* этих стран перед вызовами от окружающих, более самодостаточных обществ, партнеров и конкурентов в глобальном мире. На это обратил внимание А. Тойнби, характеризуя жизненные циклы цивилизаций: их неспособность ответить на вызовы среды ведет к гибели. Состояние травмированности одновременно оказывается видом модальности общества, угрозы его гибели, трансформации в менее самодостаточное, региональное сообщество, поглощенное другим, более самодостаточным обществом.

С.А. Кравченко. Обоснование теории «общества травмы» является рефлексией Тощенко Ж.Т. на становление новых сложных реалий XXI в. В этом контексте находится его инновационная теоретико-методологическая методология, сводимая к следующему: 1) в оборот науки вводятся понятия, отражающие *травматическую природу* современных реалий; 2) эти реалии имеют *внешне-внутреннюю причинность*, включая *побочные эффекты* ненамеренных последствий человеческой деятельности, основанной на устаревших принципах формальной рациональности, прагматизма и меркантилизма; им автор противопоставил «оценку социально-экономического положения людей, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп» [Тощенко, 2018: 7]; 3) количество обществ травмы увеличивается, что свидетельствует о воспроизводстве явлений, не имеющих *про-*

странственно-временных границ; 4) переоткрывается значимость прежде доминировавших факторов социальных изменений (*эволюция/революция*), обосновывается новый тип *катастрофических трансформаций*; 5) делается вывод об усложняющейся природе травмы как результате длительной турбулентной трансформации общества, деформаций экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношений и, как следствие, имеющей непредвиденные последствия [Тощенко, 2018: 12–16]; 6) осуществлено выделение *родовых черт всех обществ травмы*; 7) *намечены основы конкретных мер по выходу из общества травмы* [Тощенко, 2018: 29], что в итоге представляет собой переоткрытие социальной реальности и является показателем валидности социологического знания [Кравченко, 2014:27–37].

В.К. Леваинов. Поставив в фокус дискурса конструкт «общество травмы», Ж.Т. Тощенко привлек наше внимание к актуальным аспектам социальной реальности. Метод социологической гиперболы, изобретенный автором, уже позволил высветить критические аспекты жизни российского общества – «социологию жизни», «парадоксального человека», «кентавр-проблему», «фантомы общества» и сейчас – «общество травмы». В свое время У. Черчилль предложил формулу: «Я не могу предсказать действий России. Это головоломка, завернутая в тайну, погруженную в загадку». Возможности методологического подхода «общество травмы» высвечивают одну из существенных сторон российского социума и позволяют создать метод разгадки «русской тайны».

Этот конструкт характеризует состояние общества, не его динамику. О. Конт отнес бы его к социальной статике. Его необходимо использовать в конкретном социальном и историческом контексте. Если говорить о модальностях, общество травмы может быть дополнительной модальностью по отношению к революции и эволюции, капитализму и социализму, не являясь их диалектической парой. Советское общество в 1945 победном году находилось в состоянии морально-политического подъема, но переживало состояние демографической травмы, потеряв 27 млн человек. Сегодня многие находятся в модальности травмы, испытывая лишения, а многие являются «героями» нашего времени, вписываясь в критерии неолиберального успеха. Общество травмы предполагает деградационные и дегенеративные изменения в социальной структуре социума. Используя язык медицины, можно говорить о травмах общества, не совместимых с жизнью.

Д.А. Китова. Общество с психологической точки зрения можно рассматривать как большую социальную группу людей, обладающих общими интересами. Мы вправе говорить о травме, как об особом состоянии, *о макроспсихологической травме общества*, которая образовалась вследствие «интенсивного воздействия неблагоприятных факторов социальной среды или остроэмоциональных, стрессовых воздействий на его психику» [Тарабрина, 2009: 39], с которыми сопряжено постперестроечное развитие нашего общества.

Является ли травма рядоположенным, наравне с эволюцией и революцией, процессом развития, т.е. перехода от одного состояния к другому (от старого к новому). Очевидно, травмирование требует времени для восстановления и начала нового движения с учетом последствий полученной травмы. В рамках общества это можно рассматривать как необходимость переоценки интересов, ценностей и целей *общественного развития*, что не может быть произведено мгновенно.

Л.Н. Доброхотов. Считаю выдвинутое профессором Тощенко понятие «общество травмы» новым словом в социологии, в общественных науках. Оно подтверждает ценную способность проф. Тощенко к нахождению и определению новых явлений современности, к формулированию новой методологии научных исследований. Поддерживая тезис автора доклада о том, что общество травмы можно определить как промежуточный вариант, третью модальность наряду с революцией и эволюцией, вместе с тем сомневаюсь, что оно является таковым как нечто отдельное от понятий капитализма и социализма.

Б.Ф. Славин. Доклад Ж.Т. Тощенко привлек меня постановкой вопроса о важности понятия «травма» в социологии. Он рассматривает его наряду с общефилософскими понятиями «революция» и «эволюция». Думаю, здесь имеется небольшое преувеличение. «Революция» и «эволюция» отражают всеобщий характер движения, развития социальных организмов. Понятие «травма» – один из частных моментов такого движения, означающий затруднение, заболевание, полную остановку функционирования (смерть) организма. Очевидно, «травма» в социологии может объяснить многие проблемы развития различных сфер общественной жизни. Докладчик на примере современного общества показал, что категория «травма» помогает, например, объяснить в духовной сфере излишнюю коммерциализацию интеллектуальной жизни, марги-

нальность образования, игнорирование таких ценностей, скрепляющих общество, как справедливость, солидарность и др.

В этой связи в понятие «травма» нужно обязательно включить (разработав его) понятие «духовная аномия», — потерю людьми смысла человеческой жизни в результате смены общественного строя, революций и войн. Это в первую очередь относится к нашей стране, перенесшей в XX в. несколько революций и реставраций. Я имею в виду, прежде всего, Великую русскую революцию 1917 г. с важнейшими историческими этапами: Февральской и Октябрьской революциями. Первая привела к устранению монархии и помещичьего строя в России, вторая означала победу рабочих и крестьян и связанной с ними интеллигенции.

Духовная аномия современного российского общества особенно усилилась в связи с банкротством «шоковой терапии», с непродуманной приватизацией государственной собственности, возникновением невиданной ранее социальной поляризации, коррупцией во властных структурах, появлением таких традиционных бед капиталистического общества, как хроническая бедность, безработица и рост криминала в различных сферах общественной жизни.

Опыт изучения понятия «травма»

Н.И. Ланин. Слово «травма» произошло от греч. *trauma (traumatos)* и означает повреждение организма, вызванное внешним воздействием — механическим, химическим, электрическим и т.п. Отдельно выделяют психическую травму, нервное потрясение. *Травматизм* — совокупность травм, возникших под воздействием тех или иных факторов (производственные, транспортные, бытовые и др.). *Травматологией* называют раздел медицины, занимающийся лечением, предупреждением травм.

Л.М. Дробизева обратила внимание на то, что одним из первых в социологии понятие «травма» использовал П. Штомпка. Он разрабатывал теорию процессов переходного состояния, характеризовал постсоветские общества как «постсоциалистические», переходные, которые переживают *культурную травму*. Им выделены шесть стадий (фаз) такого состояния — от переживания прошлого к конкретным событиям, переживаниям, связанным с противоречивыми толкованиями прошлого; как следствие, им выделена дезин-

теграция, проявления травмы и в дальнейшем адаптация, которая завершается переходом к стабильному состоянию общества. Отметим, что в теории П. Штомпки акцент сделан на социально-психологическом состоянии, самочувствии граждан [*Штомпка*, 2001: 6–7]. В докладе же показан процесс травмы в широком, практически всестороннем контексте. Видимо, есть основания рассмотреть фазы состояния постсоветского российского общества. В какой фазе мы находимся?

На мой взгляд, эта фаза варьируется в зависимости от социально-политического и экономического состояния общества. Крым, Олимпиада прибавили чувства национального достоинства. В 2017–2018 гг. настроения менялись; эти колебания меньше связаны с травмой 1990-х гг., и больше с событиями в стране и мире. Таким образом, какой период мы можем отнести к завершающейся стадии переходного общества? Ведь и в экономике волны, видимо, были связаны в большей мере не с разрухой, связанной с распадом Союза. Эта травма, конечно, не изжита, но в какой степени именно она определяет жизнь современного российского общества?

М.Ф. Черныш. Позвольте поблагодарить Жана Терентьевича за интересный доклад, к которому мы будем возвращаться в поисках ответа на острые вопросы российской жизни. Нельзя не согласиться с тем, что российское общество переживает нелегкие времена. Тем не менее теория травмы в современной общественной науке имеет ограниченную применимость. Чтобы понять, почему это так, обратимся к работам социологов, которые инициировали использование этого понятия в современной науке. Дж. Александер, вводя понятие травмы, сфокусировал внимание на Холокосте (см.: [*Александер*, 2013]), имея в виду страдательное, беспомощное положение гражданских, мирных людей, лишенных возможности оказывать сопротивление машине истребления. П. Штомпка применил понятие травмы к состоянию общества, осуществляющего транзит из социализма в капитализм [*Штомпка*, 2001]. Люди, переживавшие транзит, сознательно вводились элитами в заблуждение. К примеру, руководившие реформами в Польше лица знали: рабочие, которых они использовали в качестве разрушителей социалистических общественных отношений, обречены оказаться на улице без работы. Травма связана не столько с трудностями, переживаемыми обществом, сколько с беспомощным, страдательным состоянием граждан обманутых, терявших почву под ногами.

Причины возникновения общества травмы

Ж.Т. Тощенко. Общество травмы характеризуется комплексом черт, которые отчетливо отделяют его от революционных преобразований или поступательных эволюционных изменений. Прежде всего *общества травмы отсутствуют ясная стратегия и понимание перспектив развития*. В результате *в обществах травмы происходит потеря и даже откат от тех экономических рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития*. Как отметил бывший экс-министр экономики и финансов Польши Гж. Колодко, инициатор рыночных реформ в Польше, отсутствие грамотной экономической стратегии в России привело к тому, что если 25 лет назад ВВП России втрое превышал ВВП Китая, то на данном этапе Китай превосходит РФ по этому показателю в шесть раз (цит. по: [Московский экономический форум..., 2016: 13]).

Отсутствие стратегии развития *в обществах травмы* связано с тем, что в них *нет активных, движущих, творческих созидательных сил, олицетворяемых «коллективным агентством»* (П. Штомпка), которые осуществляли бы руководство желаемыми преобразованиями посредством продуманной программы действий. *Для обществ травмы характерна конвертация ресурсов власти в капитал и капитала во власть*, так как политическая власть рассматривается как источник доходов, оправдания и прикрытия сомнительных акций на экономическом и финансовом рынках. В этом контексте и возникает *вопрос о государственной идеологии*, которая – наряду с другими существующими в обществе мировоззренческими установками – формулировала бы перспективы развития. Пока преобладают, с одной стороны, утверждения, что не может быть государственной идеологии – со ссылкой на Конституцию РФ, с другой стороны, – постоянное повторение деклараций о необходимости демократического общества, абсолютно лишенных конкретики и понятных большинству людей.

В обществах травмы «коллективные агентства» (т.е. правящие круги) не учитывают или абсолютизируют (гипертрофируют) национальную специфику, то, что накоплено странами в историческом развитии. В российском обществе безапелляционно отвергнут опыт не только советского, но и более раннего исторического прошлого, исходя из установки: в прежней России и особенно в СССР ничего позитивного не было.

Но особое значение приобретает факт, что *в обществах травмы произошел неоправданный и необъяснимый с точки зрения не только*

теории, но и здравого смысла рост социального неравенства. По данным *Global Wealth Report*, на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех личных активов в России. Для сравнения: в следующих за Россией (крупных) странах – Индия и Индонезия – этот показатель равен соответственно 49 и 46%. В США он равен 37%, в Китае – 32%, в Японии – 17%. Во всем мире этот показатель равен 46%, в Европе – 32%. А если взять богатства миллиардеров, то российские миллиардеры владеют 30% всех личных активов российских граждан. В среднем во всем мире миллиардеры владеют лишь 2% всех личных активов. В Китае им принадлежит 1–2%, в США, где 400 миллиардеров, их доля составляет 7% от суммарного богатства американцев. К этому можно добавить: в условиях падения реальных доходов россиян на 12% с 2015 по 2018 г. только за 2018 г. число богачей с состоянием свыше 30 млн долл. выросло на 7%.

В.К. Левашов. «Общество травмы» несет как конструктивный, так и деструктивный потенциал. Фетишизация этого термина в познании и практике для манипуляций в качества фантома-фейка ради формирования комплекса неполноценности сознательно вносит деструктивный смысл в его использование. Социальная травма в жизнеспособном обществе всего лишь дисфункция, которая подлежит излечению. Каждое общество проходит свой путь преодоления травмы, травматического состояния той или иной сферы жизнедеятельности. Продуктивна мысль о социальной и исторической памяти общества, опыте травмы, который трансформируется в политическую культуру преодоления и возрождения. Русская, советская, российская социально-политическая культура формировалась столетиями в обстановке побед и поражений, политических заморозков и оттепелей, духовного мракобесия и интеллектуального взлета. Социальный опыт преодоления травмы реализуется в знаниях, убеждениях и действиях, в стремлении к суверенитету, свободе и социальной справедливости.

М.Ф. Черныш. Если расширить понятие травмы и включить в него все общества, переживавшие и переживающие социальные катаклизмы, мы не найдем ни одного периода истории, когда общество не было бы травмированным. Однако не только общество в целом, но и небольшие сообщества выработали стратегии преодоления травм. В некоторых случаях, полагает Н. Смелзер, травмирующее событие, попросту говоря, вытеснялись, вычеркивались из памяти. В других случаях стратегией, позволяющей преодолеть травму,

оказывалась героизация. Мы недавно отметили со слезами на глазах годовщину снятия блокады Ленинграда. Блокада, смерть сотен тысяч людей от голода, вне зоны боевых действий могла бы стать колоссальной травмой для российского общества, если бы не превращение этой истории в героический эпос, в отчаянное, ценой огромных потерь сопротивление жестокому врагу. Огромную роль в этом сыграла интеллигенция и, в частности, Д. Гранин и А. Адамович, написавшие на основе воспоминаний ленинградцев «Блокадную книгу». Ленинградцы, которых они представили на ее страницах, в большинстве не жертвы обстоятельств, а люди, сохранявшие человечность и сострадание, осознанно работавшие из последних сил на победу. Если ограничить рассмотрение кризисных ситуаций только травмой, из поля зрения выпадает активное, организующее жизнь начало, нормативный «гироскоп», который помогает сохранять человеческое в ситуациях, побуждающих к обратному.

Б. Ф. Славин обратил внимание на специфику появления общества травмы в России. Радикальные изменения 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война привели к резкому изменению общественного и индивидуального сознания людей. Часть из них эмигрировала, назвав революционное время, говоря словами Бунина, «Окаянными днями». Другие, как Блок, Маяковский и Горький, призвали миллионы людей «слушать музыку революции», видеть наступление новой «эпохи» освобождения человечества от тысячелетнего рабства. По мнению Горького, «в конце концов, побеждает только человеческое, — в этом великий смысл жизни всего мира, иного смысла нет в ней». Под этим словами могли бы подписаться миллионы советских людей. Прожив более 70 лет в сложных условиях созидания и функционирования «реального социализма», испытав радость побед и горечь поражений, они в абсолютном большинстве сохраняли веру в человека, в его общественную, коллективистскую природу и созидательные творческие способности.

Однако в начале 1990-х гг., после второго пришествия в Россию капитализма, они испытали шок от проведения «либеральных реформ», провозгласивших примат частных интересов и ценностей индивидуализма над общественными, объявивших устаревшими и ненужными в рыночных условиях ценности коллективизма, равенства и справедливости. С их точки зрения главными ценностями новой России должны быть обусловленное природой неравенство людей, абсолютная свобода бизнеса и рыночных отношений, личная выгода, культ денег и т.п. Такой переход

к сугубо буржуазным ценностям нанес глубокую травму сознанию советских людей, ведущую к потере ими прежнего смысла жизни. Подобную ситуацию я называю «духовной аномией». Она, на мой взгляд, до сих пор плохо понята и осознана наукой.

Проявления современного олигархического капитализма ведут к постоянному травмированию многих граждан российского общества. Особенно наглядно это проявляется в росте пьянства и наркомании. Отрицательно сказывается и негативная информация, распространяемая в социальных сетях, пропагандирующих национализм, человеконенавистничество и воинствующий клерикализм. Недавний «феномен» молодого керченского стрелка, застрелившего без всякого повода 20 сверстников, а затем убившего себя, наглядно показывает, к каким трагическим последствиям может привести потеря смысла жизни в молодежной среде.

Л.Н. Доброхотов. Признавая, что состояние общественной травмы, как показывает историческая практика, может возникать как проявление и капитализма, и социализма, полагаю, что применительно к социализму речь идет о травме определенной, искаженной или отжившей свое модели социализма (или претензии на социализм), а не о травматическом, фатальном кризисе социализма как формации. Так было в Советской России в 1918–1921 гг. при «военном коммунизме» (но было преодолено НЭПом). Так было в СССР в период застоя 1975–1995 гг. (но результатом антисоветских «реформ» Горбачева стало крушение социализма и СССР), и так было в КНР. Там аналогичный кризисный период, закончившийся событиями на площади Тяньаньмэнь 1989 г., был преодолен реформами Дэн Сяопина, сохранившего страну в форме обновленного социализма и в отличие от горбачевской демагогии придавшего ей гигантское ускорение.

С.А. Магарил. Россия, к сожалению, глубоко «травмированное общество». И травмировано оно, прежде всего, процессами XX в. По стране, начиная с Гражданской войны, прокатилось несколько волн САМОистребления, стоивших России миллионы жизней. В числе наиболее значимых предпосылок травматических процессов XX в. назову два фактора из области социокультурной динамики:

- К началу XX в. на Руси уже тысяча лет звучала православная проповедь гуманистических идеалов Христа. Однако в ходе исторических событий единоверцы-православные массово совершали друг над другом насилие, вплоть до истребления.

- Это вынуждает признать, что христианский гуманизм не был освоен национальным сознанием России, и потому можно согласиться с Н. Бердяевым: народное православие на Руси — лишь обрядовере и ритуал;
- Россия задержалась с учреждением университетского образования (первый европейский университет — Болонская школа права была основана в XI в.). К концу XV в. в Европе функционирует порядка 60 университетов. В их составе факультеты права воспитали сотни тысяч высокообразованных правоведов. В течение многих поколений королевские судьи, прокуроры, юридические советники городских магистратов, торговых компаний, ремесленных гильдий, нотариусов, позднее и адвокатов, правоведы утверждали в жизни общества верховенство закона. Долго и мучительно, через мятежи, бунты и революции шла Европа к утверждению правового государства. Но она этот путь прошла. В России в XVIII в. потерпела неудачу попытка осмысления и учреждения соответствующих времени требований права, предпринятая Уложенной комиссией. Причину объяснил М. Сперанский: «Не только толпа сих законодателей не понимала ни цели, ни меры своего предназначения, но едва ли было между ними одно лицо, один разум, который бы мог стать на высоте сего звания». В сегодняшней России, и учитывая наш опыт XX в., следует констатировать: политический режим, не способный обеспечить национальное развитие, неизбежно уйдет с исторической сцены, увлекая за собой государство. Едва ли история сделает исключение для нынешнего режима. Дезорганизация порождает масштабные риски дезинтеграции. СССР распался в соответствии с теоремой У. Эшби, до сих пор никто ее не опроверг.

Можно ли преодолеть изъяды общества травмы?

В дискуссии остро обсуждался вопрос, особо актуальный для России: кто мы, в каком обществе живем, куда идем? И извечный русский вопрос: «Что делать?»

Н.И. Лапин. Излечение травмы, восстановление самодостаточности общества требует отказа от очевидных, простых решений и поиска иных, синергично сложных способов ответа на вызовы среды. В наше время такие ответы предполагают повышение

уровня самоорганизации травмированного общества, его переход на более высокую траекторию рефлексивного саморазвития. Осуществление такого варианта во многом зависит от повышения правовой культуры населения, уяснения им тесной связи основных прав человека и гражданина с его нравственным достоинством, с готовностью активно противостоять попыткам его унижения. Такое повышение нравственно-правовой культуры активной части населения станет предпосылкой появления лидеров, способных понять опасность цивилизационных вызовов и ориентировать активные слои населения на подготовку и осуществление синергично сложных ответов общества на вызовы. На мой взгляд, в ближней перспективе таким ответом может стать «модернизация для всех» (подробнее см.: [Ланин, 2018]).

В.Г. Доброхлеб. Проблема цивилизационного вызова современного мира определяется идущей дезинтеграцией чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей (П. Сорокин, Ю. Яковец и др.), которая в настоящее время связана со всепроникающим обществом потребления на фоне деградации природной и социальной среды. Это вызывает нарастающее ощущение потери смысла жизни, травмы индивидуального и общественного сознания. В современной России проблема стоит наиболее остро. В определенном аспекте она связана как с местом страны в мире, так и с самим существованием России. Каковы акторы возможных позитивных изменений, есть ли лидеры перемен? Может ли младшее поколение стать мотором позитивных перемен? Где начали формироваться позитивные тенденции? Пока мы можем наблюдать лишь незначительные ростки нового. Например, молодежь все чаще определяет для себя базовые ценности, связывая их не с материальным благополучием, а с гуманистическими отношениями, в первую очередь в семье. Здесь наблюдаются определенные сдвиги в сторону семейных эгалитарных ценностей. Нужны социальные институты, способные противостоять «обществу травмы».

С.А. Кравченко. В решении проблем «общества травмы» огромная роль принадлежит научному осмыслению и разработке рекомендаций. В этой связи выскажу ряд соображений. Первое – учесть в факторах образования современной сложной травмы *плюрализацию форм насилия*, появление в мире *гибридов «старого» и «нового» насилия*. Второе – принять во внимание побочные последствия *меркантильной цифровизации* социума, травмирующей жизненные миры людей, их

культуру, характер поведения и мышления. Третье — современная сложная травма деформирует не только конкретные общества, но и цивилизации, *формы взаимодействий между ними*: со стороны элит западной цивилизации предпринимаются попытки присоединения к себе локалов других цивилизаций. Четвертое — возникли *травмы международного права*, способствуя воспроизводству нелегитимных форм насилия между государствами. Пятое — в СМИ формируется *травматический дискурс*, латентно увеличивающий *долю короткоживущего социума* и уменьшающий степень его *долгоживучести*. Шестое — имеет место *антропогенная травма* планеты, являющаяся важнейшей частью социо-природной реальности: увеличиваются «новые катастрофы» в виде всевозможных «нормальных аварий» [Perrow, 2011]. Седьмое — добавить к мерам по выходу из *общества травмы* следует и востребованность *гуманизации научного знания* [Кравченко, 2014]; учет *эффектов «парадокса Гидденса»*: правящие элиты в своих политических действиях должны принять во внимание их *отложенные последствия* для будущего планеты и жизни грядущих поколений [Giddens, 2009: 2].

Китова Д.А. Для преодоления сложившейся ситуации в условиях общества травмы необходимо четко определиться с сущностью проблемы, ее структурными элементами, закономерностями функционирования и механизмами развития. Детализированное понимание феномена позволит:

- изучить аналогичные состояния и их последствия в других обществах* и сделать выводы об интенсивности травмы;
- выявить новые, не свойственные текущему этапу развития общества элементы, диагностировать возможные «точки роста»;
- понять временные перспективы исследуемого состояния общества, предположить интенсивность его протекания и ожидаемые сроки перехода общества в новое состояние, — посттравматическое;
- понять специфику общественной травмы и ее детерминанты (духовные, идеологические, экономические, политические и т.д.)**;

* Можно провести такой анализ, и прибегнув к технологиям исторического исследования собственной истории.

** Например, говорить о духовной травме общества, об отсутствии национальной идеи или о иных формах общественной травмы.

- охарактеризовать варианты развития общества травмы (деградация, раскол, развал, стагнация, сплочение, прорыв и т.д.) и предложить варианты изменений;
- выделить характер внешних и внутренних угроз общественной безопасности и т.д.

Без такого *комплексного* понимания исследуемая проблема может остаться осознаваемым, но не управляемым феноменом. При обозначенном мною подходе авангардную роль науки в этом процессе переоценить невозможно.

С.Н. Майорова-Щеглова. Задача науки подобна медицинскому консилиуму — сделать перспективные заключения, не просто фотографию состояния: какие области, сферы, институты общества нуждаются в недолговременной, малозатратной, точечной реабилитации, так как они обладают особой характеристикой самовосстановления, своеобразной резильентностью, способностью преодолевать трудные социальные периоды. В иных случаях ученые могут оценить, как долго и в каких формах мы будем наблюдать посттравматический синдром. И, наконец, иметь смелость обоснованно произнести: эти сферы или общественные процессы, даже группы после такой травмы инвалидизированы, невозможен возврат в прежнее «рабочее» состояние. Такие прогнозы и проектирование возможны только в междисциплинарных исследованиях.

В изучении общества травмы нужно обращать особое внимание на детей и молодежь. Нынешняя молодежь и молодые взрослые — дети 90-х. Их жизненный путь в детстве — травма нестабильности, недообразования, невоспитания, незрелости, недолюбленности, так как семьи в те годы не могли уберечь детей от шока. Современные дети переживают «родовую травму» отсутствия общественных целей, «землетрясения» традиций и инноваций образования и воспитания, последствий миграции. Выработывают ли они при этом иммунитет, ту самую резильентность, или будут продолжать поведенческие практики травмированного поколения?

Л.Н. Доброхотов. Говоря о современности, полагаю: развитие общества травмы можно наблюдать сейчас одновременно в России, США и в Европе. Выходом является у нас и у них новый социализм, учитывающий триумфы и провалы прежних моделей, условия глобального мирового развития и национальную специфику.

Это все активнее признается в наших странах. Однако пока ничего не делается, и травма углубляется. Характерно, что и Д. Трамп, и В. Путин – на фоне бурно развивающихся Китая и Вьетнама – практически одновременно в начале этого года отвергли любые формы социализма как альтернативу развития.

Л.М. Дробизева. Общество травмы реализует себя не только в глобальных, но и конкретно-исторических проявлениях. Возьмем, к примеру, социально-психологический аспект идентичности и межэтнических отношений. Самую острую фазу травмы мы пережили в первой половине 1990-х гг.: потерю государственной, страновой идентичности, трансформацию территориальных границ, социальной системы и осознание этого, новые социально-структурные идентичности. Первые опросы по Москве показывали: только четверть столичных жителей идентифицируют себя как граждан России. Этноизоляционные установки зашкаливали за 50%. Однако уже в конце 1990-х стала ощущаться потребность общества в консолидации, а с начала 2000-х гг. более 70% осознавали чувство связи с гражданами России. Во втором десятилетии 2000-х гг. социологи фиксировали российскую идентичность 74–84% граждан страны (в регионах с русским большинством от 80 до 90%). Уменьшались негативные межэтнические установки. По данным за 2012, 2014, 2016 и 2018 гг., в этот период идентичность, доверие и межэтнические установки претерпевали серьезные колебания под влиянием внешне- и внутривнутриполитических и внутриэкономических факторов (см., напр.: [Межнациональное согласие..., 2016]).

С.А. Магарил. Что может сделать научное сообщество гуманитариев? Согласно концепции А. Тойнби, творческое меньшинство нации должно, обязано предложить конструктивный, эффективный ответ на исторический вызов, с которым столкнулось общество. Однако статья Ж.Т. Тощенко «Социология былой интеллигенции» [НГ-Сценарии, 2019. 22 января] вынуждает ставить под сомнение способность отечественных социогуманитариев предложить России выход из масштабного социально-исторического кризиса. В ходе дискуссии был затронут вопрос о социал-демократии, как политически-продуктивной концепции, обеспечившей в послевоенной Европе, особенно в скандинавских странах, убедительное социально-экономическое развитие. Один из ярких примеров – Швеция. В начале XX в. здесь, как и в Рос-

сии, существовали радикальные группы и звучали революционные лозунги. Однако шведским интеллектуалам хватило предвидения отвергнуть доктрину беспощадной классово́й борьбы. Вместо нее был выдвинут лозунг «Швеция — наш общий дом». В начале XX в. страну из-за бедности покидал каждый третий взрослый швед. К концу того же века, благодаря политике социал-демократов, Швеция превратилась в высокоразвитое индустриальное общество с социально-ориентированной рыночной экономикой и высоким уровнем жизни; результат реализации идей и программ шведских социал-демократов очевиден. Есть основания полагать, что социогуманитариям России на обозримую перспективу предстоит масштабная работа социально-политического просвещения народа. Успеть бы.

Ж.Т. Тощенко. Обобщая сказанное, травма общества — длительное состояние неопределенности трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы.

В то же время современная история знает, что подобные задачи по выходу из травмированного развития решали — успешно и, главное, в течение нескольких лет — капиталистические Сингапур, Малайзия, Южная Корея, и социалистические страны — Китай, Вьетнам. В сравнении с ними в обществах травмы эти задачи не решаются десятилетиями.

Чтобы выйти из травмированного состояния, «основными мотивами общественно полезной экономической и политической жизни будут не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу» [Сорокин, 1999: 7]. Значительную, порой решающую роль в этих условиях должна сыграть политическая воля. Поворот стратегии развития в русло реального создания социального государства, которое провозглашено в Конституции РФ.

Литература

- Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации: монография / под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Кравченко С.А.* Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 27–37.
- Лалин Н.И.* Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 4. С. 104–136.
- Международное согласие как ресурс консолидации российского общества: монография / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2016.
- Московский экономический форум – 2016: 25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дальше? // Предпринимательство. 2016. № 2. С. 6–23.
- Славин Б.Ф.* Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания, 2009.
- Сорокин П.А.* 1999. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3–12.
- Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса: Теория и практика. М.: ИП РАН, 2009.
- Тощенко Ж.Т.* Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16–26.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. С. 10–31.
- Штомпка П.* 2001. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Giddens A.* The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Perrow Ch.* The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton: Princeton University Press, 2011.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аганбегян А.Г.* О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
- Адамишин А.Л.* Югославская прелюдия // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 186–201.
- Ащеулова Н.А., Душина С.А.* Мобильная наука в глобальном мире / ред. В.М. Ломовицкая. СПб., 2014.
- Барсукова С.Ю.* Дилемма «фермеры – агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. 2016. № 6.
- Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бжезинский З.* Украинский шанс для России. М.: Алгоритм, 2015.
- Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л.* Мифология управления. Политика министерства vs. политика вузов: динамика противостояния // Российская политика. 2014. № 1 (72). С. 22–46.
- Бляхман Л.С., Чернова Е.Г.* Образовательная политика в условиях перехода России к инновационной экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5 «Экономика». 2012. Вып. 4.
- Богомолов О.Т.* (рук. проекта и ред.). Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М.: Центр экономических стратегий, 2008.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М., 2011.
- Бодрунов С.* Грядущее новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016.
- Бодрунов С.Д.* Ноономика: концепция новой парадигмы развития. М.: Культурная революция, 2018.
- Брутер В.И.* Украина и политика абсурда // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 1.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120–130.
- Бузгалин А.В., Колганов А.Н.* Глобальный капитал: в 2 т. М.: URSS, 2015.
- Буздалов И.* Униженный класс: О социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства // Вопросы экономики. 2011. № 4.

- Васильев А.М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018.
- Великий П.П., Бочарова Е.В.* Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социологические исследования. 2012. № 1.
- Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М.: Альпина, 1994.
- Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Горячая линия-Телеком, 2017.
- Гладченко Л.В.* «Черный интернационал» ИГИЛ: грядущий распад или перегруппировка сил? // Международная политика. 2018. № 2 (47). С. 155–171.
- Гимпельсон В.Е.* Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.
- Глазьев С.Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мировом хозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018.
- Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2016.
- Горшков М.К., Петухов В.В., Крумм Р.* (ред.). Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М.: Альфа-М, 2009.
- Гринберг Р.С.* Великая трансформация: невыученные уроки. М., 2009.
- Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.
- Деягин М.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчака и Навального. М., 2016.
- Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2003.
- Дробижева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.
- Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Параллель, 2010.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016.
- Запесоцкий А.С.* Культура: взгляд из России. СПб.: СПбГУП, 2014.
- Зюганов Г.А.* Россия под прицелом глобализма. М.: Эксмо, 2019.
- ИГИЛ: формула современного террора / под ред. канд. филол. наук А.В. Глазовой. М.: РИСИ, 2017.
- Ильин В.И.* Социальное неравенство. М.: Ин-т социологии РАН, 2000.
- Ильин В.А.* Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019.
- Илюшечкин В.П.* Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Восточная литература, 1996.
- Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.

- Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. проф. Н.Н. Любимова; под ред. д-ра экон. наук, проф. Л. П. Куракова. М.: Гелиос АРВ, 2002.
- Кива А.В.* Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее // Социологические исследования. 2012. № 6.
- Кива А.В.* Как понимают национальные интересы в Китае и России // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 157–166.
- Конаровский М.А.* Афганистан после 2014 года // Вестник международных отношений. 2017. Т. 12. № 3. С. 242–253.
- Кравченко С.А.* «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Латин Н.И.* (ред.). Атлас модернизации России и ее регионов: Социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь Мир, 2016.
- Левада Ю.А.* Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.
- Лепкин В.В.* Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 4. С. 54–64.
- Лассуэлл Г.Д., Рогоу А.А.* Власть, коррупция и честность. М., 2005.
- Левашов В.К.* Российское общество: 25 лет неолиберальных реформ // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 45–54.
- Ленин В.И.* О брошюре Юниуса // ПСС. 5-е изд. Т. 30. С. 1–16. М.: Политиздат, 1981.
- Леонтьев В.В.* Экономическое эссе: Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.
- Лившиц В.Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М.: USSR: Ленард, 2013.
- Лузсков Ю.М.* Россия на перепутье. Дэн Сяопин и старые девы «монетаризма». М.: Вече, 2016.
- Манхейм К.* Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994.
- Матвеев И.А.* Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России // Полития. 2015. № 4 (79). С. 25–44.
- Мирский Г.И.* Возврат в Средневековье // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 102–113.
- Мюллер К., Пикель А.* Смена парадигм посткоммунистической трансформации // Социологические исследования. 2002. № 9.
- Наушкин В.В.* Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 76–87.
- Никулин А.* Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 17–34.

- Нечипуренко О.В., Самсонов В.В., Зазулина М.Р., Мореханова М.Ю.* Крестьянство современной России: Жизненные миры и социальные практики. Новосибирск, 2015.
- Нормальная аномия в России и современном мире / Н.Н. Зарубина и др.; под общ. ред. С.А. Кравченко. М., 2017.
- Петухов В.В.* Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.
- Подберезкин А.И., Чирков М.А., Чистяков М.С.* Технологии «цветных революций» // Свободная мысль. 2019. № 3. С. 177–184.
- Покровский Н.Е.* Россия в контексте глобализации // Социологические исследования. 2000. № 5.
- Ранчин А.* Апокалипсис нашего времени. Предварительные итоги реформ российского образования // Россия – XXI. 2015. № 6. С. 66–83.
- Рогов С.М.* Новая шоковая терапия и «реформа РАН»: реалии российской науки. М.: Наука, 2013.
- Рыбаковский Л.Л.* Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9.
- Самохвалов А.Ф.* О результатах развития экономики России в 1998–2017 годах // Свободная мысль. 2018. № 6.
- Семенов Ю.И.* Марксова теория общественно-экономических формаций и современность. М., 1998.
- Симолян Р.Х.* Без гнева и пристрастия: экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2016.
- Славин Б.Ф.* Идеология возвращается. М.: «Социально-гуманитарные знания», 2009.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
- Солженицын А.И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 2009.
- Соломатин А.И.* Всемирный банк и «нестабильные государства»: динамика взаимодействия и структура помощи // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 114–132.
- Сорокин П.А.* Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3–12.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Междунар. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апреля 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. ф-т, Центр социолог. исследований. М.: РГГУ, 2019.
- Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007.
- Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: Теории и реальность. М., 2014.

- Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: этнография Чеченской войны. М.: Наука, 2001.
- Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. М.: Academia, 2003.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2019.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тренин Д. Портрет сирийской войны // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 234–237.
- Трошин Д.В. Экономическая безопасность России: количественный макроанализ: монография. М.: Новые технологии, 2018.
- Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М., 2015.
- Фадеева О. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск, 2015.
- Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4.
- Шереги Ф.Э., Стриханов Н.М. Наука в России: социологический анализ. М.: ЦСП, 2006.
- Шукишин В.С., Суворов В.П. Войны нового поколения: гибридная война – миф или реальность? М., 2017.
- Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007.
- Эстулин Д. Трансэволюция. Эпоха разрушения человека / пер. с англ. П. Самсонова. М., 2015.
- Явлинский Г.А. Периферийный капитализм. М.: Интеграл-Информ, 2003.
- Alexander J.C. Trauma. A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Alexander J.C. and Sztompka P. (eds.). Rethinking Progress: Movements, Forces and Ideas of the End of the 20th Century. London. Routledge, 1990.
- Bauman Z. Modernity and the Holocaust. 1989. Ithaca: Cornell University Press.
- Brandal N., Bratberg Q., Thorsen D.E.. *The Nordic Model of Social Democracy*. Palgrave Macmillan, 2013.
- Caruth C. Trauma. Explorations in Memory. Baltimore. 1995. John Hopkins University Press.
- Eyerman R. 2013. Social theory and trauma // Acta sociologica. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 121–138.
- Habermas J. The Post-National Constellation and the Future Democracy / Habermas J. The Post-National Constellation: Political Essays. Ed. M. Pensky. Cambridge MA: MIT Press, 2001. P. 58–112.

Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Narrating trauma: on the impact of collective suffering. Boulder: Paradigm Publisher, 2011.

Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma. — Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2004. P. 31–59.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абашкин В.Л. 138
Абрамович Р.А. 81, 166, 167, 169
Абызов М.А. 167
Авен П.О. 10
Авксентьев Н.Д. 189
Аганбегян А.Г. 27, 31, 40, 86, 99,
107, 253, 268, 279, 298, 307
Адамишин А.Л. 34
Адамович А.М. 324
Александр Дж. 321
Алексеева Г.Д. 33, 189
Амброз С. 207
Андреева Н. 223, 227
Анисимов А.Н. 295
Анисимов Р.И. 124, 225, 277
Антонюк Е. 207
Аристотель 233, 235
Арнольд В.И. 209
Архангельский А.Н. 225
Асад Б. 34
Асопов Н.В. 199
Афанасьева В. 227
Ашеулова Н.А. 236
- Бабкин К.А. 86, 299
Бабурин С.Н. 275
Багдасарян В.Э. 102
Баймухамедов С. 169
Барсукова С.Ю. 131, 133
Бауман З. 277
Башкатова А. 73, 90, 96, 106, 110, 253
Бекер Торнбьер 278
Белова Н.И. 257, 258, 267
- Белых Н.Ю. 75
Берая И.О. 265
Березовский Б.А. 166, 167
Бердяев Н.А. 326
Бернал Дж. 234
Бжезинский З. 178, 179
Биккенин Н.Б. 184
Блаватник Л.В. 169
Блок А.А. 324
Бляхер Л.Е. 214, 282
Бляхер М.Л. 209, 214, 282
Бляхман Л.С. 209, 222
Богомолов О.Т. 44, 51
Бодрийяр Ж. 20
Бодрунов С.Д. 10, 51, 72, 79, 86,
109, 300
Болдырев Ю.Ю. 147
Бондаренко Л.В. 97, 131
Брешко-Брешковская Е.К. 189
Бронштейн Б. 117
Брутенц К.Н. 33
Брутер В.И. 54
Бузгалин А.В. 10, 25, 51, 99, 286
Буздоров И.Н. 97, 133
Буланова М.Б. 213
Бунин И.А. 324
Бутрин Д. 55, 136, 137, 219, 220, 280
Бызов Л.Г. 311
Бьянима Винни 43
- Ваганов А.Г. 80, 244
Вардуль Н. 90
Васильев А.М. 37, 38

- Васильева О.Ю. 213, 229
Вебер М. 224, 234
Великий П.П. 131, 133
Витте С.Ю. 109
Воеводина Т. 69
Возовикова Т. 210, 219
Волк И.Б. 98
Волков Г.Н. 234
Волчкова Н. 238, 244
Вольгер 15
Воробьева И.В. 158
Воротников В.И. 55
- Гавел В. 66
Гайдар Е.Т. 58, 73, 98, 196, 274
Гайзер В.М. 75
Гаман-Голутвина О. 60
Гамсахурдиа З. 140
Гармиза В.В. 189
Гармоненко Д. 157, 180
Гвоздецкий В.П. 237
Гейм А. 239, 243, 248, 305
Герасимова Е. 216, 223
Гимпельсон В.Е. 126, 127, 208, 308
Гладченко Л.В. 37
Глазьев С.Ю. 52, 287, 299, 300
Глинка М. 168
Глостер Элизабет 167
Говорухин С.С. 195
Голикова Т.А. 245
Гольбах П. 15
Горбачев М.С. 297, 325
Горбачева А. 268
Горевой Р. 68
Горшков М.К. 25, 143, 286
Горький М. 324
Гоц А.Р. 189
Гранин Д.А. 324
Греф Г.О. 112, 310
Гринберг Р.С. 10, 25, 52, 300
Грэм Лорен 305
Гудков Д. 160
Гумбольдт В. 246
Гумилев Л.Н. 141
- Гусман М.С. 194
Гуттериш Антониу 35, 36
Гучков А.И. 188
Гэлбрейт Дж. 21, 275, 301
- Данилкин Л.А. 190
Данилова Е.Н. 78, 80
Дворкович А.В. 167
Дезерт М. 289
Деягин М.Г. 25, 51, 61, 74, 75, 116, 174, 290
Демченко М. 266
Денисова-Шмидт Е. 222
Джанашия Д. 170
Джефферсон Т. 15
Дильтей В. 235
Дмитриев И. 165
Добренков В.И. 104
Доброхлеб В.Г. 314, 327
Доброхотов Л.Н. 314, 319, 325, 329
Донник И.М. 96
Донцов А.И. 68
Доренко С.Л. 203
Достоевский Ф.М. 278
Дробижева Л.М. 141, 314, 320, 330
Дугин А.Г. 198, 275
Душина С.А. 236
Дэн Сяопин 54, 296, 297, 325
Дюркгейм Э. 234
- Евгеньева Т.В. 60
Егоршин А.З. 33
Ельцин Б.Н. 51, 56, 73, 131, 140, 164, 166, 194, 199, 274, 286, 294, 311
Еникилопов Р.С. 219
Ермолаев В.Ю. 141
- Жарков Ст. 165
Жартун В.А. 108
Жириновский В.В. 198
Житнов В. 76
Жуковский В. 111
Журавлев Д.А. 96, 121, 126
Журенков К. 134

- Загашвили В. 238
 Замостьянов А. 92
 Запесоцкий А.С. 25
 Заславская Т.И. 310
 Звездина П. 254, 256, 258, 261
 Зверев А. 212, 216
 Зворыкин А.А. 234
 Зеленев И.А. 68
 Золотарев В.А. 193
 Зорькин В.Д. 147
 Зубаревич Н.В. 136
 Зуев И. 111
 Зыбуновская Н. 280
 Зюганов Г.А. 10, 104, 112, 122, 159, 197, 300
- Иванов С.Б.** 171
 Ильин В.А. 110–112
 Ильин В.И. 75
 Ильф И. 65
 Илюшечкин В.П. 17
 Иноземцев В.Л. 10
 Исланкина Е.А. 138
 Исмаилов Т. 310
 Исправникова Н.Р. 104
 Истомина В. 108, 239, 244, 245
- Кабачков А.** 241
 Кадафи М. 33, 67
 Калугина З.И. 131
 Камков Б.Д. 189
 Камраков А. 86
 Капелюшников Р.И. 208
 Капица П.Л. 246
 Капица С.П. 221
 Кара-Мурза С.Г. 34, 189
 Карлейль Т. 192
 Картер Дж. 31
 Карякин Ю. 78
 Кастанян А.А. 262
 Катков Г.М. 190
 Кашпировский А. 199
 Каюк П. 128
 Кейнс Дж. 18
- Келле В.Ж. 234
 Кеннеди Дж. 207
 Керенский А.Ф. 189
 Кива А.В. 10, 275, 295
 Кизима М. 275
 Кизима С. 275
 Кинсбургский А.В. 168
 Кирдина С.Г. 99
 Кириенко С.В. 175
 Китова Д.А. 314, 319, 328
 Киян И. 229
 Климова С.Г. 81
 Клинова М. 117
 Ключарев Г.А. 209, 238
 Кнор-Цетина К. 234
 Ковалев С.А. 168
 Колганов А.И. 10, 25, 51, 99, 286
 Колесова О. 215
 Коллинс У. 234
 Колодко Гж. 41, 322
 Колядина Е.В. 223
 Комолов О.О. 106
 Комраков А. 134, 265, 281
 Конаровский М.А. 34
 Константиновский Д.Л. 209
 Конт О. 318
 Кордонский С.Г. 98, 171
 Королев С.П. 237
 Корчмарек Т.В. 53
 Костырев И. 96
 Котюков М.М. 240
 Коул Дж. 234
 Коул С. 234
 Кох А.Р. 10
 Кравцов С.С. 217
 Кравченко С.А. 19, 26, 44, 314, 317, 318, 327, 328
 Красильникова М. 108, 144, 159
 Красин Ю.А. 25
 Краснушкина Н. 117, 118
 Крашенинникова В. 195
 Крумм Р. 143
 Крыштановская О. 227
 Крючкова Е. 134, 138

- Кугель С.А. 234
Кудрин А.Л. 55, 58, 61, 105, 108, 170, 209, 222, 238
Кузьмина Ю.В. 101, 208
Кузьминов Я.И. 90, 177, 210, 219, 240
Кулакова Д. 180
Кулешова А.В. 241
Кун Т. 16, 234
Куракова Н.Г. 239
Кухта П. 297
Куценко Е. 138
Кученкова А.В. 161
Къеза Дж. 34
- Лавровский И.К. 57
Лапаева В.В. 305
Лапин Н.И. 301, 314, 317, 320, 326, 327
Лапкин В.В. 42
Ласуэлл Гарольд Дуайт 45
Лахтин Г.А. 234
Левада Ю.А. 25, 80, 289
Левашов В.К. 25, 53, 314, 318, 323
Леднев В.П. 275
Лейбович О. 241
Ленин В.И. 22, 59, 148, 149, 180, 191, 204, 236
Леонтьев В.В. 52
Лесков С. 72
Ли Куан Ю 54
Ливанов Д.В. 166, 177, 212, 240
Лившиц А.Я. 73
Лившиц В.Н. 10
Лигостаев 238
Лимонов Э. 160
Линецкий А.И. 73
Литвак А.Г. 242
Литвиненко В. 227
Лобков П. 204
Локк Дж. 15
Лужков Ю.М. 72
Лукин А.В. 60
Лукин П.В. 60
Лукьянов Ф. 273
Лукьянчикова Т. 229
- Магарил С.А. 314, 325, 330
Майорова-Щеглова С.Н. 314, 329
Макаров А. 177
Макеева А. 211
Максакова М. 175
Малашенко А.В. 53
Маллинс Н. 234
Мануйлова А. 259
Манхейм К. 184, 234
Мао Цзэдун 296, 297
Маркин В.В. 138
Маркос Фердинанд 73
Маркс К. 17, 182, 183, 191
Мартов Ю.О. 190
Марченко М.Н. 148, 297
Маслов С.Л. 189
Матвеев И.А. 20, 86, 311
Матвиенко В.И. 98, 217, 288
Мау В.А. 90, 177, 211, 240
Махатхир Мохамад 54
Маяковский В.В. 324
Медведев Д.А. 51, 77, 112, 167, 172, 243, 295
Медведев Ю. 224
Мелик-Гусейнов Д.В. 255
Мертон Р. 234
Мещерский П. 199
Мизулина Е.Б. 177, 198
Милюков П.Н. 188
Миндели Л. 234
Миронова К. 227
Мирский Г.И. 35, 53
Млечин Л.Э. 237
Муравьев А.Н. 229, 233
Мчедлова Е.М. 229
Мысливченко А.Г. 310
Мюллер К. 78
- Набиуллина Э.С. 61
Навальный А. 160
Назарбаев Н.А. 275
Наумкин В.В. 38
Наумова Т.В. 234
Невзоров А.Г. 203

- Неклесса А. 163
Немировский В.Г. 171
Немцов Б.Е. 175
Ненароков А.П. 190
Несмеянов А.Н. 237
Нечипуренко О.В. 130
Нигматуллин Р.И. 86
Николаев Ю. 134, 144
Николай I 186
Никонов В.А. 230, 238
Никулин А. 131
Новоселов К. 239, 243, 248, 305
Ньютон И. 15
- Обама Б. 207
Овчинников И. 226
Огборн У.Ф. 234
Огурцов А.П. 246
Озеров М. 167
Орешкин М.С. 86, 308
Осейчук В.И. 79
Осипов Ю.С. 246
Осоевский М. 245
- Павел (апостол) 199
Павлов И.П. 236
Панарин И.Ю. 53, 172
Паниковский 65
Паничев Н.А. 91
Паркин 75
Паркинсон 216
Парсонс Т. 234
Пастухов В.В. 25
Перова А.Е. 44
Перру Ф. 21
Песков Д.С. 289
Петров В. 247
Петров Е. 65
Петухов В.В. 247
Пикель А. 78
Пикетти Т. 117
Плахотнюк В. 98
Плеханов Г.В. 190
Плотников Н. 68
- Погосян М. 135, 136
Подберезкин А.И. 34
Подвойский Д.Г. 241
Покида А. 280
Покровский Н.Е. 19
Поляков В. 37, 69
Пономарева Е.Г. 34
Пономаренко А. 97
Попов Г.Х. 310
Попов Д.С. 101, 208, 238
Попович Л. 264, 282
Порошенко П.А. 65
Постригань А. 169
Прохода А.И. 68
Прохоров А.А. 249
Пуришкевич В.М. 187
Путин В.В. 9, 78, 99, 105, 107, 196,
230, 243, 278, 287, 294, 295, 330
Пушкин А.С. 205
- Работяжев Н. 300
Радзиховский Л.А. 204
Райкин А.И. 308
Райкова Д.А. 234
Ракитов А.И. 234, 236
Ранчин А. 209, 217
Ратай Т. 238
Резник С. 209
Рейган Р. 71
Ровинская Т.Л. 68
Рогов С.М. 239
Рогоу А.А. 45
Родзянко М.В. 188
Родин И. 122
Розанов В.В. 192
Романов Р. 204
Ростоу У. 21, 275
Рубникович О. 169
Рувинский В. 105
Руденко В. 290
Рузвельт Ф.Д. 57
Руссо Ж.-Ж. 15
Рыбаковский Л.Л. 137

- Савинков В.И. 238
Савицкая Н. 210
Садовничий В.А. 239, 240
Самохвалов А.В. 137
Сафранчук И.А. 34
Сванидзе Н.К. 194
Селезнева А.В. 60
Семенов Ю.И. 17
Сенин В. 180
Сенчагов В. 52
Сергеев А.М. 59, 224, 239, 241, 245, 246, 249, 301
Сергеев М. 170, 306
Силуанов А.Г. 135
Симонян Р.Х. 37, 74
Симчера В. 92, 93, 104
Ситников А. 275
Скоробогатый П. 175, 180
Славин Б.Ф. 194, 314, 319, 324
Слепнев А.А. 100
Слотер Анна-Мари 306
Смбатян С.М. 262
Смелсер Н. 323
Смолин О.Н. 25, 209, 215, 283, 307
Собчак А.А. 204
Сокольников 299
Сокольников Я. 21
Солженицын А.И. 58
Соловьев К.А. 188
Соловьева О. 101, 279, 310
Соломатин А.И. 31
Сомов В.А. 215, 290
Сорокин П.А. 21, 45, 275, 305, 327, 331
Сперанский М.М. 326
Спиридонова М.А. 189
Стародумов В.И. 239
Степин В.С. 234
Стиханов Н. 249, 250
Столыпин П.А. 90, 97
Сторер Н. 234
Стэндинг Г. 56, 124, 197, 273
Суворов В.Л. 53
Сукарно 73
Сурков В.Ю. 195
Суханов Л.Е. 55
Сухарев О.С. 107
Сухомлинов В. 56, 284
Сухотин А. 167
Тавровский Ю.А. 297, 298
Таджбахш Ш. 33
Тинберген Я. 21
Титаев К. 214
Титов Б.Ю. 88, 90
Тихонова Н.Е. 122
Тишков В.А. 139, 141, 142, 285
Ткачев А.Н. 90
Тойнби А. 317, 330
Тосунян Г.А. 111, 150
Тощенко Ж.Т. 23, 86, 168, 247, 331
Трамп Д. 330
Траси де, Дестют А. 182
Трегубова Е. 166
Тренин Д. 34
Трист Э. 276
Тросников В.Н. 234, 235
Трошин Д.В. 102, 103
Труевцев К. 33
Трушин А. 134
Тэтчер М. 71
Тютюкин С.В. 190
Уваров С.С. 185, 186, 194
Узун В.Я. 97, 133
Улюкаев А.В. 75
Усманов А.Б. 169
Фадеева Е.В. 260
Фадеева О. 130
Федоров Б.Г. 71
Федоров В.В. 25, 288
Федотов И.В. 165
Федотова В.Г. 19
Форд Г. 31, 117
Фортов В.Е. 251
Фрадков М.Е. 171
Фридман М. 169
Фрумкин Б. 96
Фуко М. 16

Хагуров А.А. 130
Хакамада И.М. 175
Харпвикен К.Б. 33
Ходорковский М.Б. 160, 180
Хорошавин А.В. 75
Христос И. 325
Хусейн С. 67
Хэгстер У. 234

Церетели И.Г. 190
Ципко А.С. 199
Цыганков П.А. 53

Ч
Чаплин Вс. 194
Чернаков А. 210
Чернов В.М. 189
Чернова Е.Г. 209, 222, 266
Черныш М.Ф. 315, 321, 323
Черчилль У. 318
Чжао Цзыян 297
Чистяков М.С. 34
Чирков М.А. 34
Чиханчин Ю. 169
Чубайс А.Б. 58, 73, 104, 168, 239, 243
Чулков Г.И. 192
Чумак А. 199
Чумаченко Т. 227
Чхеидзе Н.С. 190

Ш
Шагайда Н.И. 97, 133
Шаповалов А.В. 102, 110, 279
Шахнович М. 229
Швырев В.С. 20
Шеберстов Ф. 221, 229
Шельский Г. 139
Шереги Ф.Э. 64, 203, 204, 249, 250
Шерстобитов Ф. 221
Шестун А. 169
Штомпка П. 24, 25, 40, 293, 320–322
Шукшин В.С. 53
Шульга О. 266
Шумпетер Й.А. 10, 18, 36, 51, 290

Щ
Щапов М.В. 137
Щекотинин Е.В. 277
Щипков А. 199

Эйзенхауэр Д. 207
Эльчибей А. 140
Эмерни Ф. 276
Энгельс Ф. 17, 182–184
Эстулин Д. 277
Эшби У. 326

Ю
Юм Д. 15
Юмашева Т.Б. 166
Юнг К.Г. 141
Юрганов А. 192

Я
Явлинский Г.А. 196
Яковец Ю. 327
Ямщикова Т. 229
Яновский Р.Г. 234
Яровая И. 177
Ясин Е.Г. 58
Яхиел Н. 234

Alexander J.C. 24, 25, 26, 277
Bauman Z. 25
Brandal N. 275
Bratberg O. 275
Caruth C. 24
Eyerman R. 25
Giddens A. 328
Habermas J. 24
Latour B. 292
Perrow Ch. 328
Smelser N.J. 24
Sztompka P. 24, 25, 40, 293, 320, 321,
322
Thorsen D.E. 275

Toshchenko Zhan Terent'evich

Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei I revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiriticheskogo analiza [Society of Trauma: between Evolution and Revolution (Experience of theoretical and applied analysis)]/ Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Russian State University for Humanities. Moscow: Izdatelstvo VES MIR, 2020. 352 p.

ISBN 978-5-777-0801-4

ABSTRACT

The development of contemporary civilization confronted with the phenomenon, still poorly studied and little known, which we call *trauma of society*. The fact is that there are significant, meaningful and significant events in the world that are impossible to identify and qualify in the old terms – evolution and revolution, describing and reflecting the changes. The book attempts to prove that, along with the main recognized ways of development – revolution and evolution – this particular phenomenon as a society trauma should be recognized. The author shows that a concept of «injury» have acquired a social significance as it is conceived of as a philosophical, psychological and sociological literature. For societies injury author classifies countries that for a long time are stagnating in their development or are in recession, losing previously achieved milestones. The book reveals the essential characteristics of society injury, its causes, consequences of its functioning. Particular attention is paid to Russia, which, in my opinion, can be attributed to the traumatized societies, as in its development, rejecting the socialist past, it did not reach the level, which started on its way of reforms. In this context, an analysis of the obstacles to be overcome for the implementation of a truly democratic, well-functioning society.

For scholars, social researchers and students interested in and studying the problems of the inconsistent functioning of Russian society in the context of three development strategies: evolution, revolution and trauma.

Тощенко Ж.Т.
О 28 Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа).

ISBN 978-5-7777-0801-4

В монографии чл.-корр. РАН, д.ф.н. Ж.Т. Тощенко рассматривается малоизученный феномен современной цивилизации – травма общества. Состояние государства, в течение длительного периода находящегося в процессе хаотичного, несбалансированного и турбулентного развития, нельзя описать в понятиях основных признанных путей развития – революции и эволюции. В книге показано, что понятие «травма» уже приобрело социальное звучание, оно осмысливается в научной литературе и находит отражение в политической лексике. Монография раскрывает существенные характеристики общества травмы, причины его появления, следствия его функционирования. Особое внимание уделяется России, отринувшей социалистическое прошлое, но не достигшей рубежей, с которых начинала свои реформы. В мозаике российских преобразований почти невозможно различить как эволюционные, так и революционные тенденции. Автор дает анализ препятствий, стоящих на пути осуществления подлинно демократического, эффективно функционирующего общества, что в свою очередь позволяет ему определить пути выхода из состояния травмированного общества.

Специалистам, аспирантам и студентам, интересующимся и исследующим проблемы противоречивого функционирования российского общества в контексте трех стратегий развития: эволюции, революции и травмы.

УДК 316
ББК 60.5(2Рос)

Жан Терентьевич Тощенко

ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ:
между эволюцией и революцией
(опыт теоретического и эмпирического анализа)

**Жан Терентьевич
ТОЩЕНКО (1935),**
член-корреспондент РАН,
доктор философских наук,
главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ
РАН, председатель
редакционного совета
журнала «Социологические
исследования»,
зав. кафедрой теории
и истории социологии РГГУ.
Специалист в области теории
социологии,
теоретико-методологических
проблем политической
социологии, социальных
проблем труда и управления.
Ж.Т. Тощенко – автор
семнадцати монографий
и трех учебников,
выдержавших несколько
переизданий. Полный
перечень работ автора
содержится в издании:
Ж.Т. Тощенко:
биобиблиографический
указатель (общ. ред.
Л.Н. Простоволосовой).
М., 2016.